ОТНОШЕНІЯ ЛЕЙБНИЦА

КЪ

РОССІИ и ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

ПО

НЕИЗДАННЫМЪ БУМАГАМЪ ЛЕЙБНИЦА

ВЪ ГАННОВЕРСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ

сочиненіе

ВЛАДИМІРА ГЕРЬЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. Головина, Владимірская, домъ № 15.
1871.

ЛЕЙБНИЦЪ и ЕГО ВѢКЪ. Т. II.

ОТНОШЕНІЯ ЛЕЙБНИЦА

КЪ

РОССІИ И ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

ПО

НЕИЗДАННЫМЪ БУМАГАМЪ ЛЕЙБНИЦА

ВЪ ГАННОВЕРСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОЧИНЕНІЕ

ВЛАДИМІРА ГЕРЬЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская д. № 15.

1871.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое читателю сочиненіе было напечатано въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Оно составлено на основаніи писемъ и черновыхъ бумагъ Лейбница, хранящихся въ Ганноверской Библіотекѣ. Нѣкоторыя свѣдѣнія заимствованы также изъ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ. Собранные мною матеріалы будутъ изданы въ свѣтъ Академіей Наукъ, которая уже сдѣлала распоряженіе о напечатаніи ихъ. Такъ какъ эти матеріалы слишкомъ обширны, чтобы снабдить ихъ переводомъ, то я старался представить въ предлагаемомъ сочиненіи по возможности полное извлеченіе изъ нихъ и нѣкоторые изъ болѣе важныхъ документовъ помѣстилъ цѣликомъ въ переводѣ.

ОТНОШЕНІЯ ЛЕЙБНИЦА КЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Gagner l'esprit d'un seul homme tel que le Czar et le tourner au véritable bien, en luy inspirant un véritable zèle pour la gloire de Dieu et pour la perfection des hommes, c'est plus faire, que si on gagnoit cent batailles, car de la volonté d'un tel homme dependent plusieurs millions des autres.

Leibniz.

I.

Взглядъ Лейбница на значеніе Россіи.—Старанія Лейбница получить свѣдѣнія о Россіи до прибытія за границу великаго посольства.—Его переписка съ Лудольфомъ и бранденбургскимъ посланникомъ въ Россіи Рейеромъ.—Куманскій лексиконъ изъ библіотеки Петрарки.—Письмо Лейбница о пребываніи Петра въ Кенигсбергѣ.—Прибытіе русскаго посольства въ Ганноверъ.—Попытки Лейбница получить доступъ къ нему.—Письмо къ Ф. Лефорту.—Записка о водвореніи наукъ въ Россіи.—Письмо Лейбница къ племяннику Лефорта въ Голландію.—Отвѣтъ Лефорта.—Письмо о пребываніи Петра въ Коппенбрюге и въ Сардамѣ.—Попытки Лейбница воспользоваться пребываніемъ царя въ Голландіи.—Переписка съ Витзеномъ.—Заботы Лейбница о воспитаніи царевича.—Письмо его къ Софіи-Шарлоттѣ Прусской.—Опасенія Лейбница въ началѣ Шведской войны.—Переписка его съ Спарвенфельдомъ.—Стихи графинѣ Матвѣевой.—Письмо къ Сторрену о Карлѣ XII.—Заключеніе.

Съ начала XVIII вѣка европейская исторія получаетъ для насъ совершенно новое значеніе. Россія становится европейской державою, принимаетъ участіе въ дѣлахъ западныхъ государствъ и своимъ вліяніемъ видоизмѣняетъ ихъ отношенія. Чѣмъ болѣе будутъ развиваться матеріальныя и нравственныя силы Россіи, тѣмъ значительнѣе будетъ ея вліяніе, тѣмъ болѣе жизнь русскаго народа будетъ сливаться съ жизнью западно-европейскаго человѣчества. Вслѣдствіе этого осо-

бенный интересъ получаетъ въ нашихъ глазахъ первая встрѣча между Россіей и западною Европой. Во внутренней жизни Россіи это столкновеніе произвело такой переворотъ, что съ него начинается новый періодъ русской исторіи. На западную Европу встрѣча съ Россіей произвела, конечно, менѣе сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что вниманіе тогдашняго европейскаго общества было отвлечено страшною войной, которая могла повлечь за собою самые существенные результаты. Тѣмъ не менѣе переворотъ, готовившійся на востокѣ, не ускользнулъ отъ вниманія передовыхъ людей. Впечатлѣніе, произведенное на западнаго человѣка появленіемъ новаго восточнаго государства, особенно ярко отразилось на Лейбницѣ, который съ такимъ живымъ участіемъ слѣдилъ за всѣмъ, что̀ совершалось вокругъ него, и съ такимъ сочувствіемъ привѣтствовалъ все, что̀ обѣщало содѣйствовать прогрессу и общимъ интересамъ человѣка. Поэтому мысли и надежды, возбужденныя въ Лейбницѣ дѣятельностью великаго преобразователя Россіи, и многочисленные проекты, составленные воспріимчивымъ геніемъ западнаго философа для водворенія наукъ въ Россіи, не только получаютъ значеніе для его біографіи, но составляютъ интересный памятникъ той эпохи, когда на Россію перестали смотрѣть какъ на страну, представлявшую только матеріалъ для любознательныхъ путешественниковъ, и начали сознавать ея права и предчувствовать ея призваніе.

Лейбницъ, съ свойственною ему проницательностью, точно опредѣлилъ будущее значеніе Россіи. Ей предстояли, по его мнѣнію, двѣ задачи: изгнать Турокъ изъ Европы и цивилизовать востокъ. „Ей суждено сдѣлаться“—восклицалъ онъ—„посредствующимъ звеномъ между двумя мірами, западнымъ и восточнымъ“. Но еще прежде, чѣмъ изумительные успѣхи молодаго царя могли возбудить въ Лейбницѣ подобныя надежды, онъ интересовался Россіей и собиралъ о ней всевозможныя свѣдѣнія. Его вниманіе сосредоточивалось по преимуществу на двухъ вопросахъ. Онъ старался получить изъ Россіи какъ можно больше матеріала для филологическихъ и этнографическихъ соображеній. Онъ зналъ, что вопросъ о родствѣ языковъ и происхожденіи народовъ не можетъ быть разрѣшенъ, пока не будетъ изслѣдовано громадное степное пространство, которое тянется отъ Карпатскихъ горъ мимо Каспійскаго моря къ Аральскому и къ границамъ Китая. Чтобъ удовлетворить своей любознательности, Лейбницъ заводилъ переписку со всѣми лингвистами, которые занимались языками восточной Европы и Азіи, и особенно съ тѣми, которые имѣли связи въ Польшѣ

и въ Россіи. Съ этою цѣлью онъ распрашивалъ путешественниковъ и дипломатовъ и входилъ въ сношенія съ голландскими и шведскими учеными, съ римскими и польскими іезуитами [1]).

Не въ меньшей степени занимала Лейбница надежда, что невѣдомая, обширная Россія откроетъ, наконецъ, доступъ къ себѣ европейской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи онъ сопоставлялъ Россію съ Китаемъ и Абиссиніей. Сношенія Европейцевъ съ Китаемъ никогда еще не были такъ живы, какъ въ концѣ XVII вѣка, благодаря усиліямъ и ловкости іезуитовъ, которые сумѣли возбудить интересъ богдыхана и китайскихъ министровъ къ математическимъ наукамъ и этимъ средствомъ заискать ихъ расположеніе. Мы видѣли, какого высокаго мнѣнія были Европейцы объ образованности Китайцевъ, и какихъ плодовъ Лейбницъ ожидалъ отъ взаимодѣйствія китайской и европейской цивилизацій [2]). Почти также преувеличено было мнѣніе Европейцевъ того времени о значеніи и могуществѣ Абиссинскаго царя. Лейбницъ вполнѣ раздѣлялъ надежды своего друга Лудольфа, что посредствомъ миссіонеровъ и посольствъ отъ европейскихъ государей къ негушу можно было бы пробудить къ новой жизни древнюю цивилизацію христіанской Абиссиніи, въ союзѣ съ нею положить конецъ владычеству султана и распространить цивилизацію по всему громадному пространству африканскаго материка [3]).

---

[1]) О томъ, какъ интересовался Лейбницъ свѣдѣніями о Россіи, свидѣтельствуетъ подробное извлеченіе на нѣсколькихъ мелко исписанныхъ листахъ, сдѣланное имъ изъ сочиненія Кильбургера «О русской торговлѣ». Кромѣ того, между бумагами Лейбница встрѣчаются разныя замѣтки о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Россіи и предметахъ ея торговли. Въ одной изъ нихъ объяснено значеніе русскихъ названій: мамонтова кость, Адамова кость, наливное яблоко (Malum dictum Naliva), Voltschnoi Koren, стерлядь, выхухоль. Тутъ же объяснено, что скорбутъ, quem Russi Tsinga vocant, славянское слово, quasi morbus katexochen, такъ какъ scorb по славянски означаетъ болѣзнь.

[2]) См. статью «Лейбницъ и его вѣкъ» въ *Журналѣ Минист. Народн. Просв.* за августъ 1867 г., стр. 337—338.

[3]) Этотъ планъ о союзѣ Абиссиніи съ европейскими государствами для уничтоженія турецкаго владычества въ древнехристіанскихъ областяхъ Азіи и Африки былъ возобновленъ въ наше время и на этотъ разъ исходилъ отъ самой Абиссиніи. Приглашеніе приступить къ союзу противъ Турціи составляло, какъ извѣстно, содержаніе того роковаго письма къ королевѣ Викторіи, которое послужило поводомъ къ несчастному концу царя Ѳеодора Абиссинскаго. Англійское правительство оставило это письмо безъ отвѣта отчасти потому, что боялось оскорбить султана и вице-короля Египетскаго сношеніями съ ихъ врагомъ, и возбудило этимъ негодованіе послѣдняго. См. Petermann, *Geogr. Mitth.* 1869 г., IV,

Въ своей перепискѣ Лейбницъ начинаетъ часто упоминать о Россіи въ шестьсотъ-девяностыхъ годахъ. Съ этого времени она привлекаетъ все больше и больше его вниманіе, какъ видно изъ его писемъ къ Витзену, Лудольфу и Спарвенфельду [1]). Это, конечно, было не случайно, а зависѣло отъ того, что съ этого времени сношенія иностранцевъ съ Россіей становились все легче и легче, и что вниманіе западныхъ людей все болѣе и болѣе возбуждалось перемѣнами, послѣдовавшими по воцареніи Петра. Въ 1692 году Лейбницъ извѣстилъ Іова Лудольфа, что онъ обратился къ ученому польскому іезуиту Коханскому съ просьбою доставить ему какія-нибудь свѣдѣнія о языкахъ „внутренней Скиѳіи" и прежде всего „Отче нашъ" на невѣдомыхъ языкахъ, и что Коханскій писалъ объ этомъ къ польскому резиденту въ Москвѣ [2]).

Объ этомъ Лудольфѣ мы уже упоминали въ первой части нашего сочиненія. Онъ былъ саксонскимъ резидентомъ во Франкфуртѣ, прославился своими трудами по исторіи и филологіи, особенно же своими изслѣдованіями о языкѣ и нравахъ Абиссиніи. Лудольфъ зналъ двадцать-пять языковъ, и между прочимъ польскій и славянскій. Первому онъ выучился у двухъ Поляковъ, съ которыми ѣздилъ въ Римъ, а второму въ Стокгольмѣ, при дворѣ королевы Христины, по лютеранскому катихизису на русскомъ языкѣ [3]).

Въ 1696 году Лейбницъ жалуется Лудольфу, что Москвитяне упорно отказываютъ въ проѣздѣ чрезъ ихъ страну, и продолжаетъ:

„Надобно надѣяться, что они мало по малу сдѣлаются обходительнѣе. Желательно было бы, чтобъ у нихъ кто-нибудь дѣйствовалъ такъ, какъ ты у Эѳіоповъ. Если бы только обширное Московское царство склонилось къ просвѣщеннымъ нравамъ Европы, то христіанство получило бы величайшіе плоды. Есть однако надежда, что Москвитяне выйдутъ изъ усыпленія. Несомнѣнно, что царь Петръ сознаетъ недостатки своихъ подданныхъ и желаетъ мало по малу искоренить ихъ невѣжество. Говорятъ, что онъ ума живаго, но нѣсколько горячъ. Я слышалъ, что одинъ изъ родственниковъ твоихъ, секретарь принца Георгія, пріобрѣлъ завидныя познанія (non poenitenda rerum

---

гдѣ представленъ сводъ изъ обширной современной литературы объ Абиссинскомъ дѣлѣ.

[1]) Всѣ мѣста, относящіяся къ Россіи въ изданной до сего времени перепискѣ Лейбница, собраны академикомъ *Пекарскимъ* въ его статьѣ: «Переписка Лейбница о славянскихъ нарѣчіяхъ и древностяхъ», помѣщенной въ *Запискахъ Императорской Академіи Наукъ*, т. IV.

[2]) Leibn. Op. Omn., ed. *Dutens*, т. VI, ч. I, стр. 105—110.

[3]) Катихизисъ этотъ былъ напечатанъ въ 1628 г. фанъ-Селавомъ въ Стокгольмѣ; см. статью *Пекарскаго* въ *Зап. Акад. Наукъ*, т. IV, стр. 3.

Moscicarum notitia) въ русскомъ языкѣ и предпринимаетъ различные важные труды" [1]).

Родственникъ Лудольфа, о которомъ говоритъ Лейбницъ, былъ его племянникъ Генрихъ-Вильгельмъ Лудольфъ, который сдѣлался секретаремъ принца Георга Датскаго, мужа англійской принцессы Анны. Важный трудъ, о которомъ намекаетъ Лейбницъ, есть русская грамматика Лудольфа, напечатанная въ Оксфордѣ въ 1696 году.

И въ послѣдствіи въ своей перепискѣ съ Іовомъ Лудольфомъ, Лейбницъ часто упоминаетъ о Россіи и о русскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, нѣсколько писемъ изъ ихъ переписки занято споромъ о происхожденіи слова *царь*, при чемъ Лейбницъ, основываясь на томъ, что по русски говорятъ *царь Давидъ, царь Соломонъ*, доказывалъ, что это слово не можетъ происходить отъ латинскаго Caesar [2]).

Польскій резидентъ въ Москвѣ, чрезъ посредство котораго іезуитъ Кохански надѣялся доставить Лейбницу различныя свѣдѣнія изъ Россіи, повидимому, не оправдалъ этихъ надеждъ. Но въ 1691 году Лейбницу удалось завести непосредственныя сношенія съ человѣкомъ, бывавшимъ въ Россіи. Это былъ бранденбургскій гофратъ Рейеръ, пріѣзжавшій въ Россію въ качествѣ посланника (envoyé). Лейбницъ познакомился съ нимъ заочно чрезъ посредство своего друга курфирстскаго секретаря Кюно въ Берлинѣ и просилъ его сообщить ему всевозможныя свѣдѣнія о Россіи и ея жителяхъ. Въ бумагахъ Лейбница сохранилась копія съ письма этого Рейера къ Кюно, въ которомъ Рейеръ благодаритъ послѣдняго за то, что онъ доставилъ ему знакомство съ знаменитымъ Лейбницемъ, и обѣщаетъ приложить всѣ старанія, чтобъ исполнить возложенныя на него порученія. Онъ старается напередъ оправдать скудость своихъ извѣстій тѣмъ, что „Московскій народъ совершенно неспособенъ къ изысканію подобныхъ диковинокъ (Curiositäten), ибо онъ не прилагаетъ ни малѣйшаго труда ни къ чему, что не пахнетъ деньгами или не представляетъ явной пользы". Рейеръ обѣщаетъ просить „главнаго директора почтъ въ Московіи" Виніуса, родомъ Нѣмца, или точнѣе, Голландца, и иноземныхъ пословъ въ Москвѣ о доставкѣ желаемыхъ свѣдѣній, но готовъ и въ настоящее время сообщить Лейбницу кое-какія извѣстія, которыя онъ узналъ отъ людей, бывавшихъ въ Сибири, и между прочимъ,

[1]) Leibn. Op. Omn. т. VI. ч. I, стр. 128. Письмо перев. въ статьѣ *Пекарскаго*, гдѣ собраны также біографическія свѣдѣнія о семьѣ Лудольфовъ.

[2]) Переписка между Лейбницемъ и Лудольфомъ хранится въ Ганноверской публичной библіотекѣ.

прислать извлеченіе изъ письма французскаго іезуита къ патеру Ла-Шезу, отъ 22-го августа 1689 года, написаннаго въ 300 миляхъ разстоянія отъ Пекина и перехваченнаго въ Москвѣ. Сохранилось также другое письмо Рейера, написанное прямо къ Лейбницу, въ которомъ онъ высказываетъ ту же готовность исполнять его порученія. На оборотѣ этого письма написанъ черновой отвѣтъ Лейбница. Изъ него видно, что Лейбницъ передъ этимъ уже получилъ кое-какія извѣстія отъ Рейера. Письмо показываетъ также, съ какимъ трудомъ въ то время проникали въ западную Европу свѣдѣнія изъ Россіи, и какихъ хлопотъ стоило Лейбницу собирать эти свѣдѣнія.

„Извѣстія, которыя я получилъ отъ васъ и которыхъ можно ждать отъ вашего знакомства съ Россіей, для меня тѣмъ болѣе дороги, что путь, вами открываемый, представляетъ единственное средство, чтобы проникнуть въ страны, казавшіяся недоступными для европейской любознательности.... Ваши сношенія съ г. Виніусомъ [1] -превосходное средство, чтобы разъяснить дѣла. Онъ съ спокойною совѣстью можетъ оказывать намъ свое содѣйствіе, потому что все это можетъ послужить только къ славѣ его государей и къ тому, чтобы сдѣлать извѣстнымъ ихъ могущество.

„Мнѣ какъ-то писали изъ Польши, что между Китайцами и Москвитянами произошла долгая ссора, но я этому не могу повѣрить. Меня извѣщали также, что царь Петръ намѣренъ ввести въ Московію болѣе цивилизованные обычаи нашей Европы. Этотъ могущественный государь можетъ сдѣлать великое дѣло, если двинется на Крымскихъ Татаръ. Князь Голицынъ, который налъ вмѣстѣ съ царевною Софіею, два раза предпринималъ напрасный походъ противъ Перекопа. Но я надѣюсь, что теперь лучше возьмутся за дѣло. Еще какой-то другой князь Голицынъ, считавшійся любимцемъ царя Петра, былъ потомъ удаленъ отъ двора. Но кажется, я слышалъ, будто бы какого-то Голицына снова возвратили. Отецъ Гримальди, іезуитъ, прибывшій изъ Китая, говорилъ мнѣ въ Римѣ о Московскомъ посланникѣ, называвшемся, кажется, Спатаромъ, котораго онъ зналъ въ Пекинѣ. Онъ считаетъ его человѣкомъ достойнымъ. Мнѣ разказывали также объ одномъ очень ловкомъ Шетландцѣ, Менезіусѣ, который состоитъ въ службѣ при отцѣ матери царя Петра. Газеты говорили еще о Ла-Форетѣ (кажется, онъ Женевецъ), одномъ изъ царскихъ генераловъ, который принимаетъ участіе въ теперешнемъ походѣ. Я не сомнѣваюсь, что г. Виніусъ видѣлъ карту Великой Тартаріи, изданную Витзеномъ, Амстердамскимъ бургомистромъ, и посвященную царямъ. Матеріалъ для нея онъ почерпнулъ изъ извѣстій, полученныхъ имъ въ Москвѣ, гдѣ онъ самъ нѣкогда былъ. Но я не сомнѣваюсь, что съ тѣхъ поръ оттуда получены новыя свѣдѣнія. Впрочемъ, отношенія языковъ, безъ помощи которыхъ нельзя опредѣлить родства народовъ, еще не выяснены. Мнѣ говорили объ одномъ Нѣмцѣ [2]), поселившемся въ Голландіи, который занимается русскимъ язы-

[1]) Лейбницъ называетъ въ этомъ мѣстѣ Виніуса: «Chancelier des dépêches des Czars».

[2]) Лудольфъ.

комъ. Я уважаю всякій трудъ, изъ котораго можно чему-нибудь научиться, но я предпочелъ бы имѣть свѣдѣнія о языкахъ менѣе извѣстныхъ. Не помню, говорилъ ли я въ запискѣ, сообщенной вамъ чрезъ посредство г. Кюно, что въ одной рукописи XIII вѣка найденъ образчикъ языка Куманъ, жившихъ въ Тартаріи. Тамъ сказано, что въ маленькомъ лексиконѣ персидско-куманско-латинскомъ были приведены слѣдующія слова: mesnoem—esitarmen—audio; mesnoy — esitarsen — audis; mesnoet — esitur — audit. Такимъ образомъ можно напасть на слѣдъ куманскаго языка съ помощью словъ, обозначающихъ глаголъ *слышать* у татарскихъ народовъ" [1]).

Въ письмѣ къ Спарвенфельду отъ 29-го января 1697 года Лейбницъ подробнѣе говоритъ объ этомъ лексиконѣ и сообщаетъ, что онъ видѣлъ въ Италіи каталогъ рукописей, принадлежавшихъ Петраркѣ, и что между ними былъ обозначенъ и куманско-латинскій лексиконъ. Эта рукопись сохранилась до нашего времени; вмѣстѣ со многими другими она перешла, по завѣщанію Петрарки, въ библіотеку Венеціанской республики, гдѣ впрочемъ о ней и забыли. Но знаменитый оріенталистъ Клапротъ, узнавъ изъ старинной біографіи Петрарки (соч. *Tommasini*— Padua, 1650) о существованіи этой рукописи, навелъ о ней справки, и ему прислали изъ Венеціи копію съ нея [2]). Эта рукопись тѣмъ болѣе замѣчательна, что она составляетъ въ наше время почти единственный памятникъ куманскаго языка, который нѣкогда игралъ довольно значительную роль на европейскомъ востокѣ.

Куманы (Половцы), до покоренія ихъ Татарами, кочевали по степному пространству между Волгой и Дунаемъ. Генуэзцы, поселившіеся въ Крыму, находились въ прямыхъ сношеніяхъ съ ними, а италіанскіе миссіонеры, отправлявшіеся на востокъ, изучали ихъ языкъ, такъ какъ знакомство съ нимъ давало имъ возможность объясняться съ турко-татарскими племенами, съ которыми они встрѣчались на дальнѣйшемъ пути. О важности, которую имѣло для Италіанцевъ знакомство съ куманскимъ языкомъ, свидѣтельствуетъ попытка составить лексиконъ для болѣе удобнаго изученія его. Послѣ нашествія Татаръ значеніе Куманъ пало, и остатки ихъ смѣшались съ Ногайцами. Но еще въ XI вѣкѣ (въ 1086 г.) часть Куманъ перешла въ Венгрію и поселилась на берегахъ Тиссы. Долго эти Куманы вели кочевую жизнь, наконецъ: въ 1410 году они приняли христіанство и сдѣлались земледѣльцами. Теперь они въ числѣ около 70.000 душъ населяютъ два комитата, носящіе ихъ имя, но уже говорятъ по венгерски. Въ 1770 году Варронъ видѣлъ послѣдняго старика, говорившаго по кумански.

[1]) Въ письмѣ къ Спарвенфельду Лейбницъ пишетъ третье лице esitir.

[2]) См. замѣтку Клапрота въ *Journal Asiatique*, VIII, стр. 114, 1826 год.

Въ письмѣ къ Рейеру Лейбницъ касается еще другаго интереснаго вопроса, относящагося къ древностямъ южной Россіи, именно Готовъ въ Крыму.

„Г. Лудольфи“ [1])—пишетъ онъ — „извѣстилъ меня, что справлялся о томъ, сохранились ли въ Крыму потомки Нѣмцевъ, о которыхъ говоритъ Бусбекій, но не могъ ничего узнать. Я однако не могу сомнѣваться въ разказѣ этого автора: ибо мы знаемъ изъ другихъ извѣстій, относящихся ко времени господства Генуэзцевъ въ Крыму, что тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ господствовалъ нѣмецкій языкъ, хотя, конечно, онъ могъ исчезнуть съ тѣхъ поръ. Все это стоило бы болѣе точнаго изслѣдованія“.

Вопросъ о томъ, когда исчезли послѣдніе Готы въ Крыму, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ недостаточно изслѣдованъ. До нашествія Гунновъ Готы, еще не распавшіеся на восточныхъ и западныхъ, были разселены по берегу Чернаго моря на обширномъ пространствѣ между Дунаемъ и Волгою. Гунны заставили ихъ двинуться на западъ къ предѣламъ Римской имперіи, но часть ихъ проникла въ Крымъ, гдѣ они долго сохраняли свою національность и въ церковномъ отношеніи составляли отдѣльную епархію. Титулъ Готскаго митрополита былъ уничтоженъ только въ 1786 году, послѣ присоединенія Крыма къ Россіи. Остатки же Готовъ были истреблены гораздо раньше. Венеціанскій путешественникъ Барбаро, жившій въ XV вѣкѣ, еще упоминаетъ о Готахъ. Бержеронъ ссылается на свидѣтельство Мишова (Michow), также упоминавшаго о Готахъ. Этотъ Мишовъ, вѣроятно, не кто иной, какъ Краковскій каноникъ Матвѣй изъ Мѣхова, жившій около 1521 года. Еще позднѣе свидѣтельство австрійскаго посла Бусбекія, который въ 1562 году въ Константинополѣ видѣлъ Готовъ изъ Крыма и замѣтилъ, что языкъ ихъ былъ очень похожъ на нѣмецкій. Но нѣкоторые писатели сомнѣваются въ справедливости этого показанія и полагаютъ, что Бусбекій принялъ за Готовъ польскихъ Евреевъ, пріѣхавшихъ изъ Крыма и уже тогда употреблявшихъ ломаный нѣмецкій языкъ. Рейнегсъ, напримѣръ, не допускаетъ, чтобы потомки Готовъ сохранились въ Крыму позднѣе IX вѣка [2]).

---

[1]) Такъ Лейбницъ въ своихъ письмахъ называетъ I. Лудольфа.

[2]) Еще недавно германисты Массманъ и Мангардтъ сдѣлали попытку истолковать съ помощью древне-готскаго языка стихи, записанные Бусбекіемъ и слышанные имъ отъ людей, которыхъ онъ принималъ за Крымскихъ Готовъ. Пока не будетъ доказано, какому языку принадлежатъ слова стихотворенія, приведеннаго Бусбекіемъ, предположеніе, что въ XVI вѣкѣ еще существовали остатки Готовъ въ Крыму, будетъ считаться для многихъ сомнительнымъ. См. статью въ *Zeitschr. f. vergl. Sprachf.*, изд. *Куна*, 1856 г.

Послѣ этого отступленія возвратимся къ письму Лейбница. Онъ проситъ Рейера разъяснить ему отношеніе между прусскимъ и ливонскимъ языками, которые употребляются въ Литвѣ, и говоритъ, что было бы хорошо собрать объ этомъ предметѣ болѣе точныя свѣдѣнія, чтобы знать, въ какихъ мѣстахъ Литвы языкъ отличается отъ нѣмецкаго или славянскаго, и приближается ли онъ къ финскому, или составляетъ какой-нибудь особенный языкъ. „Я не знаю", — спрашиваетъ Лейбницъ. — „одинъ ли и тотъ же языкъ слѣдуетъ разумѣть подъ названіями letlisch и undeutsch, и на которомъ изъ нихъ говорили древніе Пруссы и говорятъ теперь Курляндцы и Ливонцы.... Я боюсь надоѣсть вамъ этими безконечными мелочами", — заключаетъ Лейбницъ свое письмо къ Рейеру, — „и я бы не коснулся этого предмета, если бы мнѣ не была извѣстна ваша любознательность. Знакомство съ такимъ достойнымъ человѣкомъ, какъ вы, мнѣ дороже, чѣмъ нѣсколько варварскихъ словъ".

По словамъ Лейбница въ приведенномъ письмѣ къ Лудольфу, гдѣ онъ возлагалъ такія надежды на молодаго царя, можно судить, съ какимъ живымъ участіемъ онъ принялъ извѣстіе, что за границу ѣдетъ большое русское посольство, при которомъ находится самъ царь. Онъ старался собрать какъ можно больше извѣстій о путешествіи этого посольства, о лицахъ, изъ которыхъ оно состояло, о характерѣ царя и объ его намѣреніяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ различныя реляціи и письма [1], касающіяся русскаго посольства, которыя были собраны Лейбницемъ и сохранились въ его бумагахъ. Особенно помогала ему въ этомъ дѣлѣ Софія-Шарлотта, которая сама чрезвычайно интересовалась русскими гостями. Она очень жалѣла, что не могла отправиться въ Кенигсбергъ, гдѣ ея супругъ, курфирстъ Фридрихъ, принималъ царя. Ея любопытство было сильно возбуждено различными разказами, и она желала посмотрѣть на царя, какъ на диковинку.

Софія-Шарлотта просила министра Фукса присылать ей изъ Кенигсберга подробныя описанія всего, что̀ онъ увидитъ, и непремѣнно устроить такъ, чтобы посольство съ царемъ проѣхало черезъ Берлинъ. Но Русскіе, какъ извѣстно, загостились довольно долго по причинѣ польскихъ дѣлъ, и прежде, чѣмъ посольство прибыло изъ Кенигсберга въ Берлинъ, Софія-Шарлотта уѣхала къ своей матери въ Ганноверъ.

[1]) Письма къ Софіи-Шарлоттѣ о пріемѣ и пребываніи русскаго посольства въ Кенигсбергѣ, сохранившіяся въ бумагахъ Лейбница, и нѣсколько реляцій о томъ же предметѣ, находящіяся въ Ганноверской библіотекѣ, будутъ напечатаны нами въ послѣдствіи.

Тамъ съ любопытствомъ слушали ея разказы о Кенигсбергскихъ гостяхъ. Лейбницу хотѣлось подѣлиться ими также съ Вольфенбюттельскими друзьями и потѣшить своего стараго покровителя, герцога Антона-Ульриха, разказами объ интересномъ сѣверномъ царѣ. На основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ Софіи-Шарлотты, Лейбницъ составилъ для герцога слѣдующее письмо [1]):

„Что же касается царя, то по послѣднимъ извѣстіямъ, въ Кенигсбергѣ продолжаютъ ему оказывать всевозможныя почести, на сколько позволяетъ его инкогнито. Курфирстъ угощалъ его въ загородномъ домѣ. Въ этомъ угощеніи принимали участіе курфирстъ, маркграфъ, герцогъ Голштейнъ-Векскій, оберъ-президентъ, военный коммиссаръ, его братъ и нѣсколько другихъ. Царь былъ очень веселъ и говорилъ со всѣми совершенно запросто. Онъ хвалилъ мягкость здѣшнихъ нравовъ и порицалъ жестокости своей страны. Онъ гулялъ нѣсколько часовъ по саду съ курфирстомъ. Услышавъ звуки гобоевъ, онъ сталъ самъ играть на этомъ инструментѣ, и видно было, что онъ нѣсколько учился музыкѣ. Онъ также билъ въ барабанъ гораздо лучше графа Кнингаузена. У него много любознательности, а также живости, и она мѣшаетъ ему быть спокойнымъ. Вотъ почему стоило ужасныхъ трудовъ нарисовать его портретъ; наконецъ это удалось, и портретъ вышелъ довольно похожъ. Когда одинъ изъ его окружающихъ провинился довольно серіозно, царь сказалъ ему: „Если бы мы были въ Москвѣ, тебя наказали бы кнутомъ, но здѣсь мы въ странѣ мягкихъ нравовъ, и я тебя прощаю“. Наконецъ прибыли три его посланника. Въ совѣтѣ курфирста было рѣшено, что посольство слѣдуетъ принять съ великою честью, такъ какъ при немъ находился самъ царь, хотя инкогнито. Это посольство состоитъ изъ генерала Лефорта, главнаго военнаго коммиссара и государственнаго канцлера. Перваго выдаютъ за любимца. Онъ—Женевскій уроженецъ и любитъ великолѣпіе. Онъ и подалъ царю мысль о путешествіи и о реформахъ. Лефортъ пьетъ богатыремъ: никто не въ состояніи съ нимъ соперничать. Боятся, чтобъ онъ не уморилъ кого-нибудь изъ придворныхъ курфирста. Начивая съ вечера, онъ не оставляетъ трубки и стакана ранѣе трехъ часовъ по восхожденіи солнца. А между тѣмъ онъ человѣкъ большаго ума. Другіе два Москвитянина, его товарищи, гораздо сдержаннѣе. Курфирстъ сказалъ царю, что ему трудно будетъ удержаться отъ смѣху, когда во время аудіенціи нужно будетъ спросить у посланниковъ по обыкновенію, какъ здоровье царя, и въ какомъ состояніи они его оставили. Самъ царь стоялъ съ курфирстомъ у окна, чтобы видѣть ихъ въѣздъ, который былъ великолѣпенъ, и царь остался очень доволенъ.

„Знаете ли, какая мысль пришла мнѣ въ голову? Вы, вѣроятно, слышали, что Вейгеліусъ хлопочетъ о реформѣ нашихъ школъ и нашего образованія. Я ему напишу, что такъ какъ царь хочетъ вывести свою страну изъ состоянія невѣжества, то онъ найдетъ тамъ tabulam rasam, какъ-бы новину, кото-

[1]) Въ черновой, какъ это часто случалось, Лейбницъ не обозначилъ, къ кому написано письмо, но по содержанію его видно, что оно было написано къ кому-нибудь изъ придворныхъ съ тѣмъ, чтобы быть прочитаннымъ Антону-Ульриху.

рую хотятъ распахать, ибо Москвитяне не имѣютъ понятія о наукѣ. Царь какъ будто нарочно для него пріѣхалъ въ Германію, такъ что ему не нужно будетъ ѣхать въ Московію, какъ онъ ѣздилъ къ сѣвернымъ королямъ. Это вовсе не шутка. Вейгеліусъ именно то, что нужно царю".

Когда Софія-Шарлотта узнала, что русскіе послы, и вмѣстѣ съ ними царь, отправляются въ Голландію и проѣдутъ черезъ ганноверскія владѣнія, она очень обрадовалась, надѣясь по крайней мѣрѣ теперь удовлетворить своему любопытству и вознаградить себя за то, что не могла присутствовать въ Кенигсбергѣ при пріемѣ царя. Она написала ему письмо и просила его ради дружбы, которая завязалась между нимъ и ея супругомъ, позволить ей пріѣхать съ своими родственниками, чтобы познакомиться съ нимъ. Просьба была исполнена, но Петръ потребовалъ, чтобы при свиданіи въ замкѣ Коппенбрюгге присутствовали только члены семьи курфирстины. Лейбницъ былъ этимъ очень огорченъ. У него были разные планы и надежды, которые онъ думалъ осуществить при свиданіи съ русскими послами. Онъ зналъ, что во главѣ посольства находится иностранецъ Лефортъ, съ которымъ ему было бы легко объясниться, и что второй посолъ Головинъ, намѣстникъ Сибирскій, заключившій знаменитый миръ съ Китайцами, человѣкъ, видѣвшій много странъ и народовъ, болѣе другихъ въ состояніи удовлетворить его любознательности и дать ему свѣдѣнія о восточныхъ народахъ. Въ Коппенбрюгге любимцу обѣихъ курфирстинъ было бы легко найдти удобный случай, чтобы представиться если не самому царю, то по крайней мѣрѣ его посламъ.

Но Лейбницъ не потерялъ надежды. Онъ рѣшился отправиться въ городъ Минденъ на границѣ ганноверскихъ и прусскихъ владѣній, куда русское посольство должно было прибыть изъ Коппенбрюгге. Узнавъ, что одинъ изъ хорошо знакомыхъ ему придворныхъ кавалеровъ, графъ Палміери, поэтъ и ученый дилетантъ, назначенъ состоять въ свитѣ Бранденбургской курфирстины во время поѣздки ея въ Коппенбрюгге, Лейбницъ обратился къ нему съ просьбою познакомить его съ Лефортомъ:

„Такъ какъ я слышалъ", — пишетъ онъ къ Палміери [1], — „что вы видѣли и знали въ Римѣ г. генерала Лефорта, главу посольства и человѣка близкаго царю, мнѣ пришло на мысль просить васъ доставить мнѣ доступъ къ этому замѣчательному человѣку, который служитъ одному изъ самыхъ могущественныхъ государей въ мірѣ главнымъ орудіемъ для осуществленія его богатырскихъ намѣреній, предпринимаемыхъ для блага его народовъ и всего христіанства. Правда, что меня побуждаетъ къ этому любопытство, но надѣюсь, что

[1]) Переписка Лейбница и Палміери въ Ганнов. публ. библіотекѣ, стр. 184.

никто не станетъ порицать его. Я желалъ бы узнать различныя подробности какъ насчетъ родословнаго происхожденія царя, о чемъ у меня есть рукописная таблица, такъ и насчетъ этнографическаго различія подвластныхъ ему народовъ. Родословное древо, о которомъ я говорю, показываетъ, какъ Михаилъ Θеодоровичъ, первый великій царь нынѣ царствующей вѣтви, происходитъ по прямой мужской линіи отъ того же самаго родоначальника, отъ котораго происходила прекратившаяся теперь вѣтвь царей. Что же касается до различія народовъ, то я очень желалъ бы получить образчики тѣхъ нарѣчій въ Россіи, которыя совершенно различны съ русскимъ языкомъ, напримѣръ, нарѣчій черкесскихъ, сибирскихъ, языка Черемисовъ, Калмыковъ и т. п. Можетъ-быть, мы узнали бы черезъ это, изъ какой части Скиѳіи вышли Гунны и Венгры. А такъ какъ въ настоящее время власть царя простирается до границъ Монголіи и Китая, то эти свѣдѣнія дали бы намъ возможность лучше распознать значительную часть земнаго шара. Племенное различіе народовъ ничѣмъ лучше не можетъ быть опредѣлено, какъ посредствомъ языковъ, ихъ сходства и родства. Я прошу васъ внушить все это при удобномъ случаѣ, и если это возможно безъ большаго шума; ибо есть люди, которые не очень-то любятъ подобную любознательность, считая ее безполезною. Вы не раздѣляете ихъ взгляда, и я также. Многіе при здѣшнемъ дворѣ, и даже при дворѣ Флорентинскомъ, будутъ ожидать отъ васъ интереснаго описанія вашей теперешней поѣздки".

Палміери отвѣтилъ Лейбницу, что онъ, правда, встрѣчалъ въ Римѣ у французскаго посланника какого-то Лефорта, который пользовался большимъ довѣріемъ у посланника и собирался тогда отправиться въ Польшу, но такъ какъ говорятъ, что посолъ Лефортъ уже давно въ Москвѣ, то вѣроятно, это не тотъ же самый. Впрочемъ, Палміери обѣщалъ передать Лефорту желанія Лейбница и предупредить посла, что онъ увидится съ Лейбницемъ въ Минденѣ. Какія послѣдствія имѣла просьба Лейбница, мы не узнаемъ изъ его переписки съ Палміери; вѣроятно, послѣдній, по возвращеніи изъ Коппенбрюгге, передалъ ему на словахъ о результатахъ своего свиданія съ Лефортомъ.

Лейбницъ отправился въ Минденъ на встрѣчу русскому посольству. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ описанія этой встрѣчи и не знаемъ, какое впечатлѣніе онъ вынесъ изъ нея. Въ бумагахъ Лейбница мы нашли только одно небольшое черновое письмо безъ адреса, очевидно, относящееся къ свиданію съ русскимъ посольствомъ въ Минденѣ, но столь краткое и неопредѣленное, что изъ него нельзя вывести никакого заключенія. Письмо, по всей вѣроятности, было написано къ Лефорту съ цѣлью испросить у него аудіенцію. Лейбницъ выражаетъ въ началѣ письма надежду, что одинъ изъ придворныхъ курфирста Ганноверскаго (то-есть, Палміери) уже сообщилъ о его желаніяхъ.

„Область моихъ изслѣдованій"—продолжаетъ Лейбницъ—„очень обширна. Императоръ, курфирстъ Бранденбургскій и другіе государи часто оказывали

имъ свое покровительство. Тѣ, которыя я теперь имѣю въ виду, можетъ-быть, не будутъ непріятны Его Величеству царю. Я желаю получить нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ его государству. Я коснусь только двухъ вопросовъ. Вопервыхъ, у меня есть рукописное родословное древо о семействѣ царя, но мнѣ хотѣлось бы получить различныя подтвержденія и объясненія. Вовторыхъ, я прошу образчиковъ всѣхъ языковъ, которые употребляются народами, подвластными царю и ведущими торговлю съ его государствомъ и до предѣловъ Персіи, Индіи и Китая. Я разумѣю такіе языки, которые совершенно не сходны съ русскимъ, а для этихъ образчиковъ, по моему мнѣнію, было бы лучше всего перевести „Отче нашъ" и составить списокъ самыхъ обыкновенныхъ словъ на каждомъ изъ этихъ языковъ".

Пояснивъ потомъ научное значеніе этихъ лингвистическихъ образчиковъ почти тѣми же выраженіями, какъ въ письмѣ къ Палміери, Лейбницъ заключаетъ свое письмо слѣдующими словами:

„Но я объяснился бы подробнѣе, если бы вашему превосходительству было угодно выслушать въ частной бесѣдѣ (en particulier) мои соображенія объ этомъ предметѣ, которыя, можетъ-быть, будутъ приняты вами благосклонно и которыя имѣютъ цѣлью возвысить и прославить величіе царя, вашего государя".

Состоялось ли это свиданіе съ Лефортомъ, мы не знаемъ. Мы можемъ скорѣе предположить, что оно не состоялось, ибо веселый посолъ едва-ли нашелъ время среди пиршествъ и церемоніальныхъ встрѣчъ побесѣдовать съ любознательнымъ философомъ о предметахъ, которые не могли его интересовать; притомъ Лейбницъ въ письмѣ къ племяннику Лефорта не посылаетъ поклона его дядѣ, что̀ онъ непремѣнно сдѣлалъ бы, если бы ближе съ нимъ познакомился.

Однако въ своемъ письмѣ къ знаменитому піетисту и филантропу Франке, отъ 30-го сентября 1697 года, Лейбницъ пишетъ, что генералъ Лефортъ обѣщалъ ему (promitti curaverit) доставить образчики разныхъ языковъ изъ Россіи, и что ему напоминали объ этомъ. Когда и гдѣ было дано это обѣщаніе, было ли дано лично или черезъ Палміери, и кто напоминалъ о немъ Лефорту, самъ ли Лейбницъ, или по его просьбѣ кто-нибудь другой въ Голландіи, мы не знаемъ.

Во всякомъ случаѣ, поѣздка Лейбница въ Минденъ была предпринята не напрасно. Ему удалось тамъ сойтись если не съ самимъ Францемъ Лефортомъ, генералъ-адмираломъ и первымъ посломъ, то по крайней мѣрѣ, съ его племянникомъ Петромъ [1]), который также находился при посольствѣ. Лейбницъ сообщилъ ему свои желанія и получилъ обѣщаніе полнаго содѣйствія своимъ планамъ и изслѣдовані-

[1]) Петръ Лефортъ пріѣхалъ въ Россію по приглашенію своего дяди, 18-и лѣтъ, въ 1694 году.

имъ. Какъ видно изъ письма Лейбница къ Лефорту въ Голландію, онъ говорилъ съ нимъ именно о тѣхъ предметахъ, о которыхъ намѣревался бесѣдовать съ его дядей — о родословномъ древѣ русскихъ царей и объ языкахъ инородцевъ въ Россіи.

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому письму, мы должны остановить вниманіе читателя на одной *запискѣ* или на одномъ *мемуарѣ* Лейбница, который, по нашему мнѣнію, относится къ этому времени.

На черновыхъ экземплярахъ этой записки [1]) въ бумагахъ Лейбница нѣтъ обозначенія ни времени, когда она была написана, ни лица, которому она предназначалась. Но по содержанію ея очевидно, что она была составлена въ 1697 году, послѣ избранія на польскій престолъ курфирста Саксонскаго Августа. Такимъ образомъ составленіе ея совпадаетъ съ проѣздомъ русскаго посольства черезъ ганноверскія владѣнія, и мы имѣемъ основаніе предположить, что она предназначалась для Лефорта. Достигла ли она своего назначенія, сообщилъ ли ее Лейбницъ Петру Лефорту для передачи его дядѣ, мы не знаемъ. Записка эта любопытна, потому что показываетъ, что Лейбницъ съ самаго начала принялъ близко къ сердцу дѣло преобразованія Россіи и готовъ былъ служить ему. Она представляетъ любопытную программу всего того, что Лейбницъ считалъ необходимымъ, чтобы ввести въ Россію европейское образованіе. Она отличается отъ всѣхъ позднѣйшихъ записокъ того же содержанія тѣмъ, что проникнута живымъ впечатлѣніемъ, которое произвела на Лейбница личность молодаго государя, поставившаго себѣ цѣлью цивилизовать свой народъ.

Въ этой запискѣ Лейбницъ еще сопоставляетъ Русскаго царя съ Китайскимъ императоромъ и владѣтелемъ Абиссиніи. Онъ еще живо убѣжденъ въ томъ, что съ возрожденіемъ Россіи настало время низверженія турецкаго господства, и радуется избранію на польскій престолъ Августа Саксонскаго, ибо видитъ въ этомъ важный шагъ къ достиженію этой желанной цѣли. Какъ сильно Лейбницъ въ это время былъ занятъ мыслію, что русское оружіе положитъ конецъ магометанскому владычеству въ Европѣ, доказываетъ между прочимъ выписка, которую онъ сдѣлалъ на клочкѣ бумажки изъ путешествія Спона (Spohn) по востоку. „Греки говорили Спону, что между Турками ходитъ пророчество, будто ихъ государство будетъ разрушено русымъ народомъ (par une nation blonde — chrysogenos). Спонъ думаетъ, что это относится къ Москвитянамъ".

[1]) Эта записка сохранилась въ бумагахъ Лейбница въ трехъ экземплярахъ, въ двухъ на французскомъ и въ одномъ на нѣмецкомъ языкѣ.

„Я не знаю“,—начинаетъ Лейбницъ свою записку,—„какую лучшую цѣль можетъ поставить себѣ великій государь, какъ не благоустройство своей страны и не воздѣлываніе до совершенства вертограда (plantation), который Богъ ему ввѣрилъ. Великій царь Русскихъ обнаруживаетъ необыкновенную возвышенность своего ума и свою геройскую энергію не только въ воинскихъ дѣлахъ, но и въ управленіи страною, составляя и приводя въ исполненіе планы, о которыхъ не смѣлъ и думать ни одинъ изъ его предшественниковъ. Онъ даже идетъ далѣе, чѣмъ требуютъ нужды его собственной страны, и не довольствуясь тѣмъ, что вводитъ у своихъ народовъ нужныя улучшенія, думаетъ еще о всеобщемъ благѣ христіанскаго міра, возбуждая другіе народы противъ общаго врага самымъ торжественнымъ посольствомъ и поддерживая ихъ съ большимъ успѣхомъ своими значительными силами. Это тѣмъ болѣе важно, что въ этомъ настоятельная нужда, и что безъ этого вмѣшательства наши дѣла въ Венгріи, вѣроятно, приняли бы дурной оборотъ. А потому мы должны молить Бога, чтобъ Онъ сохранилъ этого великаго государя, который еще находится въ лучшей порѣ жизни, для окончанія того, что̀ онъ такъ славно началъ. Неожиданный результатъ выборовъ въ Польшѣ подаетъ намъ большія надежды, что Богъ предположилъ смирить Турокъ и изгнать магометанство по крайней мѣрѣ изъ Европы.

„Нельзя не видѣть необыкновеннаго совпаденія обстоятельствъ, или вѣрнѣе, воли Провидѣнія въ томъ, что въ то же самое время у трехъ самыхъ могущественныхъ государей на сѣверѣ, на востокѣ и на югѣ явились одинаковыя и въ высшей степени замѣчательныя намѣренія; ибо мы узнали, что кромѣ царя Петра Алексѣевича, верховнаго государя Русскихъ и почти всего сѣвера, Камга-Амалокадъ ханъ, властитель Китая и Татаріи самой восточной, а также Язокъ-Аджамъ-Саукбетъ, царь Абиссиніи, покорившій много варварскихъ сосѣдей, всѣ задумали планы, которые далеко превосходятъ планы ихъ предковъ. Мы знаемъ это какъ по новымъ извѣстіямъ изъ Китая, гдѣ христіанство допущено и даже поддерживается императорскимъ указомъ, такъ и отъ посольства абиссинскаго, отправленнаго въ Батавію въ 1692 году. Русскій царь и владѣтель Абиссиніи — оба христіане и оба сосѣди и враги Турокъ, хотя и очень отдалены другъ отъ друга. А царь и монархъ Китайскій — сосѣди и оба чрезвычайно склонны къ тому, чтобы привлечь въ свою страну науки, искусства, и особенно, чтобы привить къ ней цивилизованные нравы нашей Европы: въ этомъ отношеніи они могутъ протянуть другъ другу руку и взаимно обязывать другъ друга.

„Я намѣренъ говорить теперь только о томъ, что̀ можетъ послужить этому намѣренію, оставляя въ сторонѣ то, что̀ относится къ устройству государства, къ войнѣ, къ торговлѣ и къ мореплаванію, хотя на самомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть такъ важно въ этомъ отношеніи, какъ наука и художества. Для того чтобы перенести ихъ и въ Россію сообразно съ намѣреніемъ царя, было бы полезно предоставить заботу объ этомъ извѣстнымъ лицамъ и поручить имъ составить общій проектъ, который имѣлъ бы слѣдующія два основанія: привлечь въ Россію все, что̀ ни есть лучшаго у иностранцевъ какъ относительно умныхъ и свѣдущихъ людей, такъ и относительно вещей рѣдкихъ и полезныхъ; во вторыхъ, совершенствовать у себя въ отечествѣ людей, науку и все, что̀ съ этимъ въ связи. Людей можно развивать, застав-

ляя ихъ путешествовать и обучая ихъ дома. Страну же можно совершенствовать, точно изучая все, что въ ней есть и чего нѣтъ, и стараясь дополнить то, чего ей недостаетъ.

„Итакъ, вотъ нѣсколько статей, которыя заключаютъ въ себѣ все, что необходимо сдѣлать: 1) основать центральное учрежденіе для наукъ и художествъ; 2) привлечь способныхъ иностранцевъ; 3) выписать изъ-за границы такія вещи, которыя стоятъ этого; 4) посылать подданныхъ путешествовать, принявъ надлежащія предосторожности; 5) просвѣщать народъ у себя; 6) составить точное описаніе страны, чтобъ узнать ея нужды, и 7) доставить ей то, чего ей недостаетъ“.

Одна записка Лейбница кончается на этомъ, въ другой онъ входитъ въ подробности по поводу каждой изъ статей.

Центральное учрежденіе требуетъ для своего осуществленія общаго проекта, способныхъ людей и достаточной суммы денегъ. О людяхъ, необходимыхъ для исполненія, Лейбницъ говоритъ, что они должны быть очень свѣдущи, благородны, безкорыстны; они должны болѣе искать славы, чѣмъ прибыли, быть усердны и дѣятельны, имѣть большой кругъ знакомства и вести обширную переписку. Количество денежныхъ средствъ Лейбницъ предоставляетъ на волю царя, но замѣчаетъ при этомъ, что нужно поспѣшить началомъ, ибо время всего дороже на свѣтѣ и не можетъ быть куплено слишкомъ большою цѣною. По поводу второй статьи Лейбницъ замѣчаетъ, что необходимо отмѣнить или измѣнить законы, „которые пугаютъ иностранцевъ, особенно законъ, воспрещающій имъ свободный пріѣздъ и выѣздъ“. Лейбницъ требуетъ для иностранцевъ особыхъ привилегій и совѣтуетъ завести въ нѣсколькихъ мѣстахъ колоніи изъ нихъ. Подъ третью статью Лейбницъ подводитъ библіотеки, книжныя лавки и печатни, кабинеты рѣдкостей, ботаническіе сады и звѣринцы, запасные магазины всякаго рода матеріаловъ и мастерскія всякаго рода ремеслъ. Онъ подробно объясняетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ рѣдкостями природы и искусства, и совѣтуетъ разводить животныхъ и растенія, которыя способны къ акклиматизаціи. Въ четвертой статьѣ Лейбницъ разсматриваетъ различныя цѣли и способы путешествій и совѣтуетъ принимать надлежащія мѣры, чтобы путешествующіе привозили съ собою только хорошіе обычаи другихъ странъ безъ примѣси дурныхъ, чтобъ они не заражались идеями, несогласными съ благочестіемъ и съ повиновеніемъ государю. Пятая статья касается преподаванія.

„Просвѣщеніе народа у себя“ — говоритъ по этому случаю Лейбницъ — „требуетъ учрежденія низшихъ и высшихъ школъ, какъ для изученія наукъ и художествъ, такъ и для тѣлесныхъ упражненій. Для этого необходимо сдѣлать выборъ хорошихъ преподавателей, которые умѣли бы вести дѣтей и вос-

щество не только путемъ науки, но и добродѣтели. Нужно начертать для нихъ инструкціи, составить особенныя книги для нихъ и для ихъ учениковъ, достать учебники и всѣ нужныя орудія. Тѣмъ дѣтямъ, которымъ хотятъ дать ученое образованіе (sçavants), слѣдуетъ (il sera bon) преподавать исторію, математику и языки, преимущественно еврейскій, латинскій, греческій и нѣмецкій, особенно же латинскій, заключающій въ себѣ въ настоящее время...." [1].

Послѣднія слова Лейбница доказываютъ, что онъ считалъ для Россіи, какъ и для остальной Европы, латинскій языкъ главнымъ основаніемъ высшаго образованія. Слово sçavants (ученые) не должно смущать насъ. Если бы Лейбницъ разумѣлъ подъ этимъ ученыхъ, исключительно занимающихся наукой, онъ бы сказалъ des sçavants или des érudits. Говоря здѣсь вообще о преподаваніи, Лейбницъ подъ словомъ sçavants разумѣетъ тѣхъ, которые должны были воспитываться въ высшихъ школахъ и университетахъ, въ противоположность ремесленникамъ, которымъ необходимо только первоначальное образованіе. Все это разумѣется само собою, и мы не остановились бы на этомъ мѣстѣ, если бы въ одномъ журналѣ, въ замѣткѣ о нашей біографіи Лейбница, не былъ недавно возбужденъ вопросъ, какую систему образованія Лейбницъ совѣтовалъ ввести въ Россіи, классическую или реальную. Ставить такой вопросъ значитъ переносить въ прошедшее понятія настоящаго. Если разумѣть подъ реализмомъ требованіе отъ старой системы воспитанія разумныхъ уступокъ въ пользу новаго времени, то Лейбницъ былъ реалистомъ. Мы указывали, какими недостатками страдали латинская школа и университетское образованіе въ XVII вѣкѣ, и какъ сильно Лейбницъ желалъ не только изученія математики, естественныхъ наукъ и техническихъ знаній въ университетахъ и ученыхъ обществахъ, но и вліянія этихъ занятій на практическую жизнь и педагогику. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о томъ, какъ поэтому Лейбницъ совѣтовалъ обращать во вновь учреждаемыхъ въ Россіи школахъ болѣе серіозное вниманіе на математику и ввести въ нихъ всякаго рода тѣлесныя упражненія, даже упражненія въ ремеслахъ, напримѣръ, токарномъ, землемѣрствѣ и сельскомъ хозяйствѣ. Точно также онъ совѣтовалъ сдѣлать въ университетѣ изученіе математики обязательнымъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ, поощрять занятія механикой и архитектурой и открыть въ каждомъ университетѣ особую каѳедру сельскаго хозяйства для желающихъ. Но ему не могло прійдти въ голову изгнать латинскій языкъ изъ системы высшаго образованія. Относительно же Россіи Лейбницъ же-

[1]) Послѣднія слова не дописаны.

лалъ, чтобъ она усвоила себѣ европейское образованіе, а поэтому естественно долженъ былъ желать, чтобы въ русскія высшія школы былъ введенъ латинскій языкъ.

Чтобы познакомиться съ состояніемъ страны, Лейбницъ совѣтуетъ составлять карты, записывать особенности нарѣчій и обычаи, изслѣдовать промыслы, опредѣлить то, что̀ страна производитъ, и что̀ она могла бы производить. Между средствами, предложенными Лейбницемъ для точнаго географическаго описанія страны, нашего вниманія особенно заслуживаютъ два совѣта: вопервыхъ, производить наблюденія надъ уклоненіями магнитной стрѣлки, и вовторыхъ, изслѣдовать берега восточной Азіи и узнать, соединяется ли Азія съ Америкою въ одинъ материкъ, или же онѣ раздѣлены проливомъ.

Возвратимся теперь къ письму Лейбница къ Петру Лефорту въ Голландію, о которомъ мы выше говорили.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ онъ отправилъ къ Петру Лефорту нѣсколько не дошедшихъ до насъ записокъ (quelques mémoires) для объясненія своихъ желаній. Въ письмѣ Лейбницъ упоминаетъ о родословномъ древѣ царей, которое онъ показывалъ Лефорту, и желаетъ получить болѣе вѣрныя и подробныя свѣдѣнія относительно времени и жизни отдѣльныхъ лицъ. Онъ желаетъ также знать, съ какими домами русскій царствующій домъ входилъ въ родство, и какая связь существуетъ между нимъ и прежнею линіей. Онъ спрашиваетъ, нельзя ли со временемъ получить генеалогію русскихъ аристократическихъ родовъ (une espèce de Nobiliario de la Russie), такъ какъ подобные сборники существуютъ во всѣхъ государствахъ и даже въ Польшѣ — въ сочиненіи Orbis Polonus. „Такое сочиненіе", говоритъ Лейбницъ, „было бы очень поучительно и понравилось бы вашему дворянству, ибо свойство чести требуетъ, чтобъ о ней знали" [1]). Онъ совѣтуетъ составить списокъ членовъ посольства съ означеніемъ ихъ должностей и съ нѣкоторыми подробностями объ ихъ семействѣ и должностяхъ отцевъ; такимъ спискомъ можно было бы положить хорошее начало. „Я долженъ сказать вамъ", прибавляетъ Лейбницъ, „что сами курфирстины, которыя нашли, что Москвитяне стоятъ несравненно выше, чѣмъ отъ нихъ ожидали, просили меня заявить съ ихъ стороны, что онѣ интересуются этимъ, а такое желаніе заслуживаетъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ мое". Затѣмъ Лейбницъ разказываетъ, какое впечатлѣніе произвела на курфирстинъ ихъ встрѣча съ Петромъ: какъ

[1]) Car la nature et l'honneur de la dignité est de demander, qu'on la connaisse.

онѣ сами, такъ и курпринцъ и его братья, въ восторгѣ отъ того, „что есть лучшаго въ русскомъ царствѣ“, и позволили ему, Лейбницу, заявить это. Онѣ чрезвычайно благодарны за честь свиданія, которую имъ оказали, и возвратившись на другой день рано утромъ въ Ганноверъ изъ опасенія наскучить, съ сожалѣніемъ потомъ узнали, что ихъ дальнѣйшее пребываніе не было бы непріятно. Курфирстины повторяютъ на перерывъ другъ передъ другомъ отвѣты и слова, достойные героя, въ которомъ имъ было легко признать любовь къ справедливости относительно сосѣдей и чужихъ и снисходительность къ подданнымъ, когда разговоръ коснулся покровительства, оказаннаго царевичу Имеретинскому, и пощады, дарованной людямъ, слишкомъ злонамѣреннымъ и не заслуживающимъ ея. Особенно же понравилась имъ въ царѣ покорность волѣ Божіей, во власти которой находятся государи, и мудрый и благочестивый отвѣтъ его, данный курфирстинѣ Бранденбургской, когда она пожелала, чтобы русское оружіе увѣнчалось успѣхомъ, и чтобы 75 новыхъ строящихся кораблей изгнали султана изъ Константинополя: „Отъ людей ничего не зависитъ, все въ рукахъ Господа, Который сосчиталъ волосы на головѣ нашей“.

Лейбницъ прибавляетъ, что ганноверскіе придворные кавалеры не могутъ нахвалиться любезностью и изящнымъ видомъ Русскихъ; ганноверскимъ же дамамъ чрезвычайно понравились русскіе танцы. Онъ передаетъ поклоны маршала Конпенштейна и его супруги и желаніе Ганноверской курфирстины, чтобы впечатлѣніе, вынесенное Русскими изъ встрѣчи, было также пріятно, какъ ея собственное.

Далѣе Лейбницъ сообщаетъ, что въ Ганноверѣ слышали, что посолъ Головинъ пожелалъ имѣть ноты нѣсколькихъ арій, которыя пѣлъ предъ нимъ кто-то изъ присутствовавшихъ пѣвцевъ: ноты будутъ ему посланы. Лейбницъ свидѣтельствуетъ при этомъ о себѣ, что онъ чрезвычайно радъ угодить человѣку, который можетъ въ такой степени удовлетворить и его любознательности, такъ какъ намѣстничество Головина простирается до Китайской Монголіи. Затѣмъ Лейбницъ переходитъ къ вопросу объ языкахъ и проситъ сообщить ему „Отче нашъ“ и списокъ самыхъ обыкновенныхъ словъ на различныхъ языкахъ, употребляющихся въ Русской имперіи. Это дѣло не легкое и можетъ быть исполнено только по приказанію самого царя; но Лейбницъ надѣется, что царь согласится на его просьбу, если Лефортъ ему объяснитъ пользу такой попытки. Географическія карты указываютъ границы государствъ, но не границы народностей, которыя можно опредѣлить только съ по-

мощью языковъ. Ничто не обнаружитъ въ такой степени обширность имперіи, какъ многочисленность ея нарѣчій и племенъ. Киммеріяне, древніе Готы, Гунны, Венгры и другіе вышли отчасти изъ странъ, подвластныхъ теперь царю. Когда будутъ извѣстны ихъ языки, тогда можно будетъ вѣрнѣе судить о мѣстахъ, изъ которыхъ появились эти народы. Есть извѣстія, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ еще говорятъ будто бы по венгерски. Но эти извѣстія не довольно достовѣрны и подробны; новыя, предлагаемыя теперь, изслѣдованія могли бы разъяснить всѣ сомнѣнія.

Въ заключеніе письма Лейбницъ обращаетъ вниманіе Лефорта на зажигательныя зеркала необыкновеннаго размѣра и удивительной силы, изобрѣтенныя однимъ изъ его друзей-математиковъ. Такихъ зеркалъ существуетъ три: одно принадлежитъ императору, другое королю Польскому, третье находится въ Амстердамѣ у одного изъ друзей Лейбница, Амелдонка Блока. Дѣйствіе этихъ зеркалъ превосходитъ своею силою дѣйствіе всякихъ горнилъ, и они почти въ одно мгновеніе производятъ то, чего нельзя достигнуть посредствомъ лучшихъ горнилъ.

Письмо Лейбница только черезъ мѣсяцъ дошло до Лефорта, который тотчасъ отвѣтилъ. Желаніе Лейбница, писалъ Лефортъ [1], не могло быть удовлетворено немедленно, такъ какъ при посольствѣ не было людей, знавшихъ языки инородцевъ; но онъ написалъ въ Москву, чтобъ оттуда прислали списокъ разныхъ словъ на инородческихъ языкахъ. Достать же „Отче нашъ“ невозможно, потому что бо̀льшая часть инородцевъ не знаетъ этой молитвы. Лефортъ говорилъ съ Головинымъ, и тотъ обѣщалъ сообщить ему письменно нѣкоторыя подробности о народахъ, пограничныхъ съ Китаемъ. Всѣ эти народы говорятъ собственно на одномъ языкѣ — на татарскомъ; Лефортъ сомнѣвается, знаютъ ли они письмо, такъ какъ они кочуютъ въ поляхъ подобно животнымъ. Со стороны же Тобольска живутъ только Русскіе или такіе народы, которые говорятъ на этомъ языкѣ, за исключеніемъ языческихъ Самоѣдовъ, занимающихъ все пространство до Сѣвернаго моря и Архангельска. Лефортъ обѣщаетъ доставить изъ Москвы образчики ихъ языка. Вдоль по Волгѣ — сообщалъ Лефортъ Лейбницу — живетъ множество разныхъ народовъ, напримѣръ, Чуваши; названія другихъ Лефортъ забылъ. Названія эти не обозна-

[1]) Письмо Лефорта написано на французскомъ языкѣ и отличается замѣчательною безграмотностью въ языкѣ и орѳографіи, а также какимъ-то неопытнымъ почеркомъ.

чены и на картѣ Витзена. Эти народы не имѣютъ никакого понятія о Божествѣ. Они обоготворяютъ первую рѣдкую вещь, которая имъ попадается, и полагаютъ, что послѣ смерти они превращаются въ быковъ и коровъ. Лефортъ познакомился съ этими народами три года тому назадъ, когда отправлялся въ Азовскій походъ, и не могъ надивиться нечистотѣ, въ которой они живутъ, нисколько не отличаясь отъ животныхъ. По ту сторону Волги живутъ Татары въ городахъ отъ Казани до Астрахани. Всѣ они говорятъ по татарски, а не по венгерски. Языкъ Гунновъ и Венгровъ, замѣчаетъ Лефортъ, можетъ-быть, и представляетъ нѣкоторое сходство съ языкомъ Русскихъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они происходили отъ Русскихъ. Корень русскаго языка есть славянскій; чешскій и польскій языки также представляютъ много сходства съ русскимъ. Насчетъ родословной таблицы Русскихъ царей Лефортъ говорилъ съ однимъ изъ пословъ и обѣщалъ навести справки въ Москвѣ. Географическую карту, присланную Лейбницемъ, онъ показывалъ Головину, чтобы посмотрѣть, согласна ли она съ его списками.

Хотя Лейбницъ не находился при свиданіи курфирстинъ съ Петромъ, но это свиданіе очень занимало его, и онъ часто упоминаетъ о немъ въ своихъ письмахъ. Сообщая Пинсону, адвокату при Парижскомъ парламентѣ, различныя литературныя новости, онъ продолжаетъ:

„Г. Брандъ, Нѣмецъ по происхожденію, который былъ недавно посланникомъ царя въ Китаѣ, печатаетъ описаніе своего путешествія. Кстати о царѣ: мы его видѣли, когда онъ проѣзжалъ не далеко отсюда. Хотя у этого государя и не наши манеры, но у него очень много ума. Онъ находится инкогнито при своемъ посольствѣ. Первый посолъ — Женевецъ Лефортъ, второй — Сибирскій намѣстникъ, предводительствовавшій русскими войсками въ войнѣ съ Китайцами, вѣроятно, тотъ самый, съ которымъ отецъ Жербильйонъ, французскій іезуитъ, велъ переговоры въ Нипшу, въ восточной Монголіи. Третій посолъ — великій канцлеръ имперіи. Царь, говорящій немного по голландски или по нѣмецки, сказалъ курфирстинамъ, которыя съ нимъ ужинали въ замкѣ Коппенбрюгге, принадлежащемъ курфирсту Ганноверскому, гдѣ угощали царя, что онъ намѣренъ построить 75 военныхъ кораблей, чтобы дѣйствовать съ ними на Черномъ морѣ. Въ настоящую минуту онъ думаетъ только о войнѣ съ Турками. Главное удовольствіе его — морское дѣло, которое онъ изучилъ хорошо и хочетъ изучить въ совершенствѣ, такъ какъ онъ имѣетъ намѣреніе овладѣть Чернымъ моремъ. Теперь онъ, вѣроятно, въ Голландіи, гдѣ намѣренъ лично познакомиться со всѣмъ, что касается мореплаванія. Полагаютъ, что онъ проѣдетъ до Венеціи, чтобы посмотрѣть тамъ на галеры и на знаменитый арсеналъ. Впрочемъ онъ желаетъ остаться въ совершенномъ инкогнито и требуетъ, чтобы всѣ притворялись, какъ будто не знаютъ

его. Только въ присутствіи курфирстинъ онъ хотѣлъ быть тѣмъ, что онъ есть“.

Еще подробнѣе другое письмо, которое находится въ бумагахъ Лейбница, и судя по языку, принадлежитъ ему, но подобно многимъ черновымъ письмамъ его, написано рукою секретаря. Ради интереса, которое оно представляетъ, мы приведемъ его цѣликомъ [1]):

„Такъ какъ вы любите получать извѣстія изъ нашихъ мѣстъ, то я скажу вамъ, что курфирстина Бранденбургская, узнавъ о проѣздѣ великаго царя въ пяти миляхъ отсюда черезъ Коппенбрюгге, гдѣ курфирстъ Брауншвейгскій приказалъ его угостить, и имѣя въ виду большую дружбу между своимъ супругомъ и царемъ, приказала спросить Его Величество, не можетъ ли она имѣть честь пріѣхать съ курфирстиною матерью, герцогомъ Цельскимъ и своими братьями на свиданіе съ нимъ, чтобы выразить ему свою преданность и уваженіе. Великій царь велѣлъ отвѣтить, что хотя онъ путешествуетъ инкогнито и даже не желалъ бы, чтобъ его присутствіе въ свитѣ его собственныхъ трехъ посланниковъ сдѣлалось извѣстнымъ, онъ однако будетъ очень радъ видѣться съ такимъ знатнымъ обществомъ, съ условіемъ только, чтобъ они имѣли при себѣ какъ можно меньше свиты. Поэтому ихъ свѣтлости отправились къ назначенному мѣсту до прибытія Москвитянъ, которые пріѣхали только къ вечеру.

„Но такъ какъ, вопреки сдѣланному распоряженію, собралась большая толпа, то наслѣдный принцъ былъ принужденъ удалить ее съ помощью своей гвардіи. Когда посланники вошли съ своею свитою, великій царь прошелъ по потаенной лѣстницѣ, никѣмъ не стѣсненный и не замѣченный, въ приготовленную для него комнату около залы, въ которой былъ накрытъ ужинъ. Курфирстины и принцъ отправились привѣтствовать Его Величество. Онъ принялъ ихъ очень любезно. Господинъ Лефортъ, его посланникъ, служилъ ему переводчикомъ. По окончаніи привѣтствій отправились ужинать. Великій царь сѣлъ между курфирстинами, а герцогъ Цельскій изволилъ сѣсть между курфирстиною Брауншвейгскою и г. Лефортомъ, Женевскимъ уроженцемъ, около котораго находились прочіе посланники. По другую сторону направо отъ курфирстины Бранденбургской сидѣли три принца и сынъ Имеретинскаго царя (roi de Menetia), сверженный съ престола своимъ дядею, который принялъ магометанство и отдалъ себя подъ покровительство султана, чтобъ удержаться на похищенномъ престолѣ. Но великій царь намѣренъ свергнуть его и возвести снова его племянника.

„За Его Величествомъ стояли два переводчика. Онъ говорилъ съ курфирстинами очень живо и здраво. По поводу свергнутаго царевича онъ сказалъ, что никогда не предпринимаетъ войны иначе какъ по справедливости. Курфирстина Бранденбургская занимала его итальянскою музыкою, которая, повидимому, ему нравится, но онъ сознался, что музыка не составляетъ его главнаго удовольствія, при чемъ курфирстина Брауншвейгская спросила его.

[1]) Извѣстно, что свиданіе въ Коппенбрюгге описано также самими курфирстинами. Письма ихъ между прочимъ напечатаны у *Varnhagen von Ense*: Sophie Charlotte von Preussen.

не предпочитаетъ ли онъ охоту? На это онъ возразилъ, что императоръ, его отецъ, очень любилъ ее, но что онъ самъ всегда имѣлъ болѣе склонности къ мореплаванію и фейерверкамъ. Онъ разказалъ, что строитъ въ настоящее время 75 военныхъ кораблей, и что самъ принимаетъ участіе въ работѣ, когда присутствуетъ при ней; въ доказательство онъ показалъ курфирстинамъ свои руки, загрубѣвшія отъ работы. Курфирстины нашли его бесѣду столь пріятною, что очень желали продлить ее, хотя уже долго сидѣли за столомъ. Его Величество показалъ имъ также своихъ четырехъ карликовъ, которые очень малы, хорошо воспитаны и одѣты по французски.

„Между тѣмъ герцогъ Цельскій разговаривалъ съ Лефортомъ и нашелъ его очень умнымъ, вѣжливымъ и достойнымъ занимаемаго имъ мѣста. Говорятъ, что два другіе посланника также люди умные и достойные, но такъ какъ съ ними нельзя было разговаривать, то объ этомъ трудно судить. Послѣ ужина царь послалъ за музыкантами, и курфирстины и ихъ дамы танцовали съ нимъ по русски, что онъ исполнилъ съ большимъ изяществомъ, такъ какъ онъ большаго роста, очень хорошо сложенъ и чрезвычайно красивъ. Ему всего 26 лѣтъ. Его посланники имѣли честь танцовать съ курфирстинами, прочія лица также принимали участіе въ танцахъ. Всѣ нашли русскій танецъ очень важнымъ и изящнымъ. Балъ продолжался до 4-хъ часовъ утра, послѣ чего курфирстины простились съ великимъ царемъ и отправились отдохнуть въ домъ одного сосѣдняго дворянина, гдѣ имъ приготовили ночлегъ. Но такъ какъ было уже свѣтло, то онѣ, не ложась спать, возвратились прямо въ Герренгаузенъ къ курфирсту, который былъ нездоровъ. Курфирстины были очень довольны этимъ свиданіемъ и только очень жалѣли, что оно не было болѣе продолжительно".

Лейбницъ продолжалъ слѣдить за путешествіемъ Петра и послѣ выѣзда русскаго посольства изъ ганноверскихъ предѣловъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отрывокъ письма, писанный его рукою. Кто могъ быть авторомъ письма, изъ отрывка не видно. Письмо помѣчено: Мелле (маленькій городъ близь Оснабрюкке), 27-го ноября 1697 года.

„Я имѣлъ честь видѣть въ Ларѣ (также близь Оснабрюкке) посланника фонъ-Штейнберга и находившагося при немъ барона фонъ-Гагена, который состоялъ на службѣ шести саксонскихъ герцоговъ. Они чрезвычайно хвалили знанія и умъ великаго князя Московскаго и его искусство въ кораблестроеніи; онъ сдѣлалъ въ немъ такіе успѣхи, что числится вторымъ по достоинству и по жалованью между корабельными мастерами (maîtres charpentiers). Онъ надѣется извлечь большую пользу изъ этого искусства и далъ понять, что намѣренъ соединить Волгу съ Азовскимъ моремъ (avec la mer de Zabache, appelée autrement Palus Maeotis)[1], чтобы напасть на Турокъ съ этой сто-

[1]) Этотъ предполагаемый каналъ между Волгой и Дономъ, вѣроятно, нерѣдко составлялъ предметъ разговора между членами русскаго посольства и любознательными иностранцами. Между бумагами Лейбница мы видѣли планъ этого канала, начерченный его рукою и скопированный съ плана, набросаннаго самимъ Головинымъ, какъ видно изъ замѣтки Лейбница: «Locus canalis Tanain Volgae

ропы. Онъ разказывалъ также, что въ его государствѣ 27 языковъ до такой степени различныхъ, что ни одинъ изъ нихъ не понятенъ жителямъ даже сосѣднихъ областей. Его толмача спросили, — по просьбѣ Лейбница, который старается собирать „Отче нашъ“ на различныхъ языкахъ, чтобы судить объ ихъ отношеніяхъ, — сколько онъ знаетъ изъ этихъ языковъ. Онъ отвѣтилъ, что знаетъ только два и охотно перевелъ бы на нихъ „Отче нашъ“, но не можетъ найдти подходящихъ словъ, чтобы передать выраженіе: „Да святится имя Твое“. Царь нашелъ въ Саардамѣ крестьянку по своему вкусу и отправляется съ нею по праздникамъ одинъ въ своей лодкѣ..... Полагаютъ, что познакомившись съ красавицами цивилизованнаго міра, онъ, можетъ-быть, изберетъ себѣ одну изъ нихъ, ибо, какъ говорятъ, онъ не особенно любитъ царицу свою жену“.

Но хотя Лейбница и очень интересовали всякія свѣдѣнія и подробности о царѣ, о его образѣ жизни, о торжественныхъ въѣздахъ и пиршествахъ русскаго посольства, еще болѣе занимала его существенная сторона дѣла. Въ Европу пріѣзжаетъ молодой воспріимчивый государь необразованнаго народа, чтобы собственными глазами посмотрѣть на жизнь народовъ болѣе зрѣлыхъ. Онъ живо интересуется всѣмъ, что̀ для него ново, отказывается отъ почестей своего сана, чтобъ имѣть больше возможности поучиться, познакомиться со всѣмъ, что̀ остается обыкновенно неизвѣстнымъ для государей. Какъ не воспользоваться такимъ счастливымъ случаемъ и не внушить царю интереса къ наукѣ, чтобы съ его помощью подвинуть впередъ дѣло цивилизаціи. Какой громадной пользы можно было бы ожидать для цивилизаціи, если бы нашелся человѣкъ, который сумѣлъ бы направить къ этой цѣли и умъ государя, управлявшаго столькими милліонами людей и владѣвшаго странами, куда еще не проникала нога образованнаго человѣка. Такія мысли занимали Лейбница во время путешествія царя по западной Европѣ. Поэтому онъ былъ чрезвычайно недоволенъ тѣмъ, что въ Кенигсбергѣ, въ Голландіи, въ Англіи, вездѣ, куда ни пріѣзжали русскіе послы съ своимъ молодымъ царемъ, ихъ старались угостить, удивить роскошью пировъ, завести съ ними дипломатическія связи, выхлопотать у нихъ привилегіи въ пользу торговыхъ обществъ и частныхъ лицъ, но нигдѣ не слышали они ни полслова о наукѣ, о задачахъ цивилизаціи, и никто не дѣлалъ ни малѣйшей попытки, чтобъ обратить вниманіе царя на серіозные интересы человѣчества. Это чувство сожалѣнія и неудовольствія прорывается во многихъ письмахъ Лейбница, написанныхъ въ то время. Чтобы достигнуть хотя какихъ-

conjuncturi, designatus manu domini Golovini legati Moschici 1697». На этомъ планѣ изображено теченіе Дона и Волги съ ихъ притоками Иловлей и Камышенкой: послѣднія двѣ рѣки на планѣ соединены каналомъ.

нибудь результатовъ, онъ пишетъ въ Голландію и Англію и обращается ко всѣмъ своимъ знакомымъ, которые имѣютъ доступъ къ царю.

Для Лейбница понятіе человѣчества совпадало съ понятіемъ христіанскаго міра или христіанства, и вслѣдствіе этого въ его глазахъ интересы цивилизаціи и науки совпадали съ распространеніемъ христіанской религіи и истиннаго благочестія. Въ своихъ стараніяхъ познакомить европейскую публику съ жизнію и состояніемъ китайскаго народа онъ преслѣдовалъ двойную цѣль—способствовать распространенію на отдаленномъ востокѣ христіанства и цивилизаціи. Въ 1697 году вышло его изданіе „Novissima Sinica“ [1]), посредствомъ котораго онъ хотѣлъ возбудить интересъ Европейцевъ къ успѣхамъ христіанства въ Китаѣ. Въ замѣчательномъ предисловіи къ этому изданію Лейбницъ высказываетъ мысль, что по волѣ Провидѣнія цивилизація достигла высокаго процвѣтанія на двухъ окраинахъ земнаго шара—въ Европѣ и въ Китаѣ, для того, чтобы земли, лежащія между этими двумя окраинами, скорѣе могли быть проникнуты свѣтомъ цивилизаціи. Съ этой точки зрѣнія онъ придавалъ особенное значеніе географическому положенію Россіи, которую онъ называлъ посредствующимъ звеномъ между Европой и Китаемъ, и которая, по его мнѣнію, была предназначена Провидѣніемъ къ тому, чтобы слить во едино цивилизацію запада и востока и довести ее такимъ образомъ до высшаго процвѣтанія.

Отправляя экземпляръ своего изданія нумизмату Морелю [2]), Лейбницъ написалъ ему замѣчательныя слова, поставленныя нами въ началѣ нашего сочиненія. Они служатъ новымъ доказательствомъ того, что по мнѣнію Лейбница, прогрессъ человѣческаго общества всего болѣе зависѣлъ отъ личной инициативы государей. Мы видѣли, какъ этотъ взглядъ вытекалъ изъ состоянія той эпохи, и сколь многое онъ объясняетъ въ жизни и дѣятельности самого Лейбница.

„Вы увидите изъ предисловія къ моимъ „Novissima Sinica“, что я имѣлъ намѣреніе побудить наше общество къ распространенію истиннаго благочестія

[1]) Въ этомъ изданіи Лейбницъ перепечаталъ разказъ португальскаго іезуита Суарія о распространеніи христіанства въ Китаѣ отъ первыхъ попытокъ миссіонерства до знаменитаго указа 1692 года, которымъ богдыханъ призналъ за христіанами свободу вѣроисповѣданія. Къ этому разказу Лейбницъ присовокупилъ нѣкоторыя письма, полученныя имъ изъ Китая, напримѣръ, отъ іезуита Гричальди.

[2]) Морель жилъ въ званіи гофрата при графѣ Шварцбургъ-Арнштадтскомъ.

у отдаленныхъ народовъ. Вы не можете повѣрить, какъ мнѣ больно, что у насъ не пользуются какъ слѣдуетъ присутствіемъ Русскаго царя и добрыми намѣреніями, которыя онъ выказываетъ. Вѣдь привлечь вниманіе одного такого человѣка, какъ царь или какъ государь Китая, и направить его къ настоящему благу, внушивъ ему рвеніе къ славѣ Божіей и къ усовершенствованію человѣчества, имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ выиграть сто сраженій; ибо отъ воли такого человѣка зависятъ нѣсколько милліоновъ другихъ людей. Я не могу простить Англичанамъ и Голландцамъ ихъ равнодушіе въ этомъ отношеніи. Но они дорого поплатятся за него. Другіе воспользуются выгодами, которыми они пренебрегаютъ, тогда какъ еслибъ они были дѣйствительно благоразумны, то могли бы въ одно и то же время содѣйствовать и славѣ Божіей, и интересамъ своихъ государствъ. Я убѣждаюсь съ каждымъ днемъ больше, повѣрьте мнѣ повѣрять, что ничто не можетъ быть такъ неблагоразумно, какъ нечестіе, и что нѣтъ ничего столь согласнаго съ нашими земными интересами, какъ истинное благочестіе".

Черезъ нѣсколько времени Лейбницъ опять пишетъ Морелю:

„Я писалъ г. Витзену, бургомистру Амстердамскому, и Бёрнету, епископу Салисберійскому, и убѣждалъ ихъ, что можно было бы воспользоваться пребываніемъ и намѣреніями царя для болѣе важныхъ цѣлей, чѣмъ польза нѣсколькихъ частныхъ лицъ, и что съ его помощью можно было бы завести сношенія съ Китаемъ, полезныя и для религіи. Но я полагаю, что въ Голландіи зависть компаніи Восточной Индіи не позволитъ и подумать объ этомъ; въ Англіи же слишкомъ много другихъ заботъ, и Царство Небесное — всегда послѣдняя вещь, о которой думаютъ, вопреки тому, что должно было бы быть".

Еще подробнѣе Лейбницъ писалъ объ этомъ знаменитому Франке [1]):

„Я желалъ бы, чтобы мы какъ слѣдуетъ воспользовались отличнымъ случаемъ, который намъ послало Провидѣніе. Два самые могущественные государя въ мірѣ стремятся съ удивительнымъ рвеніемъ познать и перенести къ себѣ европейскую науку — владѣтель Китая и царь Московскій, государство котораго соединяетъ насъ съ Китаемъ. А что вмѣстѣ съ этою наукою могутъ быть отличнымъ образомъ перенесены и распространены истина и благочестіе, ясно само по себѣ. Поэтому я чрезвычайно желалъ бы, чтобы кто-нибудь позаботился объ этомъ. Г. генералъ Лефортъ до такой степени [illegible] службой и усердіемъ, которыя онъ должень предаваться по занимаемому имъ посту, что едва-ли имѣетъ хорошаго досуга для такого дѣла. Правда, онъ обѣщалъ мнѣ образчики разныхъ нарѣчій, извѣстныхъ въ Московскомъ государствѣ, но до сихъ поръ не прислалъ никакой вѣсти о себѣ, хотя ему напоминали объ этомъ (licet admonitus). Самое лучшее и скорое средство для достиженія этой цѣли, по моему мнѣнію, состояло бы въ томъ, чтобы какой-нибудь благонамѣренный человѣкъ, опытный въ механикѣ, сумѣлъ списать расположеніе самого царя. Это было бы не трудно, пока царь находится въ Амстердамѣ, занятый

[1]) Письмо отъ 30-го сентября 1697 года.

постройкою своего корабля. Но нуженъ былъ бы человѣкъ, способный къ этому дѣлу. Если бы было пріобрѣтено и упрочено расположеніе царя, то все пошло бы отлично не только относительно его, но какъ кажется, и относительно Китая. Я писалъ объ этомъ Лудольфу въ Голландію, который хорошо знаетъ Московскія дѣла. Мнѣ кажется, что Нейгебауеръ могъ бы черезъ него скорѣе, чѣмъ черезъ меня, найдти случай предложить свои услуги, такъ какъ я недостаточно знакомъ съ Русскими, чтобы представлять имъ другихъ [1]). Притомъ намъ нужно очень остерегаться, чтобы не оттолкнуть отъ себя съ перваго же раза людей, по природѣ упрямыхъ (tenaces), если начнемъ что-нибудь просить у нихъ; ибо такимъ образомъ, сдва извлекши небольшую выгоду, мы заградимъ себѣ путь къ достиженію болѣе важныхъ выгодъ.

„Какъ бы я желалъ, чтобы наши государи старались оказывать царю такія услуги, которыя и его расположили бы въ нашу пользу, и намъ облегчили бы возможность привести въ исполненіе благія намѣренія. Вотъ о чемъ слѣдовало бы стараться въ Кенигсбергѣ. Но тотъ, кто привыкъ взирать на свойства человѣческихъ дѣлъ, не станетъ удивляться тому, что именно объ этомъ тамъ всего менѣе хлопотали. Можетъ-быть, и теперь было бы еще не поздно подумать о такихъ полезныхъ намѣреніяхъ, если бы можно было сдѣлать, чтобы бранденбургскій дворъ, собственный интересъ котораго тутъ замѣшанъ, сколько-нибудь одобрилъ ихъ. Объ этомъ слѣдовало бы позаботиться вамъ и уважаемому мною Шпенеру. Я же, конечно, если бы блеснула какая-нибудь надежда на успѣхъ, старался бы со всевозможнымъ рвеніемъ содѣйствовать распространенію между людьми религіи и образованности. Я изложилъ вамъ свое желаніе, а вы подумайте, что̀ можетъ быть сдѣлано вами и вашими друзьями“.

Лейбницъ надѣялся черезъ Франке и его друга Шпенера, который былъ придворнымъ проповѣдникомъ въ Берлинѣ, расположить бранденбургскій дворъ въ пользу своихъ плановъ относительно царя. Съ тѣми же намѣреніями Лейбницъ, какъ онъ самъ говоритъ, писалъ епископу Бернету, приближенному человѣку короля Вильгельма III, который вслѣдствіе торговыхъ отношеній между Англіей и Россіей имѣлъ еще больше средствъ повліять на русскій дворъ [2]). Разказывая ему совершенно тѣми же словами, которыя мы привели изъ письма къ Циписону, о свиданіи Петра съ курфирстинами и о намѣреніи Русскаго царя приготовиться къ войнѣ съ Турціей, Лейбницъ гово-

[1]) Нейгебауеру удалось потомъ, безъ помощи Лейбница, пристроиться къ русскому двору: онъ былъ приставленъ воспитателемъ къ царевичу Алексѣю, поссорился съ своими русскими товарищами, впалъ въ немилость у князя Меншикова, лишился должности, и удалившись въ Германію, написалъ свой извѣстный памфлетъ противъ русскаго двора, опроверженіе котораго было поручено Гюйссену, заступившему при царевичѣ мѣсто Нейгебауера.

[2]) Это письмо переведено у *Пекарскаго*: Переписка Лейбница о слав. нарѣчіяхъ въ *Зап. Акад. Наук.*, т. IV, стр. 8, изъ Leibn. Op. Omnia, VI, ч. II, стр. 220 и слѣд.

ритъ о томъ, какія важныя послѣдствія можетъ имѣть эта война. Царь въ союзѣ съ Германскимъ императоромъ и Польскимъ королемъ будетъ въ состояніи изгнать изъ Европы варварство Турокъ.

Et si fata volunt, Caesar, Czar Saxoque juncti
Europa poterunt pellere barbariem.

Но особенно много надеждъ Лейбницъ возлагалъ на своихъ голландскихъ знакомыхъ, Г. В. Лудольфа и Витзена. Еще до прибытія въ Гагу рускаго посольства Лейбницъ просилъ Лудольфа постараться доставить ему черезъ Головина переводъ „Отче нашъ" на нарѣчія сибирскихъ инородцевъ [1]). Въ своемъ отвѣтѣ, отъ 19-го сентября 1697 года, Лудольфъ сообщаетъ Лейбницу разныя подробности о пребываніи Петра въ Амстердамѣ. Въ новомъ своемъ письмѣ Лейбницъ подробно распространяется о своихъ планахъ относительно Россіи и между прочимъ выражаетъ желаніе, чтобы Петра побудили устроить въ Россіи наблюденія надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки, столь важныя для усовершенствованія мореплаванія. Въ отвѣтъ на это Лудольфъ прислалъ Лейбницу переводы „Отче нашъ" на тунгузскій и монгольскій языки, вѣроятно, переданные ему Витзеномъ, и снова сообщилъ ему нѣкоторыя подробности о Петрѣ. Переписка между Лейбницемъ и Лудольфомъ окончилась въ томъ же году, изъ чего видно, что Лейбницъ началъ ее только для того, чтобы посредствомъ Лудольфа завести сношенія съ русскимъ посольствомъ.

Переписка между Лейбницемъ и Витзеномъ началась весною 1694 года. Лейбницъ просилъ одного своего знакомаго въ Гагѣ достать карту Монголіи, сдѣланную Витзеномъ. Ее нельзя было достать въ продажѣ, и Витзенъ, узнавъ о желаніи Лейбница, прислалъ ему экземпляръ отъ себя въ подарокъ. Лейбницъ воспользовался случаемъ, чтобы вступить въ переписку съ знаменитымъ путешественникомъ, отъ котораго онъ надѣялся получить драгоцѣнный матеріалъ для своихъ лингвистическихъ работъ.

Выражая ему свою признательность за присланную карту, Лейбницъ разказалъ Витзену о своихъ стараніяхъ получить черезъ іезуитовъ свѣдѣнія о языкахъ восточныхъ народовъ. Іезуиты обѣщали до-

[1]) Къ сожалѣнію, переписка между Лейбницемъ и Г. В. Лудольфомъ не отыскалась въ Ганноверской библіотекѣ, не смотря на всѣ поиски тамошнихъ библіотекарей. Я узналъ о ея существованіи только изъ подробнаго рукописнаго каталога покойнаго библіотекаря Секетра, который потратилъ на его составленіе нѣсколько лѣтъ.

ставить ихъ; но патеръ Гримальди, отправившійся въ Китай, не былъ пропущенъ черезъ Россію. Въ своемъ отвѣтѣ Витзенъ упоминаетъ о томъ, что онъ тридцать лѣтъ тому назадъ былъ въ Москвѣ и сообщаетъ Лейбницу нѣкоторыя подробности о Венграхъ. На этомъ переписка ихъ, какъ кажется, и прекратилась.

Пріѣздъ Петра въ Голландію снова возобновилъ ее. Витзену, какъ человѣку, бывавшему въ Россіи и сохранившему связи съ тамошнимъ купечествомъ, было поручено Генеральными Штатами принимать русское посольство. Петръ даже провелъ нѣкоторое время въ домѣ Амстердамскаго бургомистра. Поэтому Лейбницъ, въ письмѣ отъ 6-го сентября 1697 года, обратился къ нему съ просьбою воспользоваться вліяніемъ на царя и на его приближенныхъ, чтобы съ ихъ помощью достать образчики разныхъ скиѳскихъ языковъ. Ту же просьбу Лейбницъ повторилъ въ письмѣ отъ 5-го апрѣля 1698 года. Но въ этомъ письмѣ онъ высказалъ еще другое желаніе. Распространеніе христіанства въ Китаѣ было всегда любимою мыслію Лейбница; для этого онъ вступалъ въ дружескія сношенія съ іезуитами и защищалъ, какъ мы видѣли, ихъ миссіонерскую дѣятельность противъ ихъ противниковъ въ католическомъ духовенствѣ. Но мало по малу Лейбницъ становился все недовѣрчивѣе къ іезуитамъ: онъ убѣдился, что для нихъ на первомъ планѣ стояло не распространеніе христіанства, а распространеніе католицизма и могущество ордена. Рисвикскій договоръ служилъ яснымъ доказательствомъ того, что въ католическомъ мірѣ не затихли прежнія страсти, не были забыты старыя притязанія на исключительное господство, и что во имя этой идеи готовы были примириться всѣ враждебныя между собою католическія партіи: іезуиты способны были дѣйствовать за одно съ янсенистами и галликанами, Габсбурги съ Бурбонами. Съ этого времени Лейбницъ сталъ дѣятельно хлопотать о сліяніи протестантскихъ исповѣданій, и ему пришла мысль противопоставить успѣшной дѣятельности іезуитскихъ миссіонеровъ въ Китаѣ евангелическую пропаганду. Онъ имѣлъ въ виду эту цѣль при учрежденіи Берлинской академіи, и по его мысли, въ уставѣ академіи миссіонерская дѣятельность была обозначена, какъ третья задача ея. Но задачу эту нельзя было осуществить безъ помощи Россіи, безъ свободнаго пропуска миссіонеровъ черезъ Сибирь; и вотъ Лейбницъ надѣется воспользоваться для этой цѣли пріѣздомъ Петра и желаетъ, чтобы протестантскіе дворы Европы выхлопотали у царя разрѣшеніе на свободный проѣздъ протестантскихъ миссіонеровъ. Намъ должно казаться страннымъ, что западный фило-

софъ обращался къ самому могущественному представителю восточной церкви, съ просьбою покровительствовать евангелической пропагандѣ; но до Лейбница постоянно доходили слухи, что іезуиты домогаются такого же свободнаго пропуска то черезъ французское, то черезъ польское или цесарское правительство, и что они имѣютъ большія надежды достигнуть своей цѣли [1]).

Еще прежде Лейбницъ писалъ по этому случаю Франке:

„Удивляюсь, что Лудольфъ младшій думаетъ о востокѣ. Не знаю, можетъ ли онъ принести тамъ столько пользы, какъ въ Россіи. Я очень жалѣю, что наши упускаютъ отличный случай. Другіе между тѣмъ пользуются имъ; ибо говорятъ, что іезуиты выхлопотали себѣ въ Вѣнѣ у царя свободный проѣздъ въ Китай. Они же снова проникли въ Абиссинію“.

О томъ же Лейбницъ въ началѣ 1698 года пишетъ Витзену:

„Я желалъ бы, чтобы пребываніе царя въ нашихъ краяхъ дало возможность тѣмъ, которые ревностны къ распространенію исправленной религіи (repurgée), принять надлежащія мѣры, чтобы перенести свѣточь благочестія и вѣры къ народамъ, обрѣтающимся во мракѣ идолопоклонства, и чтобы проникнуть въ самый Китай. Я не сомнѣваюсь, что просвѣщенные люди, подобные вамъ, подумали объ этомъ въ увѣренности, что отыскивая преимущественно Царствіе Небесное, они обрѣтутъ все остальное. Конечно, трудно было бы найдти болѣе удобный случай и лице, болѣе къ этому способное, чѣмъ вы, милостивый государь. Вѣдь честь протестантовъ требуетъ не допускать, чтобы римляне одни завладѣли важнымъ миссіонерствомъ въ этой обширной имперіи подъ предлогомъ европейскихъ наукъ, въ которыхъ они, можетъ-быть, уступаютъ протестантамъ“.

Въ отвѣтъ на это Витзенъ сообщилъ Лейбницу, какіе успѣхи дѣлаетъ христіанство въ Китаѣ:

„Послѣднія письма, полученныя мною изъ Москвы, сообщаютъ, что изъ Тобольска, въ Сибири, послали уже въ Пекинъ русскаго (grec) священника, и что онъ уже прибылъ туда. Съ дозволенія Китайскаго императора онъ велѣлъ соорудить русскій или греческій храмъ. Въ томъ же письмѣ меня увѣдомляютъ, что если бы были духовныя лица, способныя наставлять Татаръ, живущихъ между большою Китайскою стѣной и Сибирью, то они обратили бы многихъ къ христіанской религіи. Его Царское Величество очень усерденъ къ вѣрѣ христіанской, очень свѣдущъ въ церковныхъ дѣлахъ и много читалъ Священное Писаніе, которое онъ знаетъ въ совершенствѣ. Я имѣлъ честь говорить съ нимъ

[1]) О попыткѣ правительства Людовика XIV, еще при царевнѣ Софьѣ, выхлопотать іезуитамъ свободный проѣздъ черезъ Россію, см. *Соловьева*, Ист. Россіи, т. XIV, стр. 67. Въ 1707 году князь Куракинъ, отправленный въ Римъ, чтобы склонить папу къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Лещинскаго, вычислялъ все, что̀ сдѣлалъ Петръ для католицизма, и между прочимъ приводилъ, что царь далъ свободный проѣздъ черезъ Россію римскимъ миссіонерамъ, отправляющимся черезъ Персію въ Китай. *Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. XV, стр. 227

объ этомъ предметѣ. Молю Бога, чтобъ Онъ сдѣлалъ этого великаго императора славнымъ орудіемъ для распространенія свѣта евангельскаго, и чтобъ онъ возбуждалъ всюду такихъ же преданныхъ этому дѣлу лицъ, какъ вы" [1]).

Между тѣмъ Витзенъ прислалъ Лейбницу „Отче нашъ" на готентотскомъ и монгольскомъ языкахъ. Первый переводъ онъ получилъ изъ голландскихъ колоній въ южной Африкѣ, второй составилъ съ помощью одного Монгола, который находился у него въ услуженіи и постоянно удивлялъ его своею тупостью. Наконецъ, лѣтомъ 1698 года Витзенъ былъ въ состояніи исполнить желаніе Лейбница и прислать ему образчикъ одного изъ сибирскихъ языковъ: это было „Отче нашъ" на языкѣ Самоѣдовъ. Витзенъ досталъ этотъ переводъ съ помощью своего друга Виніуса, который въ это время вѣдалъ Сибирскимъ приказомъ. Хотя Витзенъ изъ осторожности и не называетъ Виніуса, но объ участіи послѣдняго можно заключить изъ письма Витзена отъ 22-го января 1699 года, гдѣ онъ говоритъ:

„Мой Московскій другъ, который завѣдываетъ многими дѣлами Сибири и самыхъ отдаленныхъ восточныхъ странъ, писалъ мнѣ, что не могъ прислать другихъ переводовъ „Отче нашъ" на языки самыхъ варварскихъ народовъ, по причинѣ отдаленности этихъ странъ; но что онъ сдѣлалъ надлежащія распоряженія для того, чтобы со временемъ выслали и ихъ".

Въ этомъ же письмѣ Витзенъ сообщаетъ Лейбницу новыя свѣдѣнія о православныхъ христіанахъ въ Китаѣ. Извѣстіе, что Китайскій императоръ позволилъ имъ построить церковь съ правомъ свободнаго богослуженія, оказалось совершенно справедливымъ. Витзенъ слышалъ объ этомъ не только отъ путешественника Бранда, который самъ присутствовалъ при русскомъ богослуженіи въ Пекинѣ, но и отъ товарищей его по путешествію. Русская колонія въ Пекинѣ образовалась частію изъ перебѣжчиковъ изъ царскаго войска, частію изъ жителей города Албазина или Якса, на сѣверномъ берегу рѣки Амура, отведенныхъ въ плѣнъ Китайцами во время осады этого города, теперь разореннаго [2]). Между ними находятся женщины и нѣсколько священниковъ. Въ Китаѣ имъ предоставили полную свободу съ тѣмъ, чтобъ они жили на отведенныхъ имъ мѣстахъ, подъ властью китайскаго правительства. Витзенъ сообщаетъ далѣе, въ видѣ слуха, что послѣдній русскій посолъ въ Китаѣ требовалъ, чтобъ имъ было разрѣшено возвратиться на родину. Но Китайцы отказали въ этомъ подъ предлогомъ, что большое количество Міузскихъ Татаръ вышло изъ китайскихъ пре-

[1]) Письмо это переведено въ вышеупомянутой статьѣ *Пекарскаго*, стр. 10.

[2]) О спорахъ Китайцевъ съ Русскими за Албазинъ см. *Соловьева*, Ист. Россіи т. XIV, стр. 69.

дѣловъ и поселилось въ русскихъ областяхъ, предпочитая русское владычество китайскому. Нѣкоторые изъ Русскихъ въ Китаѣ служатъ въ конницѣ императора, другіе держатъ кабаки и продаютъ водку. Отцы іезуиты въ Пекинѣ чрезвычайно ненавидятъ этихъ православныхъ христіанъ, потому что они не присоединяются къ нимъ (ne se conforment pas avec eux),—пишетъ Витзенъ къ Лейбницу, и къ этому прибавляетъ замѣчаніе, которое должно было служить отвѣтомъ послѣднему на его просьбу выхлопотать евангелическимъ миссіонерамъ свободный пропускъ въ Китай черезъ Россію. „Поэтому я опасаюсь, что если бы протестанты хотѣли проникнуть въ Китай, то встрѣтили бы большія затрудненія, ибо эти отцы пользуются большимъ уваженіемъ въ Китаѣ и находятся тамъ *in flagranti gratia*". Затѣмъ Витзенъ отвѣчаетъ на запросъ Лейбница: правда ли, что шведскій посолъ Фабрицій на пути своемъ въ Персію встрѣтилъ Татаръ, языкъ которыхъ представлялъ большое сходство съ финскимъ языкомъ? Витзенъ пишетъ, что это было на Волгѣ, на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути отъ Астрахани. Эта страна теперь очень пустынна и мало населена, но такъ какъ отсюда вышло нѣсколько народовъ, и въ томъ числѣ, какъ полагаютъ многіе, Венгерцы, — то должно заключить, что въ прежнее время она была также хорошо населена, какъ любая страна въ мірѣ. Витзенъ прибавляетъ къ этому, что этотъ Фабрицій, Голландецъ по происхожденію и старый другъ его, разказывалъ ему очень подробно о своихъ путешествіяхъ на востокѣ. Витзенъ касается и другихъ современныхъ путешественниковъ, о которыхъ Лейбницъ упоминалъ въ своемъ письмѣ, не дошедшемъ до насъ. Онъ соглашается, что разказъ Адама Бранда изъ Любека о путешествіи Исбранда [1] очень краток. Самъ Брандъ оправдывается въ своей книгѣ краткостью времени.

„Это очень честный человѣкъ, который теперь, кажется, возвратился въ Москву.... Г. де-ла-Невиль дѣлаетъ много ошибокъ въ своемъ разказѣ" — продолжаетъ Витзенъ — „и русскіе послы жаловались мнѣ и другимъ на это. Г. Скатарусъ еще живъ. Это умный человѣкъ. Онъ служитъ въ канцеляріи

[1]) Голландецъ Evert Yssbrand Ides былъ отправленъ въ 1692 году царями Иваномъ и Петромъ въ Китай для заключенія торговаго договора и составилъ описаніе своего путешествія по Россіи и Китаю. Въ его посольствѣ находился уроженецъ Любека Adam Brand, который также описалъ это путешествіе. Описаніе Бранда вышло раньше, въ 1697 году: A. Brand, Beschreibung seiner grossen Chinesischen Reise и т. д. Дневникъ Исбранда изданъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1698 году: Dreyjährige Reise nach China и т. д., а на голландскомъ въ 1704 г. См. *Adelung*, Uebersicht d. Reis. in Russl., II, 385.

Московской. Я прежде иногда получалъ отъ него письма. Но въ качествѣ иностранца въ Москвѣ, онъ, какъ мнѣ кажется, не рѣшается издать описаніе своего путешествія".

Въ концѣ письма Витзенъ пишетъ о Петрѣ:

„Не вѣрьте, чтобы великій царь искалъ повода къ ссорѣ со Шведами. Я имѣлъ честь, хоть и не достоинъ ея, находиться здѣсь въ близкихъ отношеніяхъ къ нему, и онъ никогда не выказывалъ никакого неудовольствія противъ Шведовъ, но только противъ Турокъ и невѣрныхъ приверженцевъ Магомета; и я думаю, что если Богъ продолжитъ его жизнь, то онъ удивитъ свѣтъ такими подвигами противъ магометанъ, которые докажутъ его мужество и могущество".

Послѣднія слова служили отвѣтомъ на одно мѣсто въ письмѣ Лейбница къ Витзену, изъ котораго до насъ дошелъ только слѣдующій отрывокъ [1]; онъ свидѣтельствуетъ о томъ, съ какою заботою Лейбницъ слѣдилъ въ то время за интересами протестантовъ, и какъ онъ боялся послѣдствій Рисвикскаго мира.

„Я надѣюсь, что добрыя услуги (les bons offices) короля Великой Британіи и господъ Штатовъ, много помогутъ тому, чтобы царь, освободившись отъ турецкой войны, не возобновилъ разные старые споры со Швеціей. Но всякій важный ущербъ, нанесенный этому государству, повредилъ бы косвеннымъ образомъ и общему дѣлу протестантизма, который въ настоящее время находится въ очень опасномъ положеніи. Регенсбургскія реляціи только и говорятъ, что о козняхъ римской партіи подъ предлогомъ Рисвикскаго договора. Скоро на той сторонѣ Рейна не будетъ совсѣмъ протестантовъ, развѣ только въ герцогствѣ Цвейбрюккенскомъ, принадлежащемъ Швеціи".

Увѣренія Витзена, что царь имѣетъ замыслы только противъ Турокъ, успокоили Лейбница. Онъ высказываетъ свою радость по поводу того, что всѣ „намѣренія царя направлены противъ султана", и видитъ этому подтвержденіе въ томъ, что Русскіе заключили перемиріе съ Турками только на два года [2]). Но въ то же время Лейбницъ обнаруживаетъ сильное опасеніе, чтобы страшный мятежъ, вызвавшій Петра изъ-за границы, не испортилъ дѣла преобразованія.

Вообще, и послѣ возвращенія русскаго посольства въ отечество, Лейбницъ продолжалъ собирать всевозможныя свѣдѣнія относительно Русскаго царя. Въ его бумагахъ, напримѣръ, нашлась копія съ доне-

[1]) Лейбницъ не всегда составлялъ черновыя своихъ писемъ. Часто онъ прямо писалъ или диктовалъ письмо. Въ такихъ случаяхъ онъ записывалъ у себя только одинъ отрывокъ изъ отправленнаго письма или дѣлалъ для себя извлеченіе изъ него, чтобы потомъ знать, о чемъ онъ писалъ. Приведенныя выше слова составляютъ именно такой отрывокъ, записанный Лейбницемъ на оборотѣ письма Витзена отъ 5-го іюня 1698 года.

[2]) Письмо отъ 14/24 марта 1699 года.

сенія цесарскаго резидента изъ Москвы, въ которомъ была описана казнь надъ стрѣльцами [1]). По поводу этихъ казней Лейбницъ писалъ Витзену:

„Царь Петръ, безъ сомнѣнія, великій государь и это большое несчастіе, что домашніе безпорядки заставили его прибѣгнуть къ столькимъ страшнымъ казнямъ. Изъ Москвы пишутъ, что самые важные сановники, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, были принуждены принимать участіе въ нѣкоторыхъ казняхъ. Этотъ обычай немножко еще напоминаетъ Скиѳію, и я удивляюсь, что это не дѣйствуетъ вредно на нравы тамошняго духовенства.

„Все это не такъ еще важно; но я боюсь, чтобы казни, вмѣсто подавленія неудовольствія, не умножили ихъ на подобіе заразы. Дѣти, родственники, друзья казненныхъ ожесточены, и правило, гласящее: пусть ненавидятъ, лишь бы боялись (oderint, dum metuant), очень опасно. Молю Бога, чтобъ [illegible] ваніе народа".

Витзенъ успокоивалъ его слѣдующимъ образомъ [2]):

„Справедливо, что царь — великій воинъ, и что онъ предпочитаетъ продолжать войну съ невѣрными, чѣмъ жить съ ними въ мирѣ. Онъ даже здѣсь былъ недоволенъ нами за то, что мы слишкомъ хлопотали о мирѣ съ Турками. Правда, что внутренніе безпорядки были очень велики во время его отсутствія, и что онъ былъ принужденъ казнить виновныхъ. Но со стороны ихъ друзей нечего бояться, потому что въ Россіи существуетъ обычай ссылать въ Сибирь и въ самыя отдаленныя страны женъ, дѣтей и даже всѣхъ родственниковъ казненныхъ преступниковъ. Мы слышали здѣсь очень много о томъ, что случилось въ Москвѣ за послѣднее время, и вѣроятно, и вы имѣете объ этомъ подробныя свѣдѣнія.

„Извѣстіе, что Его Царское Величество въ Вѣнѣ обѣщалъ нѣмецкимъ іезуитамъ свободный проѣздъ черезъ свои земли, мнѣ кажется справедливымъ, но я сомнѣваюсь, какъ и вы, чтобъ это имѣло какія-нибудь послѣдствія.

„Мои Московскіе друзья писали мнѣ, что они получили еще нѣсколько переводовъ „Отче нашъ", но что по причинѣ недавнихъ смутъ и разныхъ другихъ заботъ они не имѣли времени списать ихъ. Я надѣюсь впрочемъ, что скоро получу ихъ".

Нѣсколько позднѣе Витзенъ по поводу того, что Лейбницъ назвалъ стрѣлецкія казни скиѳскимъ обычаемъ, сообщилъ ему извѣстное преданіе о Холопьей горѣ и Холопьей рѣкѣ [3]).

[1]) Донесеніе это будетъ напечатано нами въ послѣдствіи.

[2]) Въ письмѣ отъ 9-го апрѣля 1699 года.

[3]) Въ письмѣ отъ 5-го іюля 1699 года напеч. въ L. Op. Om., т. VI, ч. II, стр. 202 и перевед. въ вышеупомянутой статьѣ *Пекарскаго*. Пекарскій приводитъ по этому поводу ошибку Татищева и слова Герберштейна и Хлыновской лѣтописи (у *Карамзина* прим. къ т. III, 33), въ которыхъ говорится о томъ же преданіи.

„По случаю того, что̀ вы говорите о Московскомъ обычаѣ, нѣсколько отзывающемся Скиѳіей, я не могу удержаться, чтобы не разказать вамъ то, что̀ мнѣ пришло на память. Находясь однажды въ Московіи недалеко отъ Новгорода, я видѣлъ гору, которая называется Cholobgora, то-есть, горою рабовъ, и у подошвы этой горы маленькую рѣчку по имени Cholobreca или рѣка рабовъ. Когда я освѣдомился о причинѣ и происхожденіи этого названія, тамошніе жители разказали мнѣ, что однажды мужчины той мѣстности вышли на войну въ очень отдаленныя страны, а жены, послѣ долгаго отсутствія ихъ, сдружились съ рабами или служителями (valets) своихъ мужей и противились вступленію послѣднихъ, когда они вернулись домой; но мужья побили и изгнали служителей, не употребляя при томъ никакого другаго оружія, кромѣ бича. Однимъ словомъ, они разказали мнѣ ту же исторію, которую мы находимъ у Юстина о скиѳскихъ рабахъ, кои противились возвращенію домой своихъ господъ. Надобно знать, что эти люди не понимаютъ ни по-гречески, ни по-латыни, и не имѣютъ никакихъ свѣдѣній въ древней исторіи. Изъ этого я заключаю, что страна около Новгорода составляла часть древней Скиѳіи, какъ и вы это замѣчаете".

Дальнѣйшая переписка между Лейбницемъ и Витзеномъ не представляетъ ничего интереснаго для нашего предмета. Только письмо Витзена, отъ 19-го января 1706 года, опять касается Россіи:

„Правда, что такъ какъ я знаю немножко русскій языкъ и въ молодости былъ при Московскомъ дворѣ, то Генеральные Штаты и магистратъ нашего города поручили мнѣ принимать и сопровождать царя во время его пребыванія здѣсь. Справедливо также, что когда онъ жилъ у меня въ Гагѣ, или когда я имѣлъ честь часто видѣть его у себя въ домѣ, я дѣлалъ ему много вопросовъ о его отдаленныхъ владѣніяхъ въ Сибири, и онъ былъ такъ милостивъ ко мнѣ, что всегда отвѣчалъ на мои любознательные вопросы. Но съ тѣхъ поръ я не получалъ отъ него никакихъ извѣстій, и вы увидите со временемъ, откуда я почерпнулъ свѣдѣнія о географіи Монголіи".

Въ этомъ же письмѣ Витзенъ сообщаетъ Лейбницу, что у него накопилось много матеріаловъ для исправленія изданной имъ карты Восточной Татаріи, но что политическія дѣла не даютъ ему времени приняться за новое изданіе. Тутъ же онъ пишетъ, что названіе рѣки Амура не китайское, а русское, и что онъ первый сообщилъ европейской публикѣ свѣдѣнія объ этой рѣкѣ, такъ какъ отецъ Жербильйонъ видѣлъ эту рѣку 25 годами позднѣе, когда онъ ѣздилъ съ китайскими послами въ Нерчинскъ для заключенія мира съ Русскими [1]).

Опасенія, что мятежи въ Россіи могутъ испортить дѣло преобразованія, выражаются и въ другихъ письмахъ Лейбница. Въ сентябрѣ 1699 года онъ пишетъ къ Мюллеру, профессору богословія въ Іенѣ:

[1]) Послѣднее извѣстное намъ письмо Витзена къ Лейбницу относится къ 1712 году.

„Я уговаривалъ недавно Франке чрезъ нашего общаго друга (Шпенера), чтобъ онъ распространилъ свою дѣятельность на миссіи и отправилъ работниковъ въ Москву, гдѣ предстоитъ обильнѣйшая жатва. Онъ могъ бы начать съ нѣмецкихъ школъ, которыя потомъ распространились бы далѣе подъ покровительствомъ государя; ибо извѣстно, что царь ничего болѣе не желаетъ, какъ чтобы подвластные ему народы усвоили себѣ образованіе остальной Европы. Есть слухи, что онъ теперь борется съ опаснымъ возстаніемъ войска, вызваннымъ излишнею его крутостью. Я боюсь, чтобы въ случаѣ его гибели, у Русскихъ не возобновилась прежняя ненависть къ иностранцамъ, которымъ Петръ покровительствуетъ, и чтобы не рушилось великое дѣло. Послѣ смерти Лефорта его замѣнилъ въ любви государя Русскій, Головинъ, бывшій вторымъ посломъ, не враждебный къ иностранцамъ. И онъ, и Лефортъ были принуждены исполнять дѣло палачей противъ мятежниковъ, изъ чего видно, что тамошній дворъ еще не отказался отъ скиѳской свирѣпости. Я желалъ бы, чтобы по крайней мѣрѣ сынъ царя былъ воспитанъ въ большей кротости“.

Заботу, чтобы царевичъ былъ воспитанъ въ европейскихъ нравахъ, Лейбницъ неоднократно высказываетъ въ своихъ письмахъ. Любопытно въ этомъ отношеніи одно изъ его писемъ къ Софіи-Шарлоттѣ. Лейбницъ мечталъ о томъ, чтобъ умная и образованная Бранденбургская курфирстина, „царица Савская“, какъ онъ ее называлъ, занялась воспитаніемъ царевича Алексѣя. Онъ указывалъ ей на способнаго человѣка, котораго она могла бы рекомендовать Петру въ воспитатели его сына, и представлялъ ей, какую пользу она могла бы принести цѣлому народу, и какую пріобрѣсти славу, еслибъ оказала благодѣтельное вліяніе на воспитаніе будущаго русскаго царя. Шутливый тонъ письма и нѣкоторыя преувеличенныя выраженія не должны поражать насъ: все это обусловливалось придворнымъ языкомъ того времени; притомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что письмо было написано въ первое время болѣе близкаго знакомства Лейбница съ Софіей-Шарлоттой, когда еще не установились между ними позднѣйшія дружескія отношенія. Наконецъ, нѣкоторыя ироническія выраженія относительно Русскихъ объясняются поступкомъ боярина, о которомъ разказываетъ Лейбницъ.

Въ началѣ письма Лейбницъ высказываетъ свою радость по поводу переворота, случившагося при Берлинскомъ дворѣ, когда курфирстъ удалилъ своего совѣтника Данкельмана, который въ теченіе многихъ лѣтъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ на него. Лейбницъ надѣялся, что паденіе его будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ болѣе близкія отношенія между курфирстомъ и его супругой, и что бывшая ганноверская принцесса будетъ оказывать впредь болѣе сильное вліяніе на политику Пруссіи и на характеръ Берлинскаго двора.

Этимъ объясняется довольно оригинальный комплиментъ для такого государя, какъ Фридрихъ III, тѣмъ болѣе странный, что его умная и насмѣшливая супруга легко могла видѣть въ этомъ иронію: „Я знаю, что ваша столица, кромѣ многихъ другихъ преимуществъ, сдѣлалась теперь мѣстопребываніемъ наукъ и искусствъ, такъ что можно сказать, тамъ пребываютъ въ одно время и царь Соломонъ, и царица Савская“. Затѣмъ Лейбницъ продолжаетъ:

„Что касается Москвитянъ, то говорятъ, что толстый коммиссаръ — самый умный и смышленый человѣкъ изъ нихъ. Для того, чтобы лучше служить вашимъ сношеніямъ съ ними, я нарочно возьму того переводчика, котораго оставилъ здѣсь одинъ изъ бояръ, пробывшій у насъ нѣсколько дней. Этотъ бояринъ казался человѣкомъ съ здравымъ смысломъ, но все-таки при отъѣздѣ народность его высказалась въ немъ, согласно съ пословицей, что когти злаго духа показываются при прощаніи. Онъ купилъ своему переводчику парикъ, но передъ отъѣздомъ вскрылъ его сундукъ и отнялъ парикъ, говоря, что онъ далъ его только на время, какъ въ прежнее время цари давали платья своимъ посланникамъ и потомъ наказывали ихъ за всякое пятно ударомъ кнута. Москвитянинъ объявилъ, что онъ это сдѣлалъ по недостатку денегъ, прибавляя, что продастъ парикъ и вырученными деньгами прокормится нѣсколько лишнихъ дней. А между тѣмъ увѣряютъ, что онъ состоитъ въ санѣ, который даже нѣсколько важнѣе боярскаго.

„Что касается до 100,000 человѣкъ войска, то на этотъ счетъ эти господа гораздо болѣе щедры, чѣмъ на соболей. При всемъ томъ если ваша свѣтлость соблаговолите озарить ихъ своими лучами, то можете много способствовать къ разсѣянію мрака въ ихъ умахъ. Было бы хорошо, если бы вы приняли участіе въ воспитаніи царскаго сына и дали бы ему въ наставники Вальтера, который отъ этого не прочь.

„Если нынѣшнее поколѣніе и сохранитъ что-либо отъ прежнихъ своихъ нравовъ, то его потомство будетъ лучше, и въ русскихъ лѣтописяхъ будетъ сказано, какъ много Русскіе обязаны вашей свѣтлости за свое обращеніе. Въ награду за это мы поѣдемъ черезъ Монголію въ Китай въ саняхъ съ парусами и на собакахъ; ибо тамъ господствуетъ такой обычай, что какъ только паруса перестаютъ дѣйствовать, пускаютъ въ дѣло собакъ, и онѣ начинаютъ тянуть, а когда вѣтеръ благопріятенъ, собаки возвращаются въ сани и ѣдутъ вмѣстѣ съ господами.

„Кстати о Китаѣ. Отецъ Вержю (братъ графа Креси, одного изъ посланниковъ въ Дельфтѣ), стоящій во главѣ миссій, которыя содержатся на счетъ Французскаго короля, писалъ мнѣ и прислалъ письмо одного іезуита, возвратившагося изъ этихъ странъ и собирающагося опять ѣхать туда: этотъ іезуитъ предлагаетъ мнѣ сообщать оттуда всѣ нужныя свѣдѣнія. Вслѣдствіе этого я велю прибить на своей двери объявленіе съ слѣдующими словами: „Справочная контора для Китая“, для того, чтобы каждый зналъ, что стоитъ только обратиться ко мнѣ, чтобы получить новости оттуда. Итакъ, если ваша свѣтлость желаете имѣть извѣстія о великомъ философѣ Конфуціѣ или о древнихъ Китайскихъ царяхъ, близкихъ къ потопу, и слѣдовательно, изъ пер-

вихъ потомковъ Ноя, или же о напиткѣ, дающемъ безсмертіе, который замѣняетъ Китайцамъ философскій камень, или о чемъ-нибудь болѣе достовѣрномъ,—то вамъ стòитъ только приказать. Если бы такой напитокъ дѣйствительно существовалъ, я нарочно сѣлъ бы въ сани, запряженныя собаками, и поѣхалъ бы за нимъ для вашей свѣтлости, при чемъ далъ бы клятву не открывать ящика дорогою и былъ бы въ этомъ на столько вѣрнѣе Психеи, на сколько ваша свѣтлость болѣе достойны безсмертія, чѣмъ эта дѣва и чѣмъ всѣ боги древности".

Приключеніе съ русскимъ бояриномъ, который засѣлъ въ Ганноверѣ безъ денегъ, характеризуетъ то время, когда столько русскихъ людей по волѣ своего государя должны были вдругъ отправиться заграницу, чтобъ усвоить себѣ тамошніе нравы и образованіе. Сколько они должны были побороть трудностей, сколько пережить непріятностей, не зная языковъ и чужихъ обычаевъ, часто оставаясь безъ денегъ и безъ всякихъ вѣстей съ родины! Положеніе одного изъ этихъ Петровскихъ „піонеровъ образованія", закинутыхъ на чужбину, трогательно описано въ письмѣ Ребера, изъ Вольфенбюттеля, къ Лейбницу [1]):

„Русскій, называющійся Александромъ Петровымъ, все еще здѣсь и все еще получаетъ содержаніе отъ нашего двора. Онъ не знаетъ ничего вѣрнаго о своемъ отъѣздѣ отсюда и говоритъ, что это извѣстно только Богу и царю. Ожидая этого приказанія, онъ занимается латинскимъ языкомъ, такъ какъ уже порядочно изучилъ нѣмецкій. Онъ имѣетъ при себѣ нѣсколько запечатанныхъ указовъ своего государя, и ему запрещено распечатывать ихъ, прежде чѣмъ онъ не получитъ особаго повелѣнія объ этомъ. Въ паспортѣ, который онъ получилъ отъ царя, сказано: Generosus Alexander Petrov, Aulicus Noster (благородный Александръ Петровъ, изъ царедворцевъ нашихъ). Но я не сомнѣваюсь, что вы уже видѣли этотъ паспортъ и знаете его содержаніе.

„Священникъ, котораго онъ привезъ съ собою, позволилъ себѣ нѣсколько дерзостей относительно дѣвушекъ въ домѣ, гдѣ онъ живетъ, и хотѣлъ даже убить своего господина изъ ружья, изъ котораго въ него выстрѣлилъ. Его отослали назадъ въ Москву и дали ему 80 талеровъ на дорогу, а для того, чтобъ онъ не могъ повредить своему господину ложнымъ разказомъ, нашъ дворъ далъ послѣднему обо всемъ, что случилось, письменное удостовѣреніе, которое Петровъ и отправилъ къ царю и къ патріарху".

Тотъ же Реберъ пишетъ однажды Лейбницу, что Гертель, Вольфенбюттельскій библіотекарь, учится по персидски у двухъ Персіанъ. Эти Персіане разказывали ему „про царскую любовницу, черезъ которую Лефортъ получилъ доступъ къ царю, что она дочь цѣловаль-

[1]) Объ этомъ Реберѣ Лейбницъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ въ Вольфенбюттель, стр. 5. Онъ былъ гофмейстеромъ молодаго принца Голштейнъ-Норбургскаго и жилъ съ нимъ при Вольфенбюттельскомъ дворѣ.

ницы (fille d'une cabaretière) — красивая брюнетка и очень хорошо сложена".

Хотя Лейбницъ относился съ большимъ сочувствіемъ къ великому преобразователю Россіи и возлагалъ на его дѣятельность большія надежды не только въ интересахъ Россіи, но и всего цивилизованнаго человѣчества, однако онъ въ то же время, подобно всѣмъ западнымъ людямъ того времени, не былъ совершенно свободенъ отъ опасенія, что возрастающее могущество Россіи можетъ быть обращено также противъ образованнаго міра. Оттого, когда началась война Россіи противъ Швеціи и ясно обнаружилось намѣреніе царя завладѣть берегомъ Балтійскаго моря, Лейбницъ сталъ не безъ нѣкотораго страха смотрѣть на эту войну. Мы видѣли, что Лейбницъ не былъ слишкомъ горячимъ приверженцемъ протестантизма, какъ извѣстнаго исповѣданія. Онъ былъ готовъ допустить различныя измѣненія въ его догматахъ ради соединенія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ одну церковь. Но въ виду фанатическаго деспотизма Людовика XIV и узкой ограниченности Римской куріи Лейбницъ цѣнилъ протестантизмъ, какъ одно изъ могущественнѣйшихъ орудій прогресса, и во всякомъ ущербѣ, нанесенномъ протестантизму, видѣлъ ущербъ цивилизаціи. Его опасенія усилились особенно послѣ Рисвикскаго мира, который нарушилъ права протестантовъ, дарованныя имъ Вестфальскимъ договоромъ. Швеціи германскій протестантизмъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ, и Швеція была одною изъ главныхъ державъ, гарантировавшихъ этотъ договоръ. Поэтому ослабленіе Швеціи казалось Лейбницу опаснымъ въ интересахъ протестантизма и въ виду наступательныхъ дѣйствій *романистовъ*, или ультрамонтановъ, какъ бы сказали въ наше время. Эта недовѣрчивость къ успѣхамъ Россіи и опасенія за Швецію высказываются въ перепискѣ Лейбница съ его шведскими знакомыми. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ знаменитый лингвистъ Спаргенфельдъ [1]).

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Спарвенфельдѣ (1655—1727 гг.) собраны г. *Пекарскимъ* въ его статьѣ «О перепискѣ Лейбница», гдѣ сказано, что Спарвенфельдъ, зная восточные языки, былъ отправленъ въ Россію при шведскомъ посольствѣ. Тамъ онъ выучился и русскому языку и возвратился оттуда съ славянскимъ рукописнымъ лексикономъ въ трехъ томахъ in-folio, который хранится въ Упсальской библіотекѣ. Г. Пекарскій сомнѣвается, чтобъ этотъ словарь былъ составленъ самимъ Спарвенфельдомъ, и предполагаетъ, что онъ въ Москвѣ списалъ лексиконъ, составленный малорусскими учеными Епифаніемъ Славинецкимъ и Арсеніемъ Корецкимъ, во второй половинѣ XVII вѣка. Этотъ лексиконъ оказалъ потомъ Спарвенфельду важную услугу въ Римѣ, гдѣ онъ поднесъ спи-

Переписка между Спарвенфельдомъ и Лейбницемъ началась въ 1696 году, значитъ, еще до пріѣзда Петра въ Германію. Въ этомъ году Лейбницъ пишетъ ему между прочимъ слѣдующее:

„Было бы хорошо изслѣдовать (d'approfondir) славянскіе языки. Вы это, вѣроятно, и сдѣлали, такъ какъ вамъ удалось извлечь свѣтъ изъ самой тмы, то-есть, изъ Москвы [1]. Я постоянно удивляюсь, что часто у сосѣднихъ народовъ, каковы Германцы и Славяне, языки такъ различны. Можетъ-быть, между ними находились въ прежнее время народы, которые составляли менѣе рѣзкій переходъ отъ одного языка къ другому и которые теперь истреблены".

Родословную таблицу Русскихъ царей, которую Лейбницъ показывалъ Лефорту, онъ получилъ отъ Спарвенфельда. Въ письмѣ отъ 29-го января 1697 года Лейбницъ благодаритъ за нее Спарвенфельда и называетъ ее «une pièce considérable».

Далѣе Лейбницъ сообщаетъ Спарвенфельду, что онъ получилъ русскую грамматику Г. В. Лудольфа, напечатанную въ Оксфордѣ [2].

„Она, кажется мнѣ, также какъ и вамъ, слишкомъ тощею, и такъ какъ авторъ ея говоритъ, что какой-то славянскій языкъ есть языкъ ученыхъ въ Московіи, то было бы хорошо сказать о немъ нѣсколько побольше и сравнить его съ разговорнымъ языкомъ Русскихъ. Слѣдовало бы также присовокупить небольшой лексиконъ. Но мы всегда будемъ много обязаны автору этой книги, если она послужитъ къ тому, чтобы побудить васъ къ изданію вашихъ изслѣдованій объ этихъ языкахъ. Я узналъ, что онъ былъ въ Московіи, и что онъ послѣ занималъ мѣсто секретаря при принцѣ Георгѣ Датскомъ. Я васъ прошу сказать мнѣ ваше мнѣніе объ этомъ славянскомъ языкѣ: съ какимъ языкомъ онъ представляетъ больше сходства, съ языкомъ ли Поляковъ, или Чеховъ, или же съ языкомъ Славянъ, живущихъ около Адріатическаго моря. У насъ есть также незначительные остатки Славянъ въ Люнебургской области по Эльбѣ. Я справлялся о нихъ и потребовалъ ихъ „Отче нашъ", въ которомъ нахожу слова, не встрѣчающіяся въ Молитвѣ Господней на другихъ славян-

---

сокъ съ него папѣ Иннокентію XII и въ благодарность за то получилъ отъ папы дозволеніе пользоваться сокровищами Ватиканской библіотеки, куда не допускаются протестанты. Въ библіотекѣ Спарвенфельда, ливонскій суперинтендентъ Бергъ, авторъ латинскаго сочиненія «Историко-богословскій обзоръ состоянія религіи и церкви въ Россіи» (Стокгольмъ, 1704 г.), читалъ записки Котошихина. Въ этомъ же сочиненіи Берга сохранилось силлабическое стихотвореніе Спарвенфельда на русскомъ языкѣ. Стихотвореніе это приведено у г. Пекарскаго. Изъ переписки Лейбница съ Спарвенфельдомъ оказывается, что послѣдній занималъ разныя должности при шведскомъ дворѣ и наконецъ былъ сдѣланъ оберцеремоніймейстеромъ.

[1] Ayant tiré des lumières des ténèbres mêmes, c'est-à-dire des Moscovites; стр. 122.

[2] Это мѣсто переведено у г. *Пекарскаго* изъ Leibn. Op. Omn. т. V, стр. 544.

сихъ нарѣчіяхъ, и повидимому, идущія отъ Пруссовъ, по поэтому мнѣ кажется, что этотъ родъ Вендовъ пришелъ изъ Литвы".

Продолженіе этого письма посвящено вопросамъ восточной этнографіи. Лейбницъ, замѣчая, что Лудольфъ въ приложеніи къ своей русской грамматикѣ говоритъ о бухарскихъ купцахъ, которые достигаютъ Сибири, полагаетъ, что это должны быть узбеки Бухарскіе, и на основаніи грамматики Китайскихъ Татаръ, которую онъ получилъ, выводитъ заключеніе, что „Гунны и Калмыки были одинъ и тотъ же народъ".

Когда царь пріѣхалъ въ Голландію, Лейбницъ писалъ Спарвенфельду [1]) слѣдующее:

„Царь останется въ Голландіи, пока не будетъ оконченъ корабль, на которомъ онъ работаетъ собственноручно. Онъ держится правила, что нужно изучить всѣ подробности, и онъ прошелъ черезъ всѣ военные чины своего собственнаго войска, состоя на дѣйствительной службѣ. Точно также онъ хочетъ изучить кораблестроительное дѣло отъ должности юнги до архитектора. Его намѣреніе похвально. Но мнѣ кажется, что онъ не имѣетъ при себѣ людей, которые могли бы достаточно удовлетворить его любознательности. Ему было бы нужно нѣчто въ родѣ Георгія Леонинскаго, который зналъ всѣ ремесла, или въ родѣ нашего Франциска Меркурія ванъ-Гельмонта, который, къ несчастію, заѣхалъ къ намъ, когда царя уже не было. Еслибъ онъ былъ моложе, онъ отлично пригодился бы царю. Теперь ему 80 лѣтъ, и не смотря на это, онъ путешествуетъ въ почтовыхъ телѣжкахъ и обладаетъ удивительными познаніями по всѣмъ предметамъ.

„Мнѣ говорили, что у васъ смотрятъ съ недоброжелательствомъ на намѣренія царя (on est jaloux des desseins du Czar). Это естественно. Впрочемъ въ настоящую минуту всѣ его виды направлены на то, чтобы воспользоваться благопріятными обстоятельствами противъ Турокъ. Онъ это самъ говорилъ Бранденбургской и Брауншвейгской курфирстинамъ при свиданіи съ ними въ одномъ замкѣ недалеко отсюда".

Затѣмъ Лейбницъ излагаетъ свои соображенія о языкахъ, употребляющихся въ Россіи, на основаніи того, что̀ ему сообщилъ Витзенъ. Это мѣсто очень замѣчательно. Изъ него видно, что Лейбницъ, не смотря на скудный матеріалъ, составилъ себѣ совершенно ясное и вѣрное понятіе о восточной этнографіи. Только въ послѣдствіи онъ отступилъ отъ этого взгляда и причислилъ Гунновъ къ Славянамъ, введенный въ заблужденіе словами Приска въ описаніи его путешествія къ Аттилѣ.

„Я полагаю", говоритъ Лейбницъ, „что Пермяки, разные сибирскіе народы и т. п. говорятъ на языкахъ не сходныхъ съ языкомъ Русскихъ. Въ языкѣ пермяковъ замѣтили лифляндскія слова. Это утверждаетъ меня въ убѣжденіи, что всѣ народы отъ Лапонцевъ до Татаръ, живущихъ за Каспійскимъ моремъ, ро-

[1]) Черновая Лейбница безъ означенія числа.

ственны по своему происхожденію (d'une race approchante), и что къ нимъ нужно отнести Финновъ, Эстонцевъ, Ливонцевъ, Пермяковъ, Самоѣдовъ и даже Венгерцевъ, которые жили между Сибирью и Каспійскимъ моремъ".

Справедливо ли это, — спрашиваетъ Лейбницъ Спарвенфельда. Затѣмъ онъ предлагаетъ ему другіе вопросы: въ какомъ родствѣ находятся татарскій, турецкій и крымскій языки, славянскаго ли происхожденія древніе Булгары? Наконецъ сообщаетъ куманскія слова, сохранившіяся въ каталогѣ Петрарки.

Въ письмѣ отъ 27-го декабря 1697 года Лейбницъ говоритъ о своихъ занятіяхъ. Друзья сердятся на него за то, что онъ оставляетъ математику для другихъ наукъ; они говорятъ, что онъ напрасно жертвуетъ положительными и вѣчными истинами ради изысканія непрочныхъ и мѣняющихся познаній, представляемыхъ исторіей и юридическими науками. Одинъ знакомый прислалъ ему русскую книгу, нѣчто въ родѣ грамматики, списокъ русскихъ словъ (un nomenclateur russe) и нѣсколько духовныхъ книгъ на лужицкомъ языкѣ. „Все это для меня Böhmische Dörfer", прибавляетъ Лейбницъ. Въ этомъ же письмѣ онъ разказываетъ Спарвенфельду о русскомъ толмачѣ, о которомъ упоминалъ уже въ письмѣ къ Софіи-Шарлоттѣ:

„У меня находится теперь въ услуженіи человѣкъ, который прибылъ сюда изъ Польши съ однимъ Московскимъ бояриномъ. Но такъ какъ Москвитяне народъ скупой и плутоватый (chiches) и не заботятся о томъ, чтобы дѣйствовать честно и порядочно, то и этотъ Москвитянинъ отдѣлался здѣсь отъ него очень не кстати. Я взялъ его къ себѣ не потому, чтобы нуждался въ немъ, а скорѣе изъ сожалѣнія. Онъ Венгерецъ по происхожденію и говоритъ одинаково по венгерски и по словацки. Онъ находился нѣкоторое время въ Польшѣ. Москвитянинъ взялъ его къ себѣ въ Данцигѣ въ качествѣ нѣмецкаго переводчика, обѣщая ему золотыя горы, и все это онъ плохо сдержалъ, такъ что нашъ дворъ находитъ, что онъ поступилъ съ нимъ очень гадко".

Лейбницъ хвалитъ нравы и способности этого Славянина, котораго онъ взялъ къ себѣ, и предлагаетъ его Спарвенфельду въ писцы. „Когда я его пріютилъ у себя, я мечталъ немного поучиться у него языку Словаковъ, но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Время не позволило мнѣ этого, и мнѣ пришлось отложить (rengainer) въ сторону свою любознательность".

Между тѣмъ Лейбницъ получилъ копію съ реляціи австрійскаго резидента въ Москвѣ отъ ноября 1698 года, въ которой описывалась казнь стрѣльцовъ. Лейбницъ разказалъ Спарвенфельду о страшной драмѣ, которою царь угостилъ резидента послѣ обѣда, и прибавилъ:

„Полагаютъ, будто бы царь имѣлъ намѣреніе сдѣлать этимъ косвенный упрекъ императору въ томъ, что онъ не довольно самовластенъ, ибо гово-

рять, что когда царь былъ въ Вѣнѣ и узналъ, что возвращеніе Филипсбурга (Французамъ) замедлилось отъ того, что ландграфъ Гессенъ-Кассельскій не хотѣлъ сдавать Рейнфельса, то онъ спросилъ: почему же императоръ не отсѣчетъ головы своему вассалу? Жалко, что этотъ замѣчательный государь, у котораго столько хорошихъ свойствъ, не можетъ еще отдѣлаться отъ своей склонности къ жестокости".

До того времени Лейбницъ все успокоивалъ Спарвенфельда насчетъ намѣреній царя, увѣрялъ его, что всѣ виды царя обращены на востокъ и на югъ, противъ невѣрныхъ. Теперь онъ пишетъ Спарвенфельду, что его опасенія справедливы. Царь послѣ мира съ Турціей дѣйствительно обратится противъ Швеціи. Шведы завладѣли нѣсколькими областями, въ которыхъ господствуютъ русскій языкъ и русская религія.

„Но вмѣсто того, чтобы задѣвать Швецію (se frotter contre la Suède), отъ чего ему можетъ не поздоровиться, я посовѣтовалъ бы ему обратить свое оружіе на востокъ и покорить варваровъ, напримѣръ, Калмыковъ, которые до сихъ поръ еще не признаютъ его власти. Правда, что завоеванія, которыя онъ могъ бы совершить съ этой стороны, сдѣлали бы его еще болѣе страшнымъ. Но такъ какъ онъ, повидимому, не хочетъ сидѣть сложа руки, то для христіанства лучше, если онъ будетъ дѣйствовать вдали отъ насъ".

Спарвенфельдъ согласился принять къ себѣ въ услуженіе Венгерца, о которомъ говорилъ ему Лейбницъ. Послѣдній писалъ ему на это 7-го апрѣля 1699 года:

„Я долженъ извѣстить васъ, что рекомендованное мною лице отправляется отыскивать васъ. Надѣюсь, что вы будете довольны имъ; я объяснилъ ему дѣло, какъ слѣдуетъ. Онъ кажется добрымъ и услужливымъ малымъ, знаетъ довольно по латыни, какъ водится это у Венгровъ и Поляковъ, и даже кое-что болѣе; при этомъ онъ свѣдущъ въ музыкѣ. Я сказалъ ему, что васъ интересуютъ славянскія нарѣчія, а г. Шмидтъ прибавилъ, что вы заставите его надъ этимъ работать, и что такимъ образомъ онъ можетъ быть полезенъ вамъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ дѣлахъ. Г. Шмидтъ также хочетъ дать ему письмо къ вамъ и одобряетъ мою рекомендацію. Въ послѣдствіи онъ можетъ получить какую-нибудь должность или повышеніе. Онъ везетъ къ вамъ окончаніе сочиненія Богорина [1]), славянскую грамматику на русскомъ языкѣ,

[1]) Въ изданіи Дутенса (L. Op. Omn., т. VI, ч. II, стр. 220) и въ переводѣ г. Пекарскаго сказано le reste de Bohoutz, что̀ не даетъ никакого смысла. Мы полагаемъ, что вмѣсто Bohoutz слѣдуетъ читать Bohorizh, и что подъ этимъ Лейбницъ разумѣетъ сочиненіе: Librum Adami Bohorizh: De Latina Carniolana Literatura ad Latinae linguae analogiam accomodata, unde Moscoviticae linguae cum Croatica.... cognatio facile deprehenditur, 1584. Объ этой книгѣ упоминается въ перепискѣ между Лейбницемъ и Лудольфомъ, см. Dut., ibid., стр. 148 и 151. Такъ какъ она составляла большую рѣдкость, то Лейбницъ, вѣроятно, велѣлъ списать ее для Спарвенфельда.

заглавіе которой я вамъ сообщилъ, и еще другую маленькую книжку такого же содержанія и на томъ же языкѣ. Но такъ какъ эта славянская грамматика, равно какъ и маленькая книжка, принадлежатъ не мнѣ, то будьте такъ добры, возвратите ихъ, когда онѣ вамъ не будутъ болѣе нужны [1].... Лексиконъ, о которомъ я вамъ писалъ, заключаетъ въ себѣ только русскія слова, употребляющіяся въ обиходной жизни; поэтому я его вамъ не посылаю. О лексиконѣ langue locale вы писали, чтобъ его вамъ прислать. Я не понимаю, что означаетъ это выраженіе. Печатная книга г. де-ла-Невиля (который умеръ) не заключаетъ въ себѣ ничего такого, чего не было бы въ рукописи [2]), кромѣ посвященія его Французскому королю. Это посвященіе разоблачаетъ намѣренія автора, ибо изъ него видно, что онъ отправился въ Россію въ качествѣ польскаго посланника только по имени, на самомъ же дѣлѣ какъ французскій эмиссаръ. Это бросаетъ тѣнь на память покойнаго Польскаго короля, который согласился на такой поступокъ, не смотря на то, что былъ союзникомъ императора. Полагаютъ, что г. де-ла-Невиль говорилъ правду; но мнѣ кажется, что ему нельзя особенно довѣрять, ибо я слыхалъ, что онъ былъ нѣсколько хвастливъ (hableur). Вы меня обяжете, если составите и сообщите мнѣ таблицу (une table harmonique) произношенія славянскихъ нарѣчій, сравнительно съ латинскимъ и другими языками. У меня теперь нѣтъ подъ руками книги Менинскаго, которая находится въ Вольфенбюттелѣ, а не здѣсь, и потому я и не въ состояніи сказать о ней свое мнѣніе".

Въ томъ же году Спарвенфельдъ прислалъ Лейбницу таблицу славянскихъ алфавитовъ, о которой тотъ его просилъ. Лейбницъ благодарилъ его и сообщилъ ему нѣсколько замѣчаній по поводу ея.

Если Лейбницъ подъ впечатлѣніемъ непріятныхъ извѣстій о страшныхъ казняхъ въ Москвѣ становился недовѣрчивъ къ Русскимъ, то

[1]) Г. Пекарскій полагаетъ, что русскія книги, посланныя Лейбницемъ въ Стокгольмъ, судя по ихъ заглавіямъ и небольшому формату, несомнѣнно принадлежали къ числу тѣхъ, которыя по распоряженію Петра Великаго печатались въ Амстердамѣ Ильею Копіевскимъ, *Полякомъ* по рожденію. Кромѣ того г. Пекарскій сдѣлалъ предположеніе, что человѣкъ, рекомендованный Лейбницемъ и не названный по имени, былъ самъ Копіевскій. Теперь же изъ другихъ писемъ Лейбница къ Спарвенфельду и изъ письма его къ Софіи-Шарлоттѣ оказалось, кто былъ этотъ человѣкъ, и какимъ образомъ онъ сдѣлался извѣстенъ Лейбницу. Впрочемъ изъ письма Лейбница къ Берлинской академіи (1712 года) видно, что онъ дѣйствительно находился въ какихъ-то сношеніяхъ съ Копіевскимъ, или какъ онъ его называетъ, Copiewiz: «Wie dann mit einem gewissen H. Copiewiz, so hernach wirklich in Moscau zu Beförderung der Studien gebrauchet worden, in Handel gestanden». Объ этихъ сношеніяхъ Лейбницъ нигдѣ не упоминаетъ.

[2]) Сочиненіе Невиля извѣстно подъ заглавіемъ Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, 1689. Проѣзжая черезъ Ганноверъ, Невиль оставилъ герцогинѣ Софіи списокъ своей реляціи. Эту-то рукопись, которая хранится въ Ганноверской публичной библіотекѣ, Лейбницъ и сличалъ съ напечатанною книгою.

другія болѣе благопріятныя извѣстія опять успокоивали его. Въ январѣ 1700 года онъ пишетъ Спарвенфельду:

„Москвитяне, какъ кажется, начинаютъ исправляться и мало по малу становятся болѣе цивилизованными (apprivoiser). Дай Богъ только, чтобы царевичъ-наслѣдникъ получилъ хорошее воспитаніе, о чемъ, какъ говорятъ, тамъ стараются. Увѣряютъ, что г. Карловицъ, саксонскій дворянинъ и генералъ-лейтенантъ Польскаго короля, сдѣлается преемникомъ покойнаго Лефорта по должности и по расположенію царскому. Мнѣ разказывали также, что жена русскаго посланника, недавно проѣхавшаго черезъ Берлинъ, очень красива и очень умна (très-raisonnable). Я знаю, что она очень понравилась курфирстинѣ (Софіи-Шарлоттѣ) и что самъ посланникъ — человѣкъ умный и даже образованный. Мнѣ говорили, что отецъ царя сердился на отца этого посланника за то, что тотъ хлопоталъ объ образованіи сына, а между тѣмъ это и повело къ тому, что онъ можетъ служить теперешнему царю“.

Подъ вліяніемъ этихъ хорошихъ впечатлѣній Лейбницъ уговариваетъ Спарвенфельда, чтобъ онъ занимался славянскимъ языкомъ. „Эти занятія“, замѣчаетъ Лейбницъ, „будутъ теперь совершенно современны (de saison), ибо остальная Европа станетъ все болѣе и болѣе сближаться съ Россіей“.

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ Спарвенфельдъ жалуется на трудность опредѣлить степень родства между языками финскимъ, готскимъ и славянскимъ. Лейбницъ отвѣчаетъ ему на это: „Не мнѣ испить море. Я предоставляю это людямъ съ такою глубокою ученостью, какъ вы, и довольствуюсь тѣмъ, чему могу научиться отъ другихъ“ [1]).

Посланникъ, о которомъ упоминаетъ Лейбницъ, былъ извѣстный Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, первый русскій дипломатъ. Онъ отправлялся въ Гагу, гдѣ онъ провелъ двѣнадцать лѣтъ въ неусыпныхъ трудахъ, чтобы поддержать хорошія отношенія между Россіей и морскими державами и отклонить ихъ отъ союза съ Карломъ XII. Въ 1712 году онъ былъ переведенъ въ Вѣну, и тамъ, какъ мы увидимъ въ свое время, Лейбницъ старался оказывать ему различныя дипломатическія услуги и желалъ черезъ него обратить на себя вниманіе русскаго двора.

Съ графинею Матвѣевою Лейбницъ познакомился еще прежде, вѣроятно, при Берлинскомъ дворѣ, гдѣ она имѣла извѣстное столкновеніе съ графинею Вартенбергъ, которое кончилось не въ пользу послѣдней. Какъ видно, личное впечатлѣніе, которое Матвѣева произ-

---

[1]) «Ce n'est pas à moi à boire la mer. Je laisse ceci à l'abime d'érudition comme la vôtre et me contente de ce que vous autres me voulez apprendre».

дѣла на Ганноверскаго философа, совершенно соотвѣтствовало слухамъ о ея красотѣ и умѣ, ибо Лейбницъ воспѣлъ ихъ въ послѣдствіи въ слѣдующихъ стихахъ [1]):

Votre soleil, Madame, est extraordinaire:
S'éstant levé d'abord dans le septentrion
Il a de l'occident fait l'admiration.
Au Batave, au François son brillant a sçu plaire.
Quoyque à l'ordre commun sa course soit contraire.
Votre éclat et beauté s'attirent les regards,
Les encens, les hommes s'offrent de toutes parts:
L'orient prend icy part à votre lumière;
Vienne en ce beau jour célèbre votre nom.
D'un excellent époux rejoignant la carrière,
Votre gloire, Madame, égale son renom.

Если въ письмахъ къ Спарвенфельду Лейбницъ обнаруживаетъ только заботу насчетъ судьбы Швеціи, то въ своемъ письмѣ къ другому Шведу Сторрену онъ выражаетъ полную симпатію къ ней и къ ея молодому королю, который такимъ блестящимъ образомъ началъ свою дѣятельность. Опасенія Лейбница сбылись. Противъ Швеціи составился страшный союзъ трехъ сосѣднихъ державъ; войска Августа Польскаго, принявшаго католицизмъ, вступили въ Лифляндію, чтобы покорить эту страну. Молодой король, поспѣшившій съ такимъ героизмомъ на защиту своихъ владѣній, могъ напомнить Лейбницу своего предка Густава-Адольфа. Подъ этими впечатлѣніями, Лейбницъ встрѣтился въ Берлинѣ съ шведскимъ агентомъ Сторреномъ [2]), который много разказывалъ ему про войну въ Ливоніи. Черезъ нѣсколько времени Сторренъ присылаетъ ему отвѣтъ, написанный имъ на манифестъ Польскаго короля противъ Швеціи. Письмомъ отъ 23-го сентября 1701 года Лейбницъ благодаритъ его за присылку и выражаетъ надежду, что война окончится сдѣлкою между Польшей и Швеціей, и что „Москвитяне поплатятся за свое безуміе" (payeront la folle enchère).

„Дѣйствительно", продолжаетъ онъ, „завоеванія, которыя Швеція сдѣлаетъ съ этой стороны, вызовутъ всего менѣе зависти и противодѣйствія и могутъ быть очень значительны. Самая лучшая пеня, которой можно бы было подвергнуть Варшавскій дворъ, по моему мнѣнію, должна была бы со-

[1]) Sur la célébration du jour marqué par le nom de S. Ex. M-me l'Ambassadrice de Mattveof. Vienne. 1714. Juni 6, въ Leibn. Gesam. Werke, ed. Pertz, т. IV.

[2]) Объ этомъ Сторренѣ намъ ничего не извѣстно. Между бумагами Лейбница находится только одно письмо къ Сторрену, изъ котораго мы взяли вышеизложенныя подробности.

стоять въ томъ, чтобы принудить его оказать вамъ помощь. Черезъ это король Августъ выигралъ бы столько же, сколько и сама республика, которая этимъ путемъ могла бы пріобрѣсть Смоленскъ и другіе города. Что касается до меня, то я желалъ бы, чтобы вашъ молодой король властвовалъ до самой Москвы и до рѣки Амура, которая, какъ говорятъ, отдѣляетъ имперію Московитянъ отъ Китая. Теперешнія обстоятельства таковы, что партія протестантовъ, въ которой вашъ король играетъ такую важную роль, чрезвычайно нуждается въ какомъ-нибудь значительномъ приращеніи послѣ столькихъ печальныхъ событій. Ваши завоеванія съ этой стороны были бы очень важны для общаго блага. Имя рѣки, которую я называлъ, служитъ добрымъ предзнаменованіемъ и напоминаетъ мнѣ общія желанія, чтобы вашъ король (qui se mêle de vouloir donner de *l'amour* à votre monarque) былъ также счастливъ въ *любви*, какъ на войнѣ.

„Eadem, quae dura cura
Arma jubet, virtus teneros inspirat amores".

Игра словъ, ради которой Лейбницъ пожелалъ Шведамъ расширить свои владѣнія до Амура, вызвана распространившимися въ то время слухами о переговорахъ относительно брака молодаго Карла XII. Въ концѣ письма Лейбницъ выражаетъ надежду, что увидится съ Сторреномъ въ Берлинѣ, и говоритъ, что пріѣздъ Стоппена въ столицу Пруссіи былъ бы хорошимъ признакомъ того, что между враждующими державами происходитъ сближеніе.

Этимъ письмомъ можно заключить первый періодъ въ отношеніяхъ Лейбница къ Россіи. Мы видѣли, что въ теченіе этого времени онъ не былъ знакомъ ни съ кѣмъ изъ Русскихъ; даже изъ иностранцевъ, вступившихъ въ русскую службу, онъ познакомился вскользь только съ однимъ Лефортомъ, племянникомъ царскаго любимца, не задолго передъ тѣмъ пріѣхавшимъ въ Россію. Переписка Лейбница о Россіи въ это время происходила съ людьми или равнодушными, или даже враждебными къ ней, какими были, напримѣръ, его шведскіе корреспонденты. Желанія Лейбница относительно Россіи въ началѣ клонились главнымъ образомъ къ тому, чтобы получить изъ нея интересный лингвистическій матеріалъ и чтобы съ ея помощью усилить сношенія Европейцевъ съ Китаемъ и распространить христіанство и европейскую науку на отдаленномъ востокѣ. Но ужъ и въ то время Лейбницъ съ сочувствіемъ относится къ личности и намѣреніямъ Петра, предлагаетъ свои услуги для перенесенія въ Россію европейской цивилизаціи и мечтаетъ о хорошемъ воспитаніи царевича для обезпеченія благотворной отцевской дѣятельности. Второй періодъ можно считать отъ начала Шведской войны до 1711 года, то-есть, до свиданія Лейбница съ самимъ Пет-

ромъ. Въ 1707 году одинъ изъ его хорошихъ знакомыхъ — баронъ Урбихъ вступилъ въ рускую службу и получилъ важный дипломатическій постъ посланника въ Вѣнѣ. Въ изобрѣтательномъ умѣ Лейбница тотчасъ блеснула надежда воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ. Прежнія его желанія и надежды относительно Россіи не уничтожаются, но на первый планъ выступаютъ двѣ новыя цѣли — вопервыхъ, втянуть Россію въ политику запада и союзомъ съ нею усилить европейскую коалицію противъ Франціи, и вовторыхъ, сдѣлаться лично извѣстнымъ Петру и принять прямое участіе въ великомъ дѣлѣ водворенія въ Россіи науки и образованія.

II.

Письмо Лейбница къ Любеницкому, отправляющемуся въ Россію. — Гюйссенъ. — Его знакомство и переписка съ Лейбницемъ.— Письмо Гюйсена изъ Москвы о царевичѣ Алексѣѣ. — Гюиссенъ въ Вѣнѣ въ качествѣ дипломатическаго агента Россіи. — Урбихъ. — Его знакомство и переписка съ Лейбницемъ. — Вступленіе Урбиха въ рускую службу. — Переписка Урбиха съ Лейбницемъ въ 1707 и 1708 годахъ. — Лейбницъ предлагаетъ чрезъ Урбиха свои услуги царю. — Отвѣтъ Урбиха. — Первая попытка Урбиха завести чрезъ Лейбница дипломатическія сношенія между Россіей и Ганноверомъ. — Жалоба Урбиха на Гюиссена. — Пріѣздъ Лейбница въ Вѣну для свиданія съ Урбихомъ. — Записка о введеніи наукъ въ Россію, представленная черезъ Урбиха въ 1708 году. — Предложенія рускаго правительства выслать войско противъ Франціи. — Старанія Урбиха и Лейбница о присылкѣ рускаго войска на Рейнъ.— Впечатлѣніе, произведенное Полтавскою битвою. — Урбихъ предлагаетъ ганноверскому правительству черезъ Лейбница союзъ съ Россіей. — Разговоръ Лейбница съ Бернсдорфомъ. — Политика Ганновера во время Шведской войны.— Отправленіе въ Ганноверъ князя Куракина для постановленія союзнаго договора. — Переписка Лейбница съ Ла Крозомъ о Несторѣ и Варягахъ.— Поѣздка Урбиха въ Москву. — Стараніе Урбиха устроить бракъ между принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ и Анной Іоанновною. — Отвѣтъ на предложенія Лейбница, привезенный Урбихомъ изъ Москвы. — Переписка ихъ о вселенскомъ соборѣ. — Разговоръ Лейбница съ Бернсдорфомъ о политикѣ Ганновера относительно Россіи.— Лейбницъ выражаетъ желаніе сдѣлаться президентомъ Петербургской Академіи. — Пріѣздъ царевича въ Вольфенбюттель. — Лейбницъ предлагаетъ устроить для царя рельефное изображеніе Россіи съ аллегорическими эмблемами. — Желаніе Лейбница переселиться въ Вольфенбюттель. — Записка Лейбница къ герцогу Антону-Ульриху о введеніи наукъ въ Россію и просьба о ходатайствѣ передъ царемъ. — Поѣздка къ царю въ Торгау.

Мы видѣли, что Лейбницу не удалось воспользоваться пріѣздомъ въ Германію царя Петра и его великаго посольства для своихъ ученыхъ цѣлей. Онъ не имѣлъ случая завести знакомство ни съ кѣмъ изъ

Русскихъ, ни даже изъ иностранцевъ, состоявшихъ въ русской службѣ; онъ познакомился только съ Лефортами, изъ которыхъ одинъ, знаменитый любимецъ царя, вскорѣ послѣ того умеръ, а племянникъ его Петръ былъ взятъ въ плѣнъ въ Нарвскомъ сраженіи и отведенъ въ Швецію. Чтобы получать свѣдѣнія о Россіи, Лейбницу оставалось только прежнее средство — поддерживать сношенія съ заграничными учеными, подобно Витзену и Спарвенфельду, которые сами бывали въ Россіи и были въ состояніи сообщить ему кое-какой матеріалъ. Но вскорѣ и это средство истощилось. Шведская война лишила Спарвенфельда возможности сноситься съ Россіей. Витзенъ же дѣлалъ, что̀ могъ, но скоро и онъ пересталъ высылать Лейбницу получаемый имъ изъ Россіи лингвистическій матеріалъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ Лейбницъ напрасно старался прійскать новыхъ лицъ, чтобы чрезъ посредство ихъ получать свѣдѣнія изъ Россіи. Онъ пользовался своими обширными связями при разныхъ дворахъ, чтобы рекомендовать для русской службы людей, черезъ которыхъ надѣялся достигнуть своей цѣли. Такъ, въ 1702 году какой-то медикъ Кортгольтъ, котораго впрочемъ не слѣдуетъ смѣшивать съ ученымъ Кортгольтомъ, благодарилъ Лейбница письмомъ за его рекомендацію при Берлинскомъ дворѣ. Этой рекомендаціи онъ обязанъ тѣмъ, что русскій посолъ въ Берлинѣ предложилъ ему на отличныхъ условіяхъ мѣсто лейбмедика при царѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Лейбницъ получилъ изъ Берлина письмо отъ какого-то Любенецкаго, который говоритъ о себѣ, что онъ „кончаетъ портреты для царя". Любенецкій предостерегаетъ Лейбница насчетъ Кортгольта, который навлекъ на себя его подозрѣніе своимъ хвастовствомъ. Любенецкій, какъ видно, собирался также вступить въ русскую службу и обѣщалъ Лейбницу въ этомъ случаѣ свое содѣйствіе. „Говорятъ, что Паткуль"—пишетъ Любенецкій—„поѣхалъ въ Москву, гдѣ онъ былъ очень хорошо принятъ и получилъ должность министра (ministre d'état); если это правда, то наши планы отъ этого могутъ много выиграть. Вчера я былъ у русскаго посланника: онъ хочетъ дать мнѣ письмо къ посланнику въ Варшавѣ, чтобъ я могъ съ нимъ совершить мое путешествіе". Какого рода были планы, о которыхъ упоминаетъ Любенецкій, видно изъ отвѣта Лейбница: „Если вашъ путь будетъ лежать на Москву, вы можете расспрашивать медиковъ и другихъ ученыхъ людей (virtuosis) о предметахъ естественной исторіи, а купцовъ о товарахъ, которые производятся въ Москвѣ или привозятся туда изъ другихъ мѣстъ, особенно же о китайскомъ ка-

раванѣ и относящихся сюда подробностяхъ. Кромѣ того, вамъ извѣстно, что я давно желалъ получить образчики нарѣчій, на которыхъ говорятъ во владѣніяхъ царя и въ сосѣднихъ странахъ, особенно „Молитву Господню“ съ подстрочнымъ переводомъ и нѣсколько словъ изъ болѣе употребительныхъ. Преимущественно же я желаю имѣть свѣдѣнія о различныхъ племенахъ татарскихъ и объ ихъ отличіяхъ. По языкамъ можно всего лучше различать народы, но необходимо при этомъ знать географическое положеніе страны, въ которой употребляется извѣстный языкъ. Можно также освѣдомиться, нѣтъ ли въ Москвѣ рукописей греческихъ отцевъ церкви. Если представится случай, то прошу передать мой почтительный поклонъ г. Гюйссену. Онъ можетъ во многомъ дать полезныя указанія. Если вамъ случится найдти что-нибудь любопытное и не слишкомъ дорогое, то было бы не дурно пріобрѣсти образчикъ. Здѣсь неизвѣстно, какимъ спос бомъ Русскіе выдѣлываютъ юфть, такъ что она получаетъ пріятный запахъ“.

Гюйссенъ, къ которому Лейбницъ совѣтуетъ обратиться за указаніями,—лицо, хорошо извѣстное въ литературной исторіи Петровской эпохи, благодаря тщательному изслѣдованію г. Пекарскаго [1]. Въ толпѣ людей, спѣшившихъ со всѣхъ концевъ Европы въ Россію, чтобы служить ей своимъ мечемъ, явился человѣкъ, готовый служить ей другимъ оружіемъ. Когда Россія стала сближаться съ западною Европою, тамъ уже выработалась извѣстная сила общественнаго мнѣнія, и періодическая литература начинала ужъ оказывать вліяніе на политическія дѣла. Поэтому нужно было дѣйствовать на это общественное мнѣніе, возбуждать симпатіи западной Европы въ пользу молодаго народа и его царя, искавшихъ просвѣщенія, и опровергать клеветы, которыя распространялись политическими врагами Россіи. Первый русскій дипломатъ графъ Матвѣевъ не разъ жаловался Петру на дурное впечатлѣніе, которое производили въ Европѣ ложныя или искаженныя извѣстія о Россіи, печатавшіяся въ голландскихъ куран-

[1] Подъ конецъ своей жизни Гюйссенъ, вынужденный бѣдностію, подалъ записку, въ которой перечислилъ всѣ услуги, оказанныя имъ русскому правительству. Эту записку датскій путешественникъ Ф. Гавенъ внесъ въ описаніе своего путешествія, которое потомъ было напечатано у Бюшинга. На русскомъ языкѣ записка сохранилась въ болѣе подробномъ, хотя черновомъ спискѣ. Пользуясь ея указаніями, г. Пекарскій въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», I, стр. 64—107, подробно описалъ литературную дѣятельность Гюйссена и привелъ тѣ статьи въ заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ Петровскаго времени, которыя были написаны подъ его руководствомъ.

тахъ по наущенію шведскихъ резидентовъ. Чтобы противодѣйствовать подобной агитаціи Петръ пожелалъ имѣть за границей особое лицо, которое должно было слѣдить за тамошнею печатью, входить въ сношенія съ литераторами и журналистами и склонять ихъ въ пользу Россіи. Этимъ первымъ русскимъ агентомъ по заграничной печати и былъ баронъ Гюйссенъ. Онъ окончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ Страсбургскомъ университетѣ и сдѣлался извѣстенъ нѣкоторыми юридическими сочиненіями и историческими изданіями [1]). Онъ былъ нѣкоторое время наставникомъ при сынѣ прусскаго министра Данкельмана, и вѣроятно, въ это время совершилъ свое путешествіе по Италіи и Германіи, въ продолженіе котораго завелъ сношенія съ многими литераторами и учеными. Послѣ того онъ служилъ совѣтникомъ при княжескомъ домѣ Вальдекъ и тутъ получилъ приглашеніе отъ Паткуля вступить въ русскую службу. При этомъ Гюйссенъ въ подписанныхъ Петромъ статьяхъ обязывался: 1) отыскивать и приглашать въ русскую службу иностранныхъ офицеровъ, инженеровъ, мануфактуристовъ, ружейниковъ, художниковъ, берейторовъ, кузнецовъ и другихъ мастеровыхъ, особенно такихъ, которые понимали бы по польски или по чешски; 2) переводить, печатать и распространять царскія постановленія, издаваемыя для устройства военной части въ Россіи; 3) склонять ученыхъ голландскихъ, германскихъ и другихъ странъ, чтобъ они посвящали царю или членамъ его семейства, или наконецъ царскимъ министрамъ, замѣчательнѣйшія изъ своихъ произведеній, преимущественно касающіяся исторіи, политики и механики; также чтобъ эти ученые писали статьи къ прославленію Россіи; 4) войдти въ переговоры съ почтмейстерами разныхъ государствъ о правильной разсылкѣ русскихъ писемъ.

Лейбницъ давно зналъ Гюйссена и находился съ нимъ въ пере-

[1]) Въ 1689 году вышла его Dissert. inaug. de Justitio, vom Stillstand des Gerichts. Потомъ съ 1694 по 1703 годъ онъ издалъ Histoire des Conclaves depuis Clement V jusqu'à présent. Ему приписывается также анонимное описаніе путешествія по Италіи, вышедшее въ 1701 году. Во время своего путешествія онъ собиралъ разные матеріалы, которые потомъ издавалъ. Такъ, въ Польшѣ, по дорогѣ въ Москву, онъ добылъ нѣкоторыя письма Польскаго короля Сигизмунда-Августа, которыя издалъ въ 1703 году, и рукопись Длугоша, изданную имъ въ 1712 году. Въ Италіи онъ добылъ «Военныя Инструкціи» знаменитаго Монтекукули, изданіе которыхъ онъ посвятилъ Петру въ 1704 году, а въ 1708 году издалъ Записки Монтекукули о Венгерскихъ походахъ 1661 и 1664 годовъ. Для русской исторіи, какъ извѣстно, всего болѣе замѣчательно возраженіе Гюйссена противъ памфлета Нейгебауера и его поденный журналъ.

нискѣ, хотя повидимому, не въ очень дѣятельной. Первое извѣстное намъ письмо Гюйссена къ Лейбницу прислано въ 1692 году изъ Ессена въ Вестфаліи. Молодой докторъ правъ относится съ большимъ почтеніемъ къ знаменитому ученому. Онъ считаетъ встрѣчу и непродолжительную бесѣду съ нимъ самымъ счастливымъ событіемъ своего путешествія. Гюйссенъ, путешествуя по Италіи и Германіи, вездѣ слышалъ самыя восторженныя похвалы Лейбницу отъ тѣхъ, кто его зналъ. Онъ много говорилъ о Лейбницѣ съ папскимъ нунціемъ въ Кельнѣ и съ комендантомъ крѣпости барономъ Нессельроде, которые оба были большими любителями и знатоками художественныхъ произведеній и монетъ. При своемъ письмѣ Гюйссенъ отправилъ къ Лейбницу нѣсколько медалей, вычеканенныхъ барономъ Нессельроде, и свою диссертацію «De Justitio». Эта диссертація была написана имъ по поводу преобразованія имперской камеры въ Шпейерѣ и напечатана въ *Ученыхъ Запискахъ* Пармы и Феррары. Гюйссенъ проситъ Лейбница исправить его произведеніе и дополнить его цитатами изъ авторовъ, которые писали о томъ же предметѣ.

Дальнѣйшій ходъ переписки между Гюйссеномъ и Лейбницемъ намъ неизвѣстенъ. Сохранилось письмо, написанное Лейбницемъ уже одиннадцать лѣтъ спустя, въ октябрѣ 1703 года. Гюйссенъ тогда находился уже въ русской службѣ, и Лейбницъ называетъ его военнымъ совѣтникомъ царя (conseiller de guerre du czar). Лейбницъ, очевидно, не зналъ, что Гюйссенъ въ это время получилъ послѣ Нейгебауера мѣсто наставника при царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. Онъ желаетъ воспользоваться его пребываніемъ въ Россіи, чтобы получить отъ него свѣдѣнія, которыхъ онъ такъ давно домогался. „Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь васъ узнать“, пишетъ онъ ему, „я всегда очень высоко ставилъ ваши заслуги, и извѣстіе, что вы собираетесь въ Московію и хотите, такъ-сказать, оставить нашъ міръ, очень огорчило бы меня, еслибъ я не зналъ, что вы можете принести тамъ большую пользу обществу, содѣйствуя образованію тамошняго народа сообразно съ геройскимъ намѣреніемъ его государя. Вы безконечно обязали бы меня, если бы сообщили мнѣ свѣдѣнія объ управленіи, о состояніи наукъ и искусствъ въ этой странѣ и о намѣреніяхъ его царскаго величества относительно всего этого“. Затѣмъ Лейбницъ повторяетъ свою постоянную жалобу, что путешественники и географы обращаютъ слишкомъ мало вниманія на лингвистическія различія, и проситъ Гюйссена содѣйствовать собиранію лингвистическаго матеріала въ Россіи посредствомъ перевода „Молитвы Господней“ на нарѣчія инородцевъ. „Еслибъ

его царское величество отдалъ повелѣніе приступить къ этому дѣлу, оно послужило бы столько же къ его славѣ, сколько и къ общественной пользѣ". Сообщая Гюйссену, что въ Лейпцигѣ изданы письма Польскаго короля Сигизмунда-Августа по рукописи, принадлежащей Гюйссену, Лейбницъ продолжаетъ: „Вы, безъ сомнѣнія, могли бы обогатить насъ многими интересными вещами, и еслибъ я былъ въ состояніи оказать вамъ въ этомъ отношеніи какую-нибудь услугу, то считалъ бы честію для себя исполнить ваши приказанія. Я всегда съ удовольствіемъ буду получать извѣстія о вашемъ цвѣтущемъ государствѣ и о томъ, что̀ вы дѣлаете для общественнаго блага". Въ концѣ письма Лейбницъ сообщаетъ Гюйссену разныя новости изъ „своего міра", о проѣздѣ Испанскаго короля черезъ Ганноверъ и о ходѣ военныхъ дѣлъ. Лейбницъ былъ очень озабоченъ дурнымъ оборотомъ, который приняли эти дѣла для Габсбурговъ и для Германіи. Австрійскій генералъ Стирумъ былъ совершенно разбитъ Французами въ Баваріи; партія „недовольныхъ" овладѣла почти всею верхнею Венгріей. „Вообще дѣла въ Германіи идутъ такъ дурно, что почти можно было бы воскликнуть:

Ultra Sauromata fugere hinc libet et glaciale oceanum [1]).

„Ибо если мы станемъ продолжать такъ, какъ мы теперь дѣйствуемъ, и если пріѣздъ новаго короля въ Испанію не произведетъ тамъ переворота, то Франція скоро овладѣетъ Рейномъ, и имперія окончательно разложится".

(Отвѣтъ Гюйссена изъ Москвы, отъ 23-го декабря 1703 года, заключаетъ въ себѣ различныя любопытныя подробности о Россіи и царевичѣ Алексѣѣ [2]).

„Не малымъ утѣшеніемъ было для меня, когда я увидѣлъ изъ вашего письма, которое вы сдѣлали мнѣ честь написать 5-го ноября, что особа такого замѣчательнаго достоинства, какъ вы, снисходительно храните обо мнѣ такую

[1]) Горацій: «Хотѣлось бы бѣжать за предѣлы Сарматовъ и за Ледовитый океанъ».

[2]) Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ англійскомъ переводѣ у *John Kemble*: State Papers and Correspondence illust. of the Social and Political State of Europe. London, 1857. По обычаю англійскихъ издателей-дилетантовъ, Кембль не позаботился даже указать, гдѣ находится оригиналъ, который онъ нашелъ нужнымъ напечатать въ переводѣ. Въ отвѣтѣ своемъ Гюйссенъ говоритъ о письмѣ Лейбница отъ 5-го ноября. Это, вѣроятно, то же самое письмо, которое мы привели въ текстѣ: черновая его помѣчена 7-го октября, но самое письмо было отправлено позднѣе.

лестную память. Я гордился этимъ передъ Брюсомъ, генераломъ отъ артиллеріи, и Фергюсономъ[1]). Брюсъ—первый иностранецъ, который былъ назначенъ председателемъ одного изъ царскихъ приказовъ, а Фергюсонъ преподаетъ здѣсь математику. Оба они знаютъ васъ по репутаціи и по лестному отзыву о васъ англійскихъ математиковъ въ ихъ сочиненіяхъ. Первый даетъ мнѣ списокъ языковъ, которые въ употребленіи въ странахъ, принадлежащихъ этому обширному государству, и точное описаніе самихъ странъ. Я далъ то же порученіе лицамъ, служащимъ въ тѣхъ приказахъ, которые завѣдываютъ этими отдаленными странами, и другимъ, кто тамъ бывалъ. Такимъ образомъ я надѣюсь удовлетворить васъ сколько-нибудь относительно тѣхъ вопросовъ, которые вы мнѣ дѣлаете. Избрандъ, бывшій посланникомъ его царскаго величества въ Китаѣ, напечаталъ свое путешествіе in-octavo въ Голландіи, вмѣстѣ съ картой и описаніемъ странъ, по которымъ онъ путешествовалъ; изъ этой книги можно почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету. Отъ Англичанина[2]) вы получите съ этимъ письмомъ отчетъ о томъ, что̀ сдѣлано у насъ въ области науки. Шлю вамъ нижайшую благодарность за превосходныя замѣчанія по поводу политическихъ новостей; было бы очень пріятно слышать ихъ чаще, но такъ какъ другія болѣе важныя дѣла занимаютъ васъ, я едва осмѣливаюсь просить васъ оказывать мнѣ отъ времени до времени честь вашими письмами. Вы оказали бы мнѣ особенную милость, если бы поручили это какому-нибудь довѣренному лицу, которому я изъявилъ бы полную признательность за эту услугу.

„Мы болѣе чѣмъ когда-либо заняты приготовленіями къ походу слѣдующаго года. Изъ пяти русскихъ слугъ, у кого бы они ни были въ услуженіи, берутъ одного въ солдаты. Кто не расположенъ слѣдовать за барабаномъ, бросаетъ своего господина и обращается въ бѣгство, чтобы не попасть въ рекруты. Здѣсь серіозно принимаются за дѣло съ тѣмъ, чтобы подать помощь Польскому королю, какъ деньгами, такъ и людьми.

„Кромѣ должности военнаго совѣтника, его величество сдѣлалъ мнѣ честь, довѣривъ мнѣ воспитаніе его высочества царевича и завѣдываніе его дворомъ. У царевича нѣтъ недостатка въ способностяхъ и живости; у него есть честолюбіе, сдерживаемое благоразуміемъ, здравый смыслъ, большое желаніе отличиться и пріобрѣсти все, что̀ считается нужнымъ для наслѣдника большаго государства; онъ уступчиваго и тихаго нрава и показываетъ желаніе пополнить большимъ прилежаніемъ то, что̀ было упущено въ его воспитаніи. Я замѣчаю въ немъ большую наклонность къ набожности, справедливости, прямотѣ и чистотѣ нравовъ; онъ любитъ математику и иностранные языки и очень желаетъ посѣтить чужіе края. Царевичъ хочетъ основательно изучить французскій и нѣмецкій языки; онъ началъ учиться танцамъ, фехтованію и военнымъ упражненіямъ, которыя доставляютъ ему большое наслажденіе. Его величество позволилъ ему не соблюдать строго постовъ, изъ страха, чтобъ это не повредило его здоровью и силамъ, но онъ не хочетъ пользоваться этимъ разрѣшеніемъ изъ набожности.

[1]) У Кембля это лицо названо Ferkelsohn. Но здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь объ Англичанинѣ Ferguson, которому Лейбницъ писалъ въ Москву въ 1712 году.

[2]) Вѣроятно, Фергюсонъ.

„Его величество возвратился изъ Воронежа, гдѣ онъ началъ строить много военныхъ кораблей, галеръ и бригантинъ. Невозможно себѣ представить, какъ этотъ государь трудится по дѣламъ, касающимся управленія его государствомъ; отъ его глаза ничто не ускользаетъ, обо всемъ онъ справляется, и его планы всегда самые лучшіе; онъ больше всего любитъ искусство строить корабли и управлять ими. Самые богатые изъ его подданныхъ должны предпринимать какую-нибудь постройку на свой счетъ, и онъ желаетъ, чтобъ они вмѣстѣ съ тѣмъ учились мореплаванію. Его величество держитъ здѣсь, въ отличномъ дворцѣ, нѣсколько Англичанъ, которые обучаютъ ежедневно математикѣ и навигаціи двѣсти или триста человѣкъ; мало того, что царь хорошо платитъ учителямъ, но и всякій ученикъ, молодой или старый, получаетъ въ день по десяти копѣекъ и больше, а послѣ двухъ или трехъ лѣтъ по окончаніи курса нѣсколько сотъ рублей и должность во флотѣ. Здѣсь былъ произнесенъ панегирикъ его величеству по латыни, подъ моимъ руководствомъ; я могу послать его въ Германію для напечатанія; онъ содержитъ въ себѣ много подробностей изъ жизни и подвиговъ его величества“.

Посылалъ ли Гюйссенъ Лейбницу изъ Москвы еще другія письма, мы не знаемъ. Но въ 1705 году Гюйссенъ долженъ былъ оставить царевича и снова отправиться за границу съ разными порученіями. Тогда переписка между нимъ и Лейбницемъ тотчасъ же возобновилась. Въ отвѣтъ на не дошедшее до насъ письмо Лейбница Гюйссенъ пишетъ ему изъ Берлина, отъ 30-го іюня 1705 года, что онъ совершилъ свое путешествіе изъ Россіи съ разными приключеніями, а теперь собирается къ себѣ на родину въ Вестфалію и заѣдетъ къ Лейбницу, чтобы разказать „обо всемъ, что̀ дѣлается, и что̀ можно сдѣлать въ странѣ, откуда онъ пріѣхалъ“. Гюйссенъ пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы посмотрѣть на похороны королевы Софіи-Шарлотты, описываетъ церемоніи, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, и сообщаетъ слухъ, что Берлинскій дворъ уже думаетъ о другой церемоніи, болѣе веселой, по поводу новаго брака короля. Въ декабрѣ Лейбницъ получилъ новое письмо отъ Гюйссена изъ Вѣны, съ разными политическими новостями. Въ это время въ Вѣну пріѣхалъ герцогъ Марльборо и былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Гюйссенъ сообщалъ Лейбницу, что герцогъ не имѣлъ никакого офиціальнаго порученія, но что его привлекли въ Вѣну враги маркграфа Баденскаго, въ надеждѣ, что онъ поможетъ имъ лишить маркграфа команды надъ войсками. Но они ошиблись въ своемъ разчетѣ. Марльборо отзывался о немъ императору съ похвалами и говорилъ, что безъ этого опытнаго и вѣрнаго генерала императорская армія сдѣлала бы немного, такъ что императоръ одобрилъ планъ своего фельдмаршала. „Прусскій посланникъ“, писалъ Гюйссенъ изъ Вѣны, „все еще грозитъ своимъ отъѣз-

домъ, если не согласятся на его требованія. Онъ жалуется, что съ прусскими войсками обходились чрезвычайно дурно во время похода. Вслѣдствіе этого они нуждаются теперь въ хорошихъ зимнихъ квартирахъ; эти квартиры, по словамъ посланника, они найдутъ въ Пруссіи, гдѣ въ то же время они могли бы наблюдать за движеніями царя, котораго король Августъ поджидаетъ противъ Пруссіи. Кейзерлингъ, прусскій посланникъ при Русскомъ царѣ, прибылъ изъ Гродна въ Берлинъ, и посовѣтовавшись съ министрами, снова возвратился туда. Говорятъ, что его поѣздка въ связи съ мирными переговорами, въ которыхъ участвуютъ также Англія и Голландія. Партія короля Августа усиливается съ каждымъ днемъ. Г. Ренне сдѣланъ генералъ-лейтенантомъ, а полковникъ Пфлугъ генералъ-майоромъ [1]). Царь далъ королю Августу, при его пріѣздѣ, 100.000 рублей субсидіи и поручилъ ему главное начальство надъ своими войсками. Мазепа послалъ 1.000 казаковъ въ Замостье и расположился на зимнихъ квартирахъ въ Дубнѣ и Бѣльскѣ; войсками его не слѣдуетъ пренебрегать. Венгерскіе мятежники заняли городъ Брукъ въ 6 миляхъ отъ Вѣны. Они имѣли намѣреніе захватить императора во время охоты, какъ видно изъ перехваченнаго письма Ракочи, въ которомъ онъ просилъ короля Французскаго присылать субсидіи въ Венгрію, а курфирста Баварскаго присылать денегъ въ Баварію, чтобы поддержать возстаніе противъ Австріи".

Гюйссенъ пробылъ въ Вѣнѣ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ русскаго агента и имѣлъ въ это время очень важныя дипломатическія порученія. Черезъ него русское правительство сносилось съ главою венгерскихъ инсургентовъ, Ракочи; черезъ него Петръ, послѣ Альтранштадтскаго мира, предложилъ польскую корону Евгенію Савойскому [2]).

Рядомъ съ этими дипломатическими дѣлами шла литературная дѣятельность Гюйссена. Въ 1706 году онъ издалъ безъ своего имени свое „Пространное обличеніе преступнаго и клеветами наполненнаго пасквиля" и т. д., авторомъ котораго, какъ мы упоминали, былъ Нейгебауеръ, прежній наставникъ царевича Алексѣя. Въ томъ же году появилась во Франкфуртѣ „Реляція о теперешнемъ состояніи Московскаго царства", которая была составлена по указаніямъ Гюйссена. Во все это время Гюйссенъ переписывался съ Лейбницемъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ писемъ.

[1]) Эти два генерала, какъ извѣстно, находились въ русской службѣ.
[2]) Архивъ иностр. дѣлъ. Дѣла австрійскія.

Весною 1707 года Гюйссенъ прислалъ Лейбницу брошюру одного италіанскаго ученаго съ просьбою напечатать ее. Гюйссенъ получилъ эту брошюру отъ Римскаго ученаго Гравины, съ которымъ находился въ литературныхъ сношеніяхъ [1]. Изъ отвѣта Лейбница видно, что брошюра касалась спора о способѣ изданія древнихъ грамотъ (l'art diplomatique) между послѣдователями іезуита Папеброха и приверженцами знаменитаго Мабильона. Самая брошюра, написанная италіанскимъ ученымъ Лазарини, была направлена противъ іезуитовъ, издателей *Journal de Trévoux*, въ которомъ помѣщались критическія рецензіи на вновь выходящія сочиненія. Лейбницъ, который не любилъ полемики или не хотѣлъ ссориться съ издателями этого журнала, отклонилъ отъ себя напечатаніе брошюры и передалъ ее издателю Амбросію Леману, съ которымъ Гюйссенъ находился въ сношеніяхъ. Въ томъ же письмѣ Лейбницъ сообщаетъ Гюйссену, что онъ изъ Берлина завернулъ въ Саксонію, чтобы посмотрѣть на „трехъ королей": Карла XII, Станислава и Августа. Въ Альтранштадтѣ онъ видѣлъ Нейгебауера, который перешелъ въ шведскую службу. „Онъ хвалилъ царя и царевича, но не хвалилъ князя Александра (Меншикова). У него на это свои причины. Но другіе много говорятъ о достоинствахъ этого любимца, котораго вы должны лучше знать, чѣмъ тѣ, кто о немъ говоритъ. Онъ скоро доставитъ исторіи новый матеріалъ, если это правда, что Шведы собираются идти въ Польшу" [2]).

Послѣднее письмо Гюйссена изъ Вѣны написано въ январѣ 1708 года. Гюйссенъ проситъ Лейбница написать ему, что̀ происходитъ въ мірѣ литературы и науки, „ибо этотъ предметъ здѣсь очень скуденъ, и здѣсь говорятъ только о войнѣ и о деньгахъ". Между прочими политическими новостями Гюйссенъ сообщаетъ Лейбницу, что въ Вѣнѣ готовятся дѣйствовать рѣшительно противъ папы; роли перемѣнились: теперь въ Римѣ боятся молній (fulmen), и коллегія о *распространеніи* вѣры заботится о *сохраненіи* ея („le collège *de propaganda fide* consulte sur *conservanda*)".

[1]) Гравина былъ профессоромъ правъ въ Римѣ, и сочиненія его перепечатывались нѣсколько разъ послѣ его смерти. См. *Пекарскаго*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, стр. 103. Въ своей запискѣ, поданной Русскому двору, Гюйссенъ говоритъ, что онъ убѣдилъ этого Гравину написать похвальное слово Петру.

[2]) Черновая этого письма сохранилась въ двухъ экземплярахъ, написанныхъ рукою писаря. На одномъ изъ нихъ Лейбницъ сдѣлалъ нѣсколько вставокъ и помарокъ, напримѣръ, слова о Меншиковѣ замѣнены словами: «mais il (Нейгебауеръ) ne paraissoit point content des Moscovites».

На этомъ переписка снова прекратилась. Гюйссенъ вскорѣ послѣ того былъ вызванъ въ Россію. Его пребываніе въ Вѣнѣ съ дипломатическою цѣлію сдѣлалось излишнимъ, такъ какъ въ 1707 году въ Вѣну былъ назначенъ особый русскій посланникъ, баронъ Урбихъ.

Урбихъ былъ старымъ дипломатомъ. Онъ долгое время занималъ постъ датскаго посланника въ Вѣнѣ. Какъ многіе дипломаты, онъ охотно занимался сватовствомъ, и бракъ эрцгерцога Карла съ Вольфенбюттельскою принцессой Елисаветою-Шарлоттою былъ главнымъ образомъ его дѣломъ. Урбихъ надѣялся получить награжденіе, соотвѣтствовавшее его усердію, но ошибся въ разсчетѣ. Карлъ былъ въ Испаніи и даже не зналъ своей невѣсты, съ которою обвѣнчался только въ 1708 году, а родственники невѣсты, которые особенно дорожили почетнымъ для нихъ бракомъ, были слишкомъ бѣдны для того, чтобы вознаградить посредника. Когда и по какимъ причинамъ Урбихъ оставилъ датскую службу, неизвѣстно. Неизвѣстно также, черезъ кого онъ получилъ мѣсто русскаго посланника въ Вѣнѣ. Есть основаніе предполагать, что дѣло о сватовствѣ царевича было поводомъ къ приглашенію Урбиха въ русскую службу. Урбихъ, проживая безъ должности въ Вѣнѣ, обратился къ тамошнему русскому дипломатическому агенту Гюйссену съ проектомъ устроить бракъ между царевичемъ Алексѣемъ и одною изъ принцессъ Вольфенбюттельскаго дома [1]). Этотъ проектъ былъ одобренъ Петромъ, и такъ какъ Урбихъ по своимъ отношеніямъ къ Вольфенбюттельскому двору могъ быть самымъ лучшимъ посредникомъ въ дѣлѣ брачныхъ переговоровъ, то это, вѣроятно, и побудило русское правительство предложить ему мѣсто въ русской дипломатіи. Какъ бы то ни было, лѣтомъ 1707 года Урбихъ былъ вызванъ въ Россію и въ августѣ возвратился въ Вѣну съ вѣрительною грамотою къ Германскому императору [2]).

Лейбницъ давно зналъ Урбиха. Первое извѣстное намъ письмо Урбиха къ Лейбницу помѣчено 6-мъ ноября 1688 года и посвящено экспедиціи, которую предпринималъ тогда Вильгельмъ Оранскій. Слѣдующія затѣмъ письма Урбиха къ Лейбницу писаны почти двадцать лѣтъ спустя, въ 1705 году, и съ этого времени начинается правильная переписка между ними. Вѣроятно, переговоры о бракѣ между внучкой Антона-Ульриха и Карломъ Испанскимъ привлекли Урбиха въ Воль-

[1]) Это извѣстіе основано на неизданномъ письмѣ Урбиха къ Гюйссену, которое будетъ напечатано нами вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами, относящимися къ дѣлу о бракѣ царевича Алексѣя.

[2]) Письмо Урбиха къ Лейбницу № 1.

фенбюттель и послужили поводомъ къ сближенію его съ Лейбницемъ, который, какъ извѣстно, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ герцогскою семьею. До насъ дошло нѣсколько писемъ Лейбница къ Урбиху отъ 1705 года и одно отъ 1707 года. Они касаются политическихъ дѣлъ того времени, преимущественно войны за испанское наслѣдство. Письма Урбиха сохранились въ болѣе значительномъ числѣ [1]). Въ одномъ изъ нихъ, писанномъ въ декабрѣ 1705 года, онъ говоритъ о бѣдственномъ положеніи Австріи, у которой нѣтъ ни денегъ, ни солдатъ. „Я предлагалъ имъ (то-есть, Австрійцамъ) уже годъ тому назадъ принять на службу 6.000-ный отрядъ Русскихъ, о которыхъ недавно они уговорились съ Паткулемъ. Тогда ихъ здѣсь не хотѣли; потомъ ихъ взяли, и это послужило къ гибели Паткуля. Дѣло въ томъ, что король Августъ хотѣлъ присоединить къ нимъ 4.000 своихъ солдатъ съ условіемъ, чтобъ ему гарантировали неприкосновенность его владѣній. Но на это здѣсь не могли согласиться, а въ Саксоніи не захотѣли, чтобы Русскіе воспользовались предложеніемъ Австріи, и это было настоящею причиною неудовольствія противъ Паткуля“ [2]).

Въ другомъ письмѣ, отъ 22-го декабря 1706 года, Урбихъ приписываетъ своимъ стараніямъ союзный договоръ между королемъ Датскимъ и императоромъ, по которому первый обязался выслать 2.000 человѣкъ противъ Французовъ. Урбихъ успѣлъ предупредить французскаго посла въ Копенгагенѣ, который уже получилъ отъ своего правительства приказаніе сдѣлать Даніи самыя выгодныя предложенія. Урбихъ былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что ему удалось поступить въ рускую службу. Должность, которую онъ получилъ, была почетна, и съ нею было связано значительное содержаніе [3]): „Долго

[1]) Такъ какъ эти письма и упомянутыя три письма Лейбница относятся ко времени, когда Урбихъ еще не состоялъ въ руской службѣ, мы не сочли нужнымъ напечатать ихъ.

[2]) Извѣстно, что осенью 1705 года Паткуль заключилъ съ Австріей договоръ, по которому 6.000-ный вспомогательный отрядъ русскаго войска, отведенный королемъ Августомъ въ Саксонію и отрѣзанный шведскими войсками отъ Польши и Россіи, долженъ былъ поступить на службу къ императору и отправиться на Рейнъ противъ Французовъ. Саксонскіе министры, не желавшіе допустить этого, арестовали Паткуля и потомъ выдали его Шведамъ.

[3]) Урбихъ получалъ въ Вѣнѣ 10.000 руб., или 9.000 талеровъ (ефимковъ), ежегодно, какъ видно изъ его счетовъ, сохранившихся въ архивѣ м. ин. д. За это онъ обязывался на свой счетъ совершать свои путешествія съ дипломатическою цѣлью по германскимъ дворамъ, такъ какъ онъ былъ акредитованъ не только при императорѣ, но и при Германскомъ сеймѣ. Въ своихъ реляціяхъ Урбихъ часто жалуется на скудость содержанія, сравнительно съ тѣмъ, которое полу-

скитавшись по разнымъ странамъ міра съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь видѣться съ вами", пишетъ онъ Лейбницу, „я надѣюсь впредь, если будетъ угодно Богу, вести жизнь болѣе спокойную. Противъ всякаго ожиданія я снова вступилъ на дипломатическое поприще, ибо по непредвидѣнной случайности царь принялъ меня на службу съ чиномъ тайнаго совѣтника и сдѣлалъ посланникомъ при здѣшнемъ дворѣ". Уже въ этомъ письмѣ встрѣчается намекъ на бракъ, который Урбихъ устроивалъ для царевича. Урбихъ опасался, чтобъ ему не отплатили такою же неблагодарностью за его хлопоти объ этомъ бракѣ, какъ и за сватовство короля Испанскаго.

„Что касается до благодарности за мои хлопоты, о которой вы упоминаете, то мнѣ кажется, что эта благодарность ограничивается одною досадой, и что извѣстные господа, по обычаю неблагодарныхъ, даже сердятся, ибо принуждены признаться, что они всѣмъ мнѣ обязаны. Ожидаетъ ли меня та же судьба относительно другаго проектированнаго брака, который я по разнымъ причинамъ во многомъ предпочитаю первому, это покажетъ будущее. Царь, для котораго я еще ничего не сдѣлалъ, осыпаетъ меня ласками и милостями, а другіе, которымъ я оказалъ услуги, меня забываютъ. Таковъ міръ".

Лейбницъ чрезвычайно обрадовался назначенію Урбиха; онъ надѣялся черезъ его посредство войдти въ сношенія съ русскимъ дворомъ и получить возможность доставлять ему свои планы относительно распространенія наукъ въ Россіи. Уже въ первомъ письмѣ къ Урбиху ясно высказывается эта мысль. Урбихъ въ своемъ письмѣ выражалъ опасеніе, что Шведы станутъ его преслѣдовать и искать случая погубить его. Лейбницъ въ предостереженіе напоминаетъ ему, какъ Шведы поступили съ русскимъ посломъ Измайловымъ, который хотѣлъ пробраться чрезъ области, занятыя ихъ войсками, и съ прус-

---

чали посланники другихъ первоклассныхъ державъ, и даже посланники такого двора, какъ Саксонскій, старавшагося замѣнить политическое значеніе, котораго ему недоставало, неумѣренною роскошью своихъ дипломатическихъ агентовъ. Скудость содержанія, по словамъ Урбиха, была особенно чувствительна для него въ экстренныхъ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, при коронаціи Карла VI. Урбихъ просилъ, чтобъ его не посылали во Франкфуртъ на эту коронацію, и вычислялъ, какія громадныя суммы получили другіе дипломаты для экстренныхъ издержекъ во Франкфуртѣ. Жалобы Урбиха нужно признать справедливыми, такъ какъ и другимъ русскимъ дипломатамъ того времени недоставало назначеннаго имъ жалованья. Такъ, напримѣръ, Матвѣеву въ Гагѣ было опредѣлено 15.000 гульденовъ, а въ 1701 году онъ издержалъ 27.193. См. *Соловьева*, Исторія Россіи, XV. стр. 90.

скимъ полковникомъ Слунтомъ, такъ какъ изъ бумагъ Измайлова оказалось, что этотъ Слунтъ давалъ князю Меншикову разные военные совѣты. „Но такъ какъ вы свободны, никто не можетъ упрекнуть васъ за то, что вы поступили на службу къ государю, къ которому императоръ и высокіе союзники относятся по крайней мѣрѣ нейтрально. Я не стану здѣсь касаться военныхъ дѣлъ, но придаю большую важность намѣреніямъ царя распространить образованіе въ своемъ государствѣ, и вотъ для чего я желалъ бы, чтобъ онъ скорѣе заключилъ миръ со Шведскимъ королемъ, и чтобъ они оба направили свои силы въ другую сторону — Карлъ противъ Франціи, чтобы содѣйствовать возстановленію европейскаго равновѣсія, а царь противъ Персіи; ибо это мнѣ кажется для него всего выгоднѣе, и притомъ я знаю, что его величество намѣренъ возстановить Имеретинскаго князя, изгнаннаго Персіанами изъ своихъ владѣній". Далѣе Лейбницъ считаетъ нужнымъ успокоить Урбиха насчетъ благодарности Вольфенбюттельскаго двора: „Я долженъ вамъ сказать",—пишетъ онъ Урбиху, — „что отнюдь не замѣчаю того расположенія, на которое вы жалуетесь: напротивъ того, здѣсь всѣ очень хорошо сознаютъ, на сколько они вамъ обязаны". Затѣмъ онъ касается предположеннаго брака: „Намѣреніе, о которомъ вы упомянули, и о которомъ слѣдуетъ говорить въ темныхъ выраженіяхъ, мнѣ кажется прекраснымъ и полезнымъ по многимъ причинамъ, и мнѣ будетъ чрезвычайно пріятно слышать о всемъ, что̀ можетъ содѣйствовать его успѣху". Для того чтобы нельзя было догадаться, о чемъ идетъ рѣчь, Лейбницъ, по своему обычаю, тотчасъ переходитъ къ другому: „Я интересуюсь всѣмъ, что̀ сколько-нибудь относится къ наукѣ. Это составляетъ мой конекъ (c'est la ma marotte)".

Въ своемъ отвѣтѣ [1]) Урбихъ распространяется съ большими похвалами о царѣ и объ его намѣреніяхъ. Но изъ словъ русскаго дипломата видно, что онъ не совсѣмъ ясно понималъ политику своего государя: „Что касается до царя и до его личности, я могу увѣрить васъ, что это настоящее чудо, какъ этотъ государь умѣлъ образовать себя самоучкою (comme un αὐτοδίδακτος), безъ помощи наставника и только подъ руководствомъ очень глупаго (très sot) и невѣжественнаго Русскаго, котораго и зовутъ Зотовымъ. Онъ и теперь еще находится при дворѣ, гдѣ надъ нимъ потѣшаются, и я его видѣлъ тамъ. Его Величество самъ мнѣ въ этомъ признался. Между тѣмъ

[1]) Письмо отъ 16-го ноября 1707 года.

это государь — могу васъ увѣрить — вполнѣ совершенный, мягкій, умный, ласковый, знающій и трудолюбивый. Онъ намѣренъ искоренить злоупотребленія, изгнать невѣжество и грубость, ввести художества, науки и промышленность, однимъ словомъ, усовершенствовать и образовать свой народъ на подобіе другихъ народовъ. Онъ старается даже о соединеніи греческой и римской церквей, и князю Куракину, котораго очень хорошо приняли въ Римѣ и котораго я жду всякій день на возвратномъ пути, было поручено объ этомъ хлопотать".

Посольство Куракина въ Римъ, о которомъ говоритъ Урбихъ, имѣло совершенно другой смыслъ. Петру, который велъ въ Польшѣ трудную борьбу противъ шведской партіи и приверженцевъ Станислава, было чрезвычайно выгодно расположить въ свою пользу всемогущее католическое духовенство, или по крайней мѣрѣ, отвлечь его отъ враговъ. Поэтому онъ рѣшился привлечь на свою сторону папу. Осенью 1707 года Куракинъ былъ отправленъ въ Римъ и въ своей рѣчи „распространился о расположеніи царя къ папскому престолу"; онъ указывалъ на то, что царь позволилъ свободное исповѣданіе католической вѣры въ Москвѣ, позволилъ строить римскія церкви и далъ свободный проѣздъ черезъ Россію римскимъ миссіонерамъ, отправляющимся въ Китай и Персію [1]). Урбихъ зналъ, до какой степени Лейбницъ интересовался вопросомъ о соединеніи церквей, и мы увидимъ, что въ своей перепискѣ они часто будутъ возвращаться къ этому вопросу. Увѣривъ Лейбница въ расположеніи Петра къ католицизму, Урбихъ продолжаетъ: „Вы можете судить по этому, какой вѣры заслуживаетъ разказъ одного Поляка (вы меня обяжете, если сообщите его имя), который недавно говорилъ въ Ганноверѣ, что царь убилъ въ одной Варшавской церкви четырехъ католическихъ священниковъ". Фактъ, который отрицаетъ Урбихъ, случился не въ Варшавѣ, а въ Полоцкѣ въ 1705 году. Во время пребыванія тамъ Петра одинъ уніатскій монахъ, бывшій прежде православнымъ, въ своихъ проповѣдяхъ дѣлалъ постоянныя выходки противъ Русскихъ, возбуждалъ народъ къ тайному избіенію русскихъ солдатъ и бранилъ Петра и Ав-

---

[1]) См. *Соловьева*, Ист. Росс., XV, стр. 227. Какія надежды возбудило отправленіе Куракина въ Римъ между папскими дипломатами, видно изъ Тейнера: Documents historiques rélatifs aux règnes d'Alexis Michailowitz, Féodor III et Pierre le Grand (Rome, 1859), стр. 407 и слѣд. Тамъ же много любопытныхъ документовъ, касающихся переговоровъ о свободномъ пропускѣ миссіонеровъ и о свободѣ католическаго богослуженія въ Россіи.

густа. Петръ оставилъ эти выходки безнаказанными, чтобы не раздражать Поляковъ. Но однажды, зашедши въ монастырь, онъ увидѣлъ, что висѣвшій тамъ образъ Кунцевича отличался особенными украшеніями. Выведенный изъ терпѣнія монахами, онъ велѣлъ схватить ихъ, но тѣ стали защищаться, и въ схваткѣ четверо изъ нихъ были смертельно ранены. Послѣ этого Петръ велѣлъ повѣсить монаха, который былъ виновникомъ столкновенія [1].

Урбихъ доказывалъ добродушіе царя снисходительностью, оказанною прусскому послу Кейзерлингу. „Я не могу понять“, пишетъ Урбихъ, „какъ его величество могъ удержаться, чтобы не убить его на мѣстѣ. Ни въ Берлинѣ, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не пощадили бы жизни такого сумасброда“. Лейбницъ говорилъ въ оправданіе Кейзерлинга, что онъ былъ пьянъ. Въ своемъ письмѣ Урбихъ опровергаетъ надежды, которыя Лейбницъ возлагалъ на миръ между Россіей и Швеціей: миръ не возможенъ, по его мнѣнію; во всякомъ же случаѣ Карлъ XII ни за что не обратитъ своего оружія противъ Франціи. Онъ ввелъ въ Германію французскаго эмиссара подъ личиною польскаго генерала и только ищетъ случая, чтобы возбудить ссоры въ Нижне-Саксонскомъ округѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ Урбихъ вступилъ въ рускую службу, онъ пользовался своею перепискою съ Лейбницемъ, какъ средствомъ, чтобы завести сношенія съ Ганноверскимъ дворомъ, такъ какъ въ то время Россія не имѣла при этомъ дворѣ особаго дипломатическаго агента. Съ этою-то цѣлью онъ старался чрезъ посредство Лейбница возбудить подозрѣніе Ганноверскаго курфирста относительно намѣреній Шведскаго короля и сообщалъ ему разныя извѣстія объ интригахъ и сношеніяхъ Карла XII съ Французами и Турками.

Вѣнскій дворъ, при которомъ Урбихъ занималъ дипломатическій постъ, былъ болѣе другихъ заинтересованъ въ происходившей тогда войнѣ за испанское наслѣдство. Поэтому Лейбницъ могъ получать отъ Урбиха важныя политическія новости и охотно дѣлился съ нимъ опасеніями и надеждами, которыя возбуждала въ немъ война. Въ письмѣ отъ 3-го января онъ выражаетъ желаніе, чтобъ императоръ послалъ

[1] *Соловьева*, Ист. Росс. XV, 168. Тутъ же приведены преувеличенныя извѣстія объ этомъ событіи, распущенныя въ то время. Въ своемъ отвѣтѣ Лейбницъ пишетъ Урбиху, что онъ ничего не слыхалъ о подобномъ разказѣ и не вѣритъ, чтобы кто-нибудь изъ Поляковъ распускалъ при Ганноверскомъ дворѣ подобные слухи. «Тѣ Поляки, которыхъ я видѣлъ здѣсь проѣздомъ», прибавляетъ Лейбницъ, «показались мнѣ очень умѣренными и отзывались о царѣ съ уваженіемъ».

принца Евгенія въ Испанію: это побудило бы морскія державы дѣйствовать тамъ съ большею энергіей: „Я убѣжденъ, что необходимо какъ можно скорѣе начать усиленныя дѣйствія въ Испаніи, ибо тамошняя война рѣшитъ дѣло“. Если Бурбоны сохранятъ за собою Испанію и Америку, они будутъ навсегда сохранены для Европы. Лейбницъ предчувствовалъ исходъ войны: если она будетъ долго тянуться, она наконецъ надоѣстъ Англичанамъ и Голландцамъ, и народъ принудитъ правительство заключить невыгодный миръ. Лейбницъ также очень ясно понималъ разладъ въ политическихъ видахъ Австріи и морскихъ державъ, разладъ, который имѣлъ такое вредное вліяніе на самый ходъ войны. „Въ Англіи и Голландіи заботятся болѣе о сохраненіи Америки, а императорскій дворъ придаетъ больше значенія Италіи. Лейбницъ сомнѣвается въ справедливости слуха, будто Карлъ XII собирается съ наступленіемъ зимы двинуться въ Польшу и Литву; его новобранныя войска отъ этого слишкомъ бы пострадали, тѣмъ болѣе, что его министры имѣютъ въ виду преимущественно Германію и смотрятъ на дѣло о протестантахъ въ Силезіи, какъ на средство, чтобы снова вмѣшаться въ германскія дѣла. Интересно, что̀ по этому поводу Лейбницъ разказываетъ о либерализмѣ австрійскаго двора, который тогда впервые удивилъ Европу уступчивостью въ религіозныхъ дѣлахъ. Извѣстно, что Карлъ XII, проходя въ Саксонію черезъ Силезію, заставилъ императора возвратить силезскимъ протестантамъ отнятую у нихъ религіозную свободу. Эта уступка была вынужденная, но австрійскіе министры сдѣлали видъ, будто ихъ дворъ охотно согласился на нее. Графъ Вратиславъ, который былъ канцлеромъ въ земляхъ чешской короны, разказывалъ въ Ганноверѣ, что императоръ очень благодаренъ Шведскому королю за то, что тотъ склонилъ его къ договору и далъ ему возможность избавиться отъ докучливости ханжей; Силезія только выиграетъ отъ этого, ибо она погибала вслѣдствіе католической реакціи, которая изгоняла жителей, особенно же хорошихъ работниковъ. „Австрійцы дѣлаютъ хорошо“, прибавляетъ Лейбницъ, „что начинаютъ говорить въ этомъ тонѣ, и въ самомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть болѣе справедливо“. Лейбницъ выражаетъ опасеніе, чтобы Турки не начали войны противъ царя, въ томъ случаѣ, если бы Шведы предложили имъ союзъ противъ Россіи, такъ какъ Порта охотно согласилась бы на этотъ союзъ, — „ибо я знаю отъ людей очень свѣдущихъ, которымъ приходилось часто бесѣдовать съ турецкими министрами, что Турки боятся царя болѣе, чѣмъ кого-либо изъ европейскихъ госуда-

рей, потому что онъ самый могущественный сосѣдъ ихъ и очень близокъ отъ Константинополя по причинѣ Чернаго моря; наконецъ потому, что онъ исповѣдуетъ греческую религію, которую исповѣдуютъ и въ большей части Оттоманской имперіи". Конецъ письма посвященъ русскимъ дѣламъ. Лейбницъ рѣшается ясно высказать Урбиху, что онъ желалъ бы войдти черезъ него въ сношенія съ русскимъ правительствомъ по дѣлу распространенія наукъ въ Россіи. „Относительно мира съ Швеціей я полагаю, что царь не отклонилъ бы его, еслибъ ему предложили приличныя условія, и я былъ всегда того мнѣнія, что очень невыгодныя условія, о которыхъ идетъ слухъ, вымышлены. Причина, почему я такъ сильно желаю этого мира — та, что мнѣ хотѣлось бы, чтобы царь привелъ въ исполненіе прекрасное и великое намѣреніе цивилизовать свою обширную имперію и ввести въ ней науки, художества и хорошіе обычаи. Такъ какъ я предпочитаю интересъ общечеловѣческій (а слѣдовательно, и славу Божію) всѣмъ остальнымъ болѣе частнымъ интересамъ, то я питаю самое горячее желаніе, чтобъ это намѣреніе осуществилось; ибо такимъ образомъ можно было бы сразу усовершенствовать и привести въ лучшее состояніе значительную часть земнаго шара и почти весь сѣверо-востокъ нашего материка. Это значило бы также соединить Европу съ Китаемъ, который можно считать другою восточною Европою; вообще я не могу перечислить всѣ выгоды, которыя я предвижу. Вотъ почему я такъ часто желалъ познакомиться лично или чрезъ посредство другихъ съ тѣми людьми, съ помощью которыхъ царь приводитъ въ исполненіе свое великое намѣреніе, ибо я могъ бы въ числѣ случаевъ навести ихъ на что-нибудь или придумать какое-нибудь средство. Можетъ-быть, у царя нѣтъ теперь такого главнаго сподвижника въ этомъ дѣлѣ (instrument en chef) послѣ смерти генерала Лефорта и перваго министра Головина, и можетъ-быть, также неотложныя заботы о войнѣ отвлекли немного его царское величество. Потому-то миръ такъ и желателенъ, чтобъ этотъ великій государь могъ наконецъ осуществить столь прекрасное и похвальное намѣреніе. Есть много вещей очень славныхъ и очень полезныхъ, которыя онъ могъ бы легче исполнить, чѣмъ всѣ прочіе государи, тѣмъ болѣе что предъ нимъ *непочатое поле* (il y a encore comme *tabula rasa* chez lui). Но я могъ бы подробнѣе распространиться объ этомъ, если бы вы когда-нибудь приблизились къ нашимъ мѣстамъ, такъ чтобъ я могъ имѣть честь лично съ вами поговорить. И я желалъ бы, чтобы ваше полномочіе распространялось и на подобныя дѣла. Впро-

немъ я хотѣлъ бы, чтобъ это осталось тайною между нами: большинство людей судитъ вкривь и вкось и не понимаетъ ничего въ самыхъ похвальныхъ намѣреніяхъ, которыя истолковываетъ дурно, сообразно съ своимъ собственнымъ настроеніемъ".

Слова Лейбница, которыми онъ объяснялъ свой интересъ къ дѣлу просвѣщенія въ Россіи, заслуживаютъ нашего вниманія. Они выставляютъ намъ въ истинномъ свѣтѣ его постоянныя попытки сблизиться съ царемъ и съ вліятельными членами русскаго правительства, чтобы сообщать имъ свои совѣты и указанія относительно введенія наукъ въ Россію,—попытки, которыя онъ возобновлялъ въ теченіе двадцати лѣтъ, не смотря на равнодушіе, которое онѣ встрѣчали. Эти слова объясняютъ намъ также, почему Лейбницъ такъ скоро излѣчился отъ того энтузіазма въ пользу шведскихъ завоеваній, который онъ высказалъ въ своемъ письмѣ къ Сторрену, и почему онъ принялъ сторону Россіи въ ея борьбѣ съ Швеціей. Для Лейбница на первомъ планѣ стояла цивилизація: его политика должна была подчиняться интересамъ цивилизаціи. Онъ былъ истиннымъ философомъ, потому что болѣе всего цѣнилъ высшее благо на землѣ и изъ-за противорѣчивыхъ страстей и столкновеній минуты не терялъ изъ виду общихъ интересовъ человѣка. Лейбницъ на одну минуту увлекся рыцарскимъ образомъ молодаго Шведскаго короля, казавшагося вторымъ Александромъ, который своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ откроетъ европейской цивилизаціи доступъ къ отдаленному востоку. Личность Карла XII должна была казаться ему тѣмъ болѣе симпатичною, что шведскіе короли издавна слыли защитниками протестантизма и религіозной свободы, и побѣды Карла XII навсегда упрочили бы положеніе протестантизма въ Европѣ. Но Лейбницъ скоро разочаровался въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыхъ онъ ожидалъ отъ торжества Шведскаго короля. Когда онъ стоялъ въ Альтраншадтѣ предъ Карломъ XII и „не зналъ, что̀ ему сказать", онъ убѣдился, что шведскія побѣды не послужатъ дѣлу цивилизаціи. Онъ убѣдился, что европейское образованіе проникнетъ на востокъ только тогда, когда ея разсадникомъ сдѣлается Россія, и съ этихъ поръ онъ возложилъ всѣ свои надежды на Петра. Въ этомъ отношеніи Лейбницъ можетъ послужить примѣромъ для западныхъ людей. Со времени Лейбница и по настоящіе дни на западѣ больше занимаются опасеніями насчетъ возрастающаго могущества Россіи, чѣмъ интересуются ея успѣхами въ образованіи и цивилизаціи, хотя съ этими успѣхами такъ тѣсно связаны и общечеловѣческіе интересы.

Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Урбихъ сообщаетъ Лейбницу извѣстіе, которое должно было быть чрезвычайно пріятно для послѣдняго: „Я сдѣлалъ извлеченіе изъ вашего письма касательно того, что̀ вы говорите о наукахъ, и отправилъ его къ нашему двору. Не думайте, чтобы война уничтожила похвальное намѣреніе его величества привести науки въ большее процвѣтаніе; напротивъ того, присылайте мнѣ годныхъ людей и сообщите вашъ проектъ; и даже если вы хотите сами отправиться въ Россію, я ручаюсь, что вамъ будутъ очень рады, захотите ли вы тамъ остаться, или только дать нѣсколько указаній. Что касается до меня, то если бы мнѣ пришлось возвратиться въ Вольфенбюттель, я не упустилъ бы случая поговорить съ вами подробнѣе объ этомъ дѣлѣ".

Не разъ еще намъ прійдется читать въ письмахъ Урбиха, что онъ сообщилъ своему двору мысли или проекты Лейбница относительно введенія наукъ въ Россію. Къ сожалѣнію, реляціи Урбиха не дошли до насъ [1]; но что Урбихъ говорилъ правду, видно изъ его реляціи отъ 5-го марта 1712 года, въ которой онъ упоминаетъ, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ предложилъ Лейбница Петру для введенія наукъ въ Россію. Какъ было принято это предложеніе, объ этомъ мы также не можемъ судить, такъ какъ и отвѣтныя письма Головкина къ Урбиху по большей части не сохранились.

Между тѣмъ дѣла коалиціи противъ Людовика XIV шли не особенно хорошо, не смотря на блистательную дѣятельность Марльборо и Евгенія. Причина неуспѣха заключалась отчасти въ несогласіяхъ между австрійскимъ дворомъ и морскими державами. „Je voy de part et d'autre, qu'on ne s'entend pas bien Iliacos intra muros", писалъ съ огорченіемъ Лейбницъ къ Урбиху [2]). Морскія державы были недовольны, что императоръ дѣйствуетъ безъ энергіи въ Испаніи и Германіи. Онѣ требовали отъ него, чтобъ онъ примирился посредствомъ уступокъ съ мятежными Венгерцами, которые отвлекали часть его войскъ отъ войны съ Французами. Лейбницъ порицалъ за это Англичанъ и Голландцевъ. По его мнѣнію, уступки Венгерцамъ дали бы имъ возможность свергнуть съ себя навсегда австрійское господство, „что̀ было бы опасно для Германіи и для всего христіанства вообще". Выражаясь такимъ образомъ, Лейбницъ имѣлъ въ виду, что оппозиція

[1]) Куда дѣвались реляціи Урбиха за 1707—1710 годы, намъ неизвѣстно. Реляціи, сохранившіяся въ Москов. арх. мин. ин. дѣлъ, начинаются только съ 6-го іюня 1711 года.

[2]) Письмо № 3, отъ 12-го апрѣля 1708 года.

въ Венгріи всегда искала союза съ Турками противъ императора. Онъ совершенно справедливо возлагалъ отчасти на дипломатовъ вину въ несогласіяхъ между членами коалиціи: „Мелкія столкновенія", писалъ онъ „очень часто разжигаются и усложняются дипломатами, которымъ поручены переговоры". При дурномъ положеніи, въ которомъ находились дѣла коалиціи, многіе въ Европѣ боялись мира между Россіей и Швеціей, который далъ бы Карлу XII возможность вмѣшаться въ войну за испанское наслѣдство и „разыграть роль посредника въ европейскихъ дѣлахъ". Въ такой неизвѣстности Лейбницъ писалъ Урбиху: „Самое лучшее то, что̀ Богъ пошлетъ, ибо мы слишкомъ близоруки, чтобы рѣшить, что̀ лучше; что же касается до меня, то я желалъ бы мира на сѣверѣ, для того, чтобы опустошеніе прекратилось, и царь получилъ бы возможность подвинуть впередъ дѣло просвѣщенія между своими подданными; ибо хотя бы этотъ великій государь и не переставалъ думать о томъ во время войны, но это дѣло не можетъ идти столь же хорошо, какъ во время мира".

Въ своемъ письмѣ отъ 13-го іюня 1708 года Урбихъ въ первый разъ дѣлаетъ попытку завести черезъ Лейбница дипломатическія сношенія съ Ганноверскимъ дворомъ. Онъ пишетъ Лейбницу, что нѣсколько разъ собирался пріѣхать въ Ганноверъ. „Я очень желалъ имѣть случай заявить мое почтеніе ихъ княжеской свѣтлости, особенно же увѣрить курфюрста въ расположеніи и полномъ уваженіи его царскаго величества и убѣдить его, что онъ очень хорошо могъ бы остаться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ королемъ Шведскимъ, не принимая до такой степени къ сердцу интересы послѣдняго; ибо онъ агитируетъ черезъ своихъ министровъ противъ царя и дѣйствуетъ, какъ будто онъ его открытый врагъ, хотя царь не причинилъ и не думаетъ причинить ему никакого вреда. Но я опасался, что меня дурно примутъ, и не хотѣлъ подвергать себя ни насмѣшкамъ, ни опасности, особенно зная, что господа Гёрцъ и Оберъ[1]) болѣе ревностные Шведы, чѣмъ еслибъ они родились въ самомъ Стокгольмѣ". Вѣроятно, Урбихъ, относительно своего предложенія о Лейбницѣ, не получилъ никакого отвѣта изъ Россіи или получилъ отвѣтъ уклончивый, такъ какъ онъ пишетъ послѣднему: „Не вѣроятно, чтобы миръ былъ скоро заключенъ, и чтобы можно было подумать о наукахъ, развѣ только если этотъ походъ будетъ рѣшительнымъ, чего я не предполагаю; ибо если мы выиграемъ, мы не заключимъ мира, а если

[1]) Тогдашніе ганноверскіе министры.

проиграемъ, тѣмъ менѣе. Очевидно, что если Господь дастъ непріятелю побѣду, то она не можетъ быть столь рѣшительною, чтобы нельзя было изъ остатковъ составить новую армію, и по всѣмъ людскимъ соображеніямъ не возможно предположить, чтобы непріятель проникъ черезъ линію укрѣпленій, при столькихъ предосторожностяхъ. Но если бъ онъ и проникъ, то не могъ бы овладѣть всею линіей, которая простирается почти на 40 миль въ длину и за которою пролегаетъ пустыня въ 100 миль ширины". Въ этомъ же письмѣ Урбихъ жалуется Лейбницу на Гюйссена: „Гюйссенъ, который долженъ былъ уѣхать отсюда годъ тому назадъ или больше и который съ того времени ждалъ для себя службы, выдумалъ сдѣлаться дипломатическимъ посредникомъ при Ракоци, безъ вѣдома и согласія его царскаго величества, за что ему придется отвѣчать. Этотъ поступокъ Гюйссена привелъ въ изумленіе здѣшній дворъ, который подозрѣваетъ, что царь послалъ его сюда въ качествѣ резидента. Этотъ Гюйссенъ любитъ браться за все (c'est un polypragmon) и принимается за такія дѣла, которыя ему не поручены, при чемъ онъ не вѣренъ ни своему господину, ни друзьямъ, ни самому себѣ".

Неудовольствіе Урбиха противъ Гюйссена объясняется, кромѣ недостатковъ, которые первый приписываетъ послѣднему, ихъ личнымъ соперничествомъ. Мы видѣли, что Гюйссенъ имѣлъ въ Вѣнѣ различныя дипломатическія порученія, хотя не занималъ офиціальнаго положенія. Онъ еще весною 1707 года надѣялся выхлопотать себѣ полномочіе и званіе офиціальнаго дипломатическаго агента, но напрасно [1]. Назначеніе вслѣдъ за этимъ Урбиха русскимъ посломъ въ Вѣнѣ не должно было нравиться Гюйссену, который между тѣмъ продолжалъ свою прежнюю дѣятельность. Съ другой стороны, Урбиху естественно тотчасъ по прибытіи въ Вѣну хотѣлось избавиться отъ Гюйссена. Урбихъ жалуется на Гюйссена и проситъ отозвать его [2]. Впрочемъ Урбихъ

[1]) Въ апрѣлѣ 1707 года Головкинъ пишетъ Гюйссену по-латыни: «Non expedit посылать особенное лицо въ Вѣну для переговоровъ съ тамошнимъ шведскимъ посломъ; Гюйссенъ можетъ самъ начать ихъ, и если они приведутъ къ цѣли, ему пришлютъ полномочіе. Не смотря однако на это, дѣло объ избраніи новаго Польскаго короля не должно быть имъ оставлено». Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ. дѣла Австр. за 1707 годъ.

[2]) См. письмо Урбиха, отъ 10 сентября 1707 года, къ какому-то Geh. Rath, вѣроятно, къ Шафирову: «Прошу покорнѣйше защитить генерь меня отъ клеветы, какъ я объ этомъ уже просилъ въ М(осквѣ) самого царя. Я не охотно утруждалъ этимъ его царское величество, но меня заставила нужда... Молодой Зотовъ не безъ способностей, но я нахожу въ немъ два недостатка: 1) онъ слишкомъ

повидимому, самъ не отличался уживчивымъ характеромъ; въ томъ же письмѣ онъ жалуется на молодого Зотова, а въ послѣдствіи онъ поставилъ себя въ такія невыносимыя отношенія къ австрійскимъ министрамъ, что тѣ не хотѣли имѣть съ нимъ дѣла.

Черезъ годъ послѣ отъѣзда Гюйссена Урбихъ сталъ снова жаловаться на него. На этотъ разъ онъ обвинялъ его въ злобѣ, во лжи, въ растратѣ казенныхъ денегъ и чуть не въ измѣнѣ [1]). Дѣло, повидимому, не ограничилось одними жалобами.

Въ одномъ письмѣ къ Антону-Ульриху Лейбницъ сообщаетъ ему: „Мнѣ писали изъ Вѣны, что Урбихъ имѣлъ непріятности съ извѣстнымъ барономъ, который утверждаетъ, что онъ также имѣетъ полномочіе отъ царя. Но я надѣюсь, что его государь (sein hoher Patron) защититъ его" [2]).

До насъ дошли не всѣ черновыя письма Лейбница. Такъ, напримѣръ, изъ писемъ Урбиха видно, что въ іюнѣ 1708 года Лейбницъ прислалъ ему три письма въ теченіе одной недѣли. Въ одномъ изъ этихъ писемъ Лейбницъ проситъ его доставить ему образчики всѣхъ

разыгрываетъ роль министра и думаетъ, что больше понимаетъ дѣла, чѣмъ всѣ остальные, и 2) онъ врагъ иностранцевъ, особенно Нѣмцевъ, но за то очень расположенъ къ Французамъ. Что касается до Гюйссена, то лучше всего было бы отозвать его какъ можно скорѣе. Я даже не знаю, что и сказать о поведеніи его въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Зотовъ можетъ разказать про нѣкоторыя его продѣлки». Моск. арх. иностр. дѣлъ, дѣла Австр. 1707 года.

[1]) Письмо къ Шафирову отъ 1-го сентября 1708 года въ Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ, Австр. дѣла. Урбихъ радуется прибытію Веселовскаго: «Наконецъ-то пріѣдетъ честный человѣкъ, который отзывался обо мнѣ лучше, чѣмъ эти безчестные люди и клеветники — Гюйссенъ, Вильсдорфъ и имъ подобные.... Лейтенантъ Гроссъ оказывается негоднымъ человѣкомъ: онъ обѣщалъ прибыть въ армію никакъ не позже трехъ недѣль. Но безъ сомнѣнія, его задержалъ коварный лгунъ Гюйссенъ (der malitiose Lügen Huyssen), ибо таковы его продѣлки, съ помощью которыхъ онъ хочетъ помѣшать, чтобъ его государь не былъ извѣщенъ во время о дѣлахъ, касающихся самыхъ главныхъ его интересовъ, и такимъ образомъ косвеннымъ путемъ повредить ему. Я слышалъ, что онъ еще передъ отъѣздомъ отсюда взялъ 9.000 талеровъ, ассигнованныхъ на Амстердамъ; 1.000 червонцевъ, назначенныхъ для Мерси, также въ его рукахъ, не говоря о другихъ суммахъ. Посмотрю, какъ-то онъ справится съ своими счетами и какъ оправдаетъ свое отсутствіе и другія гадкія продѣлки: онъ дурной человѣкъ, и если ваше превосходительство спровадите его безъ скандала, то это будетъ всего лучше. Оставлять его на службѣ его величества я не совѣтовалъ бы никоимъ образомъ, хотя для меня все равно, если онъ останется: я при этомъ ничего не потеряю».

[2]) Письма Лейбница къ Антону-Ульриху въ Ганноверской публичной библіотекѣ. Черновая не помѣчена числомъ.

нарѣчій, употребляемыхъ въ Россіи. Урбихъ отвѣтилъ ему на это, что онъ отправилъ въ Москву извлеченіе изъ его письма и ждетъ отвѣта [1]). Въ своемъ письмѣ отъ 14-го августа Лейбницъ снова возвращается къ вопросу о русской этнографіи: „Значительная часть народовъ въ Европѣ и Азіи вышла изъ областей, подвластныхъ теперь царю; поэтому такія изслѣдованія особенно важны. До сихъ поръ я знаю въ Скиѳіи только три языка очень распространенные: 1) сарматскій, на которомъ говорятъ Русскіе, Словаки (Esclavons), Поляки, Богемцы и пр.; 2) татарскій, на которомъ говорятъ Турки, Калмыки, Монголы, и 3) финскій, который употребляется Лапонцами, Финляндцами, Венгерцами и простирается за предѣлы Каспійскаго моря. Я не знаю, есть ли въ Россіи другіе языки, столь же распространенные, и куда отнести множество отдѣльныхъ нарѣчій, напримѣръ, языкъ Самоѣдовъ, Сибиряковъ, Мордвы, Черкесовъ и Черемисы. Вы можете судить по этому о важности предложеннаго мною изслѣдованія. У меня еще тысяча другихъ важныхъ вопросовъ относительно областей, принадлежащихъ царю, но ихъ нужно приберечь для болѣе благопріятнаго времени“. Въ этомъ же письмѣ между другими политическими новостями Лейбницъ сообщаетъ Урбиху слухъ о поѣздкѣ въ Бельгію короля Августа, для того чтобы переговорить тамъ о передачѣ своихъ войскъ союзникамъ за извѣстное вознагражденіе: „Королю Августу всего болѣе повредило недовѣріе къ нему; иначе, какъ я полагаю, императоръ постарался бы привлечь его въ Венгрію, гдѣ онъ могъ бы сразу сдѣлать два дѣла—поправить въ этой странѣ дѣла императора и возстановить или поддержать свои собственныя въ сосѣдней Польшѣ, гдѣ многіе считаютъ его отреченіе недѣйствительнымъ. Онъ могъ бы сдѣлать это тайкомъ, не предпринимая ничего, что̀ могло бы дать Шведамъ поводъ къ жалобамъ. Но я замѣтилъ уже давно, что австрійскій дворъ боится короля Августа почти столько же, какъ и короля Шведскаго, по крайней мѣрѣ со стороны доброй воли“. По поводу ссоры между папой и императоромъ Лейбницъ замѣчаетъ, что письмо папы къ послѣднему написано хорошо, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ онъ грозитъ прибѣгнуть къ свѣтскому оружію: „Папамъ болѣе прилично дѣлать это, чѣмъ говорить о томъ, и тонъ писемъ Иннокентія XI къ Людовику XIV былъ гораздо достойнѣе сана автора“. Лейбницъ одобряетъ намѣреніе императора возстановить въ Италіи нѣкоторыя забытыя права имперіи, но жалуется при этомъ

[1]) Письмо № 5, отъ 4-го августа 1708 года.

на пренебреженіе, въ которомъ находились архивы имперіи и ея права, въ противоположность Франціи. Особенно велико было это пренебреженіе въ отношеніяхъ къ папамъ и къ духовенству. Отказавшись отъ инвеституры, императоры сохранили за собою нѣкоторыя права; но всѣ эти права были потомъ оставлены безъ вниманія или даже забыты. Черезъ Урбиха Лейбницъ хлопоталъ въ это время въ Вѣнѣ, чтобъ ему дали разрѣшеніе изслѣдовать баварскіе архивы для предпринятой имъ „Исторіи Брауншвейгскаго дома". Баварія послѣ битвы при Бленгеймѣ находилась во власти Австрійцевъ и управлялась австрійскимъ намѣстникомъ. Просьба Лейбница тотчасъ возбудила подозрѣніе въ Вѣнѣ. Тамъ боялись, чтобы князья Вельфскаго дома, предки которыхъ владѣли нѣкогда Баваріей, не вздумали предъявить свои права на эту страну и отыскивать въ ея архивахъ подтвержденіе своихъ правъ. Урбихъ сообщилъ объ этомъ Антону Ульриху. Лейбницъ старается успокоить Урбиха и увѣряетъ его, что онъ одинъ хлопочетъ объ этомъ дѣлѣ, Ганноверскій же дворъ чрезвычайно мало интересуется этимъ. „Вы удивились бы, еслибъ я вамъ описалъ, съ какимъ равнодушіемъ здѣсь относятся теперь къ Исторіи Гельфскаго дома; это равнодушіе не разъ меня отвращало отъ моего труда". Урбихъ хлопоталъ о просьбѣ Лейбница черезъ графа Эттингена и писалъ ему, что тотъ отзывался о немъ съ большимъ уваженіемъ. По этому поводу Лейбницъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ австрійскимъ министрамъ, и мы узнаемъ любопытную подробность для его біографіи. Онъ пишетъ, что съ графомъ Эттингеномъ онъ имѣлъ только нѣсколько разъ случай поговорить, такъ какъ тотъ всегда былъ очень занятъ; но съ покойными министрами Виндишгрецомъ и Стратманомъ онъ былъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ: они хотѣли удержать его въ Вѣнѣ, но ему тогда были сдѣланы въ Ганноверѣ новыя выгодныя предложенія.

Слѣдующія за тѣмъ письма Лейбница не дошли до насъ. Изъ отвѣтовъ Урбиха видно, что Лейбницъ предлагалъ ему вести переписку посредствомъ шифровъ и прислалъ какой-то шифръ, для употребленія котораго нужно было имѣть подъ рукою словарь Французской академіи. Урбихъ не соглашался, говорилъ, что ему безъ того приходится писать слишкомъ много шифрованныхъ писемъ, отчего у него портится зрѣніе, и что у него нѣтъ словаря академіи. Онъ приглашалъ Лейбница, который собирался въ Карльсбадъ, заѣхать въ Вѣну. Лейбницъ, повидимому, обѣщалъ пріѣхать и говорилъ, что пріѣдетъ съ какимъ-то другомъ, котораго однако не называлъ. Письмо

Лейбница было отчасти написано шифрами. Урбихъ не могъ понять шифра и приглашалъ Лейбница пріѣхать съ своимъ другомъ.

Въ сентябрѣ Урбихъ извѣстилъ Лейбница, что въ Австріи перехватили письмо Боннака[1]) къ французскому послу въ Венеціи, изъ котораго видно, что Людовикъ XIV предлагалъ Карлу XII четыре милліона талеровъ, если онъ заключитъ миръ съ Россіей. Боннакъ писалъ по этому поводу, что миръ не возможенъ, пока царь не возвратитъ крѣпостей на морѣ, а онъ этого никогда не сдѣлаетъ, если Шведы, какъ они хвастались, не свергнутъ его съ престола.

Въ октябрѣ Урбихъ сообщилъ Лейбницу извѣстія о побѣдахъ, которыя были одержаны Русскими надъ Шведами: въ Эстляндіи два русскіе полка совершенно истребили два полка шведскіе; въ Кареліи Русскіе сдѣлали высадку на 12 корабляхъ, сожгли 3 города и 500 деревень и опустошили всю область, а между Днѣпромъ и Сожемъ, гдѣ стоитъ главная армія, разбито пять полковъ шведскихъ. Самые умѣренные насчитываютъ 2.000 убитыхъ и столько же раненыхъ; другіе говорятъ, что убито 4.000, а ранено 3.000. Битва произошла 1-го сентября[2]). „Вы правы, что война между царемъ и Шведомъ не кончится, пока не погибнетъ тотъ или другой. Правдоподобнѣе, что это случится скорѣе съ Карломъ XII, чѣмъ съ царемъ; у насъ есть и всегда будетъ возможность оправиться: если же Шведы будутъ побиты, то они не оправятся и въ сто лѣтъ. Поэтому Шведскому королю слѣдовало бы заблаговременно подумать о мирѣ, возвративъ царю то, что ему прежде принадлежало, и бросить своего Стаську (Stenzel), который никогда не можетъ быть королемъ въ Польшѣ. Если король Шведскій не сдѣлаетъ этого, то я опасаюсь, что ни его армія, ни онъ никогда не возвратятся живыми въ Швецію“.

Съ октября 1708 года переписка между Лейбницемъ и Урбихомъ прерывается на нѣсколько мѣсяцевъ. Лейбницъ сдержалъ свое слово и въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Вѣну. Долго ли онъ тамъ пробылъ, мы не знаемъ; какъ видно изъ одного письма Урбиха, Лейбницъ пріѣзжалъ въ Вѣну инкогнито; даже ганноверскій посолъ при Вѣнскомъ дворѣ

[1]) Боннакъ, извѣстный дипломатъ своего времени, былъ сначала французскимъ посломъ при Станиславѣ Лещинскомъ, а послѣ Полтавской битвы отправился въ Турцію, гдѣ въ послѣдствіи занималъ постъ французскаго посла и пользовался большимъ вліяніемъ.

[2]) Урбихъ говоритъ здѣсь о сраженіи при Добромъ, которое происходило двумя днями раньше — 29-го августа. Петръ писалъ о немъ, что Голицынъ и Флюхъ непріятелей сбили и 3.000 труповъ, кромѣ раненыхъ, положили, знамена и прочее побрали. См. *Соловьева*, Ист. Росс., XV, 281.

не зналъ о его пріѣздѣ, и когда въ послѣдствіи узналъ о томъ, былъ очень недоволенъ этимъ посѣщеніемъ. Онъ, вѣроятно, подозрѣвалъ, что Лейбницъ пріѣзжалъ съ тайнымъ дипломатическимъ порученіемъ, ибо онъ видѣлся въ Вѣнѣ съ императрицей Амаліей, бывшею Брауншвейгскою принцессой [1]).

Въ Вѣнѣ Лейбницъ имѣлъ возможность на свободѣ переговорить съ Урбихомъ о своихъ планахъ, для которыхъ онъ нуждался въ его посредничествѣ. Результатомъ этихъ переговоровъ была записка о введеніи наукъ въ Россію, составленная Лейбницемъ для отправленія ея къ Петру Великому [2]). Эта записка отличается отъ другихъ подобнаго же содержанія своимъ философскимъ введеніемъ. Кромѣ того, Лейбницъ говоритъ здѣсь подробнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, о преимуществахъ, которыя Россія имѣла передъ странами съ болѣе зрѣлою цивилизаціей. Лейбницъ сравниваетъ Петровскую Россію въ дѣлѣ образованія съ непочатою почвою, на которую можно посѣять чистое сѣмя безъ примѣси сорныхъ травъ. Онъ желалъ перенести въ нее плоды западнаго образованія, но безъ недостатковъ, которые явились тамъ вслѣдствіе историческихъ условій и различныхъ уклоненій отъ истиннаго пути. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ подробнѣе на тѣ недостатки, отъ которыхъ онъ хотѣлъ бы предохранить молодую русскую науку. Онъ считалъ возможнымъ дать научному дѣлу въ Россіи такую организацію, которая обезпечила бы его правильное развитіе, потому что эта организація зависѣла отъ мудрой воли одного человѣка и могла быть создана по гармоническому плану, подобно

---

[1]) См. письмо Урбиха отъ 1-го мая 1709 года: «Huldenberg a sçu, que vous avez esté icy et que vous avez parlé à *l'Impératrice*, qui le luy aura redit». Имена написаны шифромъ. Въ одномъ письмѣ императрицы Амаліи къ Антону-Ульриху отъ декабря 1708 года (въ Ганн. публ. библ.) также упоминается о пріѣздѣ Лейбница въ Вѣну. Эта поѣздка его въ Вѣну была неизвѣстна его біографамъ. Фуше-де-Карель въ своей статьѣ о Лейбницѣ въ *Sitzungsberichte d. Akad. zu Wien*, XXV, перечисляя поѣздки Лейбница въ Вѣну, не упоминаетъ о поѣздкѣ 1708 года. Въ предисловіи къ сочиненію Лейбница: «Анналы Западной Римской Имперіи» издатель Перцъ разказываетъ, что когда въ 1708 году Лейбницъ уѣхалъ изъ Ганновера безъ отпуска, курфирстъ Георгъ хотѣлъ въ газетахъ назначить награду тому, кто его отыщетъ (См. наше сочиненіе: Лейбницъ и его вѣкъ, стр. 561). Изъ переписки Лейбница съ Урбихомъ объясняется цѣль этой отлучки и причина, почему Лейбницъ желалъ сохранить ее въ тайнѣ.

[2]) Черновая, сохранившаяся въ Ганн. кор. библ., помѣчена декабремъ 1708 года. На томъ же листѣ находится краткая *схема*, которую Лейбницъ положилъ въ основаніе своей записки. Она показываетъ, какъ систематически Лейбницъ обдумывалъ и составлялъ все, что̀ выходило изъ-подъ его пера.

тому, какъ новый городъ, построенный по плану одного архитектора, правильнѣе и красивѣе, чѣмъ старый, который расширялся постепенно подъ вліяніемъ разныхъ стѣснительныхъ условій. Лейбницъ прибавляетъ, что онъ можетъ коснуться вопроса о введеніи наукъ въ Россію только теоретически; для практическаго же примѣненія его указаній, необходимо было бы знать ближе условія и средства страны, а также людей, которымъ пришлось бы поручить дѣло. Вотъ содержаніе записки:

„§ 1. По требованію его превосходительства царскаго уполномоченнаго, я набросалъ здѣсь на бумагѣ нѣсколько мыслей о введеніи истинной науки въ обширномъ государствѣ его царскаго величества, ибо для меня не можетъ быть ничего пріятнѣе, какъ содѣйствовать сколько-нибудь общему благу и усовершенствованію людей, а также славѣ Божіей, тѣмъ болѣе, что это царство обнимаетъ большую часть земнаго шара, то-есть, почти весь сѣверъ нашего полушарія. Кромѣ того, я полагаю, что такъ какъ эта страна представляетъ почти непочатое поле, и подобно новому сосуду, не усвоила себѣ чуждаго запаха, то многія вкравшіяся у насъ ошибки могутъ быть предотвращены и исправлены, особенно потому, что всѣмъ будетъ руководить умъ мудраго государя.

„§ 2. Истинную цѣль науки составляетъ блаженство людей, то-есть, состояніе постояннаго удовлетворенія, на сколько это возможно для человѣка, при чемъ они не должны жить въ праздности и роскоши, но содѣйствовать всякій по своимъ силамъ прославленію Господа и общественному благу нелицемѣрною добродѣтелью и познаніемъ истины. Средство, съ помощью котораго можно повести людей на этотъ путь добродѣтели и счастія, заключается въ хорошемъ воспитаніи юношества. Посредствомъ воспитанія можно даже у животныхъ дѣлать чудеса, тѣмъ болѣе у людей, которые получили отъ Господа безсмертную душу и созданы по его образу и подобію. Юношество можно такъ вести, чтобы вселить въ него любовь къ добродѣтели и охоту къ наукѣ; взрослыхъ же, которые не получили такого воспитанія, нужно сдерживать страхомъ наказанія; съ ними приходится имѣть много терпѣнія, и имъ слѣдуетъ многое прощать.

„§ 3. Я не стану говорить теперь о томъ, какъ слѣдуетъ вести юношество по указанному пути, такъ какъ это требуетъ особаго изложенія; но обращусь къ наукамъ и художествамъ. Введеніе наукъ и художествъ въ области, подвластныя царю, заключается, вопервыхъ, въ томъ, чтобы перенести ихъ туда, вовторыхъ, въ дальнѣйшемъ воздѣлываніи ихъ.

„§ 4. Перенести науки и художества можно посредствомъ свѣдущихъ людей и посредствомъ пріобрѣтенія необходимыхъ пособій, состоящихъ преимущественно въ книгахъ и въ произведеніяхъ природы и искусства. Для этого нужны библіотека, музеи по естественной исторіи и по искусствамъ, зоологическій и ботаническій сады, обсерваторія и лабораторія.

„§ 5. Относительно призванія годныхъ и способныхъ людей я не сомнѣваюсь, что извѣстное число ихъ уже приглашено, но что многихъ также еще недостаетъ; во всякомъ случаѣ необходимо было бы слѣдовать въ этомъ опре-

тѣльному плану и порядку, завести переписку внутри имперіи и за границею, поддерживать между ними извѣстную связь и подчинить ихъ общему руководству для того, чтобы науки и художества были вѣрно и хорошо насаждены, преподаваніе ихъ шло правильно и по опредѣленному методу, чтобы между науками и преподавателями соблюдалась извѣстная связь и гармонія, чтобы различныя ученія хорошо согласовались и не противорѣчили другъ другу, но напротивъ того поясняли другъ друга.

„§ 6. Библіотека должна быть сколько возможно обширна и хорошо снабжена, ибо часто и въ плохихъ книгахъ можно найти много хорошаго, чего нѣтъ въ лучшихъ; но такъ какъ во всемъ слѣдуетъ держаться извѣстной постепенности, то нужно начать съ самаго важнаго. По моему мнѣнію (ich halte ohnmassgeblich dafür), слѣдовало бы пріобрѣсти по всѣмъ предметамъ что-нибудь отличное, но въ особенно большемъ количествѣ книги по реальнымъ предметамъ, подъ которыми я разумѣю: 1) математику съ механикою; сюда относятся астрономія и ея приложенія къ географіи, мореплаванію, военное искусство и архитектура; 2) естественныя науки о разныхъ предметахъ природы; сюда же принадлежатъ земледѣліе, горное дѣло, химія, ботаника, анатомія, медицина со всѣми художествами, основанными на знаніи природы; 3) исторію, которая заключаетъ въ себѣ описаніе временъ и мѣстъ, слѣдовательно, объясненіе отдѣльныхъ случаевъ (rerum singularium expositio): сюда входятъ описанія и исторія государствъ и областей, сочиненія по государственному праву и особенно путешествія. Латинскія книги должны составить главный отдѣлъ библіотеки; но не слѣдуетъ забывать хорошія сочиненія на нѣмецкомъ, англійскомъ, голландскомъ, французскомъ и италіанскомъ языкахъ, такъ какъ въ нихъ находятся важныя свѣдѣнія особенно для практики, которыхъ напрасно станешь искать въ латинскихъ книгахъ. Греческія печатныя сочиненія я причисляю къ латинскимъ, такъ какъ они большею частію снабжены латинскимъ переводомъ. Но не слѣдуетъ также упускать изъ вниманія, кромѣ славянскихъ, арабскія, персидскія, турецкія и китайскія книги, и при этомъ должно стараться пріобрѣтать разныя древнія и новыя рукописи. Особенно нужно заботиться о собраніи гравюръ и рисунковъ, въ которыхъ представлены произведенія природы и искусства и изобрѣтенія людей, чтобъ идеи становились такимъ образомъ доступными для глаза и такъ-сказать воплощались.

„§ 7. О музеѣ и относящихся сюда кабинетахъ и кунсткамерахъ, арсеналахъ, галлереяхъ древностей, скульптуры и живописи, зоологическихъ и ботаническихъ садахъ, помѣщеніи для моделей и орудій, цейхгаузѣ и проч. можно было бы сказать много, ибо необходимо такъ устроить ихъ, чтобъ они служили не только предметомъ общаго любопытства, но и средствами для усовершенствованія художествъ и наукъ. Но для этого потребовалась бы особая статья, а теперь достаточно напомнить, что въ этомъ дѣлѣ нужно имѣть сколь можно болѣе радѣнія, а потому не нужно упускать ничего, сюда относящагося.

„§ 8. Нужна также лабораторія съ хорошими химиками (und Feuerkünstler), свѣдущими во всемъ, что можетъ быть достигнуто посредствомъ огня. Эта лабораторія должна была бы находиться въ связи съ аптеками, медицинскою

частью и горнымъ дѣломъ, съ монетнымъ и пробирнымъ дворами, съ металлическими и стеклянными заводами и артиллерійскимъ управленіемъ, и хотя отнюдь не слѣдуетъ разсчитывать на добываніе золота, можно было бы тамъ произвести множество прекрасныхъ опытовъ и посредствомъ ихъ изслѣдовать свойства тѣлъ, разлагать ихъ, увеличивать ихъ силу и совершенствовать ихъ, ибо огонь представляетъ самый главный ключъ къ объясненію силъ природы.

„§ 9. Относительно обсерваторіи нужно замѣтить, что географія и мореплаваніе заимствуютъ свой главный свѣтъ отъ астрономическихъ наблюденій. И такъ какъ обширное Русское царство обнимаетъ значительную часть земнаго шара, которую можно считать за terra vergine для науки, ибо въ немъ производилось мало достовѣрныхъ наблюденій, то его царское величество можетъ пролить новый свѣтъ на мореплаваніе и географію, устроивъ хорошія учрежденія для астрономическихъ наблюденій, и этимъ оказать немалую услугу роду человѣческому, а также доставить большую пользу своему собственному государству, ибо съ помощью Россіи и ея торговли можно соединить Азію и Китай съ Европой и извлечь изъ этого несказанную выгоду.

„§ 10. До сихъ поръ я говорилъ только о томъ, что способствуетъ развитію наукъ и художествъ; теперь слѣдовало бы также поговорить о способѣ распространенія ихъ для того, чтобъ они пустили хорошіе корни въ обширномъ государствѣ царя и со временемъ дошли до значительнаго процвѣтанія; но для этого необходимо было бы ближе знать обстоятельства страны и людей. Можно напередъ сказать только то, что необходимо учрежденіе особенной вліятельной коллегіи, съ обширнымъ кругомъ власти, отъ которой бы зависѣли до извѣстной степени высшія и низшія учебныя заведенія, издательство ученыхъ, книжное дѣло, типографіи, переводы, цензура книгъ, а также художники и ремесленники съ ихъ произведеніями.

„Наконецъ я долженъ упомянуть, что хотя настоящая Сѣверная война и можетъ произвести замедленіе въ этомъ прекрасномъ предпріятіи, все же слѣдовало бы не откладывать пріобрѣтенія многихъ относящихся сюда предметовъ, такъ какъ при теперешней тяжелой и продолжительной войнѣ многое можно пріобрѣсти во Франціи и въ другихъ мѣстахъ за половину той цѣны, которую придется дать, когда тамошніе люди будутъ находиться въ менѣе стѣсненномъ положеніи; многое же тогда совсѣмъ нельзя будетъ купить".

Но не одинъ только вопросъ о введеніи наукъ въ Россію занималъ Лейбница во время его свиданія съ Урбихомъ въ Вѣнѣ. Въ своихъ бесѣдахъ они съ неменьшимъ вниманіемъ касались политическихъ интересовъ того времени, а результатомъ этихъ бесѣдъ былъ проектъ, для осуществленія котораго они вмѣстѣ выѣхали изъ Вѣны. Урбихъ жаловался на то, что Ганноверскій дворъ продолжалъ выказывать большую симпатію къ Швеціи. Ему чрезвычайно хотѣлось отвлечь Ганноверъ отъ союза съ Швеціей и переманить его на сторону Россіи. Предположенный бракъ царевича съ принцессою Вельфскаго дома, казалось, долженъ былъ положить основаніе сближенію между Ган-

новеромъ и Россіей; чтобы доверишть его. Урбихъ рѣшился сдѣлать курфирсту одно чрезвычайно важное предложеніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась война за испанское наслѣдство, Петръ постоянно старался войдти въ сношенія съ коалиціей, образовавшеюся противъ Людовика XIV. Онъ желалъ, чтобъ эта коалиція приняла его сторону въ борьбѣ съ Карломъ XII или принудила бы послѣдняго къ миру; за это Петръ не разъ вызывался прислать вспомогательный отрядъ противъ Франціи. Царь видѣлъ въ этомъ двойную выгоду для себя. Его войска, сражаясь подъ предводительствомъ такихъ искусныхъ полководцевъ, какъ Евгеній Савойскій или герцогъ Марльборо, прошли бы отличную военную школу, а съ другой стороны, принявъ русскія войска, коалиціонныя державы вышли бы изъ своего нейтралитета относительно Швеціи. Еще въ 1702 году Матвѣевъ предлагалъ Голландскимъ Штатамъ за деньги отрядъ русскаго войска противъ Французовъ. Штаты отклонили предложеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что какъ сухопутныя войска ихъ, такъ и флотъ ужъ укомплектованы [1]). Въ началѣ слѣдующаго года царь предложилъ въ Вѣнѣ черезъ Паткуля прислать императору на помощь 6.000-ный отрядъ, которому императоръ не будетъ обязанъ давать ничего, кромѣ зимнихъ становищъ, хлѣба и воинскихъ припасовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ предлагалъ, что если онъ достигнетъ своей цѣли относительно Швеціи, то вступитъ съ императоромъ въ наступательный союзъ и пошлетъ ему 20.000 войска [2]). Въ то же время Матвѣевъ долженъ былъ предложить черезъ Витзена, чтобы Штаты взяли въ свою службу изъ Архангельска 4.000 русскихъ матросовъ. Витзенъ отвѣчалъ, что по времени года поздно посылать въ Архангельскъ; корабли съ матросами возвратятся, когда голландскій флотъ уже уйдетъ въ море; притомъ голландскіе адмиралы утверждали, что имъ будетъ очень трудно управляться съ людьми, не знающими по голландски. Въ январѣ 1706 года царь говорилъ голландскому резиденту фанъ-деръ-Гульсту, что если, благодаря посредничеству Штатовъ и высокихъ союзниковъ, король Шведскій склонится къ миру, то онъ отдастъ въ распоряженіе союзниковъ противъ общаго врага 30.000 своего лучшаго войска [3]). Эти предложенія не имѣли успѣха по разнымъ причинамъ. Австрія боялась, что Шведскій король сдѣлаетъ нападеніе на Венгрію и подастъ помощь тамошнимъ инсургентамъ; притомъ она была слишкомъ

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XV, 58.
[2]) Тамъ же, стр. 48.
[3]) Тамъ же, стр. 211.

бѣдна, чтобы содержать русскія войска. Морскія державы опасались, чтобы Карлъ XII не принялъ сторону Франціи, и кромѣ того не питали довѣрія къ русскимъ войскамъ послѣ Нарвскаго пораженія, ибо отклоняя предложеніе Петра, они въ то же время обращались къ Карлу XII съ просьбою прислать вспомогательный отрядъ.

Теперь, по мнѣнію Урбиха, настала благопріятная минута, чтобы возобновить предложеніе. Австрія сосредоточивала все свое вниманіе на войнѣ въ Италіи, Англія же и Голландія — на Бельгіи, и вслѣдствіе этого въ верхней Германіи война велась вяло и безъ успѣха. Только когда въ 1704 году Французы проникли въ Баварію и въ соединеніи съ тамошними войсками угрожали Вѣнѣ, туда поспѣшили Евгеній изъ Италіи и Марльборо изъ Бельгіи, чтобъ отразить Французовъ. Послѣ же Бленгеймской побѣды защита верхней Германіи опять была предоставлена недисциплинированнымъ и жалкимъ контингентамъ имперскихъ князей. По смерти маркграфа Баденскаго предводительство надъ имперской арміей было предложено зимою 1708 года курфирсту Ганноверскому. Но эта армія находилась въ такомъ бѣдственномъ состояніи, что курфирстъ долго отказывался, опасаясь за свою военную славу, и не желая брать на себя передрягъ и споровъ съ сеймомъ и съ мелкими князьями, которые не высылали во время ни солдатъ, ни провіанта. Въ виду этихъ обстоятельствъ Урбихъ составилъ проектъ предложить курфирсту 15.000-ный отрядъ русскаго войска, который бы сражался на Рейнѣ подъ его предводительствомъ [1]). Такое подкрѣпленіе имперской арміи дало бы курфирсту возможность приступить къ болѣе энергическимъ военнымъ дѣйствіямъ и тѣсно связало бы интересы коалиціи съ Россіей. Должно казаться страннымъ, что въ самую критическую минуту тяжелой борьбы между Россіей и Швеціей, когда всѣ войска русскія сосредоточивались въ Малороссіи въ ожиданіи рѣшительнаго столкновенія съ искуснымъ непріятелемъ, Урбихъ предлагалъ выслать на далекій Рейнъ такой значительный отрядъ.

Къ сожалѣнію, до насъ не дошли депеши Урбиха къ русскому правительству, и потому намъ неизвѣстно, въ чемъ состояли подробности его проекта и какъ далеко зашли переговоры о немъ. Только сопоставляя нѣкоторые намеки изъ писемъ Урбиха къ князю В. Л.

[1]) См. письмо Лейбница къ курфирстинѣ Ганноверской: «Retournant cet hyver... Il (Urbich) croyoit même alors, que le czar pourroit se résoudre à envoyer un corps de ses trouppes au Rhin pour agir sous S. A. Él. à des conditions très favorables, s'il savoit que l'El. en seroit bien aise».

Долгорукому, русскому послу въ Копенгагенѣ [1]), съ замаскированными выраженіями въ перепискѣ Урбиха съ Лейбницемъ, мы получаемъ возможность сдѣлать нѣкоторыя заключенія. Планъ, предложенный Урбихомъ, или можетъ-быть, даже составленный самимъ Петромъ, повидимому, заключался въ томъ, чтобы замѣнить вспомогательные отряды Саксонцевъ и Датчанъ, сражавшіеся противъ Французовъ, болѣе значительнымъ отрядомъ русскихъ войскъ, который могъ бы дѣйствовать отчасти противъ мятежниковъ въ Венгріи, отчасти на Рейнѣ. Короли Августъ Саксонскій и Фридрихъ Датскій получили бы такимъ образомъ возможность воспользоваться удаленіемъ Карла XII и напасть съ своими войсками на беззащитныя шведскія владѣнія. 14-го ноября 1708 года Урбихъ пишетъ Долгорукому: „Что касается до замѣны датскихъ войскъ, то еслибъ его царское величество захотѣлъ поставить вмѣсто нихъ двойное число, то можетъ-быть, здѣсь охотно согласились бы отпустить ихъ". Черезъ недѣлю Урбихъ снова пишетъ Долгорукому: „Теперь стало извѣстнымъ, куда направлено путешествіе Датскаго короля, который уже проѣхалъ черезъ Дрезденъ. О немъ разсуждаютъ различнымъ образомъ. Его царское величество нашелъ нужнымъ, чтобъ я отправился въ К. (Копенгагенъ) и постарался окончить тамъ съ вашимъ сіятельствомъ переговоры согласно съ извѣстнымъ проектомъ. Но есть ли какая-нибудь возможность окончить ихъ въ настоящее время? Остается одно средство, чтобы ваше сіятельство, въ томъ случаѣ, если бы король Датскій остался цѣлую зиму въ Венеціи, отправились вслѣдъ за нимъ. Это чрезвычайно непріятная помѣха. Мнѣ кажется, что вездѣ желаютъ отдѣлаться (отъ насъ), и что могущества царя будутъ такъ же бояться, какъ до сихъ поръ боялись Шведа. Я уже замѣчаю здѣсь кое-что. Впрочемъ, если бы король Датскій согласился взять назадъ свои войска и удовольствовался бы деньгами, которыя онъ получаетъ за рекрутовъ, а царь прислалъ бы въ полтора раза больше войска въ Венгрію, то можетъ-быть, была бы надежда на успѣхъ". 29-го ноября Урбихъ извѣстилъ Долгорукаго, что онъ намѣренъ предпринять путешествіе съ извѣстною цѣлью и выѣдетъ на третій день. 19-го декабря онъ извѣстилъ его, что предпринялъ поѣздку, чтобы повидаться съ извѣстнымъ польскимъ господиномъ (подъ этимъ онъ разумѣетъ, повидимому, короля Августа). „Было бы желательно", писалъ Урбихъ, „чтобъ и ваше сіятельство туда отправились; я туда поѣду, но не

[1]) Письма Урбиха къ Долгорукому хранятся въ Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ при австр. дѣлахъ.

стану заключать договора, даже еслибъ это было возможно, а предоставлю все королю Августу, выяснивъ только расположеніе императорскаго двора и другихъ нѣмецкихъ дворовъ, которые должны будутъ принимать участіе въ дѣлѣ“.

Изъ этого видно, до какой степени былъ сложенъ проектъ, въ осуществленіи котораго Лейбницъ долженъ былъ помогать Урбиху, и какъ мало было надежды на успѣхъ. Лейбницъ выѣхалъ изъ Вѣны вмѣстѣ съ Урбихомъ 28-го ноября [1]) и доѣхалъ съ нимъ до Лейпцига. Тамъ они условились, что Урбихъ поѣдетъ въ Бамбергъ къ курфирсту Майнцскому, канцлеру имперіи, и представитъ ему проектъ о присылкѣ русскаго вспомогательнаго отряда, съ тѣмъ чтобъ этотъ проектъ былъ внесенъ въ имперскій сеймъ. Лейбницъ же долженъ былъ возвратиться въ Ганноверъ и разузнать о расположеніи курфирста относительно сближенія съ Россіей. Они условились также, что Урбихъ пришлетъ въ Ганноверъ своего брата съ полномочіемъ вступить отъ его имени въ офиціальные переговоры съ министрами курфирста. Этотъ братъ долженъ былъ пріѣхать въ Лейпцигъ для личныхъ переговоровъ. 16-го января 1709 года Урбихъ сообщилъ Лейбницу изъ Нюрнберга, что онъ наканунѣ видѣлся въ Бамбергѣ съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ и оставилъ имъ копіи съ своего предложенія. Оба они отнеслись къ нему довольно благосклонно, и послѣдній обѣщалъ поговорить о немъ въ Вѣнѣ, куда онъ долженъ былъ отправиться на дняхъ. Между тѣмъ Лейбницъ, не получая извѣстій отъ Урбиха и не зная его адреса, рѣшился вызвать въ Ганноверъ его брата, въ надеждѣ, что тотъ уже снабженъ необходимымъ полномочіемъ. Сдѣлалъ ли онъ въ это время какія-нибудь предложенія своему курфирсту отъ имени Урбиха, или нѣтъ, объ этомъ нельзя заключить съ достовѣрностью [2]).

---

[1]) См. письмо Урбиха къ Долгорукому.

[2]) Въ бумагахъ Лейбница находятся два письма его къ курфирсту, тождественныя по содержанію; оба они, очевидно, написаны послѣ Полтавской битвы, осенью 1709 года, и въ нихъ онъ различно говоритъ о своихъ переговорахъ съ Урбихомъ въ предшествовавшую зиму. Въ одномъ изъ писемъ, начинающемся словами: «Retournant cet hyver», Лейбницъ, упомянувъ о предложеніи Урбиха послать русскія войска на Рейнъ, говоритъ: «Il (Urbich) voulut, que je sondasse icy ce qu'on en pensait, mais j'eus de la peine à m'y résoudre». Въ другомъ письмѣ Лейбницъ говоритъ: «En faisant savoir à Mr. Urbich la réponse de Monsg. l'Electeur sur le sujet dont S. A. É. se souviendra sans doute, j'y donnay le tour, qu'il faut, afin qu'il ne parût rien qui put rebuter ou désobliger et je marquay que Mr. l'Électeur avait reçu l'ouverture le mieux du monde, mais que

Въ концѣ января Лейбницъ получилъ въ отвѣтъ отъ младшаго брата Урбиха увѣдомленіе, что такъ какъ письма, адресованныя къ нему, два раза опаздывали, то онъ и не поспѣвалъ на свиданіе съ своимъ старшимъ братомъ, что поэтому онъ находится безъ инструкцій и не знаетъ, что̀ ему дѣлать. Между тѣмъ въ концѣ февраля старшій Урбихъ возвратился въ Вѣну, больной и раздраженный отъ дурнаго пути. Онъ надѣялся найдти тамъ письмо отъ Лейбница съ извѣстіемъ, что послѣдній началъ переговоры съ ганноверскими министрами, и былъ чрезвычайно недоволенъ его сдержанностью. „Я возвратился сюда", писалъ онъ Лейбницу, „три недѣли тому назадъ — болѣе похожій на мертваго, чѣмъ на живаго. Я нашелъ здѣсь четыре письма изъ Берлина, но они не удовлетворили моего любопытства. Теперь я съ величайшею тревогой ожидаю отъ васъ письма изъ того мѣста, гдѣ вы были послѣ того. Я легко догадываюсь о причинѣ вашего молчанія, и это значитъ *умыть себѣ руки*. Увѣряю васъ, что если бы вмѣсто 15 (тысячъ) я предложилъ 50, было бы все то же. Страсти и ненависть слишкомъ велики; у меня есть на это новыя доказательства. Но мы потерпимъ, ибо мы ничего не теряемъ. Я прошу васъ по крайней мѣрѣ написать, въ какомъ положеніи дѣла" [1]). Успокоившись немного, Урбихъ старается оправдать себя въ томъ, что не прислалъ брата, а также обвиняетъ Лейбница, которому, по мнѣнію Урбиха, слѣдовало бы сдѣлать первый шагъ. „Я вижу съ удовольствіемъ", пишетъ Урбихъ, „что вы еще не совсѣмъ теряете надежду; вы можете руководствоваться бумагою, въ которой изложено основаніе соглашенія; я всегда буду держаться его сущности и хорошо знаю, что̀ дѣлаю. Въ томъ, что оно будетъ одобрено (то-есть, со стороны царя), нечего сомнѣваться, но нельзя ждать отвѣта раньше мѣсяца. Время, когда надо будетъ осуществить проектъ, прійдетъ очень скоро; дай только Богъ, чтобы проектъ былъ одобренъ и принятъ съ вашей стороны, и вотъ въ чемъ вопросъ. Сдѣлать слишкомъ много и заставить дѣйствовать извѣстное лицо (то-есть, брата Урбиха) нельзя, пока неизвѣстно намѣреніе другой стороны. Вы говорите, что

S. A. É. jugeoit que c'etait auprès de l'Empereur qu'il fallait ouvrir une négociation qui regardait les troupes, dont l'Empire pouvait tirer du service».

[1]) Письмо отъ 15-го марта 1709 года. За ходомъ этого дѣла трудно слѣдить, такъ какъ многія письма не дошли до насъ, а нѣкоторыя изъ дошедшихъ не помѣчены числомъ; кромѣ того, переписка между Лейбницемъ и Урбихомъ была въ это время очень неправильна по причинѣ переѣздовъ послѣдняго, и многое не понятно вслѣдствіе не досказанныхъ намековъ.

вы оба (кто эти оба, вы и Бернсдорфъ, или кто-нибудь другой?) рѣшили, что необходимо отсрочить дѣло, потому что ничего неизвѣстно съ нашей стороны; напротивъ того, вы — лицо дѣйствующее (subjectus agens), я—лицо выжидающее; поэтому нужно сначала знать, что̀ вы сдѣлали и есть ли какія надежды, или нѣтъ. Что касается до меня, то я опасаюсь послѣдняго".

Лейбницъ, съ своей стороны, былъ также недоволенъ. Онъ приписывалъ всю вину Урбиху, который оставлялъ его безъ извѣстій и не прислалъ въ Ганноверъ своего брата. „Мнѣ кажется, что наша переписка, отвѣчалъ Лейбницъ Урбиху, стала менѣе дѣятельна по причинамъ, которыя должны были бы произвести совершенно противоположное дѣйствіе. Мои письма изъ Берлина не могли заключать въ себѣ особенныхъ новостей, и такъ какъ, кажется, вы получили ихъ только по возвращеніи въ Вѣну, они не послужили бы вамъ ни къ чему. Я извѣстилъ васъ о моемъ намѣреніи относительно лица, которое я вамъ назвалъ; но сомнѣніе, которое на насъ навело ваше молчаніе, и неизвѣстность, въ которой мы находились, были причиною того, что я не настаивалъ, когда упомянутое лицо стало затрудняться относительно предложеннаго путешествія [1]). И мнѣ кажется, что мы хорошо сдѣлали, такъ какъ вы продолжаете хранить молчаніе какъ объ этомъ, такъ и о другомъ дѣлѣ; изъ этого я заключаю, что основаніе, на которое я разчитывалъ для нашего плана (à l'égard des contingences qu'il s'agissait d'obtenir), не состоялось. Я не знаю, существуютъ ли въ дѣйствительности тѣ страсти и та ненависть, о которыхъ вы говорите. Я не нахожу никакого основанія къ такому предположенію и вижу только, что (здѣсь) не намѣрены легкомысленно измѣнять прежнія отношенія [2]). Мнѣ кажется, что всякое дѣло должно имѣть прочное основаніе; иначе это значитъ разчитывать на простоватость или легкомысліе другихъ. Основаніемъ нашего дѣла, по моему мнѣнію, было условіе насчетъ вспомогательнаго отряда. Поэтому будьте такъ добры, извѣстите меня, можно ли еще на что-нибудь надѣяться. Кажется, что эти два лица, участіе которыхъ было необходимо, относятся равнодушно къ дѣлу, и что увѣренія, о которыхъ вы мнѣ писали, были неискренни [3]). Можетъ-быть, тамъ колебались, желали знать мнѣніе другаго лица и не нашли тамъ необхо-

[1]) Это лицо —братъ Урбиха, который долженъ былъ пріѣхать въ Ганноверъ.
[2]) Лейбницъ говоритъ здѣсь о союзѣ Ганновера со Швеціей.
[3]) Здѣсь идетъ рѣчь о саксонскомъ и датскомъ правительствахъ.

димой рѣшимости [1]). Статья о вспомогательномъ отрядѣ можетъ пригодиться только въ слѣдующемъ году, если объ этомъ еще можно думать. А безъ этого средства откуда взять деньги, необходимыя для этихъ 15 или 10 (тысячъ), такъ какъ никто не хочетъ платить. Другое было бы дѣло, если бы съ вашей стороны захотѣли все сдѣлать, но этого нельзя ожидать отъ самаго благопріятнаго расположенія при теперешнихъ обстоятельствахъ. Итакъ, необходимо извѣстить меня въ томъ случаѣ, если еще можно думать о предположенномъ дѣлѣ".

Мы не знаемъ, что̀ послѣ этого Лейбницъ писалъ къ Урбиху объ общемъ дѣлѣ. Письма его, которыя онъ писалъ между 25-мъ марта и 20-мъ августа, не дошли до насъ. Урбихъ же между тѣмъ нѣсколько разъ возвращался въ своихъ письмахъ къ несостоявшемуся плану. „Такъ какъ я не получилъ никакихъ новыхъ сообщеній", писалъ онъ 1-го мая, „то повторю только, что предложенныя мною условія были бы приняты и что съ нашей стороны еще теперь готовы принять ихъ. Но такъ какъ начало военныхъ дѣйствій уже близко, а вы ничего не предложили, то я вижу, что нашъ проектъ былъ напрасно составленъ. Мой братъ получилъ бы полномочіе, если бы предварительно изслѣдовали почву и извѣстили, что курфирстъ и Бернсдорфъ пребываютъ въ прежнемъ своемъ расположеніи. Безъ этого было бы излишнимъ присылать его, обнаруживать свои намѣренія и дѣлать безполезныя издержки. Я очень охотно пріѣхалъ бы и самъ. Теперь же, такъ какъ это послѣдній походъ и царскія войска не будутъ нужны, то я полагаю, что нѣтъ надежды на союзъ, тѣмъ болѣе, что какъ вы говорите, да и я самъ знаю, Ганноверъ никогда не отстанетъ отъ Карла XII. Мы можемъ по крайней мѣрѣ сказать: Tamen est laudanda voluntas". Изъ Карльсбада, куда Урбихъ отправился въ концѣ мая, онъ опять писалъ къ Лейбницу въ томъ же смыслѣ: „Такъ какъ я до сихъ поръ не знаю, говорили ли вы съ патрономъ, или съ кѣмъ-нибудь изъ приближенныхъ, то я не могъ рисковать собою, а еще менѣе честью своего государя. Я полагаю, что вы приступили къ объясненіямъ, но что они были приняты не особенно благосклонно; поэтому это дѣло можно считать поконченнымъ".

Еще прежде этого Урбихъ сообщилъ Лейбницу, что его проектъ о введеніи наукъ въ Россію переводится на голландскій языкъ. Это

---

[1]) Обѣщанія, о которыхъ говоритъ Лейбницъ, вѣроятно, были сдѣланы королемъ Августомъ, съ которымъ Урбихъ могъ видѣться во время своей поѣздки въ Саксонію. Другое лицо — король Датскій.

дѣлалось, очевидно, потому, что Петръ зналъ голландскій языкъ лучше нѣмецкаго, а Лейбницъ желалъ, чтобъ его проектъ былъ доставленъ прямо царю. Теперь Урбихъ извѣстилъ Лейбница, что его проектъ, переведенный по голландски (en flamand), отправленъ ко двору. Туда же было отправлено Урбихомъ какое-то латинское напечатанное письмо Лейбница и извлеченіе изъ письма Лейбница къ самому Урбиху о какомъ-то кабинетѣ медалей, который онъ совѣтовалъ пріобрѣсти для Россіи. Извѣщая Лейбница объ этомъ, Урбихъ замѣтилъ, что было бы хорошо, если бы Россія имѣла запасъ въ нѣсколько милліоновъ такихъ медалей во время этой тяжкой войны. Лейбницу не понравилась эта острота Урбиха: „Я писалъ вамъ какъ-то" —отвѣчалъ онъ Урбиху въ одномъ изъ своихъ слѣдующихъ писемъ— „о кабинетѣ медалей. Я вижу, вы того мнѣнія, что въ настоящее время деньги нужны на другое. Самые могущественные государи никогда не имѣютъ ихъ слишкомъ много, особенно, когда имъ приходится вести большую войну. Оставимъ же эти дѣла до болѣе благопріятнаго времени".

Между тѣмъ произошло то великое событіе, которое такъ возвысило значеніе Россіи для Европы и совершенно видоизмѣнило состояніе восточной половины нашего материка. Любопытно наблюдать, какъ извѣстіе о Полтавской побѣдѣ отразилось въ кругу интересовъ, около которыхъ вращалась переписка Урбиха съ Лейбницемъ. Подъ ея вліяніемъ тотчасъ приблизились къ окончанію тѣ два дѣла, о которыхъ Урбихъ хлопоталъ у князей Вельфскаго дома. Упорство герцога Антона-Ульриха и колебаніе его относительно брака его внучки съ царевичемъ исчезли. Курфирстъ Ганноверскій изъявилъ готовность отказаться отъ союза съ Швеціей и вступить въ переговоры съ Россіей. Урбихъ значительно возвышаетъ тонъ. Лейбницъ радостно предвидитъ конецъ Сѣверной войны, разсчитывая, что царь займется внутреннимъ преобразованіемъ своей страны. Узнавъ, что Петръ приближается къ границамъ Германіи, Лейбницъ торопитъ Урбиха поѣхать къ нему на встрѣчу, въ надеждѣ, что ихъ свиданіе обезпечитъ осуществленіе его проектовъ и плановъ относительно Россіи. 7-го августа новаго стиля Урбихъ сообщаетъ Лейбницу „великую новость о пораженіи Шведскаго короля, которую не нужно описывать, такъ какъ она опубликована вездѣ. Мнѣ прислано подробное описаніе ея, которое я напечаталъ. Это дѣйствительно паденіе Фаэтона, какъ очень хорошо выразился его величество въ своемъ письмѣ [1]). Гуль-

[1]) Описывая Ромодановскому Полтавскую викторію Петръ писалъ: «И единымъ

денбергъ хотѣлъ заключить изъ этого, что письмо подложное, ибо, говорилъ онъ, что̀ знаютъ въ Московіи о Фастонѣ? Въ настоящее время начинаютъ бояться царя, какъ прежде боялись Шведа. Только враги царя распускаютъ о немъ недобрые слухи; его величество не имѣетъ намѣренія дѣлать другимъ зло; напротивъ того, онъ готовъ дѣлать всѣмъ добро: онъ требуетъ только назадъ то, что̀ Шведы отняли у него въ прежнее время. Date или reddite Caesari, quod Caesaris, et qui rem suam petit nemini injuriam facit. Я не желаю вѣрить, чтобы нашлись недоброжелатели, которые вздумали бы воспротивиться справедливымъ намѣреніямъ его величества. Они могутъ подвергнуться гнѣву Царя царей, Который одинъ охранилъ жизнь нашего царя. Я желалъ бы знать, что̀ скажутъ теперь эти хвастуны [1]), которые разыгрывали шведскихъ министровъ и въ то же время были клеветниками и хулителями его царскаго величества, особенно этотъ грубіянъ Оберіъ. Извѣстите меня скорѣе, по секрету, о расположеніи курфирста. Я не совѣтовалъ бы теперь задѣвать насъ. Ганноверъ долженъ былъ бы присоединиться къ намъ и не позволить королю Прусскому опередить себя. Извѣстите меня также о слѣдующемъ: если бы король Шведскій погибъ, то кто будетъ его наслѣдникомъ, герцогъ Голштинскій или сестра короля?“

Въ это время Урбихъ еще сомнѣвался въ исходѣ брачнаго дѣла. „Я ничего не понимаю въ дѣлѣ царевича съ принцессою Шарлоттой. Интриги ведутся какъ въ Вольфенбюттелѣ, такъ и у самой принцессы. Надо утѣшиться. Я ничего не теряю, но только царь сочтетъ меня дуракомъ, если я стану писать, то что дѣло окончено, то что встрѣтились новыя затрудненія“. Но черезъ нѣсколько дней послѣ этого Лейбницъ окончательно успокоилъ Урбиха насчетъ его сомнѣній. „Принцесса Шарлотта“,—писалъ онъ ему 20-го августа, изъ Брауншвейга,—„пріѣхавшая сюда на ярмарку, была такъ хорошо вразумлена (a esté si bien cathéchisée), что приняла предназначенную для нея честь, и я узналъ, что Іорданъ повезъ эту новость королю Августу. Іорданъ, кажется, желаетъ принять участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ, но по моему мнѣнію, честь и выгода должны быть предоставлены только вамъ“. При извѣстіи о Полтавской побѣдѣ возобновились надежды Лейбница на вмѣшательство царя въ войну противъ Французовъ. „Мнѣ кажется“, пишетъ онъ Урбиху, „что если въ нынѣшнюю зиму не со-

словомъ сказать, вся непріятельская армія Фастоновъ конецъ воспріяла»... *Соловьева*, Ист. Россіи, XV, 377.

[1]) Урбихъ говоритъ о ганноверскихъ министрахъ.

стоится всеобщій миръ, то желаніе царевича предпринять походъ на Рейнъ принесло бы Россіи и пользу, и славу. Нѣтъ сомнѣнія, что если только императоръ согласится на это, то здѣсь будутъ очень довольны. Лица, видѣвшія копію съ договора между Ганноверомъ и Швеціей, увѣряли меня, что срокъ союза истекъ въ апрѣлѣ 1709 года. Такимъ образомъ Травендальскій миръ и спокойствіе Нижне-Саксонскаго округа теперь обезпечены. Такъ какъ всѣ затрудненія царя теперь, повидимому, окончились, то я думаю, что въ Россіи начнутъ заботиться о предметахъ изящныхъ и интересныхъ. Вѣдь мой конекъ—всеобщее благо, достигаемое посредствомъ развитія наукъ, и записка на голландскомъ языкѣ, можетъ-быть, прійдетъ кстати. Будьте такъ добры, извѣстите меня о томъ, что̀ вы думаете и что̀ вы считаете возможнымъ, а также о времени и образѣ дѣйствія“.

О престолонаслѣдіи въ Швеціи Лейбницъ судилъ очень вѣрно: „Престолъ принадлежитъ сыну старшей сестры сообразно съ завѣщаніемъ ея отца, которое было одобрено чинами королевства. Но я думаю, что въ случаѣ упраздненія престола тамъ измѣнятъ образъ правленія и сдѣлаютъ его менѣе деспотическимъ“.

Черезъ недѣлю Лейбницъ писалъ Урбиху: „Мы узнали многія подробности о пораженіи и взятіи въ плѣнъ всей шведской арміи; это событіе навсегда останется памятнымъ въ исторіи и будетъ поучительно для потомства во многихъ отношеніяхъ... Отнынѣ царь будетъ имѣть большое значеніе въ Европѣ и будетъ принимать важное участіе въ общихъ дѣлахъ. Всѣ чрезвычайно хвалятъ его гуманность и милость, съ которою онъ отпустилъ шведскихъ офицеровъ на честномъ словѣ. Но онъ поступилъ благоразумно: удержавъ солдатъ, онъ можетъ устроить съ ихъ помощью отличныя колоніи на границахъ своей имперіи.... Я опасаюсь, чтобы война не продлилась еще годъ или два, такъ какъ перемѣны, случившіяся на сѣверѣ, могутъ возбудить надежду Франціи, что она будетъ во второй разъ спасена Швеціей. Это можетъ дѣйствительно случиться, если сѣверные короли (Данія, Саксонія) возьмутъ назадъ часть своихъ войскъ, которыя они дали союзникамъ. Но царь легко могъ бы предотвратить это и устроить все такъ, чтобы правое дѣло не пострадало [1]). Планъ, который

[1]) Черезъ нѣсколько времени послѣ свиданія царя съ королями Прусскимъ и Польскимъ надежда Лейбница, что торжество Россіи не будетъ имѣть дурнаго вліянія на ходъ французской войны, еще болѣе усилилась. По поводу этого свиданія Лейбницъ писалъ къ Линтело (Lintelo), голландскому послу въ Берлинѣ: «Cette entrevue sera de très grande importance pour les affaires générales et si

составлялъ содержаніе прежнихъ писемъ нашихъ, о которомъ я еще въ послѣднемъ письмѣ имѣлъ честь говорить вамъ, могъ бы очень этому способствовать..... Имѣя сообщить вамъ очень многое (прибавилъ Лейбницъ шифрами), я намѣренъ отправиться къ вамъ и надѣюсь найдти на Нюрнбергской почтѣ письмо къ Фрейбергу [1]), чтобы знать, гдѣ васъ найдти.... Вы можете себѣ представить, до какой степени многихъ удивилъ великій переворотъ на сѣверѣ. Нѣкоторые, напримѣръ, Обергъ, повидимому, совершенно потерялись (paroissent avoir perdu tout leur latin). Говорятъ обыкновенно, что царь сдѣлается опаснымъ для Европы и будетъ нѣчто въ родѣ *сѣвернаго Турка*. Но можно ли помѣшать ему цивилизовать своихъ подданныхъ и сдѣлать ихъ болѣе образованными и болѣе воинственными — qui suo jure utitur nemini facit injuriam. Что до меня, то я стою за благо всего человѣчества; я очень радъ, что такое обширное царство идетъ по пути разума и порядка, и смотрю на царя, какъ на лицо, которое Богъ предназначилъ для великаго дѣла. Онъ ужь успѣлъ создать себѣ отличное войско. Я не сомнѣваюсь, что онъ будетъ имѣть черезъ васъ хорошія связи за границей, и я былъ бы въ восхищеніи, если бы могъ содѣйствовать его намѣренію перенести науки въ его царство. Я нахожу даже, что онъ въ этомъ отношеніи можетъ достигнуть лучшихъ результатовъ, чѣмъ всѣ другіе государи, бывшіе до него, по причинамъ, которыя я отчасти изложилъ въ другомъ мѣстѣ. Я говорилъ объ этомъ только съ герцогомъ, который все вполнѣ одобрилъ. Въ этомъ отношеніи я разчитываю не только на вашу дружбу ко мнѣ, но и на ваше рвеніе къ общему благу. Но при моихъ пожилыхъ лѣтахъ я часто думаю о девизѣ Гроція: время летитъ

---

jamais le Nord a eu des influences sur les autres parties du monde ce sera maintenant. Cependant il n'y a pas bien à douter des bonnes intentions de Sa M. le Roy de Prusse. Le Roy de Pol. aussi s'est bien explique dans son manifeste, et le Czar même paroist porté pour la bonne cause et tout cela me fait espérer, que le Nord n'empêchera pas les Hauts Alliés de pousser leur point et de nous procurer enfin un repos durable pour le rétablissement de la Monarchie d'Espagne». Въ отвѣтъ на это Лнтело сообщилъ Лейбницу, что «во время свиданія всѣ министры получили отъ царя богатые подарки; королю же Прусскому Петръ подарилъ первую шпагу, имъ сдѣланную въ Россіи, не исключая и ножны. Клинокъ ея былъ надлежащаго вѣса и замѣчательной работы». Дройзенъ въ Geschichte d. Preuss. Politik говоритъ, что это была шпага, которую Петръ имѣлъ при себѣ въ Полтавскомъ сраженіи.

[1]) Довѣренное лицо Лейбница въ Нюрнбергѣ, черезъ которое ему пересылали письма.

(ruit hora), и вотъ почему я не сочувствую отсрочкамъ. Я полагаю, что вы скоро поѣдете на встрѣчу царю, потому что его величество, вѣроятно, приблизится къ намъ, чтобы видѣться съ Польскимъ королемъ. Такимъ образомъ я не сомнѣваюсь, что вы осуществите прекрасный планъ относительно наукъ, также какъ и другіе планы".

Лейбницъ, очевидно, былъ чрезвычайно заинтересованъ своими проектами о распространеніи образованія въ Россіи и очень заботился, чтобы не упустить благопріятнаго случая. Черезъ нѣсколько дней онъ снова писалъ о нихъ Урбиху [1]). На этотъ разъ онъ откровенно высказалъ свое желаніе стать во главѣ академіи или ученой коллегіи, которой было бы поручено дѣло образованія въ Россіи. Лейбницъ повторяетъ, что царь въ состояніи сдѣлать для наукъ больше, чѣмъ нѣкогда Людовикъ XIV, и что теперь насталъ самый благопріятный моментъ для пріобрѣтенія рѣдкостей. „Однимъ словомъ", продолжаетъ онъ, „если царь имѣетъ въ виду основать академію наукъ и искусствъ и хочетъ дать ей нужный авторитетъ и средства, то все, что сдѣлано въ другихъ мѣстахъ, будетъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ могъ бы сдѣлать. Не говоря уже о тѣхъ важныхъ открытіяхъ, которыя мнѣ приписываются, одно то, что я имѣю честь быть однимъ изъ старшихъ членовъ всѣхъ академій и президентомъ послѣдней изъ нихъ (Берлинской), даетъ мнѣ право надѣяться, что мнѣ будетъ поручено руководство этимъ великимъ дѣломъ, и я предпочелъ бы его всякому другому занятію". Перечисливъ все, что царь могъ бы сдѣлать для пользы науки, Лейбницъ прибавляетъ: „Съ небольшою суммою можно было бы много сдѣлать, и эти издержки окупились бы со временемъ. Если бы царь уполномочилъ васъ установить со мною условіе, вы могли бы оказать ему важную услугу". Но Урбиха гораздо болѣе занимали соображенія другаго рода. Впечатлѣніе, произведенное Полтавскою побѣдою, внушило ему надежду привлечь теперь Ганноверъ на сторону Россіи, и онъ рѣшился сдѣлать черезъ Лейбница новое предложеніе правительству курфирста. Сообщивъ Лейбницу, что Пруссія снова сдѣлала нѣсколько попытокъ въ пользу Швеціи, несогласныхъ съ договорами, заключенными съ Даніей и Саксоніей, Урбихъ спросилъ его: „Извѣстите меня, захочетъ ли Ганноверъ войдти въ сношенія съ царемъ, то-есть, считаете ли вы это возможнымъ. Въ такомъ случаѣ наше правительство, можетъ-быть, отказалось бы отъ

---

[1]) Письмо это не помѣчено числомъ. Изъ сравненія съ другими письмами Лейбница мы заключили, что это письмо написано 2-го сентября.

короля Прусскаго. Вы могли бы выпытать у Бернсдорфа и сообщить мнѣ на серіозномъ основаніи, чего можно ожидать; но нужно остерегаться, чтобъ это не кончилось шуткой; я полагаю, что Обергъ былъ бы очень радъ провести насъ. Прошу у васъ позволенія, не называя вашего имени, устроить такъ, чтобъ ему досталось за выраженіе, что царь есть *сѣверный Турка*. Этотъ господинъ все запутаетъ и всему помѣшаетъ. Впрочемъ, чѣмъ сильнѣе его досада, тѣмъ больше моя радость: не такіе люди, какъ Обергъ, въ состояніи остановить побѣдоносный ходъ царскаго оружія".

Только въ припискѣ къ своему письму Урбихъ извѣстилъ Лейбница, что онъ давно уже отправилъ его проектъ къ русскому двору: „Я не сомнѣваюсь, что его уже получили и обратили на него вниманіе".

Вмѣстѣ съ своимъ письмомъ Урбихъ прислалъ Лейбницу возраженіе на медаль, вычеканенную въ 1700 году въ Амстердамѣ и прославлявшую побѣды Карла XII надъ его тремя врагами. Напыщенныя выраженія: „быстрѣе Персея, храбрѣе Геркулеса и счастливѣе Августа", примѣнявшіяся тогда къ Карлу XII, примѣнялись теперь съ большимъ правомъ къ Полтавскому побѣдителю [1]).

Лейбницъ согласился принять на себя порученіе Урбиха, но жаловался, что оно слишкомъ неопредѣленно. „Если бы ваше предложеніе", писалъ онъ Урбиху, „было изложено болѣе подробно, тогда по отвѣту можно было бы судить, выйдетъ ли какой-нибудь толкъ изъ переговоровъ".

Въ отвѣтъ на медаль, предложенную Урбихомъ, Лейбницъ прислалъ ему проектъ другой медали, имъ придуманной: „Возраженіе (la risposta) на шведскую медаль мнѣ очень понравилось; оно такъ же справедливо, какъ первая медаль оказалась несправедливою и тщеславною, вслѣдствіе событій. Мнѣ пришла на умъ другая, которая примѣнила бы къ дѣлу очень кстати стихъ Клавдіана. Вы знаете, что въ этихъ случаяхъ очень охотно пользуются стихами какого-ни-

[1]) Лейбницъ, сочинившій нѣкогда хроностихъ по случаю пораженія русскаго войска при Нарвѣ:

Caesar eras nVnC CaesVs ut haeC Illa VVlnera VeLes
non tIbI LarVa Deest, haeC tIbI narVa dabIt,

написалъ теперь стихотвореніе на Карла XII, кончавшееся стихами:

Carole, vincendi nimius te perdidit amor.
Si te vicisses, victor ut ante fores.

будь древняго поэта. Съ одной стороны медали можно было бы изобразить царя, съ другой Полтаву съ Днѣпромъ вдали, и шведскихъ генераловъ и офицеровъ, слагающихъ на землю оружіе и знамена и склоняющихся предъ его царскимъ величествомъ, а вокругъ помѣстить надпись: Confessos animo quoque subjugat hostes; ибо можно сказать, что царь не только взялъ непріятелей въ плѣнъ силою оружія, но и побѣдилъ и плѣнилъ сердца ихъ своимъ великодушіемъ, которое заставило ихъ признаться, сколько они ему обязаны, и какъ онъ заслуживалъ сдѣлаться побѣдителемъ ихъ. Мнѣ кажется, что никогда не было выраженія болѣе справедливаго и болѣе соотвѣтствующаго дѣлу, какъ вышеприведенное“.

Урбихъ отвѣтилъ Лейбницу, отъ 2-го октября, что онъ просилъ позволенія пріѣхать къ царю, но что царю нечего спѣшить, и онъ хочетъ сначала покончить польскія дѣла: „Что касается до Прусскаго короля, то у насъ его не жалуютъ и предпочитаютъ союзъ съ Ганноверомъ; я знаю также, что царь еще свободенъ, но въ Ганноверѣ слишкомъ медлятъ“.

На другой или на третій день послѣ этого Урбихъ получилъ отъ Лейбница извѣстіе, что онъ исполнилъ данное порученіе и говорилъ съ Бернсдорфомъ. Лейбницъ обстоятельно описывалъ свой разговоръ съ ганноверскимъ министромъ: „Я сказалъ ему, что имѣю передать ему поклонъ, котораго онъ никакъ не ожидаетъ, и дѣйствительно, онъ былъ очень удивленъ, когда узналъ, что поклонъ отъ васъ. Я сказалъ ему, что вы просили меня узнать отъ него, можно ли ожидать успѣха отъ переговоровъ, къ которымъ васъ побуждаетъ ваше рвеніе къ царской службѣ и ваша преданность Ганноверскому дому; что, какъ вамъ (Урбиху) извѣстно, царь съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшился женить своего сына на принцессѣ этого дома, обнаружилъ особенную склонность вступить въ дружескія сношенія съ курфирстомъ, заслуги и добрая слава котораго извѣстны царю; но что царь былъ удивленъ тѣмъ, что ганноверскіе министры при всякомъ случаѣ принимали сторону Шведовъ. Его величество оправдывалъ это до извѣстной степени, полагая, что это было слѣдствіемъ тѣснаго союза между курфирстомъ и Швеціей, а царь, который любитъ вѣрность и точное исполненіе своихъ обязательствъ, не можетъ порицать этихъ свойствъ даже тогда, когда они вредятъ его интересамъ. Я сказалъ, что вы были однако того мнѣнія, что этотъ союзъ не заставилъ правительство курфирста дѣйствовать противъ государя, намѣренія котораго искренни и справедливы. Узнавъ недавно, что срокъ этого союза

прошелъ, и что причины, которыя вызвали его, исчезли, вы сочли своевременнымъ увѣдомить здѣшній дворъ о добрыхъ намѣреніяхъ его царскаго величества относительно его свѣтлости курфирста и его дома, а также относительно всей имперіи и политической свободы Европы. Но вы считали необходимымъ изслѣдовать предварительно почву, чтобы не компрометировать такого могущественнаго государя, какъ царь, и убѣжденные въ прямотѣ и твердости г. Берисдорфа, вы желали бы узнать отъ него по секрету, полагаетъ ли онъ, что предложенія съ русской стороны будутъ хорошо приняты. Я увѣрилъ его отъ вашего имени, что царь готовъ во всемъ содѣйствовать тому, чтобъ упрочить спокойствіе имперіи и особенно Нижне-Саксонскаго округа, въ чемъ, какъ извѣстно, курфирстъ очень заинтересованъ, имѣя при этомъ въ виду болѣе славу, чѣмъ выгоду. Берисдорфъ поручилъ мнѣ, въ отвѣтъ на это, поблагодарить васъ за довѣріе, которое вы ему оказываете, и прибавилъ, что отсутствіе курфирста не позволяетъ ему входить въ подробности относительно послѣднихъ событій. Но такъ какъ онъ видитъ, что вы желаете узнать только его личное мнѣніе, то онъ съ удовольствіемъ выскажетъ его при этомъ удобномъ случаѣ съ такою же, какъ вы, довѣрчивостью, и не скроетъ, что по его убѣжденію, курфирстъ сочтетъ за честь пріобрѣсти дружбу такого великаго государя, какъ царь, и будетъ всегда готовъ войдти въ добрыя отношенія съ его царскимъ величествомъ и тщательно поддерживать ихъ, тѣмъ болѣе, что намѣренія царя такъ справедливы и такъ согласны съ интересами курфирста.

„Но Берисдорфъ особенно распространился о маленькомъ упрекѣ, который проглядывалъ въ вашихъ словахъ, именно, будто бы Ганноверскій дворъ благопріятствовалъ Шведамъ въ ущербъ царю. Онъ увѣрялъ меня, что курфирстъ никогда не вмѣшивался въ ссоры Швеціи и царя и даже не входилъ въ тѣ интересы Швеціи, которые не касались имперіи: „Мы истые добрые Нѣмцы и хорошіе патріоты",—сказалъ онъ,—„вовсе не желающіе слѣдовать за Шведами и сочувствовать ихъ страстямъ. Мы содѣйствовали имъ только въ дѣлахъ справедливыхъ и сообразныхъ съ существующимъ между нами договоромъ, а если иногда казалось, что мы идемъ далѣе нашихъ обязательствъ, то это дѣлалось въ интересахъ имперіи, чтобы не дать Шведамъ повода оставаться въ имперіи или проникнуть далѣе и повредить успѣхамъ союзниковъ". Берисдорфъ выразилъ надежду, что царь и его министры, принимая во вниманіе состояніе политическихъ дѣлъ, согласятся, что Ганноверскій дворъ поступалъ только согласно съ своими

обязанностями; наконецъ онъ просилъ васъ быть увѣреннымъ въ его готовности содѣйствовать тѣмъ благимъ намѣреніямъ, къ которымъ вы проложили путь. Вотъ" — заключаетъ Лейбницъ — „сущность нашего разговора, который я спѣшилъ начать, такъ какъ Бернсдорфъ завтра отправляется на двѣ недѣли въ деревню. Итакъ, ясно, что ваше предложеніе будетъ принято здѣсь съ удовольствіемъ, и вамъ не слѣдуетъ думать, что между нами есть люди, которые могли бы или даже хотѣли бы помѣшать такому доброму дѣлу. Надо дать извѣстнымъ людямъ время опомниться, и лучше забыть прошедшее, чѣмъ довести ихъ упреками до озлобленія. Самые страстные становятся благоразумными, когда дѣла принимаютъ извѣстный оборотъ, и я не въ первый разъ видѣлъ министровъ, которые бѣлое превращали въ черное.м сотра по обстоятельствамъ. Покойный Гротъ возразилъ мнѣ однажды на мое замѣчаніе объ этомъ, что нужно всегда держать сторону счастія (qu'il falloit être du parti du ciel). То же самое сказалъ одинъ древній поэтъ:

Fatis accede deisque.

„Нужно впрочемъ отдать курфирсту, который любитъ держаться въ предѣлахъ умѣренности и не слишкомъ сообразоваться съ счастіемъ, справедливость въ томъ, что когда счастіе Шведовъ достигло высшаго своего предѣла, онъ всегда откровенно высказывалъ имъ свое мнѣніе, и я полагаю, что Бернсдорфъ былъ правъ, утверждая, что когда курфирстъ старался предотвратить въ Вѣнѣ, въ Гагѣ и въ Лондонѣ же, что̀ могло сколько-нибудь раздражить Шведовъ, то онъ при этомъ только имѣлъ въ виду выпроводить ихъ какъ можно скорѣе изъ имперіи; событія показали, что онъ былъ правъ".

Увѣдомивъ Урбиха о кровопролитной побѣдѣ союзниковъ при Мальплаке, Лейбницъ выражаетъ опасеніе, что война продлится еще годъ, и замѣчаетъ, что планъ Урбиха еще можетъ пригодиться. „Мнѣ кажется", продолжаетъ онъ, „что нужно желать, чтобы вы поскорѣе увидѣлись съ царемъ и извѣстили его о многихъ дѣлахъ, особенно для того, чтобы король Прусскій, король Августъ и Іорданъ ничего не попортили. Я не стану повторять того, что̀ я говорилъ о наукахъ, которыя болѣе интересуютъ меня, чѣмъ политическія дѣла, ибо польза послѣднихъ большею частію преходящая, и часто то, что̀ полезно для однихъ, вредно другимъ, тогда какъ умноженіе человѣческихъ знаній и знакомство съ природою способствуютъ славѣ Господней и благополучію рода человѣческаго, увеличивая богатства и цивилизацію, а потому, по моему мнѣнію, ничто болѣе не соотвѣтствуетъ ви-

дамъ его царскаго величества, который старается распространить цивилизацію въ своемъ обширномъ царствѣ. Ваше рвеніе ко всѣмъ интересамъ этого монарха заставляетъ меня не сомнѣваться въ томъ, что вы серіозно объ этомъ думаете и будете готовы съ горячностью содѣйствовать этому намѣренію, когда увидитесь съ царемъ, и еще прежде посредствомъ писемъ испросите полномочіе вступить со мною въ переговоры. Я желалъ бы впрочемъ, чтобы вы сказали мнѣ ваше мнѣніе объ этомъ откровенно, въ качествѣ друга".

Получивъ это письмо Лейбница, Урбихъ поспѣшилъ отвѣтить ему 5-го октября: „Съ чрезвычайною радостію получилъ я ваше письмо отъ 25-го сентября, и хотя я собираюсь отправиться въ путь 9-го настоящаго мѣсяца, чтобы не упустить случая найдти его царское величество въ Люблинѣ или въ его окрестностяхъ, я не преминулъ однако сегодня же послать въ шифрахъ извлеченіе изъ вашего письма съ нарочнымъ, который меня опередитъ. Передайте мой поклонъ и мою благодарность вашему великому министру; его патріотическій и ясный отвѣтъ, который совершенно соотвѣтствуетъ прямотѣ его характера и тому мнѣнію, которое я, какъ и весь свѣтъ, всегда имѣлъ о его рѣдкихъ достоинствахъ, вызоветъ у насъ большое сочувствіе, и вѣроятно, будетъ имѣть хорошія послѣдствія, если только я достигну двора заблаговременно и прежде, чѣмъ тамъ вступятъ въ обязательство съ другими, ибо до сихъ поръ еще ничто не кончено. Впрочемъ я не забуду вопроса о наукахъ, въ чемъ вы можете мнѣ повѣрить".

Еще прежде, чѣмъ Лейбницъ получилъ это письмо Урбиха, онъ написалъ ему другое. Ему чрезвычайно хотѣлось знать, какое впечатлѣніе произведетъ на Урбиха извѣстіе о его разговорѣ съ Бернсдорфомъ, и онъ спрашивалъ, не нужно ли имъ повидаться, чтобы переговорить обо всемъ на словахъ. Тутъ же Лейбницъ сообщилъ Урбиху, что онъ видѣлъ описаніе празднества, устроеннаго послѣднимъ въ честь Полтавской побѣды. Курфирстина Софія отправила это описаніе къ герцогинѣ Орлеанской:

„Дѣйствительно, говорятъ, что ваше празднество произвело впечатлѣніе. Курфирстина давно и гораздо раньше Полтавской побѣды отзывалась о царѣ съ похвалой и даже говорила объ этомъ Фризендорфу (шведскому посланнику). Герцогиня Орлеанская также совершенно сочувствуетъ царю, но она удивляется, что онъ, какъ говорятъ, хочетъ измѣнить одежду своихъ подданныхъ. Она находитъ, что восточный покрой платья придаетъ больше важности. Шведскій

посланникъ въ Гагѣ представилъ мемуаръ, съ цѣлію помѣшать фейерверку, который устроиваетъ Матвѣевъ. Онъ могъ бы обойдтись и безъ этого протеста, который всѣ нашли страннымъ. Штаты отвѣтили на это, что иностраннымъ посланникамъ предоставляется право дѣлать радостныя изъявленія, и что Штаты въ настоящемъ случаѣ тѣмъ менѣе имѣютъ поводъ мѣшаться въ это дѣло, что не принимали никакого участія въ войнѣ царя съ королемъ Шведскимъ. Впрочемъ, кажется, Англія и Голландія были бы недовольны окончательнымъ униженіемъ Швеціи. Они помѣшаютъ королю Датскому сдѣлать нападеніе на нее. Не знаю однако, можно ли будетъ остановить этого короля одними рѣчами, и сомнѣваюсь, чтобы морскія державы рѣшились перейдти къ дѣйствіямъ, пока у нихъ на рукахъ такая громадная война. Вотъ почему Петтекумъ, голштинскій резидентъ въ Гагѣ, у котораго останавливался Терчи, хочетъ биться о закладъ, что миръ съ Франціей будетъ заключенъ въ эту зиму, если не возгорится война на сѣверѣ. Ему слѣдовало бы сказать: если другіе не вмѣшаются въ эту войну. Надѣюсь, что Данія не предприметъ ничего вопреки Травендальскому миру, и въ этомъ случаѣ не нахожу, чтобы въ Германіи могли имѣть причину смущаться тѣмъ, что̀ происходитъ въ Сканіи или Лифляндіи. Самое лучшее средство спасти Швецію, это склонить ее скорѣе къ миру съ Россіей".

Урбихъ, какъ мы видѣли изъ его письма къ Лейбницу, отправился въ началѣ октября 1709 года къ царю въ Польшу, чтобы хлопотать тамъ о заключеніи союза съ Ганноверомъ. Въ свою очередь Лейбницъ хлопоталъ о томъ же самомъ въ Ганноверѣ. Не дожидаясь отвѣта отъ Урбиха, а равно и возвращенія курфирста, Лейбницъ послалъ ему записку, въ которой объяснилъ необходимость вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ Россіей, сдѣлавшеюся послѣ Полтавской битвы первенствующею державою на сѣверѣ. Объяснивъ, что Урбихъ еще въ прошлую зиму имѣлъ намѣреніе сдѣлать черезъ него разныя предложенія Ганноверу, Лейбницъ замѣтилъ, что великій переворотъ, происшедшій съ тѣхъ поръ на сѣверѣ, заставилъ его сомнѣваться въ томъ, будетъ ли русскій посолъ искать этого сближенія теперь. Затѣмъ Лейбницъ сообщилъ о порученіи, которое онъ имѣлъ отъ Урбиха, и подробно описалъ свой разговоръ съ Бернсдорфомъ. Зная слабую сторону Ганноверскаго правительства — зависть къ Пруссіи, онъ искусно далъ замѣтить курфирсту, что нужно спѣшить союзомъ съ Россіей, иначе эта держава еще болѣе сблизится съ Пруссіей. Въ концѣ своего письма Лейбницъ мѣтко обрисовалъ то значеніе, которое Россія пріобрѣла вслѣдствіе Пол-

тавской побѣды, и ея отношенія къ другимъ европейскимъ государствамъ: „Я сужу по всему случившемуся, что царь имѣетъ намѣреніе принимать впредь большое участіе въ общихъ дѣлахъ Европы, захватить авторитетъ, который имѣла Швеція, и пойдти еще гораздо далѣе. Такъ какъ Русскій царь теперь чрезвычайно силенъ, и такъ какъ императоръ заискиваетъ его дружбы по причинѣ Венгріи, а морскія державы по причинѣ торговли, то по моему мнѣнію, чрезвычайно важно пріобрѣсти его расположеніе“.

На этотъ разъ хлопоты Урбиха и Лейбница увѣнчались успѣхомъ. Узнавъ отъ Урбиха, что Ганноверъ изъявилъ теперь готовность сблизиться съ Россіей, царское правительство отправило туда чрезвычайнаго посла князя Куракина, чтобы постановить условія договора.

Въ прошломъ столѣтіи маленькія государства Германіи играли въ политикѣ роль, не соотвѣтствовавшую ихъ дѣйствительному могуществу. Причина этого явленія заключалась въ томъ, что всѣ тогдашнія войны происходили на почвѣ Германіи и дѣйствующими силами въ нихъ являлись большею частью наемныя нѣмецкія войска, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Англія начала принимать дѣятельное участіе въ европейской политикѣ. Когда Россія начала свою борьбу со Швеціей, ей было необходимо отвлечь силы этого воинственнаго государства отъ своихъ границъ и поэтому она должна была искать себѣ союзниковъ въ Германіи. Кромѣ Саксоніи и Даніи, которыя вступили въ союзъ съ Россіей, еще два нѣмецкія государства были особенно заинтересованы ходомъ Шведской войны — Пруссія и Ганноверъ. Оба они могли имѣть большое вліяніе на эту войну, и для Россіи поэтому было чрезвычайно важно или привлечь ихъ на свою сторону, или по крайней мѣрѣ убѣдить ихъ сохранять строгій нейтралитетъ, такъ какъ оба эти государства въ союзѣ съ Швеціей легко могли бы обезоружить Саксонію и Данію, и Россія въ такомъ случаѣ осталась бы безъ союзниковъ.

Пруссія и Ганноверъ находились въ совершенно одинаковыхъ отношеніяхъ къ Швеціи. Эта держава пріобрѣла себѣ своимъ вмѣшательствомъ въ Тридцатилѣтнюю войну чрезвычайно выгодное положеніе. Она получила двѣ приморскія области, одну при Балтійскомъ морѣ — Померанію, другую при Нѣмецкомъ—Бременъ и Верденъ. Обѣ области лежали при устьяхъ большихъ судоходныхъ рѣкъ Одера и Эльбы, имѣли поэтому чрезвычайно важное торговое и стратегическое значеніе и естественно возбуждали зависть тѣхъ государствъ, которыя лежали на

верхнемъ теченіи этихъ рѣкъ. Пріобрѣтеніе Помераніи составляло постоянную цѣль политики Пруссіи; Бременъ и Верденъ привлекали вниманіе Ганновера. Но Ганноверъ долженъ былъ стремиться къ своей цѣли осторожнѣе, чѣмъ Пруссія, ибо рядомъ съ нимъ было другое государство, которое имѣло тѣ же виды. Съ тѣхъ поръ, какъ Голштинская линія вступила на престолъ Даніи, это государство стало стремиться на югъ, старалось завладѣть пріэльбскими герцогствами—Шлезвигомъ и Голштиніей и стать твердою ногою на Эльбѣ. Если бы Даніи удалось завладѣть Бременомъ и Верденомъ и захватить Гамбургъ, она могла бы запереть Эльбу, наложить какія угодно пошлины на тамошнее судоходство и создать себѣ на устьѣ Эльбы второй Зундъ.

Естественно, что при этихъ условіяхъ ганноверскіе герцоги пользовались соперничествомъ между Даніей и Швеціей, чтобы поддержать равновѣсіе между ними. Ганноверъ противился всѣмъ попыткамъ Даніи завладѣть Гамбургомъ или Голштиніей. Съ этою цѣлью незадолго до начала Сѣверной войны Ганноверъ, вмѣстѣ съ Англіей и Голландіей, гарантировалъ Альтонскій договоръ между Даніей и Голштиніей и заключилъ съ послѣднею оборонительный союзъ. Когда состоялась коалиція Даніи, Саксоніи и Россіи противъ Швеціи, и датскія войска напали на области Голштинскаго герцога, зятя Карла XII, 11.000 ганноверскаго войска въ соединеніи съ шведскимъ отрядомъ изъ Бремена вступили въ Голштинію и поспѣшили на выручку Теннингена. Въ то же время быстрое нападеніе Карла XII на Зеландію заставило Датскаго короля отказаться отъ своихъ замысловъ, заключить Травендальскій договоръ, и между прочимъ еднею изъ статей его признать курфирстскій санъ за Ганноверскимъ герцогомъ.

Вскорѣ послѣ этого началась война за испанское наслѣдство, въ которой курфирстъ Ганноверскій былъ очень заинтересованъ, не только какъ наслѣдникъ англійскаго престола, но и потому что получалъ громадныя субсидіи за свои войска. Курфирстъ Георгъ-Людвигъ и его дядя герцогъ Цельскій обязались выставить для Англіи отрядъ въ 9.300 человѣкъ, за который они получали черезъ каждыя шесть недѣль 190.679 голландскихъ гульденовъ. Кромѣ того Голландія взяла на свое жалованье пять кавалерійскихъ полковъ [1]). Самъ курфирстъ, какъ мы видѣли, командовалъ нѣкоторое время императорскою арміей на Рейнѣ, а наслѣдный принцъ Ганноверскій сражался въ Бельгіи подъ командою Марльборо. При этихъ обстоя-

[1]) *Havemann*, Geschichte des Braunschw. Lüneb. Landes, III, стр. 362.

тельствахъ курфирстъ долженъ былъ стараться, чтобы Сѣверная война не коснулась ганноверскихъ предѣловъ, или какъ тогда выражались, чтобы не было нарушено спокойствіе Нижне-Саксонскаго округа, въ которомъ лежали ганноверскія владѣнія, а также Бременъ и Верденъ. Поэтому курфирстъ не только соблюдалъ нейтралитетъ между воюющими сторонами, но и заключилъ съ обѣими такіе договоры, которые обезпечивали неприкосновенность шведскихъ провинцій въ Германіи. Таково было содержаніе договора, заключеннаго имъ съ королемъ Августомъ въ 1679 году на двѣнадцать лѣтъ. Таково было, вѣроятно, и содержаніе договора съ Швеціей, о которомъ Лейбницъ говоритъ, что его срокъ истекъ въ апрѣлѣ 1709 года. Отъ всякихъ же наступательныхъ договоровъ курфирстъ постоянно уклонялся. Такъ, напримѣръ, переговоры объ оборонительномъ союзѣ съ Даніей [1]) не состоялись, потому что послѣдняя желала, чтобы курфирстъ гарантировалъ неприкосновенность датскихъ острововъ, а тотъ требовалъ, чтобы Данія воздерживалась отъ всякихъ мѣръ, которыя могли бы раздражить Швецію. Точно также, когда въ 1708 году Данія, ободренная неуспѣхомъ Карла XII въ Польшѣ, задумала возобновить войну съ нимъ, курфирстъ отвергнулъ предложенный Даніею союзъ, чтобы не поссориться съ Швеціей. Полтавская битва должна была измѣнить политику Ганновера. Нельзя было болѣе разсчитывать на Швецію. Курфирстъ могъ спасти отъ Даніи пріобрѣтенныя области только посредствомъ соглашенія съ державами, соединившимися противъ Швеціи. Вотъ почему осенью 1709 года Ганноверъ долженъ былъ искать сближенія съ Саксоніей, Даніей и Россіей.

Въ сентябрѣ прибылъ въ Ганноверъ чрезвычайный посолъ короля Августа, его камергеръ графъ Постицъ, чтобы, какъ сообщалъ Лейбницъ Урбиху, не только возобновить прежнюю дружбу, но вступить въ новыя обязательства. Результатомъ его пріѣзда было возобновленіе прежняго договора 1697 года. Въ ноябрѣ явился датскій камеръюнкеръ баронъ фонъ-Зеленталь, и лѣтомъ 1710 года между Ганноверомъ и Даніей былъ заключенъ оборонительный договоръ слѣдующаго содержанія: обѣ стороны обязуются въ случаѣ несправедливаго на нихъ нападенія помогать другъ другу отрядомъ въ 4.000 человѣкъ, который поступитъ подъ команду союзника и будетъ получать отъ него провіантъ за умѣренную цѣну. Въ приложенной тайной статьѣ король Датскій обязался не только не вторгаться въ шведскія про-

[1]) Вскорѣ послѣ Травендальскаго мира, см. *Havemann*, стр. 392.

винціи въ Германіи, но и не допускать посторонняго нападенія на нихъ, курфирстъ же обѣщалъ за это воспротивиться вооруженною силою всякому вторженію Шведовъ въ датскія владѣнія.

Въ томъ же ноябрѣ 1709 года явился въ Ганноверъ русскій чрезвычайный посолъ князь Куракинъ. Объявивъ на аудіенціи [1]) курфирсту, что царь имѣетъ къ нему особливую склонность и почитаніе и желаетъ прежде персонально учиненную знаемость и дружбу съ нимъ не только возобновить, но и добрую корреспонденцію впредь сочинить, также и о нѣкоторыхъ нужныхъ дѣлахъ предложить, Куракинъ повторилъ жалобы, о которыхъ Урбихъ столько разъ писалъ Лейбницу, что „царское величество извѣстенъ былъ, какъ его свѣтлость електорская отъ нѣкоторыхъ немалыхъ временъ имѣлъ всегда съ короною шведскою добрую дружбу и союзъ, также и дворъ его во всѣхъ оказіяхъ всякое вспоможеніе интересу шведскому оказывалъ“. Куракинъ замѣтилъ курфирсту, что онъ видѣлъ не много благодарности съ шведской стороны, и что если бы Шведы не были усмирены царскимъ оружіемъ, то непремѣнно возвратились бы въ имперію и „учинили бы всѣмъ сосѣдямъ своимъ не малую руину“. Указавъ на опасность, которой подвергаются ганноверскія владѣнія вслѣдствіе близости шведскихъ областей Бремена и Вердена, посолъ объявилъ, что пользуясь счастливою побѣдою надъ Шведами, царь намѣренъ обуздать силу шведскую „и содержать ее въ прежнихъ ея терминахъ“, чтобъ она не могла быть опасна ни Римской, ни Россійской имперіямъ. Однако царь не хочетъ „привесть оную корону въ конечное разореніе, но только содержать ее въ умѣренности“. Объявивъ такимъ образомъ свое намѣреніе, царь желаетъ „вѣдать взаимно“ намѣренія курфирста. Георгъ-Лудвигъ выразилъ надежду, что царь не пожелаетъ „въ имперіи какихъ-нибудь развращеній, изъ которыхъ бы въ нынѣшней войнѣ съ Франціей всѣмъ союзникамъ произошелъ вредъ“, и что зимою царь заключитъ миръ съ королемъ Шведскимъ. Куракинъ возразилъ на это, что на миръ нѣтъ никакой надежды, и что его нельзя ожидать, пока не будутъ удовольствованы всѣ союзники царя. Курфирстъ сталъ затѣмъ говорить о Полтавской битвѣ и другихъ постороннихъ дѣлахъ и выразилъ мнѣніе, которое было очень распространено въ это время, что Карлъ XII умеръ.

Весною слѣдующаго года Куракинъ заключилъ съ Ганноверомъ договоръ на двѣнадцать лѣтъ такого же содержанія, какъ и договоръ

[1]) См. *Соловьева*, Ист. Россіи, XVI, стр. 61.

между Ганноверомъ и Даніей. Этимъ договоромъ царь и курфирстъ обязались: вопервыхъ, содержать постоянную дружбу, искренно помогать другъ другу совѣтами и средствами, одинъ другому никакого вреда или предосужденія не чинить, непріятелямъ другъ друга ни людьми, ни деньгами не помогать, развѣ противъ всякаго ожиданія этого потребуетъ постановленіе, составляющееся въ Гагѣ и Регенсбургѣ относительно поддержанія спокойствія въ имперіи; вовторыхъ, царь и курфирстъ сообщаютъ другъ другу о всемъ, также повелѣваютъ своимъ министрамъ имѣть между собою добрую корреспонденцію и коммуникацію; втретьихъ, если одна сторона будетъ въ состояніи помочь другой войскомъ, то она должна увѣдомить ее объ этомъ. Важнѣе всего были четвертая и пятая статьи договора. Съ одной стороны, царь обѣщалъ, что если войска Швеціи, находящіяся въ ея нѣмецкихъ провинціяхъ, не начнутъ непріятельскихъ дѣйствій, то онъ не только самъ не будетъ безпокоить эти провинціи, но и будетъ уговаривать къ этому союзниковъ своихъ, для того чтобы не начались смуты въ имперіи, и чтобы высокіе союзники не получили препятствія къ войнѣ противъ Франціи. Съ другой стороны, курфирстъ обязался стараться всѣми силами, чтобы союзники царя, короли Датскій и Польскій, не подверглись нападенію въ своихъ нѣмецкихъ провинціяхъ; наконецъ, обѣ стороны обязались, если бы послѣдовало нападеніе на кого-нибудь изъ нихъ, „изъ противности и зависти къ этому трактату“, вступить въ соглашеніе, какимъ образомъ оказать другъ другу „крѣпкое вспоможеніе“.

Пріѣздъ Куракина въ Ганноверъ вселилъ въ Лейбница надежду, что съ помощью князя ему удастся завести съ Россіей прочныя и плодотворныя сношенія. Онъ полагалъ, что русскій бояринъ, имѣвшій въ отечествѣ обширныя связи и большое вліяніе при своемъ дворѣ, скорѣе будетъ въ состояніи удовлетворить его любознательности и доставить ему нужныя свѣдѣнія, чѣмъ такіе иностранцы, какъ Урбихъ и Гюйсенъ, которые не знали страны и не имѣли въ ней связей. Эти надежды, которыя Лейбницъ возлагалъ на Куракина, онъ выразилъ въ письмѣ къ Берлинскому библіотекарю ученому Матюренъ-Весьеръ Ла-Крозу, который занимался исторіею восточной церкви, интересовался русскою исторіей и филологіей и составилъ между прочимъ славяно-латинскій словарь [1]). „Здѣсь находится“, пишетъ Лейбницъ отъ 10-го декабря 1709 года, „Московскій бояринъ, посланникъ царя, и вѣроятно, пробудетъ у насъ нѣсколько недѣль. Онъ имѣетъ титулъ князя и

[1]) См. ст. *Пекарскаго*. Переп. Лейбница, въ *Зап. Имп. Академіи Наукъ* IV, 1863 года.

происходитъ изъ древняго рода Куракиныхъ. Я постараюсь убѣдить его, чтобъ онъ написалъ въ царскіе приказы (chancellerie du czar) и доставилъ намъ такимъ образомъ образчики языковъ изъ Россіи и сосѣднихъ областей. Если вы желаете получить оттуда какія-нибудь свѣдѣнія, то прошу васъ извѣстить меня скорѣе объ этомъ. Такъ какъ князь Куракинъ туземецъ и бояринъ, то его посредничество будетъ имѣть большій успѣхъ, чѣмъ старанія тѣхъ состоящихъ въ русской службѣ иностранцевъ, къ которымъ я по этому поводу обращался и письменно, и устно, но безъ всякаго результата".

Въ своемъ отвѣтѣ Ла-Крозъ, вѣроятно, просилъ Лейбница достать ему лѣтопись Нестора; ибо въ слѣдующемъ своемъ письмѣ Лейбницъ пишетъ, что постарается достать это сочиненіе, и сообщаетъ Ла-Крозу все, что ему извѣстно о Несторѣ. „Мнѣ попалось сочиненіе, авторъ котораго видѣлъ книгу Нестора и сдѣлалъ изъ нея извлеченія; это — сочиненіе Гербиніуса о Кіевскихъ криптахъ, которое вы легко найдете въ Берлинѣ, такъ какъ оно напечатано въ Кенигсбергѣ въ 1675 году. Сколько я могъ понять, самое сочиненіе этого Нестора называется Патерикомъ, и онъ изложилъ въ немъ житія святыхъ, которые погребены въ большой Кіевской пещерѣ. По словамъ Гербиніуса, сочиненіе Нестора напечатано въ 1661 году въ Кіевѣ славянскими или русскими буквами. Не знаю, эту ли книгу видѣли вы; меня вводитъ въ сомнѣніе то, что изъ вашихъ словъ выходитъ, будто вашъ Патерикъ принадлежитъ не Нестору, а между тѣмъ Гербиніусъ нѣсколько разъ говоритъ, что онъ имъ написанъ. Правда, онъ приводитъ, что Сильвестръ Классовъ [1]), русскій епископъ Мстиславскій, Оршанскій и Могилевскій, составилъ сокращеніе Несторова Патерика на польскомъ языкѣ и напечаталъ его въ Кіевѣ еще въ 1636 году. Не знаю, видѣли ли вы первый или послѣдній. Гербиніусу, какъ кажется, не было извѣстно, что этотъ Несторъ написалъ еще другое сочиненіе, хотя онъ его и называетъ русскимъ лѣтописцемъ. Этотъ Несторъ обозначенъ предпослѣднимъ въ спискѣ отцевъ, мощи которыхъ находятся въ Кіевской пещерѣ. Этотъ списокъ былъ доставленъ Гербиніусу Иннокентіемъ Гизелемъ, архимандритомъ одного изъ Кіевскихъ монастырей, человѣкомъ ученымъ, получившимъ свое образованіе въ католическихъ академіяхъ. Какъ бы то ни было, я попрошу князя Куракина и любознательныхъ Московскихъ дворянъ, находящихся при немъ, до-

[1]) Патерикъ, изд. въ Кіевѣ въ 1661 году, есть переводъ Патерика, составленнаго на польскомъ языкѣ Сильвестромъ *Коссовымъ* и изданнаго въ 1635 году. См. вышеуказанную статью *Пекарскаго*.

стать, если возможно, лѣтопись Нестора. Гербиніусъ ссылается на его Патерикъ, говоря о христіанской проповѣди апостола Андрея между Русскими и о какомъ-то Андроникѣ, пришедшемъ послѣ того въ Россію: имя этого Андроника, вѣроятно, подало потомъ поводъ къ преданію объ апостолѣ Андреѣ. Гербиніусъ сообщаетъ еще одно извѣстіе, котораго я не зналъ и которое очень любопытно, именно, что Русскіе рѣшили на соборѣ, созванномъ въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ онъ издалъ свою книгу, — не крестить католиковъ, принимающихъ православіе. Это обстоятельство очень важно. Гербиніусъ говоритъ также, что слышалъ отъ одного Поляка, будто слово *казакъ* происходитъ отъ славянскаго слова *косá* и обозначаетъ того, кто носитъ косу́, а не отъ козы, какъ объясняли другіе, потому, будто бы, что казаки бѣгаютъ и прыгаютъ легко, какъ козы. Дѣйствительно, первое объясненіе представляетъ гораздо болѣе смысла. Впрочемъ, такъ какъ вы написали такой полезный трудъ относительно книжнаго славянскаго языка, то вамъ было бы легко составить списокъ корней или главныхъ словъ, знакомство съ которыми было бы достаточно для того, чтобы легче понять остальныя. Я былъ бы вамъ благодаренъ за это". Въ концѣ письма Лейбницъ спрашиваетъ мнѣнія Ла-Кроза о томъ князѣ, который, по преданію Русскихъ, пришелъ къ нимъ изъ далекой страны. Лейбницъ полагаетъ, что эта страна есть берегъ Балтійскаго моря, и спрашиваетъ, не тотъ ли это Рюрикъ, о которомъ упоминается въ родословномъ древѣ, находящемся у него.

Получивъ отъ Ла-Кроза отвѣтъ на свой вопросъ, Лейбницъ сообщаетъ ему свое предположеніе относительно страны, откуда вышли *Варяги*. По его мнѣнію, это Вагрія, область, въ которой находится городъ Любекъ, и которая прежде вся была населена Славянами, Ваграми, Оботритами и проч. „Эта Вагрія", продолжаетъ Лейбницъ, „была нѣсколько разъ покоряема Норманнами или Датчанами. Итакъ, Рюрикъ, по моему мнѣнію, былъ датскаго происхожденія, но пришелъ изъ Вагріи или изъ окрестныхъ областей; ибо имя Рорика часто употребляется у Датчанъ и другихъ сѣверныхъ Германцевъ, но не встрѣчается у жителей Мекленбурга и другихъ Славянъ. Вагрія всегда была страною съ обширною торговлею, даже еще до основанія Любека, потому что эта страна лежитъ у входа въ Ютландскій полуостровъ и представляетъ возможность легкаго сообщенія съ океаномъ. Поэтому названіе этой страны у Славянъ легко могло сдѣлаться названіемъ всего моря, и Русскіе, не умѣвшіе, вѣроятно, хорошо произнести звукъ *гр*, сдѣлали изъ Вагріи Варягъ".

Мы имѣли бы болѣе подробныя свѣдѣнія о переговорахъ Куракина въ Ганноверѣ и о намѣреніяхъ тамошняго правительства, если бы съ осени 1709 года не прервалась переписка между Лейбницемъ и Урбихомъ. Послѣдній, какъ мы видѣли, выѣхалъ изъ Вѣны, чтобы видѣться съ царемъ въ Люблинѣ, и оттуда проѣхалъ потомъ въ Москву. О его пребываніи въ русской столицѣ и о предложеніяхъ, которыя онъ тамъ дѣлалъ, мы, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ. Знаемъ только, что онъ между прочимъ занимался тамъ новымъ сватовствомъ. До насъ дошло рѣшеніе царя относительно одного изъ пунктовъ, предложенныхъ Урбихомъ въ декабрѣ 1709 года [1]. Этотъ пунктъ касался брачнаго союза между царевною Анной Іоанновною и наслѣдственнымъ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ, о чемъ хлопоталъ Урбихъ. Какъ видно изъ примѣчаній, сдѣланныхъ Урбихомъ къ царскому отвѣту, онъ уже давно занимался сватовствомъ Анны Іоанновны; сваталъ ее сначала одному изъ принцевъ Саксенъ-Веймарскихъ, потомъ наслѣдному принцу Вольфенбюттельскому, родному дядѣ Шарлотты. Главнымъ препятствіемъ къ браку былъ пунктъ насчетъ вѣры, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ со стороны жениха требовали, чтобы царевна приняла протестантство [2].

Когда именно происходили эти переговоры и какъ далеко они зашли, намъ неизвѣстно; но и съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ Урбихъ уже давно находился въ переговорахъ. Еще до Полтавской битвы, въ рескриптѣ изъ Сумъ отъ 11-го января 1709 года, царь далъ отвѣтъ на условія, предложенныя Гессеномъ [3]. При этомъ царь требовалъ, вопервыхъ, чтобъ его племянницѣ была предоставлена свобода вѣры; вовторыхъ, о приданомъ говорилъ, что милліона слишкомъ много, но что онъ дастъ довольно, сколько императоръ Германскій даетъ за эрцгерцогинями; втретьихъ, онъ соглашается дать принцу титулъ вицекороля; вчетвертыхъ, объ ежегодной пенсіи принцу въ 100,000 гульденовъ онъ говорилъ, что такой пенсіи дать не можетъ; впятыхъ, относительно званія генералиссимуса русскихъ войскъ, котораго требо-

[1]) См. царскаго величества рѣшеніе на 10-й пунктъ, предложенный барономъ Урбихомъ 28-го декабря 1709 года, въ арх. мин. иностр. дѣлъ. Австр. д. 1709 года.

[2]) Относительно принца Вольфенбюттельскаго Урбихъ прибавляетъ: «zumalen es auch mit dem letzten nicht mehr res integra war und er sich schon mit der jetzigen Gemahlin versprochen hatte».

[3]) Этотъ рескриптъ сохранился въ нѣмецкомъ извлеченіи между реляціями Урбиха отъ 1711 года.

валъ себѣ принцъ, царь отвѣчалъ, что онъ самъ генералиссимусъ своего войска, но титулъ фельдмаршала онъ готовъ дать принцу, и спрашивалъ при этомъ, хочетъ ли принцъ только имѣть титулъ или дѣйствително вступить въ русскую службу. Въ Москвѣ въ декабрѣ 1709 года Урбихъ возобновилъ дѣло о сватовствѣ. Въ отвѣтѣ на его предложеніе было сказано, что царь все еще „соизволяетъ супружескую алліанцію съ Гессенъ-Касселемъ постановить, но находитъ гессенскія условія слишкомъ высокими. Царскаго величества послѣдняя резолюція туда клонится, чтобы 1) царевнѣ свобода вѣры весьма оставлена была; 2) царь соизволяетъ дать въ приданое 300.000 ефимковъ специей; 3) наслѣдственный принцъ получитъ титулъ вице-роя; 4) чинъ фельдмаршала и трактаментъ, ежели дѣйствительную службу чинить будетъ; 5) что же касается до пенсіи, то его царское величество при нынѣшней тяжкой войнѣ обѣщать не можетъ, но можно о томъ въ иное лучшее время согласиться“.

Отвѣтъ этотъ былъ данъ 24-го февраля 1710 года [1]). Урбихъ былъ имъ, какъ кажется, недоволенъ. Онъ опасался, что опять будетъ упущено время, какъ и съ первыми женихами, и потому заявилъ, что „принцу три знатныя партіи представлены, и онъ онымъ супружествомъ не обяжется, ежели особливой своей пользы при томъ не найдетъ“. Гессенскій принцъ потому такъ много запрашивалъ, что онъ уже былъ разъ женатъ на прусской принцессѣ, и какъ онъ говорилъ, извлекъ изъ этого брака большія выгоды, получивъ 80.000 талеровъ чистыми деньгами, на милліонъ каменьевъ и драгоцѣнностей, которые послѣ смерти жены остались за нимъ, полкъ и намѣстничество въ герцогствѣ Клеве. И теперь еще по смерти жены онъ получалъ изъ своего намѣстничества 6.000 талеровъ пенсіи, да кромѣ того ему было предоставлено пожизненное пользованіе всѣми имѣніями жены. Переговоры съ принцемъ продолжались черезъ Урбиха въ теченіе всего 1710 года, не смотря на то, что въ то же время велись переговоры о томъ же и съ герцогомъ Курляндскимъ. Гессенскіе министры обнадеживали Урбиха, что по окончаніи французской войны принцъ вступитъ въ русскую службу, и сбавили цѣну: они стали требовать только 50.000 талеровъ. Урбихъ прибавилъ къ этому, что они согласятся взять и 50.000 гульденовъ [2]), то-есть, почти на половину меньше.

[1]) Это видно изъ сокращеннаго извлеченія рескрипта на нѣмецкомъ языкѣ, которое находится между реляціями Урбиха 1711 года.

[2]) «Ich glaube, er thäte es für 50.000 fl., also die Hälfte».

Не смотря на то, что въ іюнѣ 1710 года въ Петербургѣ уже были опредѣлены условія брачнаго договора съ герцогомъ Курляндскимъ, еще въ октябрѣ Урбиха извѣстили рескриптомъ, что бракъ съ Гессенъ-Касселемъ самый приличный и выгодный, только два условія составляютъ препятствіе — статьи относительно вѣры и пенсіи; остальныя можно было бы уладить. Царь находится теперь при флотѣ; по его возвращеніи ему обо всемъ доложатъ. Даже бракъ Анны Іоанновны не прекратилъ этихъ переговоровъ; какъ извѣстно, герцогъ Курляндскій умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, и въ томъ же году ландграфъ Гессенъ-Кассельскій сталъ сватать молодую вдову за своего втораго сына [1]).

Урбихъ выѣхалъ изъ Москвы, вѣроятно, въ началѣ марта [2]). Лейбницъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Куракинъ показалъ ему письмо изъ Москвы, въ которомъ было сказано, что Урбихъ выѣдетъ черезъ три дня, получивъ все, чего онъ домогался. Полный надежды, Лейбницъ написалъ Урбиху въ Вѣну (29-го марта), не дожидаясь извѣстія о его пріѣздѣ: „Я очень радъ вашему пріѣзду и ожидаю благопріятныхъ послѣдствій не только для вашихъ частныхъ дѣлъ, но и для общественныхъ, особенно для дѣла о бракѣ царевича, въ которомъ вы принимали такое большое участіе, или вѣрнѣе, о которомъ вы первые подумали. Мнѣ кажется, что у насъ произошли колебанія на этотъ счетъ; но ваше возвращеніе можетъ все уладить, ибо князь Куракинъ говоритъ, что онъ не имѣетъ никакого порученія относительно этого дѣла. Этотъ посланникъ занимается здѣсь установленіемъ договора, который могъ бы обезпечить нейтральность и спокойствіе имперіи. Я предназначалъ вашему брату честь положить основаніе союзу, но это дѣло тогда еще не созрѣло". Упомянувъ далѣе о пораженіи Датчанъ въ Шопіи, Лейбницъ замѣчаетъ, что только могущество царя въ состояніи предотвратить важный переворотъ на сѣверѣ, и что безъ диверсіи царя въ Финляндіи, Шведы легко отняли бы у Датчанъ Норвегію и могли бы провозгласить своего короля императоромъ Скандинавіи. Затѣмъ Лейбницъ сообщаетъ Урбиху, что Шведы предложили союзникамъ послать противъ Франціи корпусъ Крассова, стоявшій въ Помераніи, подъ условіемъ, чтобы Датчане сдѣлали то же съ войсками, находившимися въ Ютландіи; но

[1]) См. Proponenda Урбиха, приложенныя къ его реляціи отъ 5-го сентября 1711 года.

[2]) Отпускная грамота Урбиха и новый кредитивъ его помѣчены 3-мъ февраля, но царскій отвѣтъ на его предложенія состоялся только 24-го февраля.

оказалось, что Шведы имѣли въ виду только воспрепятствовать этимъ усиленію датскаго корпуса въ Шоніи.

Мы не знаемъ отвѣта Урбиха на это письмо и не имѣемъ никакихъ писемъ отъ него къ Лейбницу до сентября 1710 года. Вѣроятно, онъ провелъ большую часть лѣта въ разъѣздахъ по дипломатическимъ порученіямъ. Въ августѣ по крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ его въ Эйзенахѣ, гдѣ онъ долженъ былъ установить съ Шлейницемъ, Вольфенбюттельскимъ уполномоченнымъ, условія брака между царевичемъ и принцессою Шарлоттой. Урбихъ, какъ видно, добился своего: не Іордану, а ему было поручено довести до конца переговоры о дѣлѣ, имъ задуманномъ. Объ этой поѣздкѣ въ Эйзенахъ Урбихъ вкратцѣ упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ Лейбницу отъ 13-го сентября: „Я очень желалъ видѣться съ вами, хотя на одинъ часъ, когда я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ. Я разказалъ бы вамъ тогда обо всемъ, что я сдѣлалъ для васъ, и какой я получилъ отвѣтъ. Я поговорилъ бы съ вами о договорѣ Куракина и о расположеніи Бернсдорфа. Мнѣ очень хотѣлось бы вступить съ послѣднимъ въ тайную переписку, еслибъ это было возможно“. Въ другомъ письмѣ, написанномъ черезъ нѣсколько дней, Урбихъ подробнѣе распространяется о томъ, что онъ сдѣлалъ въ Москвѣ для Лейбница: „Прошлое должно было васъ убѣдить, какое полное довѣріе я питаю съ своей стороны къ вашей дружбѣ; вы вполнѣ оправдали это довѣріе, ибо отправленіе Куракина, которое имѣло довольно значительный для начала результатъ, должно считаться вашимъ дѣломъ. Я очень жалѣю, что не имѣлъ случая видѣться съ вами, когда былъ въ вашей сторонѣ, но моя поѣздка, о которой я прежде и не думалъ, устроилась вдругъ, такъ что я не имѣлъ возможности предупредить васъ о томъ. Я могу сказать, что въ мою бытность въ Москвѣ я сдѣлалъ все для васъ и для вашего проекта, который былъ одобренъ. Я даже говорилъ о *вселенскомъ соборѣ*, который долженъ былъ быть предложенъ царемъ, особенно потому, что царь до такой степени настаиваетъ на *соединеніи церквей*. И я предложилъ *васъ*, какъ человѣка очень способнаго, для того, чтобы начертать планъ (dresser le système). Хотя къ этому отнеслись довольно благосклонно, но выразили мнѣніе, что слѣдовало бы дождаться сначала мира. Мнѣ очень хотѣлось бы войдти съ Бернсдорфомъ въ тайную переписку по очень важному дѣлу. Не будете ли вы столь любезны, чтобы спросить его на этотъ счетъ, и нельзя ли доставлять ему мои письма черезъ васъ?“

Отвѣтное письмо Лейбница очень пространно и очень любопытно.

Оно показываетъ, какъ разнообразны были его интересы и какъ онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что̀ дѣлалось въ разныхъ концахъ Европы. Въ своемъ письмѣ онъ говоритъ о положеніи дѣлъ въ Испаніи и въ Турціи, о переворотѣ, который случился въ Англіи въ концѣ 1710 года. Лейбницъ получалъ объ этомъ подробныя свѣдѣнія отъ лорда Риверса, англійскаго посла въ Ганноверѣ, кромѣ того находился въ перепискѣ съ нѣкоторыми вождями какъ виговъ, такъ и торіевъ, и потому имѣлъ ясное понятіе объ англійскихъ дѣлахъ [1]. „Въ Англіи есть люди", писалъ онъ Урбиху, „которые желаютъ, чтобъ я туда пріѣхалъ, и говорятъ, что мнѣ тамъ довѣрили бы такія вещи, которыя не хотятъ сообщить обыкновеннымъ путемъ. Но я избѣгаю всего этого, чтобы не возбуждать зависти" (то-есть, ганноверскихъ министровъ). Лейбницъ не могъ передать Бернсдорфу порученіе Урбиха, такъ какъ его не было тогда въ Ганноверѣ. Лейбницъ былъ очень недоволенъ пассивною ролью, которую ему предназначалъ Урбихъ: „Я надѣюсь, что вы не заставите меня играть роль простаго почтальона, тѣмъ болѣе, что вы увѣрены въ точности, съ которою я умѣю хранить то, что̀ мнѣ довѣряютъ. Это могло бы уронить мой кредитъ у тѣхъ, у которыхъ мнѣ прійдется хлопотать о вашемъ дѣлѣ". Лейбницъ былъ также недоволенъ тѣмъ, что при русскомъ дворѣ все откладывали исполненіе его проектовъ до окончанія войны; ему казалось, что Урбихъ нѣсколько виноватъ въ этой медленности. „Одно изъ важныхъ практическихъ правилъ", писалъ онъ, „гласитъ: Semper nocuit differre paratis. Есть много дѣлъ, которымъ война не должна была бы препятствовать, такъ какъ можно было бы найдти средство устроить ихъ безъ издержекъ. Дѣла эти не только ничего бы не стоили, но принесли бы еще барышъ и были бы полезны для самой войны".

Мы видѣли, что Лейбницъ всю жизнь былъ занятъ проектами о соединеніи церквей, и замѣчали, что вслѣдствіе тогдашняго отчужденія запада Европы отъ востока ея восточная церковь нисколько не входила въ его соображенія. Но дѣятельность Петра, выдвинувшая впередъ Россію, напомнила западному человѣку о существованіи восточной церкви, и вотъ подъ конецъ своей жизни Лейбницъ начинаетъ также мечтать о соединеніи этой церкви съ западными церквами, или по крайней мѣрѣ, о вселенскомъ соборѣ, кото-

[1] Письмо № 18: «J'ay des amis considérables dans l'un et l'autre parti, qui me donnent de bonnes informations de temps en temps, parcequ'on sait l'entrée, que j'ay ici chez la padronanza» (курфирстина Софія).

рый замирилъ бы вѣковую вражду и установилъ бы между христіанскими исповѣданіями Европы болѣе терпимости и согласія. Впрочемъ нужно сказать, что на этотъ разъ Лейбницъ не слишкомъ увлекался своими надеждами и очень ясно понималъ всѣ предстоявшія трудности. „Вопросъ о *вселенскомъ соборѣ*“, писалъ онъ Урбиху, „чрезвычайно важенъ и можетъ имѣть громадныя послѣдствія. Но онъ не можетъ быть осуществленъ безъ разрѣшенія *восточнымъ патріархамъ* участвовать въ немъ, безъ чего онъ не будетъ считаться вселенскимъ, а я не знаю, можно ли будетъ выхлопотать у Турокъ такое разрѣшеніе. Чтобы подготовить это дѣло, было бы хорошо (если только отношенія Россіи къ Турціи это допускаютъ) вступить съ нею въ переговоры насчетъ этихъ разрѣшеній и постановить объ этомъ договоръ, давъ увѣреніе, что это дѣло не повлечетъ за собою никакого вмѣшательства Россіи въ другія дѣла султана. Необходимо выказывать большое вниманіе *Риму* и дѣйствовать тамъ съ чрезвычайною осмотрительностію и осторожностію, чтобы привести дѣло къ какому-нибудь результату. Можетъ-быть, было бы хорошо, если бы вы написали о соборѣ герцогу Вольфенбюттельскому; такія идеи доставляютъ ему большое удовольствіе; вы могли бы сказать, что объ этомъ подробнѣе писали ко мнѣ. Но необходимо внушить герцогу, что это тайна, для того чтобъ онъ не говорилъ объ этомъ ни съ кѣмъ, исключая меня. Если бы вы слышали разговоръ, который я имѣлъ съ нимъ о подобномъ предметѣ, вы сочли бы мой совѣтъ болѣе своевременнымъ, и я увѣренъ, что вы очень обязали бы герцога. Обо всемъ этомъ можно было бы сказать много такого, что, по моему мнѣнію, соотвѣтствовало бы видамъ царя и въ то же время послужило бы къ общему благу. Когда императоръ присылалъ сюда хлопотать о томъ же дѣлѣ, Моланъ не хотѣлъ дѣлать ни одного шага безъ меня; тогдашними переговорами наполнены цѣлые томы и множество писемъ, которыя у меня въ рукахъ. Есть даже одно средство, чтобы *принудить папу* къ благоразумію, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это необходимо для нѣкоторыхъ важныхъ мѣръ. Но объясненіе всего этого требуетъ пространнаго изложенія и не можетъ быть сдѣлано въ нѣсколькихъ словахъ“.

Упрекъ Лейбница въ нерадѣніи къ его научнымъ проектамъ задѣлъ Урбиха: „Вы задали мнѣ загадку“, писалъ онъ ему, „пословицей: semper nocuit differre paratis. Я понимаю ея смыслъ и все-таки недоумѣваю. Прошу васъ объяснить мнѣ точнѣе не ваши намѣренія, которыя мнѣ хорошо извѣстны, а способъ ихъ осуществле-

нія. Я прошу васъ объ этомъ убѣдительно, ибо, можетъ-быть, намъ скоро прійдется увидѣться, и мнѣ хотѣлось бы прежде точно знать ваши мысли, чтобы сдѣлать запросъ у своего правительства и получить инструкцію. Вопросъ о *соборѣ*, конечно, до крайней степени важенъ. Я отложу его до нашего свиданія. Не слѣдуетъ спѣшить съ нимъ чрезъ мѣру. Увѣдомить объ этомъ герцога я не рѣшаюсь изъ опасенія, чтобъ онъ не выдалъ себя излишнимъ желаніемъ дать дѣлу ходъ".

Лейбницъ, въ отвѣтѣ своемъ, соглашался съ Урбихомъ, что въ дѣлѣ собора нечего спѣшить, и обѣщалъ съ своей стороны ту же сдержанность. „Дѣло чрезвычайно важно и можетъ принести большую пользу или большой вредъ въ будущемъ, смотря по тому, какъ его поведутъ". Въ этомъ письмѣ Лейбницъ высказывается нѣсколько подробнѣе о своихъ замыслахъ относительно соединенія церквей. Намъ извѣстны его попытки заинтересовать въ этомъ дѣлѣ англиканское духовенство. Изъ письма къ Урбиху оказывается, что онъ желалъ привлечь и Англію къ переговорамъ о соединеніи церквей и разсчитывалъ самъ принимать дѣятельное участіе въ этихъ переговорахъ. „Я того мнѣнія, что нужно имѣть въ виду Англію не менѣе, чѣмъ католиковъ (qu'on n'eut pas moins égard), и сообщить о предстоящемъ планѣ нѣкоторымъ изъ умныхъ и вліятельныхъ людей, чтобъ узнать ихъ мнѣніе; впрочемъ, пока не нужно говорить имъ о вселенскомъ соборѣ. За образецъ можно было бы взять древнее состояніе христіанскаго общества. Но это было бы только началомъ; потомъ слѣдовало бы идти постепенно впередъ, соблюдая чрезвычайную осторожность въ практическихъ вопросахъ. Нужно было бы также послать для этого къ королевѣ Аннѣ человѣка, который не принадлежалъ бы къ греческой церкви, и потому не слѣдуетъ посылать Русскаго. Однимъ словомъ, я не думаю, чтобы кто-нибудь былъ болѣе годенъ для этого, чѣмъ Лейбницъ". „Я не помню", продолжалъ Лейбницъ, „по какому поводу я сказалъ: semper nocuit differre paratis; но я вообще держусь этого правила и присоединяю къ этому еще слова Священнаго Писанія: нужно дѣлать одно, а другаго не забывать. Ибо я вижу, что обыкновенно приходится жалѣть объ упущенномъ времени. Продолжается ли война, или нѣтъ — для меня все равно. Есть тысяча вещей, которыя могутъ быть сдѣланы безъ большихъ издержекъ и принести большую пользу".

По поводу побѣды, одержанной торіями надъ вигами, Лейбницъ излагаетъ въ этомъ письмѣ свой взглядъ на англійскія дѣла. Онъ го-

воритъ, что курфирстина Софія всегда держалась того мнѣнія, что не слѣдуетъ приставать ни къ какой партіи — ни къ торіямъ, ни къ вигамъ; но тѣ, которые изъявляли притязанія знать Англію лучше другихъ и повидимому имѣли основаніе для этого, были со времени короля Вильгельма слишкомъ пристрастны къ вигамъ и поссорили бы Ганноверскій дворъ съ торіями, еслибъ этому не воспрепятствовала сдержанность курфирста. „Эти господа", продолжаетъ Лейбницъ, „всегда считали меня еретикомъ, потому что я говорилъ имъ, что не вижу причины предпочитать виговъ торіямъ и что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ даже больше опасаться виговъ". Лейбницъ въ то время надѣялся, что новый торійскій парламентъ и торійское министерство будутъ продолжать войну съ Франціей съ такою же энергіей, какъ и виги, и первыя дѣйствія торіевъ, казалось, оправдывали эти ожиданія. Но это былъ только искусный маневръ со стороны ихъ вождя Болингброка, который преслѣдовалъ свои цѣли, и Лейбницу скоро пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ.

Лейбницъ выразилъ въ своемъ письмѣ полнѣйшую увѣренность, что „Турки не посмѣютъ зашевелиться: время было бы выбрано ими очень неудачно". Но черезъ двѣ недѣли въ Ганноверѣ узнали, что французскія интриги удались и что Порта объявила Россіи войну. „Мы были введены въ заблужденіе" — пишетъ Лейбницъ Урбиху, отъ 29-го декабря 1710 года — „донесеніями англійскаго и голландскаго пословъ въ Константинополѣ, которые были обмануты мирною обстановкою дѣлъ; какъ кажется, въ государствѣ съ слабымъ управленіемъ, гдѣ государь не полный господинъ и гдѣ все ежедневно измѣняется, нельзя полагаться на увѣренія министровъ". Впрочемъ Лейбницъ былъ довольно спокоенъ относительно исхода войны; онъ былъ увѣренъ, что король Августъ присоединится къ царю съ польскими и саксонскими войсками. „Крымскій ханъ", писалъ Лейбницъ, „какъ говорятъ, особенно хлопоталъ, чтобы объявили войну, но она можетъ повлечь за собою совершенное разореніе его народа".

Въ своемъ отвѣтѣ Урбихъ снова жаловался на ганноверскую политику. Упомянувъ о вѣроломствѣ Порты и о непостоянствѣ Австріи, Урбихъ продолжаетъ: „Пусть бы только въ Ганноверѣ не забывали, на подобіе дивана, недавнихъ трактатовъ. Ганноверъ заплатилъ врагу 700,000 талеровъ, чтобы дать ему возможность возбудить новыя безпокойства. Ганноверъ открыто ратуетъ въ Гагѣ противъ арміи нейтралитета въ угоду непріятелю; въ Ганноверѣ же говорятъ, что царь не можетъ сохранить за собою Лифляндію, но рано или поздно долженъ

будетъ возвратить ее непріятелю, а ганноверскій посланникъ оправдываетъ здѣсь всѣми способами противное международному праву обращеніе съ царскимъ посломъ въ Константинополѣ. Это никакъ не можетъ служить доказательствомъ взаимной дружбы, которой царь удостоилъ курфирста; но всѣ эти выходки вполнѣ соотвѣтствуютъ видамъ Оберга и его приверженцевъ, которые смотрѣли бы спокойно на совершенное разореніе имперіи, лишь бы только остался въ цѣлости ихъ идолъ, король Шведскій (le prétendu Roi), что бы онъ ни предпринималъ противъ христіанства, противъ чести и самого Бога. Я желалъ бы, чтобы вы поговорили объ этомъ секретно съ Бернсдорфомъ. По моему мнѣнію, было бы необходимо для царя имѣть при Ганноверскомъ дворѣ особаго посла, чтобы противодѣйствовать интригамъ, и я предложилъ Шлейница; что вы на это скажете? Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о мѣрахъ, принятыхъ царемъ, который 20-го декабря, когда были написаны послѣднія письма ко мнѣ, ничего еще не зналъ о разрывѣ съ Турціей, такъ какъ депеши и курьеры, отправленные нашимъ посломъ въ Константинополь, были перехвачены; я отправилъ три нарочныхъ одного за другимъ и ожидаю черезъ двѣ недѣли отвѣта на первую мою депешу. Между тѣмъ наши войска придвигаются къ границамъ варварскаго міра. Его царское величество никогда не довѣрялъ оттоманской честности, и я очень доволенъ тѣмъ, что всегда утверждалъ, вопреки льстивымъ письмамъ англійскаго и голландскаго пословъ, что будетъ война съ Турками. Эти послы недавно еще извѣщали, что есть надежда на примиреніе. Еслибъ я не зналъ, что ихъ правительства слишкомъ заинтересованы въ сохраненіи мира, я подумалъ бы, что они хотятъ обмануть и усыпить насъ. Великое дѣло о бракѣ (le grand mariage) приходитъ къ концу, но я сомнѣваюсь, чтобы *мнѣ* пришлось завершить его, по двумъ причинамъ: я не могу при этихъ опасныхъ обстоятельствахъ удалиться отъ своего поста, и во всякомъ случаѣ для этого захотятъ назначить Русскаго. Моя судьба никогда не допускаетъ, чтобы мнѣ поручались выгодныя дѣла“.

Урбихъ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Въ началѣ 1711 года царевичъ далъ свое согласіе вступить въ бракъ съ принцессою Шарлоттой, и тотчасъ послѣ того въ Вольфенбюттель былъ отправленъ графъ Головкинъ, сынъ канцлера, для того, чтобъ окончательно установить условія брачнаго договора.

15-го февраля 1711 года Лейбницъ сообщилъ Урбиху, что онъ исполнилъ его порученіе и передалъ Бернсдорфу его жалобы на не-

постоянство Ганноверской политики: „Бернсдорфъ увѣрилъ меня, что изъ четырехъ жалобъ вашихъ двѣ основаны на не существующихъ фактахъ, что поводъ къ третьей мало вѣроятенъ, а въ четвертомъ случаѣ вовсе нѣтъ повода жаловаться. Онъ говорилъ мнѣ, что здѣсь нисколько не занимаются судьбами Ливоніи и что ни курфирстъ, ни его министры никогда не думали разрѣшать вопросы, которые зависятъ отъ хода войны. Онъ увѣрялъ меня также, что совершенно несправедливо, будто бы въ Голландіи говорили отъ имени курфирста противъ нейтралитета и гарантіи. Онъ полагалъ, что вѣроятно, такую ложь могли выдумать только лица неблагонамѣренныя, или по крайней мѣрѣ, враждебныя интересамъ Ганноверскаго двора, или наконецъ, лично не расположенныя къ г. Ботмару, бывшему тогда еще посломъ въ Голландіи. Напротивъ того, Ганноверскій дворъ хлопоталъ объ установленіи нейтралитета и гарантіи и готовъ сдѣлать все, что нужно, чтобы поддержать ихъ. Бернсдорфъ считалъ невѣроятнымъ, чтобы Гульденбергъ сказалъ то, что̀ вамъ доносили, и чтобъ онъ имѣлъ неосторожность одобрять такое явное нарушеніе международнаго права, какъ заключеніе царскаго посла въ Константинополѣ. Если же онъ это сказалъ, то онъ поступалъ не по приказанію и не въ духѣ политики своего государя. Что же касается до четвертаго пункта — денегъ, данныхъ Шведамъ подъ залогъ земель, то Бернсдорфъ далъ насчетъ этого такое объясненіе, котораго вы никакъ не могли ожидать. Онъ увѣрялъ меня, что въ договорѣ, заключенномъ съ княземъ Куракинымъ, ганноверское правительство предоставило себѣ право на такую сдѣлку, съ тѣмъ чтобъ это не подавало царю повода къ жалобѣ. Такимъ образомъ разсмотрѣны всѣ пункты. Я не сомнѣваюсь, что Бернсдорфъ говорилъ согласно съ своими намѣреніями и съ видами своего государя; но такъ ли же умѣренны остальные министры и говорятъ ли они всегда съ такою же осторожностью, за это я не поручусь. Ботмаръ казался мнѣ всегда довольно умѣреннымъ, и я надѣюсь, что Гульденбергъ забылъ ту страсть къ Швеціи, которую прежде обнаруживалъ. Я не знаю мнѣнія остальныхъ министровъ, но надѣюсь, что ихъ не будутъ слушать, если ихъ совѣты будутъ несогласны со смысломъ договора и съ данными обѣщаніями“.

Лейбницъ писалъ это письмо передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Берлинъ. При тамошнемъ дворѣ въ послѣднее время совершился важный переворотъ. Въ концѣ 1710 года впалъ въ немилость всемогущій любимецъ короля, графъ Вартенбергъ, и его паденіе повлекло за собою удаленіе всѣхъ его сообщниковъ. Всѣ ожидали большихъ пе-

ремѣнъ въ Берлинѣ. Лейбницъ, какъ президентъ академіи, былъ въ нихъ чрезвычайно заинтересованъ и долженъ былъ спѣшить въ Берлинъ, чтобы лучше познакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Мы видѣли, что послѣ смерти Софіи-Шарлотты положеніе Лейбница въ Берлинѣ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ. Понятно, что чѣмъ болѣе увеличивались непріятности, соединенныя съ президентствомъ въ Берлинской академіи, тѣмъ чаще начиналъ онъ мечтать о президентскомъ креслѣ въ предполагаемой академіи въ Петербургѣ, насчетъ которой его обнадеживалъ Урбихъ. Увѣдомивъ Урбиха о своей поѣздкѣ въ Берлинъ, Лейбницъ прибавляетъ: „Вы говорили мнѣ объ одномъ дѣлѣ, касающемся меня; оно кажется мнѣ возможнымъ, если будетъ одобрено царемъ, съ которымъ, какъ вы мнѣ писали, вы говорили объ этомъ. Въ этомъ случаѣ оно, безъ сомнѣнія, устроится приличнымъ образомъ и по крайней мѣрѣ такъ, какъ въ прусской“ (академіи).

На этомъ прерывается переписка Урбиха съ Лейбницемъ. Около того времени, когда было написано сейчасъ приведенное письмо, Урбихъ отправился въ Венецію, чтобы заключить съ этою республикою союзъ и побудить ее принять участіе въ войнѣ Россіи съ Турціей. Въ Венеціи Урбихъ пробылъ до іюня. По возвращеніи въ Германію его ожидали большія хлопоты. Смерть императора Іосифа произвела переворотъ въ европейскихъ дѣлахъ. Урбиху пришлось отправиться на встрѣчу къ преемнику Іосифа, который возвращался изъ Испаніи, и узнать его мнѣніе насчетъ сѣверныхъ дѣлъ. Прутское несчастіе, возбудившее новыя надежды шведской партіи, также доставило русскому послу въ Вѣнѣ много заботъ. Къ этому присоединилась ссора съ австрійскими министрами за этикетъ и за доброжелательство къ Шведамъ. Наконецъ, къ осени готовилась свадьба царевича, на которую долженъ былъ пріѣхать царь со всѣмъ своимъ дворомъ.

Лѣто 1711 года царевичъ провелъ въ Вольфенбюттелѣ у родственниковъ своей невѣсты. Это дало Лейбницу возможность представиться царевичу и возобновить свои сношенія съ Гюйссеномъ, который находился въ его свитѣ. Чтобы занять царевича, Лейбницъ прислалъ ему черезъ Гюйссена [1]) извлеченіе изъ писемъ, полученныхъ имъ изъ Китая, и узнавъ, что царевичъ любитъ „сценическія представленія съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ Ветхаго Завѣта“, Лейбницъ совѣтовалъ герцогу Антону-Ульриху поставить на сцену оперу „Соло-

[1]) Письмо Лейбница къ Гюйссену отъ 25-го іюня 1711 г.

монъ" съ ея красивыми декораціями, изображающими Іерусалимскій храмъ. „Можно бы было", писалъ онъ герцогу, „разыграть также какую-нибудь другую духовную драму, если бы вызвать изъ Гельмштедта профессора Гардта съ его еврейскимъ костюмомъ" [1].

Извѣстіе о Прутскомъ мирѣ и о поѣздкѣ царя въ Карльсбадъ привело Вольфенбюттельскій дворъ въ большое волненіе. Тамъ надѣялись, что царь пріѣдетъ въ Вольфенбюттель, и начали придумывать, какой устроить ему пріемъ и какими празднествами почтить пріѣздъ знаменитаго гостя. И Лейбницъ принималъ участіе въ этихъ приготовленіяхъ. Онъ сообщилъ герцогу планъ рельефнаго изображенія Россіи съ аллегорическими эмблемами, которыми онъ хотѣлъ прославить могущество царя и обширность его имперіи. Зная практическій умъ Петра, Лейбницъ хотѣлъ доставить ему такое развлеченіе, которое въ одно и то же время было бы и поучительно, и полезно. Онъ придумалъ нѣчто въ родѣ русской этнографической выставки, но въ соединеніи съ географическимъ изображеніемъ всей Русской имперіи. Въ большой залѣ Вольфенбюттельскаго дворца, въ которой давались театральныя представленія, должно было быть изображено Русское царство съ его горами и долинами, съ его рѣками и съ окружающими его пятью морями. Горы должны были быть изображены выпуклостями, а чтобы наполнить рѣки и моря водою, предполагалось провести ее въ залу съ помощью особенной водоподъемной машины и скрытыхъ отъ глазъ зрителей сточныхъ трубъ. На этой выпуклой картѣ должны были быть обозначены границы и имена провинцій съ главными городами и изображены обитающіе въ нихъ народы съ ихъ костюмами и даже рѣдкія животныя. Все это должно было опираться на четыре колонны. Съ двухъ сторонъ колоннады должны были представлять двѣ тріумфальныя арки по случаю Сѣверной и Турецкой войнъ, съ изображеніемъ сраженій при Полтавѣ и на Прутѣ; съ остальныхъ же двухъ сторонъ предполагалось представить Атласа съ небеснымъ шаромъ и Геркулеса съ земнымъ шаромъ; первый обозначалъ бы мудрость и знаніе царя, второй его храбрость и силу; тутъ же должны были находиться другія украшенія и эмблемы, которыя изображали бы собою добродѣтели царя. Надъ всѣмъ должна была парить окрыленная Слава или Викторія съ знаменемъ, на одной сторонѣ котораго находился бы царскій гербъ, а на другой какая-нибудь надпись. Изобрѣтательность Лейбница проявлялась во всемъ и вездѣ находила себѣ пищу. При-

[1] Письмо Лейбница къ Антону-Ульриху отъ 25-го іюня 1711 г.

думывая забаву для почетнаго гостя Вольфенбюттельскаго двора. Лейбницъ указалъ на новый способъ картографическаго искусства, къ которому спустя долгое время прибѣгла школьная педагогія. Лейбницъ надѣялся, что зрѣлище, устроенное имъ для царя, не пропадетъ даромъ и принесетъ пользу наукѣ. Онъ совѣтовалъ сохранить въ музеѣ это рельефное изображеніе Россіи въ надеждѣ, „что оно послужитъ образцомъ для другихъ государей, которые захотятъ подобнымъ образомъ изобразить свои государства — en relief, какъ и онѣ въ природѣ, но съ большею тщательностію, чѣмъ нужно было въ данномъ случаѣ“ [1]).

Слухъ о пріѣздѣ царя внушилъ Лейбницу и другіе планы. Онъ чрезвычайно желалъ принять на себя руководство академіей, которую совѣтовалъ учредить въ Петербургѣ, или занять мѣсто въ ученой коллегіи, которой, по его плану, слѣдовало поручить введеніе наукъ и устройство учебной части въ Россіи; но ему при этомъ хотѣлось остаться въ Германіи, чтобъ имѣть возможность продолжать свою научную дѣятельность, чтобы сохранить свои ученыя связи и наконецъ свою свободу. То, чего онъ не достигъ черезъ Урбиха, онъ надѣялся получить съ помощью герцога Вольфенбюттельскаго, который вступалъ въ близкое родство съ царемъ. Лейбницу нужно было только заинтересовать Антона-Ульриха и представить ему свое желаніе съ такой стороны, которая могла бы побудить его къ содѣйствію.

Лейбницъ, какъ мы видѣли, давно тяготился своимъ положеніемъ въ Ганноверѣ и искалъ выхода изъ него. Онъ охотно промѣнялъ бы свою службу у рѣзкаго и повелительнаго курфирста, мало интересо-

[1]) Въ то время при дворахъ учеными особенно дорожили, потому что прибѣгали къ ихъ услугамъ въ случаѣ устройства празднествъ, для составленія эмблемъ, надписей на медаляхъ, сочиненія стиховъ, подбиранія цитатъ изъ классическихъ авторовъ и т. д. Дворъ Людовика XIV подалъ въ этомъ отношеніи примѣръ, и извѣстно, что этому кокетничанію съ ученостію обязана своимъ происхожденіемъ Академія надписей въ Парижѣ. Лейбницъ, стремившійся къ достиженію своихъ научныхъ цѣлей съ помощью дворовъ, не пренебрегалъ модою своего времени и охотно прилагалъ къ дѣлу свою ученость и изобрѣтательность, чтобы доставить удовольствіе своимъ покровителямъ. Такъ, между прочимъ, онъ послѣ свадьбы царевича предложилъ Антону-Ульриху выбить медаль, которая прославляла бы свойство Вольфенбюттельскаго дома съ двумя императорскими династіями, русскою и германскою. На одной сторонѣ онъ предлагалъ изобразить двухъ принцессъ, супругу Карла VI и супругу царевича, съ другой Вельфскаго льва между двуглавыми орлами Германіи и Россіи и надпись, указывающую мѣсяцъ и годъ совершенія брака: Dant geMInIs oCtobrI aqVILIs bIs fata Leones. Сумма римскихъ цифръ въ этомъ хронистихѣ составляетъ число 1711.

вавшагося наукою, на болѣе легкую зависимость отъ добродушнаго Антона-Ульриха, который самъ былъ литераторомъ и не рѣдко прибѣгалъ къ совѣтамъ Лейбница въ своей литературной дѣятельности. Самъ Антонъ-Ульрихъ, который далъ Лейбницу званіе Вольфенбюттельскаго библіотекаря и назначилъ ему изъ своей тощей казны жалованье въ 600 талеровъ, чтобъ имѣть возможность видѣть его отъ времени до времени у себя, охотно привлекъ бы его навсегда къ своему двору. Но герцогъ Вольфенбюттельскій былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы предоставить Ганноверскому исторіографу такія выгоды, какими онъ пользовался при дворѣ курфирста [1]). На этомъ Лейбницъ основывалъ свой планъ. Онъ рѣшился предложить Антону-Ульриху, что перейдетъ къ нему на службу въ Вольфенбюттель, если герцогу удастся выхлопотать для него у царя какое-нибудь ученое порученіе. Для Лейбница такой результатъ представлялъ большія преимущества. Онъ достигъ бы своей цѣли у царя и въ то же время занималъ бы довольно почетное и самостоятельное положеніе при маленькомъ Вольфенбюттельскомъ дворѣ. Чтобы расположить герцога въ пользу своего плана, Лейбницъ представилъ ему пространную записку; онъ указалъ въ ней на тѣ услуги, которыя онъ въ состояніи будетъ оказать герцогу, если перейдетъ къ нему на службу. Эти услуги касались главнымъ образомъ различныхъ правъ Вельфскаго дома на нѣкоторыя области въ Италіи, правъ, которыя Лейбницъ обязался доказать съ помощью своихъ ученыхъ изслѣдованій. Характеристично для обстановки Вольфенбюттельскаго двора то, что Лейбницъ надѣялся между прочимъ соблазнить герцога предложеніемъ дать ему въ займы нѣсколько тысячъ талеровъ, „такъ какъ важныя предстоящія намѣренія (то-есть, свадьба царевича) требуютъ большихъ издержекъ“. Эта свадьба, по мнѣнію философа, могла еще въ другомъ отношеніи способствовать его намѣренію переселиться въ Вольфенбюттель: такъ какъ нѣкоторые изъ тамошнихъ придворныхъ должны были вступить въ штатъ принцессы Шарлотты и уѣхать съ нею въ Россію, то вслѣдствіе этого при дворѣ упразднялись различныя должности, и герцогъ лишался нѣкоторыхъ изъ своихъ совѣтниковъ. Только въ самомъ концѣ своей записки Лейбницъ переходитъ къ главной цѣли своего плана, который долженъ былъ дать ему возможность проживать въ Вольфенбюттелѣ, ни-

[1]) По договору 1681 года между братьями Рудольфомъ-Августомъ и Антономъ-Ульрихомъ, первый обязался тратить на свой дворъ не болѣе 30.000 т., а второй не болѣе 70.000 въ годъ, при чемъ еще долженъ былъ изъ этой суммы выдавать жалованье Вольфенбюттельскимъ чиновникамъ. См. Havemann, III, стр. 431.

сколько не отягощая герцогской казны. Напомнивъ Антону-Ульриху, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ говорилъ ему о своихъ предположеніяхъ относительно введенія наукъ въ Россію и что его желаніе содѣйствовать по силамъ этому великому дѣлу было вполнѣ одобрено герцогомъ, Лейбницъ сообщилъ ему о своихъ переговорахъ съ Урбихомъ и о запискѣ, которую онъ черезъ послѣдняго подалъ царю. „Грозившее тогда вторженіе Шведовъ“, говоритъ Лейбницъ въ своей запискѣ, „не давало возможности думать о наукѣ; но теперь царь одержалъ полную побѣду, и пришло время, когда можно спокойно предаться такимъ заботамъ. Поэтому я полагаю, что вслѣдствіе надлежащаго ходатайства вашей свѣтлости черезъ Урбиха, я могъ бы получить отъ царя порученіе пріискивать для него годныхъ людей, пріобрѣтать книги, музеи и изобрѣтенія всякаго рода, а также составить планъ общаго устройства научной части въ Россіи. Ваше ходатайство могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ учрежденіе высшей коллегіи въ Россіи, подобной той, которая существуетъ въ Китаѣ. Эта коллегія издавала бы полезныя предписанія, могла бы дать хорошее устройство воспитанію юношества, пріискивать годныхъ учителей, составлять учебники, изображать науки въ рисункахъ и моделяхъ, такъ чтобы преподаваніе ихъ было не только устнымъ, но и нагляднымъ. Если бы можно было все дѣло устроить такимъ способомъ, то я не только не былъ бы въ тягость вашей свѣтлости, но болѣе чѣмъ когда-либо былъ бы способенъ къ полезнымъ услугамъ. Царь, съ своей стороны, не имѣлъ бы причины относиться къ этому недовѣрчиво. Я же“ — прибавляетъ Лейбницъ для успокоенія совѣтниковъ Антона-Ульриха — „не сталъ бы вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся предстоящаго брака и порученныя другимъ, какъ развѣ только по вашему приказанію“.

Лейбницъ составилъ въ то же время записку, въ которой онъ перечислилъ все, что, по его мнѣнію, слѣдовало сдѣлать царю для введенія наукъ въ Россію и для распространенія цивилизаціи на далекомъ сѣверѣ и востокѣ.

Къ этой запискѣ Лейбницъ приложилъ рекомендательное письмо отъ имени герцога къ какому-то тайному совѣтнику, вѣроятно, Шлейницу, который въ это время уже находился въ русской службѣ. Имя Лейбница не названо въ этомъ письмѣ: „Рекомендую вамъ“ — сказано въ немъ — „приложенную при семъ статью. Она написана человѣкомъ, котораго вы сами знаете и имя котораго славится почти во всей Европѣ“. Герцогъ выражаетъ надежду, что ему будутъ благодарны

за то, что онъ предлагаетъ человѣка, который имѣетъ въ виду не собственную пользу, а общее благо. „Если вы дадите ему возможность осуществить свои намѣренія, вы окажете мнѣ лично особенную услугу; слѣдуетъ только все это содержать въ величайшей тайнѣ и не называть его имени даже при царскомъ дворѣ раньше, чѣмъ это нужно, ибо, какъ извѣстно, многіе люди умѣютъ представить въ ложномъ свѣтѣ даже самое лучшее и невинное".

Лейбницъ, какъ видно, въ это время еще не разчитывалъ на возможность лично хлопотать о своихъ проектахъ при русскомъ дворѣ. Свадьба царевича доставила ему эту возможность. Послѣ Прутскаго мира Петръ отправился на воды въ Карльсбадъ, гдѣ хотѣлъ отпраздновать свадьбу царевича; но потомъ мѣстомъ бракосочетанія былъ избранъ городъ Торгау, гдѣ жила Польская королева, тетка и воспитательница Софіи-Шарлотты. Городъ Торгау на Эльбѣ находился уже въ недальнемъ разстояніи отъ Вольфенбюттеля, и старый герцогъ, которому путешествія становились въ тягость, съ радостью собрался въ путь, чтобы присутствовать при свадьбѣ внучки. Въ свитѣ герцога въ Торгау поѣхалъ также и Лейбницъ. Покровительство Антона-Ульриха дало ему наконецъ возможность представиться царю, и съ этого времени въ его дѣятельности начинается новый періодъ, періодъ его личныхъ сношеній съ Петромъ.

III.

Поѣздка Лейбница въ Торгау на свадьбу царевича Алексѣя. — Ходатайство его черезъ герцога Антона-Ульриха объ устройствѣ въ Россіи высшей ученой коллегіи.—Желаніе сдѣлаться ея президентомъ. — Обѣщанія, сдѣланныя Лейбницу при русскомъ дворѣ.—Предположенія Берлинской академіи наукъ объ устройствѣ въ Москвѣ книжной торговли, школъ и миссіонерскаго дѣла. — Мнѣніе Лейбница объ этихъ предположеніяхъ. —Письмо Лейбница къ Петру отъ 16-го января 1712 года о томъ, что по волѣ Провидѣнія, науки обошли кругомъ весь земной шаръ, и что очередь дошла до Россіи.—Записка Лейбница объ этнографіи Европы и о славянскомъ происхожденіи Гунновъ. — Переписка Лейбница съ Шлейницемъ.—Проектъ Лейбница о вмѣшательствѣ сѣверныхъ союзниковъ въ войну противъ Франціи. — Предложенія, сдѣланныя Лейбницемъ царю въ Грейфсвальдѣ черезъ Шлейница. — Снарядъ, присланный Лейбницемъ въ даръ царю. — Письмо Брюса къ Лейбницу и отвѣтъ послѣдняго о собираніи въ Россіи лингвистическаго матеріала, о магнитныхъ наблюденіяхъ и объ изслѣдованіи границы между Азіей и Америкой. —Царь приглашаетъ Лейбница въ Карлсбадъ. — Дипломатическое порученіе Лейбница у царя въ Карлсбадѣ.— Принятіе его въ русскую службу и назначеніе ему жалованья. Порученіе, данное ему царемъ, представлять свои соображенія относительно законодательства и судоустройства въ Россіи. Списокъ

пособій и извѣстій, которыя Лейбницъ просилъ доставить ему изъ Россіи. — Письмо Лейбница къ Стефану Яворскому. — Поѣздка Лейбница въ Вѣну. — Письмо къ царю о способѣ воевать съ Турками. — Дѣло о приглашеніи въ русскую службу Цюрихскаго медика Шейхцера. — Переписка Лейбница съ Антономъ Ульрихомъ. — Дипломатическая дѣятельность Лейбница въ Вѣнѣ. — Лейбницъ занимается уложеніемъ царя Алексѣя. — Письмо къ Петру отъ 26-го октября 1713 года. — Желаніе Лейбница сдѣлаться дипломатическимъ агентомъ Россіи при Вѣнскомъ дворѣ и быть посредникомъ союза между Россіей, Австріей и Англіей. — Письмо къ Шафирову. — Письмо Лейбница къ царю, отправленное черезъ секретаря англійскаго посольства Вебера. — Описаніе двора Аттилы, посланное Лейбницемъ къ царю. — Извѣстія о царѣ и Петербургскомъ дворѣ, сообщенныя Лейбницу Веберомъ, авторомъ сочиненія „Преобразованная Россія". — Хлопоты Шлейница о выдачѣ Лейбницу жалованья. — Взгляды Лейбница на политическія дѣла 1715 года. — Письма его къ Шлейницу о покупкѣ библіотеки для Россіи. — Письмо его къ Гюйссену о новомъ сватовствѣ царевича Алексѣя. — Счетная машина, которую Лейбницъ приготовлялъ для Петра. — Пріѣздъ царя въ Пирмонтъ. — Письма Лейбница о пребываніи царя въ Пирмонтѣ. — Предложенія Лейбница, сдѣланныя въ письмѣ къ Шафирову.

О пребываніи Лейбница въ Торгау и о его свиданіи съ царемъ мы имѣемъ не очень подробныя свѣдѣнія. Но мы узнаемъ о желаніяхъ и планахъ Лейбница изъ нѣсколькихъ черновыхъ записокъ его къ герцогу Антону-Ульриху; о результатѣ же его пребыванія въ Торгау мы можемъ судить по его письмамъ къ Ла-Крозу, Брюсу и Гюйссену.

Обѣщанія и посредничество Урбиха не привели ни къ чему. Лейбницъ, какъ мы видѣли въ предшествовавшей главѣ, надѣялся, что покровительство герцога Вольфенбюттельскаго будетъ имѣть болѣе успѣха. Онъ обратился къ герцогу съ просьбою поговорить съ царемъ о его проектахъ и доставить ему аудіенцію у Петра.

На оборотѣ одной изъ черновыхъ записокъ къ герцогу сохранилась краткая, наскоро набросанная замѣтка Лейбница, которую едва можно разобрать. Эта замѣтка представляетъ нѣчто въ родѣ программы того, чего Лейбницъ желалъ достигнуть въ Торгау, или можетъ-быть, служила конспектомъ письма къ Антону-Ульриху. Желанія Лейбница заключались въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: „Желательно", говоритъ онъ, „получить: 1) частную аудіенцію у царя, для которой слѣдуетъ подготовить его величество удовлетворительнымъ объясненіемъ ея цѣли, при чемъ просить о сохраненіи тайны. 2) Затѣмъ желательно, чтобъ было поручено г. Шлейницу вступить съ младшимъ г. Головкинымъ и со мною въ переговоры для составленія проекта. 3) Когда они договорятся со мною на счетъ того, что касается наукъ, я готовъ вступить съ ними въ переговоры о томъ, какимъ

способомъ достигнуть извѣстной политической цѣли, согласно съ законами Германской имперіи. При этомъ я представлю свой проектъ, который я предлагаю такъ составить, чтобы можно было сообщить его Польшѣ, Даніи и Пруссіи и на его основаніи устроить переговоры на предстоящемъ конгрессѣ. 4) Наконецъ, желательно выхлопотать письменный приказъ подъ печатью его величества и все, что необходимо для его исполненія". Изъ этой программы видно, что Лейбницъ и въ 1711 году еще не терялъ надежды на участіе Россіи въ войнѣ за Испанское наслѣдство. Удалось ли ему заинтересовать кого-либо въ Торгау своими дипломатическими проектами, мы не знаемъ. О нихъ нигдѣ болѣе не упоминается въ черновыхъ бумагахъ.

Большее количество свѣдѣній имѣемъ мы о планахъ Лейбница насчетъ водворенія наукъ въ Россіи. Лейбницъ старается заинтересовать въ этомъ герцога Антона-Ульриха, представляя ему, что за нимъ останется главное руководство ([illegible]) въ этомъ великомъ дѣлѣ, которое дастъ ему возможность не только одолжать царя, своего близкаго родственника, но и облагодѣтельствовать нѣсколько милліоновъ людей къ вѣчной своей славѣ и оказать великую услугу всему человѣчеству. „Притомъ", говоритъ Лейбницъ, „все можетъ быть устроено такимъ образомъ, что принесетъ пользу странѣ, союзникамъ и Германской имперіи". Лейбницъ обращаетъ вниманіе герцога на три главные пункта: на устройство воспитательной части въ Россіи, чтобъ юношество вмѣстѣ съ обычаями цивилизованныхъ странъ обучалось языкамъ и наукамъ; на устройство въ Россіи физическихъ, техническихъ и астрономическихъ наблюденій и на ознакомленіе Русскихъ съ главными изобрѣтеніями и съ самыми важными промыслами и художествами. Къ этому Лейбницъ присоединяетъ нѣкоторыя частности: предлагаетъ изобрѣтенную имъ ариометическую машину и какое-то „военное орудіе", которое можетъ оказать чудеса въ войнѣ съ Турками и Татарами. Прежде чѣмъ сказать о немъ царю, герцогъ самъ можетъ убѣдиться въ его дѣйствіи.

Въ другой своей запискѣ Лейбницъ подробнѣе говоритъ о средствахъ, которыя, по его мнѣнію, необходимы для осуществленія его проекта: „Если", говоритъ онъ, „его величество назначитъ для этого ежегодную сумму въ 10.000 талеровъ и поручитъ главное распоряженіе лицу благонамѣренному и вполнѣ для этого пригодному, которое искренно интересуется успѣхами науки, то я увѣренъ, что въ одинъ годъ можно будетъ достигнуть бо́льшихъ результатовъ, чѣмъ другіе народы достигали въ десять лѣтъ, и съ 10.000 талерами можно бу-

деть сдѣлать больше, чѣмъ иные сдѣлали съ 100.000 талеровъ". Различныя важныя подробности Лейбницъ обѣщаетъ сообщить послѣ, когда ему сдѣлаются лучше извѣстны намѣренія царя и разныя обстоятельства. Чтобъ ознакомиться со всѣмъ этимъ, онъ проситъ герцога доставить ему возможность подробно поговорить о всемъ съ царемъ въ частной бесѣдѣ (eine ausführliche Privataudienz).

Одна изъ записокъ Лейбница касается обѣщанныхъ имъ подробностей. Онъ въ ней предлагаетъ устроить коллегію, которая должна руководить учебною и ученою частями въ имперіи, и членами которой могутъ быть люди разныхъ національностей. Эта коллегія должна имѣть надзоръ надъ всѣми школами и учащимися, надъ типографіями и книжнымъ дѣломъ, надъ торговлею писчею бумагою, лѣкарствами и аптеками, надъ соляною и горною промышленностью, надъ изобрѣтеніями и фабричною частью, надъ введеніемъ новыхъ растеній, [illegible] [illegible] и предметовъ торговли. Поэтому эта коллегія должна включать въ себѣ коллегію общественнаго здравія, бергъ-коллегію и комитетъ для надзора за съѣстными припасами; всякій подданный царя долженъ быть обязанъ, подъ страхомъ тяжелаго наказанія, по возможности оказывать содѣйствіе этой коллегіи. Для того, чтобъ она была въ состояніи исполнять свою обязанность и удовлетворить его величество, не отягощая его казны, царь можетъ обезпечить ее извѣстнымъ доходомъ отъ Китайской, Каспійской и новой Балтійской торговли, а также нѣкоторыми привилегіями при введеніи новыхъ промысловъ. Между тѣмъ ей можно тотчасъ дать привилегію по книжной торговлѣ, право изданія и печатанія календаря, газеты, указовъ и другихъ казенныхъ объявленій. Можно ей дать привилегію на устройство банка или ссудной казны (monti di pieta), разныхъ лотерей по голландскому или италіанскому способу, пожизненной ренты, страховой и сохранной казны, приказа общественнаго призрѣнія и другихъ кассъ, банковъ, рабочихъ домовъ и т. д. А для того, чтобъ ученая коллегія имѣла въ своемъ распоряженіи извѣстную сумму, ей можно уступить доходъ съ гербовой бумаги и различныхъ денежныхъ штрафовъ. За это коллегія, съ своей стороны, должна заботиться о хорошемъ воспитаніи юношества, о пріисканіи хорошихъ учителей и руководствъ, о разныхъ мѣрахъ для общественнаго здравія, объ изслѣдованіи и улучшеніи солянаго и мыловареннаго промысловъ, о физическихъ и техническихъ, особенно же объ астрономическихъ и магнитныхъ наблюденіяхъ, важныхъ для мореплаванія, о всемъ, что касается до морскаго и рѣчнаго судоход-

ства, объ устройствѣ библіотекъ и кунстъ-камеръ, о собираніи разныхъ полезныхъ новостей изъ Европы и Китая, о приглашеніи искусныхъ людей и художниковъ; однимъ словомъ, должна содѣйствовати благосостоянію, обогащенію и процвѣтанію царскихъ владѣній посредствомъ художествъ и наукъ. Президентъ или директоръ этой коллегіи долженъ быть членомъ высшаго государственнаго совѣта при царѣ, а также тайнаго военнаго совѣта. Члены же коллегіи должны, смотря по обстоятельствамъ, имѣть званіе царскихъ совѣтниковъ и секретарей и быть изъяты изъ-подъ власти обыкновенныхъ судовъ. Его величество можетъ дать членамъ коллегіи особенный почетный знакъ для ношенія, чтобы внушить большее уваженіе къ нимъ и лучше обезпечить ихъ безопасность. Эта записка, представленная Лейбницемъ въ Торгау, есть самое подробное изложеніе его плана относительно устройства въ Россіи ученой коллегіи. Изъ нея можно заключить, что онъ желалъ самъ сдѣлаться ея президентомъ, и что онъ связывалъ съ этимъ надежду на немаловажную политическую дѣятельность въ Россіи.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какія изъ этихъ записокъ были дѣйствительно представлены герцогу, и какимъ образомъ Антонъ-Ульрихъ довелъ о желаніяхъ Лейбница до свѣдѣнія царя. Мы были бы, можетъ-быть, въ состояніи судить объ этомъ, если бы намъ случилось видѣть интересный документъ — письменныя предложенія, представленныя царю въ Торгау герцогомъ Антономъ-Ульрихомъ. О существованіи этого документа мы знаемъ только по отвѣту, который былъ данъ герцогу также письменно [1]. Седьмая статья этого отвѣта, вѣроятно, относится къ дѣлу Лейбница: „За это“, сказано въ ней, „его царское величество считаетъ себя чрезвычайно обязаннымъ его свѣтлости и охотно соглашается на особую аудіенцію“. Такъ какъ герцогъ не нуждался въ особой аудіенціи, то мы полагаемъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ аудіенціи, которую герцогъ испрашивалъ для Лейбница, тѣмъ болѣе, что выраженіе *selbigen* [2]) едва-ли можетъ быть отнесено къ самому герцогу [3]).

Одна, по крайней мѣрѣ, изъ записокъ Лейбница дошла до своего

[1]) Antwort auf die von des Herz. v. Wolfenbüttel D. übergebenen Puncta. Torgau, 16 Oct. 1711; въ Вольфенбюттельскомъ архивѣ.

[2]) Und wollten selbigen gar gern particuliere audience geben.

[3]) Точно то же выраженіе употреблено въ 5-й статьѣ по поводу [illegible], находившагося въ заключеніи въ Саксоніи. Царь обѣщалъ ходатайствовать о его освобожденіи у короля Августа. Имя [illegible] также не названо, а сказано только: I. Cz. M. wollten nochmahlen D. Interposition vor selbigen einlegen.

назначенія, то-есть, была представлена царю, вѣроятно, черезъ Герцога. Мы можемъ заключить объ этомъ потому, что она находится въ Московскомъ архивѣ [1]). Записка написана рукою Лейбница и озаглавлена „докладъ“ (Vortrag). „Г. Урбихъ“, сказано въ ней, „неоднократно давалъ мнѣ понять, что я могъ бы способствовать полезными совѣтами къ водворенію наукъ и ученія въ обширномъ Русскомъ государствѣ, о чемъ его царское величество весьма заботится. По увѣренію Урбиха онъ нѣсколько разъ доносилъ объ этомъ его царскому величеству, и его предложеніе было одобрено царемъ. Я охотно, по моимъ слабымъ силамъ, содѣйствую къ общему благу людей и въ этомъ отношеніи не дѣлаю различія между ними; Россія же представляетъ непочатое поле, и учебная часть въ ней легко можетъ быть такъ устроена, что въ ней избѣгнутъ многихъ недостатковъ, вкравшихся въ нашу Европу; и такъ какъ при возведеніи новаго зданія скорѣе можно достигнуть совершенства, чѣмъ при исправленіи и перестройкѣ стараго, то я готовъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что оно будетъ способствовать къ благочестію и славѣ Господа, ибо изученіе Его твореній ведетъ къ назиданію людей. Я ужъ имѣю честь руководить знаменитою королевскою Берлинскою академіею и состою однимъ изъ самыхъ старыхъ членовъ академій Французской и Англійской; моя переписка съ учеными охватываетъ не только Европу, но простирается до самаго Китая; я, какъ извѣстно, изобрѣлъ новый способъ къ усовершенствованію математики, открывъ ученіе о безконечно малыхъ величинахъ, изъ котораго можно извлечь большую пользу.

„По всему этому я могу сказать безъ хвастовства, что трудно найдти человѣка, который могъ бы служить этому дѣлу лучше и ревностнѣе, чѣмъ я, тѣмъ болѣе, что я имѣю честь находиться также на службѣ его свѣтлости герцога Вольфенбюттельскаго, вступившаго теперь въ близкое родство съ царемъ. Его свѣтлость, одинъ изъ самыхъ ученыхъ князей и замѣчательныхъ меценатовъ нашего времени, вполнѣ одобряетъ мое предложеніе. Я могу завѣрить при этомъ, что это мое предложеніе вытекаетъ не изъ тщеславія, а изъ необходимости самаго дѣла, что̀ можетъ быть легко доказано свидѣтельствами многихъ не заподозрѣнныхъ людей у разныхъ народовъ.

„Хотя его царское величество теперь во время войны обремененъ разными другими заботами и расходами, но такъ какъ все можно

[1]) Она приложена тамъ къ реляціямъ Урбиха отъ 1711 года, вѣроятно, потому что въ ней упоминается объ Урбихѣ.

устроить простыми указами и безъ издержекъ, и такъ какъ при краткости человѣческой жизни всего болѣе слѣдуетъ дорожить временемъ, то мнѣ кажется, что его величество пріиметъ мое предложеніе благосклонно, ибо извѣстно, что царь не только любитель просвѣщенія, но и знатокъ его. Извѣстно также, что въ Голландіи были приняты нѣкогда самыя лучшія мѣры для развитія просвѣщенія во время тяжелой войны съ Испаніей. Дѣло не слѣдовало бы откладывать, потому особенно, что можно предложить такія средства, съ помощію которыхъ будетъ положено хорошее основаніе безъ особенныхъ издержекъ".

Лейбницъ ссылается при этомъ на предложенное имъ устройство Берлинской академіи, которая почти ничего не стоитъ королю, а затѣмъ сводитъ свои предложенія къ тремъ пунктамъ: 1) устроить учебную часть; 2) устроить въ Россіи разныя научныя наблюденія, физическія, астрономическія и пр.; 3) составить сводъ всѣхъ лучшихъ изобрѣтеній, сдѣланныхъ въ Европѣ и Китаѣ, и вводя такимъ образомъ лучшее изо всѣхъ странъ, привести Русское государство въ болѣе и болѣе цвѣтущее состояніе. Для достиженія этой цѣли Лейбницъ совѣтуетъ учредить особенную привилегированную коллегію. „Еслибъ его величество", продолжаетъ онъ, „обнаружилъ склонность къ тому, то нѣкоторые изъ присутствующихъ министровъ могли бы вступить со мною въ конференцію и о всемъ со мною условиться". Въ случаѣ особенной всемилостивѣйшей аудіенціи я могъ бы коснуться нѣсколькихъ частностей, которыя были бы, вѣроятно, благосклонно приняты его величествомъ".

Какія это были частности, о которыхъ Лейбницъ хотѣлъ говорить на аудіенціи у царя, мы узнаемъ изъ черновой записки, сохранившейся въ Ганноверской библіотекѣ [1]). Вопервыхъ, онъ хотѣлъ обратить вниманіе царя на изобрѣтенную имъ счетную машину, съ помощью которой можно было рѣшать ариѳметическія задачи безъ труда и безъ особеннаго вниманія; вовторыхъ, коснуться устройства астрономическихъ наблюденій отъ Финляндіи до границъ Китая, которыя были бы очень полезны для мореплаванія; втретьихъ, сдѣлать особенныя предложенія для улучшенія судоходства по рѣкамъ, преимущественно по Днѣпру и Иртышу; вчетвертыхъ, въ случаѣ возобновленія войны съ Турками, указать какой-то особенный военный снарядъ [2]), недорогой и вѣрный, который, пока онъ другимъ

[1]) Она составляетъ продолженіе той записки, которая находится въ Московскомъ архивѣ, и которую мы привели въ извлеченіи.

[2]) Что разумѣлъ Лейбницъ подъ этимъ снарядомъ, видно изъ другой замѣтки

не извѣстенъ, могъ бы принести громадную пользу и измѣнить всю военскую тактику (totam belli rationem) [1].

Лейбницъ достигъ своей цѣли: герцогъ выхлопоталъ ему частную аудіенцію у царя. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ письмахъ Лейбница никакихъ подробностей объ этой интересной аудіенціи. Никому Лейбницъ не описалъ впечатлѣнія, которое на него произвелъ величайшій государь его вѣка; никому онъ не сообщилъ разговора, который между ними происходилъ. Лейбницу въ теченіе его долгой и богатой впечатлѣніями жизни приходилось встрѣчаться съ замѣчательнѣйшими людьми его времени, но онъ не чувствовалъ потребности записывать свои впечатлѣнія, а его обширная переписка не можетъ замѣнить для насъ мемуаровъ, такъ какъ она, подобно перепискѣ многихъ другихъ ученыхъ того времени, нисколько не имѣла интимнаго характера, а при тогдашней трудности сообщеній и неразвитости періодической печати служила средствомъ къ распространенію ученыхъ извѣстій и пріобрѣтенію извѣстности. Притомъ Лейбницъ, входя въ сношенія съ разными дворами, интересы которыхъ иногда было трудно согласить, долженъ былъ многое хранить въ тайнѣ, для того особенно, чтобы не возбудить неудовольствіе въ курфирстѣ Ганноверскомъ, не сочувствовавшемъ его разнообразной дѣятельности. На этотъ разъ, какъ мы видѣли, Лейбницъ считалъ нужнымъ соблюдать особенную осторожность, и потому, можетъ-быть, не описалъ свиданія своего съ царемъ даже въ письмахъ къ своему долголѣтнему другу курфирстинѣ Софіи. Только онъ вскользь говоритъ объ этомъ свиданіи въ своемъ письмѣ къ Ла-Крозу: „Я имѣлъ честь говорить съ царемъ",— пишетъ онъ Ла-Крозу два мѣсяца спустя,—„и его величество устроилъ магнитныя наблюденія въ своемъ обширномъ государствѣ: царь, повидимому, расположенъ также оказывать покровительство другимъ изысканіямъ, и если вы укажете мѣста, которыя стоитъ

его о предложеніяхъ, которыя онъ имѣлъ въ виду сдѣлать царю. Тамъ, между прочимъ, упоминается о снарядѣ, съ помощью котораго можно безъ пороха болѣе 400 разъ въ часъ бросать тяжести въ 2 фунта вѣсомъ на разстояніи 90 шаговъ. Этотъ снарядъ переносится и управляется двумя людьми, и сила его можетъ быть увеличена по желанію.

[1]) Въ концѣ этой записки Лейбницъ, убѣждая герцога выхлопотать ему аудіенцію и прося его сохранить все дѣло въ тайнѣ, представляетъ ему, что оно близко его касается, ибо все будетъ происходить подъ его главнымъ руководствомъ: Es wird auch dieses betrachtet als S. D. eigene Sach, welche hierin das Ober-Directorium haben würde».

изслѣдовать въ Россіи, въ Сибири или въ самомъ Китаѣ, царь, какъ я надѣюсь, повелитъ оказать намъ содѣйствіе".

О томъ же пишетъ онъ профессору Фабрицію въ Гельмштедтѣ: „Я ѣздилъ въ Торгау не столько для того, чтобы посмотрѣть на свадебное торжество, сколько для того, чтобы видѣть великаго русскаго царя. Замѣчательны (ingentes) дарованія этого великаго государя. По моему совѣту онъ велитъ устроить магнитныя наблюденія въ своей обширной имперіи".

Больше узнаемъ мы изъ писемъ Лейбница къ Брюсу и Гюйссену, написанныхъ вскорѣ послѣ свиданія въ Торгау. Мы видимъ изъ нихъ, что въ Торгау съ интересомъ слушали предложенія Лейбница не только объ устройствѣ магнитныхъ наблюденій, но и о собираніи лингвистическаго матеріала, и что ему обѣщали доставить желаемыя имъ свѣдѣнія чрезъ посредство царской канцеляріи. Въ своихъ письмахъ Лейбницъ проситъ напомнить messieurs de la Chancellerie du Czar о его замѣчаніяхъ, и особенно насчетъ способа, посредствомъ котораго слѣдуетъ собирать образчики различныхъ нарѣчій въ Россіи; относительно же того, какъ производить магнитныя наблюденія, онъ обѣщаетъ прислать Брюсу особенную инструкцію. Изъ письма къ Брюсу видно, что уже въ Торгау Лейбницу обѣщали пенсію и чинъ въ русской службѣ; что Гюйссенъ уже сообщилъ Остерману (Лейбницъ называетъ его Остервальдомъ) черновой приказъ объ этомъ назначеніи, но что по недостатку времени приказъ не могъ состояться.

Письмо Лейбница къ Брюсу гораздо подробнѣе, чѣмъ письмо къ Гюйссену, хотя это первое письмо къ нему, и Лейбницъ только въ Торгау познакомился съ знаменитымъ фельдцейхмейстеромъ Петра. Изъ этого можно заключить, что Брюсъ, который самъ былъ знатокомъ математики и астрономіи, принималъ болѣе живое участіе въ предложеніяхъ и просьбахъ Ганноверскаго философа, чѣмъ прочія русскія придворныя лица. Лейбницъ сообщаетъ ему, что онъ уже заказалъ магнитный глобусъ, то-есть шаръ, на которомъ отмѣчены склоненія магнитной стрѣлки; онъ проситъ Брюса увѣдомить его о лицахъ, которыя по приказанію Петра ходили въ Сибирь и къ Ледовитому мысу, и о доставленныхъ ими свѣдѣніяхъ: не могутъ ли онѣ послужить къ разрѣшенію вопроса о существованіи моря между Азіей и Америкою, которое многіе допускаютъ, другіе же отрицаютъ. „Никто не можетъ лучше царя", прибавляетъ Лейбницъ, „разрѣшить міру это сомнѣніе, и это будетъ славнѣе и даже важнѣе всего, что сдѣлано въ свое время египетскими царями для изслѣдованія источниковъ Нила".

Бракъ царевича съ Вольфенбюттельскою принцессою не въ одномъ Лейбницѣ возбудилъ надежду на исполненіе любимыхъ плановъ. Въ засѣданіи 19-го ноября 1711 года, филологическое отдѣленіе Берлинской академіи наукъ обсуждало вопросъ о томъ, какимъ образомъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы распространить вліяніе академіи на отдаленную Москву. Тутъ обнаружилось, на сколько планы Лейбница отличались отъ господствующихъ стремленій его времени. Для Лейбница на первомъ планѣ стояли чистые интересы науки; онъ желалъ перенести просвѣщеніе въ Россію и сдѣлать ея обширныя области доступными для наблюденій европейской науки. Берлинская же академія, которая по большей части состояла изъ богослововъ, не могла отдѣлить вопроса объ образованіи отъ успѣховъ лютеранскаго исповѣданія.

Засѣданіе 19-го ноября было открыто извѣстнымъ намъ вице-президентомъ Яблонскимъ [1], который замѣтилъ, что филологическое отдѣленіе академіи пока принесло еще мало пользы, но выразилъ надежду, что оно уподобится благороднымъ деревьямъ, которыя приносятъ поздніе, но за то превосходные плоды. Поводъ къ такимъ надеждамъ подаетъ бракъ царевича съ принцессою Вольфенбюттельскою. Въ какомъ отношеніи этотъ бракъ можетъ послужить цѣлямъ академіи, о томъ сообщитъ членъ академіи Гейнекцій.

Докторъ богословія Гейнекцій, изъ Галле [2], обратилъ вниманіе присутствующихъ на то, что въ упомянутомъ бракѣ нельзя не видѣть дѣла Провидѣнія (ein opus Providentiae) и выразилъ желаніе, чтобъ это дѣло послужило къ пользѣ церкви Господней и къ распространенію евангелической истины. Гейнекцій сообщилъ далѣе, что въ брачный договоръ была включена статья, дозволявшая принцессѣ взять съ собою одно или два духовныя лица лютеранскаго исповѣданія и постоянно имѣть ихъ при себѣ. Ему самому предлагали мѣсто при принцессѣ, но онъ отказался по разнымъ соображеніямъ, и потому, что ничего не зналъ о намѣреніяхъ академіи насчетъ миссіонерства. Теперь онъ склоняется къ другому мнѣнію, и если дѣло еще возможно, то онъ не откажется отъ него ради славы Господней

[1]) О сношеніяхъ придворнаго проповѣдника Яблонскаго съ Лейбницемъ по поводу соединенія протестантскихъ церквей см. «Лейбницъ и его вѣкъ», стр. 175.

[2]) Joh. Mich. Heineccius K. Preuss. Cons. Rath Inspector d. Ministerii in Halle, Ober-Pfarrer zu Uns. Lieb. Fr. und. des Gymn. Scholarcha — авторъ сочиненія о восточной церкви: Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche. Nach ihrer Historie, Glaubenslehren und Kirchengebräuchen. 3 vll. Lp. 1711.

и такой спасительной цѣли, и тотчасъ же по возвращенія домой будетъ хлопотать о мѣстѣ. Впрочемъ, такъ какъ отъ слышалъ, что царевичъ получилъ отъ отца приказаніе поскорѣе возвратиться съ женою въ отечество, то онъ не знаетъ, удастся ли ему получить мѣсто при принцессѣ. Но даже въ томъ случаѣ, еслибъ это мѣсто было замѣщено кѣмъ-либо другимъ, онъ надѣется, что ему удастся черезъ посредство Вольфенбюттельскаго министерства завести переписку, которая вполнѣ могла бы замѣнить его присутствіе, тѣмъ болѣе, что самъ царевичъ прямо поручилъ ему вступить въ переписку съ его дворомъ.

Яблонскій замѣтилъ на это, что все будетъ зависѣть отъ личности тѣхъ, которые будутъ сопровождать принцессу. Поэтому нужно рѣшить: отложить ли сіе обсужденіе до тѣхъ поръ, пока получатся точныя свѣдѣнія о нихъ, или же обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства, которыя необходимо предварительно разъяснить. Здѣсь представляются два особенно важные вопроса: 1) относительно состоянія въ Россіи книжной торговли, типографской части и т. п. и 2) относительно религіи, свободы вѣроисповѣданія и т. д. Особенное вниманіе нужно обратить на книжную торговлю, ибо можно надѣяться посредствомъ ея добыть деньги, на которыя можно будетъ потомъ содержать миссіи.

Одинъ изъ присутствующихъ, гофратъ Ахенбахъ, спросилъ, имѣетъ ли академія въ своемъ распоряженіи какую-нибудь сумму, чтобъ основать въ Москвѣ и поддерживать такую книжную торговлю. Гейнецій указалъ на большой интересъ царевича къ книжному дѣлу (Bücherwesen). Однажды царевичъ спросилъ тайнаго совѣтника Гюйссена, какимъ образомъ книгопечатаніе и книжная торговля въ такое короткое время достигли такого значительнаго развитія въ Европѣ. Тотъ отвѣчалъ ему, что Стефаны, Мануціи, Плантины и другіе ученые сами имѣли свои типографіи и содѣйствовали успѣхамъ книгопечатанія столько же своею ученостью, сколько своимъ прилежаніемъ. Царевичъ потребовалъ тогда, чтобы Гюйссенъ нашелъ ему какого-нибудь Стефана, который могъ бы устроить то же самое въ Москвѣ. Поэтому имѣлось въ виду, чтобы насторъ, который долженъ былъ сопровождать принцессу, принялъ бы въ свое попеченіе и типографское дѣло. Царевичъ указалъ на Гейнекція, чтобы тотъ составилъ для него катехизисъ согласно съ ученіемъ православной церкви; но Гюйссенъ замѣтилъ ему на это, что въ такомъ случаѣ составителю пришлось бы содѣйствовать распространенію ученія, которое онъ считаетъ ложнымъ. Иное дѣло переводъ, который дѣлается съ цѣлью не поученія, а повѣствованія.

Конректоръ Фришъ разказалъ по этому поводу, что по просьбѣ нѣсколькихъ знакомыхъ Русскихъ онъ перевелъ краткій катехизисъ Лютера, но потомъ узналъ, что уже прежде существовалъ такой переводъ на хорошемъ славянскомъ языкѣ, вышедшій въ Швеціи. Онъ слышалъ однако, что этотъ переводъ не принятъ Русскими. Послѣ того онъ читалъ ихъ символическую книгу, или какъ она у нихъ называется, „Истинную вѣру", и извлекъ изъ нея катехизисъ, который и послалъ къ Фричу въ Лейпцигъ, но до сихъ поръ не можетъ получить отъ него обратно. Фришъ убѣдился изъ многихъ опытовъ, что Русскіе чрезвычайно склонны къ свѣтскимъ наукамъ, особенно къ математикѣ и исторіи, и ими очень увлекаются, но въ вопросахъ религіи и вѣры очень щекотливы и не любятъ, чтобъ ихъ касались.

Гейнекцій замѣтилъ, что въ Галле находятся ради занятій два молодые человѣка, сыновья *князя Бусси* (И. А. Мусинъ-Пушкинъ), управляющаго церковными дѣлами во всей Россіи. Нельзя ли, спрашивалъ Гейнекцій, сдѣлать что-нибудь черезъ нихъ и ихъ отца?

Фришъ разказалъ, что онъ сдѣлалъ секретарю русскаго посла Головкина предложеніе прислать русскія книги въ обмѣнъ на нѣмецкія. Фришъ при этомъ выразилъ надежду, что въ Германіи найдется достаточно любознательныхъ людей, чтобы можно было сбыть имъ эти книги, и такимъ образомъ выручить маленькую сумму. Онъ разказалъ далѣе, что до сихъ поръ въ Россіи книжнымъ языкомъ былъ языкъ славянскій, который для простолюдина не болѣе понятенъ, чѣмъ Hochdeutsch въ Нижней Саксоніи. Но царь повелѣлъ теперь употреблять для книгъ простой русскій языкъ.

Архидіаконъ Payе просилъ присутствующихъ обратить вниманіе на то, что можетъ-быть, царь считаетъ научное и книжное дѣло государственною монополіей (arcanum politicum) и не желаетъ выпускать его изъ своихъ рукъ, для того чтобы образованіе не слишкомъ распространилось и не сдѣлалось причиною волненій и мятежей. Въ такомъ случаѣ лица, предлагающія средства къ распространенію наукъ и искусствъ, не были бы ему очень пріятны.

Фришъ возразилъ на это, что наоборотъ, царь, очевидно, всѣми способами содѣйствуетъ образованію; онъ учредилъ типографіи въ Москвѣ и Кіевѣ и ввелъ въ литературу общедоступный языкъ. Противъ же мятежей царь придумалъ два отличныя средства: онъ не замѣстилъ должность патріарха и уничтожилъ стрѣльцовъ. Царевичъ любитъ науку еще болѣе, чѣмъ его отецъ, и въ свое время будетъ ей покровительствовать не меньше Петра.

Ахенбахъ снова возвратился къ вопросу о катехизисѣ и предложилъ составить его какъ можно короче, ввести въ него основные догматы православной вѣры, подтвердить ихъ какъ можно болѣе текстами и опустить всякую полемику. Такимъ образомъ, книжка выйдетъ небольшая, и можетъ-быть, удастся выхлопотать, чтобы король далъ деньги на печатаніе, переводъ же могъ бы сдѣлать Фришъ. Фришъ сталъ отказываться и говорить, что онъ не довольно знаетъ русскій языкъ. Онъ давно желалъ, чтобы царь выслалъ человѣка хорошо знающаго русскій языкъ, который могъ бы преподавать его. По его мнѣнію, въ Германіи нашлось бы столько охотниковъ, что содержаніе этого человѣка было бы обезпечено, и онъ, Фришъ, самъ готовъ содѣйствовать тому не меньше другихъ. Еслибъ удалось выхлопотать у царя присылку такого человѣка, то ему можно было бы поручить переводъ, а онъ, Фришъ, готовъ провѣрить его. Но онъ долженъ еще разъ напомнить, какъ щекотлива Россія относительно религіи, а потому не думаетъ, чтобы такое предпріятіе могло имѣть успѣхъ въ Россіи или даже вызвать благодарность со стороны Русскихъ.

Архидіаконъ Рауе предложилъ послѣ этого,—такъ какъ все дѣло въ томъ, чтобы пріобрѣсти въ Москвѣ точку опоры,—основать тамъ школу или гимназію, которая зависѣла бы отъ академіи, и преподаватели которой набирались бы въ Берлинѣ. Эта школа, сохраняя свою связь съ Берлинскою академіей, могла бы служить средствомъ завести книжную торговлю, и даже, по возможности, содѣйствовать миссіонерскому дѣлу. Что касается до жалованья, то вѣроятно, на мѣстѣ нашлись бы нужныя для этого средства.

Фришъ нашелъ, что это дѣло не невозможное: уже семь лѣтъ тому назадъ шла рѣчь о такой школѣ, и ему предлагали тогда директорство дворянскаго лицея (Ritteracademie), который имѣлось въ виду учредить въ Москвѣ, съ жалованьемъ въ 12.000 талеровъ. Изъ этой суммы онъ долженъ былъ содержать остальныхъ профессоровъ, а также учителей фехтованія и танцевъ (Exercitionmeister). У него тогда не было охоты къ этому дѣлу, но если бы предложеніе было возобновлено, то по его мнѣнію, легко было бы выхлопотать прежнія условія.

Гейнекцій посовѣтовалъ, каковы бы ни были рѣшенія академіи, снестись съ Вольфенбюттельскимъ дворомъ, и черезъ его ходатайство проложить себѣ путь къ царскому двору. Гейнекцій намѣренъ самъ немедленно отправиться туда и предлагаетъ свои услуги.

Послѣ этого состоялось рѣшеніе академіи написать герцогу Лудвигу-Рудольфу и просить у него рекомендательнаго письма къ царе-

вичу, а также написать къ президенту академіи (Лейбницу), чтобъ онъ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Но президентъ академіи былъ, какъ кажется, не совсѣмъ доволенъ рвеніемъ, которое обнаружили его ученые товарищи. Ему хотѣлось, чтобъ они скорѣе составили инструкцію для наблюденій надъ магнитною стрѣлкой, и онъ боялся, чтобъ они своимъ неумѣстнымъ рвеніемъ и намѣреніемъ дѣйствовать черезъ герцога Бланкенбургскаго и царевича не возбудили неудовольствіе царя и не повредили бы его собственнымъ планамъ.

Въ декабрѣ Лейбницъ получилъ протоколъ засѣданія и письмо отъ Гейнекція, которому не удалось лично побывать въ Ганноверѣ. Въ краткомъ отвѣтѣ Лейбница Гейнекцію проявляется сдержанное неудовольствіе. Упомянувъ о своихъ собственныхъ стараніяхъ заинтересовать царя въ успѣхѣ наукъ, онъ говоритъ, что недостойно ни такого государя, ни королевской академіи заявлять свое рвеніе пустыми словами и безплодными мнѣніями (ignava, quia philosopha sententia): „Въ увѣщаніяхъ и совѣтахъ, какъ я замѣтилъ, этотъ государь не нуждается“.

Еще подробнѣе Лейбницъ излагаетъ свое мнѣніе въ отвѣтномъ письмѣ академіи. Онъ радуется тому, что академія заботится о содѣйствіи наукѣ и миссіонерству въ Россіи и Китаѣ. „Я уже давно объ этомъ говорилъ королю, и по моему предложенію, относящаяся сюда статья внесена въ инструкцію академіи. И послѣ того я по возможности содѣйствовалъ этому дѣлу; такъ, я завелъ сношенія съ нѣкіимъ Копіевичемъ, котораго потомъ дѣйствительно употребляли въ Москвѣ для научныхъ цѣлей; въ послѣдствіи едва не состоялась по повелѣнію его величества посылка Любенецкаго въ Москву. Я всегда настаивалъ, чтобы для этой цѣли былъ избранъ какой-нибудь молодой человѣкъ, знающій одинъ изъ славянскихъ языковъ, и основательно обученъ практической математикѣ“. Одобривъ постановленіе академіи дѣйствовать черезъ тестя царевича, Лейбницъ замѣтилъ, что онъ совершенно согласенъ съ тѣми, которые заявили въ собраніи, что отнюдь не слѣдуетъ въ обсуждаемыя предположенія вмѣшивать религію, ибо въ этомъ отношеніи не только Русскіе вообще, но царевичъ въ особенности, щекотливы. Послѣ этихъ вѣжливыхъ оборотовъ Лейбницъ приступаетъ къ самому дѣлу и замѣчаетъ, что еслибъ у академіи были средства издавать славянскія книги и посылать въ Россію людей для научныхъ наблюденій, то она со временемъ не только выручила бы съ барышемъ затраченныя ею суммы, но могла бы разсчитывать на покровительство царя. Но являться предъ царемъ отъ имени

королевской академіи съ пустыми словами и предложеніями, въ которыхъ тамъ нѣтъ недостатка, было бы не только безполезно, но и бесславно. Разсказавъ потомъ о результатѣ своей поѣздки въ Торгау и о томъ, что царь особенно заинтересовался наблюденіями надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки, Лейбницъ настойчиво повторилъ свое требованіе, чтобъ академія составила инструкцію для этихъ наблюденій. „Если бы", продолжалъ онъ, „академія пріискала человѣка, практически знающаго математическія науки, и пріучивъ его къ магнитнымъ и астрономическимъ наблюденіямъ, захотѣла бы послать его отъ своего имени въ Россію, то я взялъ бы на себя доставить ему средства къ существованію и всякое содѣйствіе его цѣлямъ, а также и планамъ академіи. Это могло бы послужить началомъ для большихъ результатовъ, ибо его величество, вѣроятно, присоединилъ бы къ нему нѣсколько другихъ лицъ, и такимъ образомъ можно было бы составить ученое общество (collegium), которое находилось бы въ сношеніяхъ съ академіей.

Не получивъ отвѣта на свои письма къ Брюсу и къ Гюйссену, Лейбницъ въ половинѣ января сдѣлалъ новую попытку заинтересовать русскій дворъ въ своихъ планахъ. На этотъ разъ онъ рѣшился обратиться съ письмомъ прямо къ царю. Письмо это было слѣдующаго содержанія:

„Послѣ того, какъ ваше царское величество соизволили дать мнѣ понять въ Торгау, что мои скромныя предложенія удостоились вашего вниманія, я не преминулъ изготовить магнитный глобусъ, доселѣ еще небывалый и бросающій новый свѣтъ на мореплаваніе. Если бы каждыя 10 лѣтъ производились новыя наблюденія надъ магнитными стрѣлками, и по нимъ изготовлялись новые глобусы для употребленія мореплавателей, то мы имѣли бы орудіе, которое могло бы на срокъ десяти, напримѣръ, лѣтъ служить къ опредѣленію долготы (того, что Голландцы называютъ Ost und West); по истеченіи же этого срока можно было бы возобновлять глобусъ до тѣхъ поръ, пока придумали бы что-нибудь болѣе постоянное. Но такъ какъ магнитная стрѣлка уклоняется не только въ горизонтальномъ, но и въ вертикальномъ направленіи, и такъ какъ чрезвычайно необходимо, чтобъ и эти уклоненія подвергались наблюденіямъ, то я придумалъ особый снарядъ для этой цѣли и очень желалъ бы, чтобы въ обширномъ царствѣ вашего величества производились въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ наблюденія надъ уклоненіями обоего свойства, такъ какъ это было бы очень полезно для мореплаванія. Я ожидаю обѣщаннаго мнѣ отъ имени вашего величества всемилостивѣйшаго при-

каза, а въ остальномъ ссылаюсь на представленное мною въ Торгау письменное предложеніе, полагая, что не смотря на тяжелую военную пору, ваше величество могли бы, съ помощью надлежащихъ распоряженій, выиграть время (самый дорогой изъ всѣхъ предметовъ, дарованныхъ намъ Богомъ), и безъ большихъ издержекъ сдѣлать въ непродолжительный срокъ очень много для поощренія и распространенія наукъ и искусствъ. Прилагаю при семъ извлеченіе изъ китайскихъ писемъ, изъ которыхъ видно, что и тамъ заботятся о развитіи наукъ, такъ что и въ этомъ отношеніи ваше величество могли бы соединить Китай съ Европою.

„Надѣюсь также, что ваше величество милостиво пріимете мое рвеніе къ этой великой цѣли и къ вашей службѣ, ибо я, съ сожалѣніемъ узнавъ о смерти лейбъ-медика Донелли, осмѣливаюсь сдѣлать всеподданнѣйшее предложеніе. Если ваше величество желаете замѣстить его должность другимъ, я могъ бы указать на лицо, свѣдущее въ естественныхъ наукахъ и потому очень способное къ разработкѣ науки. Отъ души желаю, чтобы ваше величество нуждались въ такомъ человѣкѣ не для себя и не для августѣйшаго семейства, а для другихъ, и нестолько для медицины, сколько для науки, и въ продолженіе многихъ лѣтъ“.

Черновая этого письма сохранилась въ бумагахъ Лейбница въ двухъ экземплярахъ. Одинъ четко написанъ на листѣ большаго формата, въ видѣ письма, съ обращеніемъ и подписью. Другой экземпляръ съ помарками заключаетъ въ себѣ обширную приписку слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій государь! Г. баронъ фонъ-Урбихъ, вѣроятно, донесъ въ свое время вашему величеству, и вы соблаговолите вспомнить, что сношенія между вашимъ величествомъ и Ганноверскимъ дворомъ начаты мною, и что я положилъ основаніе, на которомъ утвердился потомъ князь Куракинъ и заключилъ извѣстный договоръ. Хотя мнѣ и часто приходилось дѣйствовать на политическомъ и юридическомъ поприщахъ, и знатные государи иногда въ этихъ вопросахъ пользуются моими совѣтами, я все-таки предпочитаю науки и художества, такъ какъ онѣ постоянно содѣйствуютъ къ славѣ Господней и къ благосостоянію всего рода человѣческаго, ибо въ наукахъ и въ познаваніи природы и художествъ всего болѣе обнаруживаются чудеса Господни, Его могущество, мудрость и милость; науки и художества составляютъ настоящее сокровище человѣческаго рода, ибо посредствомъ ихъ искусство превозмогаетъ природу, и цивилизованные на-

роды отличаются отъ варварскихъ. Поэтому я съ малолѣтства любилъ науки, занимался ими и имѣлъ счастіе, не смотря на многія отвлекающія занятія, сдѣлать разныя очень важныя открытія, восхваленныя въ печати безпристрастными и знаменитыми людьми. Я не находилъ только могущественнаго государя, который достаточно интересовался бы этимъ. Надѣюсь, что нашелъ таковаго въ вашемъ величествѣ, ибо вы можете легко и почти безъ хлопотъ и издержекъ сдѣлать въ вашемъ обширномъ государствѣ самыя лучшія распоряженія и обнаруживаете готовность къ этому. Эти великодушныя намѣренія вашего величества могутъ способствовать благосостоянію безчисленнаго множества людей не только въ современномъ, но и въ грядущихъ поколѣніяхъ, оказать большую пользу всему человѣческому роду, особенно же Русскимъ и всѣмъ другимъ славянскимъ народамъ, и сдѣлать у нихъ гораздо больше, чѣмъ Фоги у Китайцевъ, Гермесъ у Египтянъ, Зердустъ въ Средней Азіи, Ирминъ у южныхъ Германцевъ, Одинъ у сѣверныхъ Германцевъ, Альманзоръ у Сарациновъ. Провидѣніе, повидимому, хочетъ, чтобы наука обошла кругомъ весь земной шаръ и теперь перешла въ Скиѳію, и потому избрало ваше величество орудіемъ, такъ какъ вы можете, съ одной стороны, изъ Европы, и съ другой — изъ Азіи взять лучшее и усовершенствовать надлежащими мѣрами то, что̀ сдѣлано въ обѣихъ частяхъ свѣта: ибо въ вашемъ государствѣ все, что̀ касается до науки, еще ново и подобно листу бѣлой бумаги, а потому можно избѣгнуть многихъ ошибокъ, которыя вкрались въ Европѣ постепенно и незамѣтно. Извѣстно, что дворецъ, строящійся вновь, выходитъ лучше, чѣмъ тотъ, который строился вѣками и часто подвергался исправленіямъ и измѣненіямъ.

„Для этого новаго и великаго зданія, правда, необходимы библіотеки, музеи или кунсткамера, мастерскія для моделей и произведеній, химическія лабораторіи и астрономическія обсерваторіи, но все это нужно не за разъ и можетъ быть приготовляемо исподоволь; на счетъ же того, какъ устроить самое полезное скоро и безъ большихъ издержекъ, я могъ бы представить особенныя предложенія. Всего болѣе необходимо достать людей, годныхъ для этой великой цѣли, которые могли бы поселиться въ государствѣ вашего величества и добросовѣстно обучать молодыхъ людей. Такъ какъ съѣстные припасы въ Россіи дешевы, то не понадобится много денегъ для тѣхъ, кто захочетъ туда переселиться. Я сочту за величайшую честь, удовольствіе и славу, если буду въ состояніи послужить вашему величеству въ дѣлѣ, столь похвальномъ и богоугодномъ: ибо я не изъ тѣхъ, ко-

торые пристрастны къ своему отечеству или къ какому-нибудь народу, я имѣю въ виду пользу всего человѣческаго рода, ибо считаю небо своимъ отечествомъ и всѣхъ благонамѣренныхъ людей его гражданами, и мнѣ пріятнѣе принести много пользы у Русскихъ, чѣмъ мало пользы у Нѣмцевъ или другихъ Европейцевъ, хотя бы я пользовался у нихъ великими почестями, богатствомъ и спокойствіемъ, но при этомъ не былъ бы въ состояніи оказывать пользу другимъ. Мой интересъ и моя симпатія направлены на общее благо. Для этой цѣли я уже давно завелъ обширную переписку въ Европѣ и въ самомъ Китаѣ, и не только съ давнихъ поръ состою членомъ французской и англійской академій, но руковожу, въ качествѣ предсѣдателя, королевскою Прусскою академіей, которая всѣми способами будетъ стараться содѣйствовать высокимъ намѣреніямъ вашего величества и уже выразила свою готовность къ этому въ письмѣ къ его свѣтлости герцогу Людвигу-Рудольфу. Эту академію король основалъ въ Берлинѣ по моему предложенію, и я далъ ей такое устройство, что ея содержаніе почти ничего не стоитъ королю. Но гораздо лучше могла бы быть устроена не только такая академія, но и многое другое въ государствѣ вашего величества, и молва такимъ образомъ могла бы осуществиться на дѣлѣ“.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Лейбницъ отправилъ два письма къ Брюсу и къ канцлеру Головкину. Въ этихъ письмахъ онъ повторяетъ иными словами то, что̀ было имъ высказано въ письмѣ къ царю, и проситъ Брюса и Головкина похлопотать о томъ, чтобъ были исполнены обѣщанія, сдѣланныя ему въ Торгау. Всѣ эти письма были отправлены Лейбницемъ въ Берлинъ къ тамошнему русскому послу Головкину сыну, съ просьбой отправить ихъ въ Россію [1].

Отправивъ свои письма, Лейбницъ узналъ изъ газетъ, что Брюса

---

[1]) Письмо къ Брюсу было напечатано Гурауеромъ въ его: Leibniz's Deutsche Schriften, но съ обозначеніемъ: an den Feldzeugmeister Leszinsky. Эта ошибка перешла и въ біографію Лейбница, составленную Гурауеромъ. Гурауеру, вѣроятно, попался между бумагами Лейбница другой экземпляръ письма къ Брюсу, на которомъ не обозначено имени послѣдняго. Но какъ произошла ошибка Гурауера, непонятно. Такого фельдцейхмейстера никогда не было въ русской службѣ. Письмо къ Головкину сохранилось въ двухъ черновыхъ, изъ коихъ одна на нѣмецкомъ, другая на французскомъ языкѣ. Гурауеръ напечаталъ нѣмецкій экземпляръ, но надо полагать, что Лейбницъ отправилъ письмо на французскомъ языкѣ: онъ объясняетъ въ письмѣ къ Головкину, что пишетъ ему по французски, такъ какъ этотъ языкъ хорошо извѣстенъ его сыну въ Берлинѣ, черезъ котораго было отправлено письмо.

нѣтъ при дворѣ, и что онъ поэтому не можетъ хлопотать тамъ въ его пользу. Но въ это самое время Лейбницу представился другой случай напомнить о себѣ русскому двору. Въ концѣ января 1712 года въ Ганноверъ пріѣхалъ изъ Вѣны Урбихъ, съ которымъ Лейбницъ уже около года не переписывался. Лейбницъ въ это время страдалъ открывшимися на его тѣлѣ ранами и не могъ выходить изъ дому. Урбихъ навѣстилъ его и тутъ попросилъ его составить для русскаго двора краткую записку о происхожденіи Славянъ. Урбиху уже давно было поручено русскимъ правительствомъ собирать разныя свѣдѣнія и сочиненія о языкѣ и происхожденіи славянскихъ народовъ. Въ своей реляціи отъ 4-го ноября 1711 года Урбихъ писалъ Головкину, „что далъ нѣкоторымъ своимъ друзьямъ въ Богеміи порученіе пріискать нѣсколько книгъ о происхожденіи Славянъ, Богемцевъ и другихъ народовъ" [1]). Но старанія Урбиха не привели его къ цѣли, и онъ былъ очень радъ, когда Лейбницъ взялъ на себя трудъ составить для него краткую записку. Лейбницъ прислалъ ее съ письмомъ, въ которомъ просилъ напомнить царю или „его канцеляріи" о томъ, что было условлено въ Торгау. Лейбницъ присовокупилъ къ этому просьбу выслать ему „одну изъ самыхъ старинныхъ русскихъ книгъ", Патерикъ, которая дастъ ему возможность лучше судить о русскихъ древностяхъ. 5-го марта Урбихъ отправилъ ко двору письмо и записку Лейбница съ слѣдующимъ письмомъ къ Головкину [2]):

„Данное мнѣ порученіе относительно происхожденія Славянъ и ихъ языковъ, а также и языка другихъ родственныхъ народовъ, я старался исполнить и поручилъ разнымъ ученымъ въ Прагѣ собрать для меня относящіяся сюда сочиненія. Въ Саксоніи я также объ этомъ старался и въ одной библіотекѣ нашелъ двѣ книги, которыя сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія; одна *Abraham Frencely:* De originibus linguae Sorabicae, напечатанная въ Бауценѣ, откуда я ее выписываю; другая: Trésor de l'histoire des langues de cet univers, par Mr. *Claude Duret,* imprimé 1619 à Yverdun. Эта книга очень рѣдка, и я не знаю, можно ли ее достать. Но въ этомъ отношеніи никто не можетъ намъ помочь лучше, чѣмъ тайный совѣтникъ Лейбницъ, въ Ганноверѣ, который по своей глубокой учености, особенно въ исторіи и древностяхъ, никогда не имѣлъ и не будетъ имѣть себѣ подобныхъ, тѣмъ болѣе, что онъ прославился и въ математическихъ наукахъ. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ я его предлагалъ его

[1]) Реляція Урбиха въ Московскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

[2]) Изъ реляціи Урбиха въ Московскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

царскому величеству для введенія наукъ въ Москвѣ, и потеря по истинѣ будетъ не вознаградима, если онъ, человѣкъ уже пожилой, умретъ, прежде чѣмъ въ Россіи воспользуются его услугами. Какъ онъ мнѣ разказывалъ въ Ганноверѣ, его величество самъ говорилъ съ нимъ въ Торгау, былъ очень имъ доволенъ и обѣщалъ черезъ г. генерала Брюса пенсію, какъ кажется, въ 500 руб. Къ нему именно я обратился съ моею просьбой, и онъ прислалъ мнѣ, передъ моимъ отъѣздомъ, прилагаемыя при семъ двѣ записки. Это предварительное изложеніе составлено имъ вкратцѣ, но такъ хорошо, что я не сомнѣваюсь, оно доставитъ его величеству большое удовольствіе. Еслибъ ему послать нѣкоторыя пособія, особенно русскую книгу, называемую Патерикомъ, онъ могъ бы сдѣлать многое и основательно объяснить вопросъ о русскихъ древностяхъ, ибо такія занятія соотвѣтствуютъ его вкусу".

Вотъ и самое „предварительное изложеніе" (Vorläufiger Bericht) Лейбница:

„Происхожденіе и древность славянскихъ племенъ я изслѣдовалъ уже довольно давно и нахожу, что есть два средства къ тому: языкъ, на которомъ говорятъ эти племена, и древнія свидѣтельства исторіи о нихъ. По языку можно заключить, что весь сѣверъ, на сколько онъ намъ извѣстенъ, распадается на четыре главныя племени: татарское, сарматское, финское и нѣмецкое. Подъ Татарами я разумѣю Монголовъ, Калмыковъ, жителей древней Турціи, Туркестана или Бухары, древнихъ Кумановъ и т. д. Подъ Сарматами я разумѣю всѣ славянскія племена, которыхъ древніе называли Сарматами, прежде чѣмъ было извѣстно названіе Славянъ или Славовъ. Въ древнѣйшее время они распространялись отъ Волги и отъ Оби почти до Вислы. Подъ Финнами я разумѣю Лапонцевъ, которыхъ древніе называли Скритофиннами [1]), и другіе народы того же происхожденія, живущіе къ сѣверу. Наконецъ, Нѣмцы населили своими колоніями Швецію, Норвегію и Данію, ибо языкъ этихъ народовъ на самомъ дѣлѣ есть нарѣчіе нѣмецкаго языка.

„Откуда вышли эти народы, и особенно славянскія племена—исторія не въ состояніи опредѣлить, и трудно сказать, какъ произвести ихъ отъ потомковъ Ноя. Ученые много объ этомъ думали, но я не хочу останавливаться на слишкомъ недостовѣрныхъ предположеніяхъ.

[1]) О Скритофиннахъ (Scritofinni) упоминаетъ Прокопій (De bello Goth.). Павелъ Діаконъ называетъ ихъ Скритобинами. Рейхардъ полагаетъ, что это то же племя, которое Іорнандъ называетъ Cerfennae, и что оно жило въ Швеціи въ окрестностяхъ озера Веттера.

„Гомеръ, самый древній языческій писатель, котораго мы имѣемъ, упоминаетъ о Киммеріанахъ, жившихъ при Черномъ морѣ. Геродотъ говоритъ о Скиѳахъ, Сарматахъ или Савроматахъ, Исседонахъ и Аримаспахъ и другихъ народахъ. Относительно мѣстожительства ихъ можно замѣтить многое, что, можетъ-быть, послужило бы къ объясненію происхожденія Славянъ, и о чемъ мы подробнѣе скажемъ въ другомъ мѣстѣ. Во время Римлянъ проливается большій свѣтъ, и мы узнаемъ, что уже тогда Сарматы граничили съ Нѣмцами и далеко распространялись въ Азіи, какъ видно изъ Тацита, Птолемея и другихъ. Часть нѣмецкаго племени съ Балтійскаго моря или Пруссіи (гдѣ во времена Тацита жили Готы) проникла черезъ землю Вандовъ (или Антовъ) и Польшу къ Черному морю и поселилась между Днѣпромъ, Днѣстромъ и Дунаемъ; но вскорѣ послѣ Константина Великаго они были изгнаны Гуннами и принуждены переправиться черезъ Дунай и проникнуть въ Римскую имперію, послѣ чего Вестготи вторгнулись во Францію и Испанію, а Остготи въ Италію. Могущество Гунновъ достигло высшаго процвѣтанія при Аттилѣ, который подчинилъ своей власти почти все пространство отъ Каспійскаго моря до Рейна, и изъ разказа Приска, жившаго при его дворѣ съ Константинопольскимъ посольствомъ, видно, что Аттила былъ вовсе не дикій, но очень благоразумный властелинъ.

„Что Гунны были сарматскимъ, или какъ теперь говорятъ, славянскимъ народомъ, тому есть много доказательствъ: 1) Они перешли къ Днѣпру, черезъ Донъ, и слѣдовательно, жили собственно въ великой Россіи. 2) И теперь еще изъ славянскаго языка видно, что названіе Гунновъ (Hunі), или какъ пишутъ нѣкоторые древніе писатели, Хуны (Chuni), означаетъ *коннаго* человѣка, и извѣстно, что Сарматы и Гунны всегда были на коняхъ. 3) Прискъ разказываетъ, что при дворѣ Аттилы говорили только на двухъ языкахъ по готски (то-есть, по нѣмецки) и по гунски. Если же гунскій языкъ не славянскій, не одинъ и тотъ же съ нимъ, то безъ сомнѣнія, тамъ приходилось бы слышать и славянскую рѣчь, ибо Аттила былъ въ то время окруженъ славянскими народами. 4) У древнихъ писателей встрѣчается нѣсколько словъ, которыя считаются гунскими и хорошо объясняются изъ славянскаго языка. 5) Гунны, которые остались въ Паннонiи послѣ Аттилы и усмирены только Карломъ Великимъ, были славянскаго происхожденія, такъ какъ Меѳодій, который, безъ сомнѣнія, говорилъ по славянски, былъ епископомъ Паннонiи, и почти вся верхняя Венгрія, а также и большая часть нижней Венгріи еще теперь говорятъ по славянски;

ибо послѣ вторженія Венгровъ, при императорѣ Арнульфѣ и его сынѣ (Венгры же совершенно иного происхожденія и вышли изъ глубины Монголіи), тамъ осталась большая часть туземцевъ, сохранившая славянскій языкъ.

„Послѣ Готовъ и Гунновъ, начали распространяться по Европѣ такъ-называемые Славины или Славяне, во времена императора Юстиніана и позднѣе. Они вышли изъ Польши и Россіи, заняли страны между Эльбой и Балтійскимъ моремъ, по большей части оставленныя Нѣмцами, а также Богемію и Моравію, и распространились по Кроаціи, Далмаціи, Славоніи и Штиріи до Адріатическаго моря: Хазаровъ также нужно причислить къ славянскимъ народамъ. Наконецъ, и Болгары, вышедшіе съ Волги, принадлежатъ къ славянскимъ племенамъ, ибо въ Болгаріи, между Сербіей и Ѳракіей, не только теперь употребляется славянскій языкъ, но и отъ древнихъ Болгаръ сохранилось нѣсколько словъ, напримѣръ, *Богомилы*. Это были извѣстные еретики, прозванные такъ Болгарами, потому что постоянно произносили слова „помилуй Богъ“.

„Наконецъ, въ IX вѣкѣ по Р. Х. пріобрѣли извѣстность Русскіе, вѣроятно, древніе Роксоланы, которые были такъ могущественны, что даже осаждали Константинополь. Чтобы лучше судить о ихъ древнѣйшей исторіи, было бы хорошо имѣть старинную книгу ихъ, называющуюся Патерикомъ, и другіе памятники“.

Вышеприведенная реляція Урбиха была послѣднею попыткой его покровительствовать планамъ Лейбница. Его мѣсто занимаетъ теперь для Лейбница другой дипломатъ русской службы, Шлейницъ. Переписка Лейбница съ Шлейницемъ замѣняетъ для насъ прежнюю переписку его съ Урбихомъ и служитъ важнымъ источникомъ для объясненія его плановъ. Лейбницъ былъ давно знакомъ съ Шлейницемъ, еще когда тотъ былъ министромъ (ministre d'état) у герцога Саксенъ-Готскаго. Онъ переписывался тогда съ Шлейницемъ по поводу соединенія протестантскихъ церквей, какъ видно изъ сохранившихся въ его бумагахъ двухъ писемъ его отъ 1705 года и отвѣтовъ Шлейница. Еще ближе познакомились они, когда послѣдній перешелъ на службу къ Вольфенбюттельскому двору и принялъ участіе въ переговорахъ о бракѣ царевича съ Софіей-Шарлоттою. Слѣдствіемъ этого было назначеніе Шлейница русскимъ посланникомъ въ Ганноверъ, гдѣ онъ имѣлъ случай еще ближе сойтись съ Лейбницемъ. Ихъ соединяли общіе интересы. Для Шлейница было удобно поддерживать сношенія съ человѣкомъ, чрезвычайно близкимъ ко двору; какъ видно изъ пи-

семъ Шлейница къ Лейбницу, первый старался узнавать черезъ второго разныя новости и свѣдѣнія о Ганноверскомъ дворѣ, особенно когда самъ находился въ разъѣздахъ. Съ другой стороны, Лейбницъ надѣялся дать черезъ него ходъ своимъ политическимъ и научнымъ проектамъ относительно Россіи. Лейбницъ все еще лелѣялъ надежду на привлеченіе сѣверныхъ союзниковъ къ коалиціи противъ Франціи.

Вмѣшательство сѣверныхъ союзниковъ никогда еще не было такъ необходимо. Торійское министерство Англіи совершенно явно сносилось съ правительствомъ Людовика XIV и грозило своимъ союзникамъ заключеніемъ отдѣльнаго мира съ Франціей. Съ января 1712 года, въ Утрехтѣ засѣдалъ конгрессъ; но настоящіе переговоры о мирѣ велись въ это время въ Парижѣ англійскимъ министромъ Сентъ-Джономъ. Мальборо лишился командованія, и главное начальство надъ англійскимъ войскомъ въ Бельгіи было поручено якобиту Ормонду, который еще до заключенія перемирія увелъ свои войска въ виду непріятеля изъ позиціи, занимаемой союзными войсками, и этимъ далъ Французамъ возможность напасть 24-го іюля при Денепѣ на одинъ изъ отрядовъ Евгенія Савойскаго и нанести ему значительный уронъ. Нравственное впечатлѣніе, произведенное этимъ пораженіемъ при Денепѣ, имѣло для союзниковъ еще болѣе вредныя послѣдствія, чѣмъ матеріальный уронъ. Испуганные успѣхомъ Французовъ, Голландцы стали сговорчивѣе относительно мира. Только новая неожиданная помощь могла поправить дѣла императора, и только сѣверные союзники могли оказать ему эту помощь. Въ это-то самое время, согласно уговору между сѣверными союзниками, по которому Русскіе и Саксонцы должны были въ теченіе лѣта 1712 года взять шведскія крѣпости въ Помераніи, а Датчане завоевать провинціи Бременъ и Верденъ, 31-го іюля, датское войско перешло черезъ Эльбу и начало осаду крѣпости Штаде [1]). Весь гарнизонъ этой крѣпости состоялъ изъ 1.000 человѣкъ, помощи не откуда было ждать, и поэтому легко было предвидѣть, что крѣпость сдастся въ самое непродолжительное время. Послѣ этого многочисленному датскому войску на лѣвомъ берегу Эльбы нечего было бы дѣлать. При этихъ обстоятельствахъ у приверженцевъ анти-французской коалиціи легко могло явиться желаніе, чтобъ это датское войско продолжало свой путь на западъ и присоединилось къ датскому отряду, сражавшемуся во Фландріи подъ командой Евгенія Савойскаго. Если бы по взятіи Штаде Датчане немедленно двинулись въ Бельгію, они пришли бы еще во время

[1]) *A. Hojer*, König Friedrich's d. IV Leben. 1829, стр. 227.

чтобы пополнить убыль, происшедшую въ союзной арміи отъ удаленія англійскихъ войскъ, и дать ей возможность перейдти къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Предположенія подобнаго свойства составляютъ содержаніе одной записки, написанной въ это время Лейбницемъ [1]). Изъ нея видно, что онъ сообщилъ свой планъ Шлейницу, и что тотъ одобрилъ его. Они условились, что Лейбницъ долженъ узнать, какъ этотъ планъ будетъ принятъ Ганноверскимъ правительствомъ, а Шлейницъ между тѣмъ постарается расположить въ его пользу царя, главнаго изъ сѣверныхъ союзниковъ. Планъ заключался въ томъ, чтобы тотчасъ по взятіи Штаде, датское войско двинулось въ Голландію, чтобы ободрить Голландцевъ и отклонить ихъ отъ поспѣшнаго мира съ Франціей, невыгоднаго для императора. Войско это должно было содержаться на счетъ Голландцевъ; но Лейбницъ совѣтовалъ не требовать отъ нихъ слишкомъ обременительныхъ условій, такъ какъ походъ совершался также въ интересахъ сѣвернаго союза, ибо заключеніе мира между морскими державами и Франціей привело бы къ немедленному вмѣшательству Франціи и Англіи въ Сѣверную войну и къ возстановленію Швеціи. Вслѣдствіе этого, Лейбницъ совѣтовалъ, чтобы часть издержекъ была раздѣлена между Россіей, Саксоніей и Даніей, и чтобы царь присоединилъ къ датскому войску отрядъ русскихъ войскъ. Совѣты Лейбница были очень своевременны. Русское правительство само было озабочено сближеніемъ между Франціей и Англіей и предлагало свою помощь Голландіи и императору. Еще весною 1712 года Куракинъ писалъ изъ Голландіи, „что не надобно упускать времени заключить съ Штатами хотя оборонительный союзъ и свой кредитъ установить“. На это Головкинъ приказалъ ему „объявить Штатамъ и цесарскимъ министрамъ, что въ случаѣ продолженія войны ихъ съ Франціей, царь готовъ помочь имъ войскомъ отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ и больше за обычныя субсидіи и даже безъ субсидій, только на ихъ содержаніи и жалованьи“ [2]).

Предсказанія Лейбница относительно сближенія Франціи и Англіи также сбылись. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, Матвѣевъ писалъ, что Франція и Англія, сближаясь другъ съ другомъ,

---

[1]) Время, когда была составлена записка, опредѣляется тѣмъ, что въ ней говорится объ ожидаемой сдачѣ крѣпости Штаде. Датчане 31-го іюля перешли черезъ Эльбу, 20-го августа повели траншеи противъ Штаде, а 6-го сентября эта крѣпость сдалась.

[2]) См. *Соловьева*, Ист. Россіи, т. XVII, стр. 4.

сближаются и съ Швеціей. Не смотря однако на это, диверсія въ пользу бельгійской арміи со стороны сѣверныхъ союзниковъ едва-ли была возможна. Вслѣдствіе несогласія, дѣла ихъ шли плохо въ Помераніи. При датскомъ дворѣ происходили интриги въ пользу мира, изъ Копенгагена не присылали обѣщанной артиллеріи, необходимой для взятія Штральзунда и Штетина. Чтобъ устранить всякія недоразумѣнія и внести больше единства въ военныя дѣйствія союзниковъ, царь, лѣтомъ 1712 года, самъ отправился въ Померанію.

Пріѣздъ Петра въ Германію снова оживилъ всѣ надежды Лейбница. Въ августѣ, Шлейницъ получилъ приказаніе пріѣхать къ царю въ Грейфсвальдъ. Лейбницъ воспользовался его поѣздкою, чтобы дать ему разныя порученія къ русскому двору. Объ этихъ порученіяхъ мы узнаемъ изъ записки, или „promemoria", которою Лейбницъ снабдилъ посла, и которая сохранилась въ Московскомъ архивѣ [1]).

Лейбницъ послалъ также съ Шлейницемъ записку, которую онъ прежде хотѣлъ доставить царю чрезъ князя Куракина, и потому написалъ ее на французскомъ языкѣ. Онъ просилъ Шлейница перевести ее при дворѣ на русскій языкъ и передать переводъ въ собственныя руки царя [2]). Въ этой запискѣ Лейбницъ повторяетъ прежній свой совѣтъ не упускать времени и приступить къ введенію наукъ, не дожидаясь окончанія войны. Упомянувъ еще разъ о томъ, что можно сдѣлать многое съ небольшими средствами, онъ предлагаетъ свои услуги для составленія общаго плана, если ему дадутъ возможность ближе познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и съ намѣреніями царя. „Я скажу только", заключаетъ онъ свою записку, „что Москва, какъ столица, Астрахань, Кіевъ и Петербургъ заслуживаютъ

---

[1]) Записка эта напечатана Поссельтомъ въ его соч. Leibniz und Peter der Grosse, № IV, стр. 218. Въ ней не упоминается имя Шлейница, но легко догадаться, для кого она предназначена, и къ какому времени относится. Вѣроятно, она была написана Лейбницемъ съ тѣмъ, чтобы Шлейницъ могъ передать ее Брюсу или самому царю, и такимъ образомъ она, вмѣстѣ съ другими проектами Лейбница, попала въ нашъ архивъ. На оборотѣ ея обозначено: «Проектъ Лейбн перевед. поданой отъ Куракина». Имя Куракина показано, вѣроятно, по ошибкѣ, только потому, что оно упоминается въ началѣ записки. Самая же записка, какъ видно изъ ея содержанія, предназначалась для Шлейница. Въ ней упоминается о фортификаціонномъ снарядѣ, который Шлейницъ лично передалъ царю.

[2]) Эта записка, написанная рукою не Лейбница, хранится въ Моск. арх. (У Поссельта напечатана подъ № III, стр. 216) вмѣстѣ съ современнымъ переводомъ. На оборотѣ ея обозначено: Переведено въ Грейфсвальдѣ 9-го сентября 1712 года.

особеннаго вниманія относительно учрежденія въ нихъ университетовъ, академій, школъ и всего, что къ этому относится; но особенно важно принять вообще хорошія мѣры для воспитанія юношества и позаботиться о предотвращеніи злоупотребленій, которыя вкрались въ большинство университетовъ, ученыхъ обществъ и школъ Европы".

Лейбницъ просилъ Шлейница въ своей промеморіи присовокупить къ этому, что въ важномъ и обширномъ дѣлѣ лучше всего составить предварительно общій планъ, чтобы потомъ со временемъ осуществить его по частямъ постепенно и при благопріятныхъ условіяхъ, подобно тому, какъ при постройкѣ большаго зданія начертываютъ точный планъ его, прежде чѣмъ приступаютъ къ самой постройкѣ.

Кромѣ этого общаго плана, Лейбницъ предлагалъ составить для Петра „Обзоръ тайной исторіи нашего времени" за нѣсколько лѣтъ, который былъ бы полезенъ при дѣлахъ, а также „Сборникъ (Kern) лучшихъ правительственныхъ правилъ", на основаніи народныхъ пословицъ, замѣчательныхъ изреченій славныхъ государей, великихъ людей и примѣровъ изъ жизни героевъ. Кромѣ того, Лейбницъ изъявлялъ свою готовность лично обо всемъ доложить царю, еслибъ онъ пожелалъ подробнѣе распросить его о мѣрахъ для водворенія наукъ. Лейбницъ прислалъ также Петру какой-то снарядъ, полезный для фортификаціи, изобрѣтенный однимъ изъ его друзей. Посредствомъ этого снаряда можно было быстро набрасывать планъ не только правильныхъ, но и неправильныхъ крѣпостей, достаточно защищенныхъ. Онъ предлагалъ свои услуги, чтобы въ отсутствіе посланника сообщать изъ Ганновера всякія нужныя свѣдѣнія, подобно тому, какъ онъ дѣлалъ это по желанію Урбиха. До Лейбница дошли слухи, что царь намѣренъ основать въ Петербургѣ нѣсколько научныхъ учрежденій, и потому онъ просилъ сообщить ему вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ, а также прислать ему славянскій лексиконъ и грамматику. Онъ просилъ Шлейница передать поклонъ Урбиху, который не писалъ ему, получилъ ли онъ статью о славянскихъ древностяхъ, а также Брюсу и Гюйссену, которымъ онъ писалъ послѣ свиданія въ Торгау, и отъ которыхъ также не получилъ отвѣта. Лейбницъ выражалъ надежду, что послѣднія два лица позаботятся теперь объ исполненіи царскаго приказа, не состоявшагося въ Торгау, какъ они говорили, по недостатку времени. Въ заключеніе Лейбницъ просилъ напомнить о немъ Головкину, которому онъ писалъ зимою, и рекомендовать его свѣтлѣйшему князю Меншикову (obschohn unbekand).

Еще прежде, чѣмъ Лейбницъ узналъ о результатѣ своихъ порученій, онъ получилъ письмо отъ Брюса изъ Грейфсвальда отъ 30-го августа стараго стиля. Брюсъ писалъ ему, что, какъ ему помнится, Лейбницъ въ Торгау настаивалъ особенно на двухъ вещахъ: на наблюденіяхъ за склоненіемъ магнитной стрѣлки въ Петербургѣ и на присылкѣ лингвистическихъ образцовъ изъ Россіи. „Такъ какъ я съ тѣхъ поръ“, писалъ Брюсъ, „не былъ ни въ Россіи, ни при дворѣ, то и не могъ помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ. Теперь его царское величество самъ изволилъ выразить желаніе, чтобы ваша просьба была исполнена. Поэтому я прошу васъ еще разъ подробно изложить то, что̀ вы желаете узнать, для того, чтобы можно было сдѣлать всѣ нужныя распоряженія“.

Въ отвѣтъ на это письмо Брюса Лейбницъ послалъ ему 23-го сентября новаго стиля, вмѣстѣ съ письмомъ, подробный мемуаръ объ языкахъ и о склоненіи магнитной стрѣлки. Указавъ, какимъ способомъ слѣдуетъ собирать образцы нарѣчій, онъ подробно изложилъ свой взглядъ на этнографію сѣверовосточной Европы и Азіи, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ для Урбиха въ приведенной нами запискѣ. „Когда мы будемъ имѣть достаточныя свѣдѣнія о всѣхъ языкахъ сѣверныхъ народовъ“, заключаетъ Лейбницъ, „тогда не только сдѣлается извѣстнымъ, къ какому племени, татарскому, турецкому, славянскому, германскому или финскому принадлежитъ каждый народъ, но и какимъ образомъ одинъ народъ проникъ среди другихъ, и когда происходили эти переселенія народовъ. Это будетъ самымъ лучшимъ способомъ изслѣдовать русскія древности. Кромѣ того, будетъ видно, въ какихъ мѣстахъ лучше всего изготовить катехизисы и другія духовныя книги, а также грамматики, лексиконы и другія сочиненія на томъ или другомъ изъ главныхъ языковъ для обращенія и образованія народовъ и для воспитанія дѣтей, что̀ составляетъ одно изъ полезнѣйшихъ и славнѣйшихъ дѣлъ, возможныхъ для великаго монарха. И такъ какъ забота о распространеніи благочестія и религіи, а слѣдовательно, добродѣтели и образованія между дикими народами, которые повинуются Русскимъ, безъ сомнѣнія, составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей его царскаго величества, — ибо этотъ государь лучше другихъ понимаетъ, какъ это важно, и что̀ для этого необходимо, а кромѣ того, имѣетъ болѣе возможности и средствъ къ исполненію этого, чѣмъ всѣ другіе государи, — то онъ въ своей высокой мудрости признàетъ заботу объ языкахъ ступенью къ достиженію этой цѣли и обратитъ на нихъ свое вниманіе. Царь уже положилъ доброе начало

къ распространенію христіанской вѣры, и я слышалъ, что въ Сибири и другихъ мѣстахъ многіе язычники ужъ обратились въ христіанство. Кромѣ того, христіанская религія уже глубоко проникла въ Китай не только со стороны моря посредствомъ римскихъ миссіонеровъ, но и со стороны Сибири съ помощью Русскихъ, ибо я слышалъ, что Русскіе, взятые въ плѣнъ въ послѣднюю войну Китайцами, свободно исповѣдываютъ христіанство; я узналъ также недавно изъ одного письма, что Китайскій богдыханъ, или наслѣдникъ его престола, потребовали у іезуитовъ объясненія нѣсколькихъ образовъ, занесенныхъ въ Китай Русскими, можетъ-быть, съ какимъ-нибудь изъ царскихъ посольствъ. Относительно языковъ я хочу только замѣтить, что, можетъ-быть, было бы всего лучше повелѣть правительству, оставленному въ Москвѣ, а также правителямъ провинцій особыми предписаніями собрать черезъ свѣдущихъ людей упомянутые образцы языковъ, ибо въ такомъ большомъ городѣ, какъ Москва, вѣроятно, найдутся люди всѣхъ племенъ. Такимъ образомъ можно было бы сравнить образцы, собранные въ столицѣ, съ тѣми, которые будутъ присланы изъ провинцій, и одно послужило бы къ подтвержденію, исправленію и пополненію другаго".

Переходя потомъ ко второму пункту, Лейбницъ объясняетъ важность магнитной стрѣлки для опредѣленія географической долготы. Опредѣлить долготу на сушѣ легко посредствомъ затмѣній луны или спутниковъ Юпитера; но на морѣ эти средства не достаточны. Затмѣнія не происходятъ тогда, когда въ нихъ нуждаемся, а спутниковъ Юпитера можно наблюдать только посредствомъ оптическихъ инструментовъ, неудобныхъ на кораблѣ. Прежде опредѣляли долготу съ помощью хода корабля, но это средство очень обманчиво. Потомъ, когда были изобрѣтены часы съ маятникомъ, ихъ стали употреблять не безъ пользы на корабляхъ. Но отъ движенія корабля часы часто останавливаются и утрачиваютъ правильность хода. Вслѣдствіе этого многіе уже давно задумали воспользоваться склоненіями магнитной стрѣлки отъ меридіана, которыя бываютъ различны въ разныхъ мѣстахъ. Но на бѣду скоро замѣтили, что эти склоненія не постоянны. Прежде полагали, что эти измѣненія происходятъ отъ неправильныхъ магнитныхъ жилъ подъ поверхностію земнаго шара, но при болѣе точномъ изслѣдованіи оказалось, что эти измѣненія должны быть вызваны какою-нибудь правильною причиной, ибо онѣ происходятъ не внезапно, а постепенно, какъ видно изъ большихъ путешествій, совершенныхъ Голландцами, Англичанами и Французами. „Это подало

мнѣ мысль", продолжаетъ Лейбницъ, „что наблюденія за склоненіемъ магнитной стрѣлки могли бы временно замѣнить другой, болѣе правильный способъ опредѣленія долготы, еслибъ онѣ возобновлялись каждыя 10 или 12 лѣтъ". Лейбницъ упоминаетъ о магнитномъ глобусѣ, имъ заказанномъ, на которомъ видно, какъ различно вьются магнитные меридіаны. „Если бы", говоритъ онъ, „мы стали возобновлять такіе глобусы и сравнивать ихъ между собою, то мы могли бы мало по малу найдти самый законъ склоненій. Въ западной Европѣ и по берегамъ Азіи, Африки и Америки, которые посѣщались Европейцами, вездѣ производились наблюденія надъ магнитною стрѣлкою. Но на сѣверѣ, гдѣ они могутъ быть особенно полезны, такихъ наблюденій сдѣлано очень мало. И такъ какъ царю подвластенъ почти весь сѣверъ земнаго шара отъ Финляндіи до китайской границы, то онъ можетъ лучше другихъ восполнить этотъ недостатокъ".

Затѣмъ Лейбницъ совѣтуетъ учредить въ разныхъ приморскихъ и внутреннихъ городахъ Русской имперіи станціи для наблюденій, и если не найдется достаточнаго числа людей, годныхъ для этого, то поручить все дѣло одному способному человѣку, молодому и здоровому, который могъ бы переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Было бы хорошо, еслибъ это лицо знало не только математику, но и естественныя науки, и могло бы наблюдать за растеніями, животными, минералами и т. п. Такой человѣкъ и по окончаніи возложеннаго на него порученія былъ бы не только полезенъ для астрономическихъ наблюденій, но и для составленія спеціальныхъ картъ, измѣреній, гидрографическихъ и разныхъ другихъ работъ, и особенно для образованія хорошихъ наблюдателей.

Лейбницъ не утерпѣлъ, чтобы въ концѣ своей записки не коснуться третьяго предмета, который его очень интересовалъ, вопроса о границѣ между Азіей и Америкою, „разрѣшеніе котораго доставило бы его царскому величеству большую славу и какъ-будто предназначено для него Провидѣніемъ. „Только въ одномъ мѣстѣ", говоритъ Лейбницъ, „эта граница не изслѣдована, и это мѣсто находится во владѣніяхъ царя: большая полоса земли тянется къ такъ-называемому, хоть еще неизвѣстному, Ледовитому мысу, далеко на сѣверъ, и нужно было бы изслѣдовать, существуетъ ли этотъ мысъ, и оканчивается ли имъ та полоса земли. Я полагаю, что туземцы окрестной области могли бы предпринять такое путешествіе въ лѣтніе мѣсяцы, когда солнце почти не заходитъ, и совершить его если не за разъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, возможно

устроить стоянки и съ ихъ помощью подвигаться все дальше. Изслѣдованіе это можетъ быть произведено не только сухимъ путемъ, но еще легче водою по обѣимъ сторонамъ перешейка. Тогда, можетъ-быть, объяснится, съуживается ли тамъ земля, или расширяется, а слѣдовательно, увеличивается или уменьшается вѣроятность, что она оканчивается мысомъ. Морское теченіе, порода рыбъ и другія условія, можетъ-быть, еще прежде дадутъ возможность судить о томъ, соединяются ли моря, находящіяся по обѣимъ сторонамъ перешейка“.

Въ тотъ же день, когда Лейбницъ отправилъ это письмо къ Брюсу, отвѣтилъ и Шлейницу, отъ котораго получилъ письмо изъ Берлина съ разными политическими новостями и съ шифромъ для дальнѣйшей переписки между ними. Письмо Лейбница очень длинно и подробно касается политическихъ дѣлъ того времени. Онъ сообщаетъ, между прочимъ, что ему писали изъ Англіи, будто-бы Сеттону, англійскому послу въ Константинополѣ, поручено дѣйствовать за одно съ французскимъ посломъ и не жалѣть денегъ, чтобы склонить Порту въ пользу Шведскаго короля. Другая половина письма посвящена собственнымъ дѣламъ Лейбница. Онъ спрашиваетъ Шлейница о томъ, что сталось съ библіотекой умершаго доктора Мейера, которую имѣлось въ виду купить для Россіи, и правда ли, что царь хочетъ основать гимназію и академію въ Петербургѣ; въ этомъ случаѣ онъ могъ бы дать нѣсколько полезныхъ совѣтовъ. Затѣмъ онъ проситъ посланника похлопотать объ успѣхѣ его предложеній и о выдачѣ обѣщанной ему пенсіи. „Вы знаете, слухъ объ этой пенсіи распространился безъ моего участія такъ далеко, что не только герцогъ Вольфенбюттельскій и принцъ Людвигъ всѣмъ говорили о ней, но даже курфирстина узнала объ этомъ и писала герцогинѣ Орлеанской, такъ что меня поздравляли изъ Франціи. Если бы все это оказалось ложнымъ, я подвергся бы не малому позору, и это не дѣлало бы чести царскимъ министрамъ“. Правда, продолжаетъ онъ, „если царь желаетъ, чтобъ я подробнѣе входилъ въ его намѣренія, относительно наукъ и искусствъ, сообразно съ большимъ планомъ, мною составленнымъ, или сообразно съ другимъ, то было бы необходимо назначить мнѣ болѣе значительное жалованье и дать соотвѣтствующій титулъ, но пока необходимо уладить то, что̀ уже было условлено“. Для этой цѣли Лейбницъ приложилъ къ письму проектъ царскаго приказа о назначеніи ему ежегодной пенсіи въ 1.000 талеровъ. Лейбницъ отправилъ также черезъ Шлейница два письма къ Гюйссену и Урбиху. „Я принужденъ написать послѣднему, чтобъ онъ не думалъ, что я

измѣнился къ нему. Не знаю, измѣнились ли эти господа относительно меня, ибо они не отвѣчали на мои послѣднія письма. Что касается до меня, то я привыкъ быть постояннымъ и держаться однихъ и тѣхъ же убѣжденій".

Въ своихъ письмахъ къ Гюйсену и Урбиху Лейбницъ повторяетъ свои просьбы помочь ему при осуществленіи его научныхъ плановъ. Гюйсену онъ пишетъ, что считаетъ его первымъ виновникомъ оказанной ему милости, ибо полагаетъ, что царь впервые узналъ о немъ изъ писемъ Гюйсена. Изъ письма къ Урбиху видно, что послѣдній уже давно писалъ о немъ вице-канцлеру Шафирову. Лейбницъ полагалъ, что Шафировъ уже возвратился изъ Константинополя ко двору и просилъ Урбиха и Шлейница рекомендовать его „этому великому министру, совершившему чудеса съ людьми, съ которыми трудно ладить, и притомъ въ очень опасную минуту".

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Лейбницъ получилъ письмо отъ Шлейница, которое очень его обрадовало. Шлейницъ писалъ ему изъ Грейфсвальда отъ 22-го сентября, „что передалъ въ собственныя руки царя математическій инструментъ, который вы ему прислали въ даръ [1], и его величество былъ чрезвычайно доволенъ. Онъ болѣе получаса осматривалъ и пробовалъ этотъ снарядъ, и даже чертилъ по его помощью карандашемъ въ моемъ присутствіи. Я передалъ также въ руки генерала Брюса ваши записки; ихъ теперь переводятъ по-русски, и генералъ-фельдцейхмейстеръ передастъ ихъ потомъ самъ въ руки его царскаго величества. Я могу васъ увѣрить, что генералъ Брюсъ очень расположенъ къ вамъ (est fort de vos amis), и я принимаю съ нимъ нужныя мѣры, чтобы вамъ выплатили вашу пенсію въ 1.000 талеровъ, которую слѣдовало вамъ выдать въ Рождество. Я постараюсь также выхлопотать вамъ черезъ г. Брюса и другихъ друзей приказъ о вашемъ назначеніи. И такъ какъ государь проведетъ еще нѣсколько времени здѣсь или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ Германіи, то я предвижу возможность, что онъ выскажетъ желаніе, чтобы вы пріѣхали къ нему. Во всякомъ случаѣ, я считаю нужнымъ и совѣтую вамъ приготовиться къ этому путешествію".

Переписка со стороны Шлейница шла очень дѣятельно и показываетъ, что онъ принималъ большое участіе въ Лейбницѣ. Въ теченіе шести дней онъ написалъ ему три письма.

---

[1] Вѣроятно, снарядъ для фортификаціи, о которомъ упоминаетъ Лейбницъ въ своей промеморіи».

Въ отвѣтъ на письмо Лейбница отъ 23-го сентября Шлейницъ писалъ ему 26-го, что получилъ и передалъ Брюсу письмо и записку, для него предназначенную. „Генералъ велѣлъ ее перевести на русскій языкъ. Мы ни о чемъ такъ не жалѣемъ въ настоящую минуту, какъ о томъ, что предстоящій отъѣздъ царя въ Карлсбадъ и его непрерывныя занятія не даютъ намъ возможности прочесть ему содержаніе вашей записки такъ скоро, какъ мы желаемъ. Повидимому, ничего нельзя будетъ сдѣлать до пріѣзда его величества въ Карлсбадъ. Такъ какъ его величество приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ и выразилъ также желаніе поговорить съ вами, то я предоставляю вашему усмотрѣнію, хотите ли вы сдѣлать мнѣ честь и пріѣхать ко мнѣ въ Брауншвейгъ 20-го или 21-го слѣдующаго мѣсяца. Я могу прибыть туда только къ этому времени, такъ какъ предварительно долженъ исполнить нѣсколько порученій. По пріѣздѣ моемъ въ Брауншвейгъ вы можете или отправиться со мною въ Карлсбадъ, или рѣшиться на то, что найдете согласнымъ съ вашими интересами". Въ припискѣ къ этому же письму Шлейницъ сообщилъ Лейбницу, что царь рѣшился непремѣнно выѣхать въ Карльсбадъ въ концѣ недѣли и уже потребовалъ черезъ прусскаго генерала Гакеберга, чтобы для него выставили на станціяхъ по 100 лошадей.

Черезъ два дня послѣ того пришло къ Лейбницу новое письмо отъ Шлейница: „Его царское величество приказалъ мнѣ извѣстить васъ, что желаетъ съ вами говорить, и что вы должны собираться въ путь, чтобы пріѣхать къ нему въ Карльсбадъ. Я не премину извѣстить васъ въ точности о времени отъѣзда его величества, ибо этотъ отъѣздъ еще разъ отложенъ на нѣсколько времени. Надѣюсь, что все устроится согласно съ вашимъ желаніемъ по пріѣздѣ его величества въ Карльсбадъ и по прибытіи вашемъ туда же".

Причина, почему отъѣздъ царя въ Карльсбадъ то назначался въ ближайшій срокъ, то опять отсрочивался, объясняется ходомъ военныхъ дѣйствій въ Помераніи. Успѣхъ союзниковъ зависѣлъ въ значительной степени отъ движеній датскаго флота, безъ помощи котораго нельзя было взять островъ Рюгенъ. Въ сентябрѣ произошло столкновеніе между датскимъ и шведскимъ флотами, окончившееся въ пользу перваго. Часть транспорта, предназначавшагося для Рюгена, была истреблена Датчанами. Сообразно съ различными извѣстіями объ этомъ столкновеніи и его послѣдствіяхъ, царь то рѣшался остаться, чтобы предпринять высадку на Рюгенъ, то уѣхать изъ Помераніи. Шлейницъ сообщалъ своему корреспонденту подробныя извѣстія о ходѣ дѣлъ

въ Помераніи. „Царь и король Польскій", — писалъ онъ ему 26-го числа. — „отправилясь рекогносцировать мѣста, гдѣ всего удобнѣе сдѣлать высадку". Но высадка не состоялась, и черезъ нѣсколько дней послѣ того Петръ выѣхалъ въ Карльсбадъ.

Лейбницъ достигъ своей цѣли. Царь выразилъ желаніе видѣть его. Лейбницъ могъ надѣяться, что личнымъ свиданіемъ съ царемъ онъ достигнетъ большихъ результатовъ, чѣмъ съ помощью посредниковъ. Но не для однихъ только научныхъ цѣлей онъ спѣшилъ къ царю: онъ явился передъ нимъ съ политическимъ проектомъ, — ходатаемъ за тѣсное сближеніе между Австріей и Россіей.

Не смотря на множество общихъ интересовъ, не смотря на неоднократныя предложенія со стороны Петра прислать вспомогательное войско противъ Франціи, отношенія между двумя императорскими дворами не улучшались. Послѣ Полтавской битвы, Вѣнскій дворъ, правда, сталъ болѣе дорожить этими отношеніями. Но бракъ царевича съ Вольфенбюттельскою принцессою вызвалъ новое охлажденіе. До насъ дошелъ проектъ [1]) о брачномъ союзѣ между обоими дворами: предполагалось выдать за царевича одну изъ дочерей императора Іосифа. Въ проектѣ сказано, что Вольфенбюттельская принцесса не принесетъ царю чести и выгоды, ибо герцогъ Вольфенбюттельскій — вѣчный союзникъ короля Шведскаго, а Урбиху онъ обѣщалъ большія деньги. Король Августъ сватаетъ за царевича принцессу изъ страха, чтобъ у царя съ цесаремъ не было свойства и добраго союза, и чтобы королямъ Прусскому и Польскому не было тѣсно между такими великими монархами. У цесаря двѣ дочери, а сыновей нѣтъ, и если царское величество пожелаетъ взять за своего сына старшую дочь цесареву, то наслѣдникомъ и цесаремъ можетъ быть царевичъ. Кромѣ этого, царю сулили и другія выгоды. Союзъ съ Австріей и ея союзниками Англіей и Голландіей можетъ доставить царю Греческую имперію. Если царь пожелаетъ, то Мальтійскіе рыцари утвердятся на Черномъ морѣ; если царь пожелаетъ королевства Польскаго, то оно можетъ быть раздѣлено пополамъ между Россіей и Австріей". Кѣмъ поданъ этотъ проектъ и на сколько онъ выражалъ мнѣніе Вѣнскаго двора, неизвѣстно; но достовѣрно то, что въ Вѣнѣ желали выдать за царевича одну изъ эрцгерцогинь и были недовольны бракомъ съ Софіей-Шарлоттою.

Еще въ декабрѣ 1711 года, когда бракъ царевича былъ уже ре-

[1]) См. *Соловьева*, Ист. Россіи, XVII. стр. 93

вершенъ, и мѣсто императора Іосифа занялъ его братъ, Урбихъ доносилъ изъ Вѣны, что вдовствующая императрица, состоявшая тогда правительницею, не довольна бракомъ царевича, ибо разчитывала выдать за него одну изъ эрцгерцогинь, чтобы такимъ путемъ ввести въ Россіи открытое католическое богослуженіе [1]).

Къ этому неудовольствію присоединились еще споры объ этикетѣ. Вѣнскій дворъ не признавалъ за Петромъ императорскаго титула, и потому въ грамотѣ, въ которой царь былъ извѣщенъ о смерти Іосифа (Notificationsschreiben), былъ опущенъ титулъ величества. Въ отвѣтной грамотѣ своей (Condolenz-Schreiben) къ вдовствующей императрицѣ руское правительство также не дало ей титула величества. Вѣнскіе министры требовали, чтобъ Урбихъ взялъ назадъ грамоту, и когда тотъ не согласился, они тайкомъ прислали ее къ нему въ домъ. Вслѣдствіе этого между русскимъ посломъ и Вѣнскими министрами происходили очень непріятныя объясненія. Урбихъ ѣздилъ къ оберъгофмейстеру Траутсону жаловаться на Вратислава и Зейлера, которыхъ онъ обвинялъ въ потворствѣ Шведамъ. Во время этихъ объясненій были высказаны всѣ причины взаимнаго неудовольствія, и раздраженіе усилилось съ обѣихъ сторонъ. Но уже тогда Урбихъ выражалъ надежду, что съ пріѣздомъ новаго императора Карла VI отношенія могутъ измѣниться къ лучшему. Въ декабрѣ 1711 года Урбихъ отправился къ нему во Франкфуртъ и былъ принятъ имъ очень ласково. Карлъ VI имѣлъ бóльшія причины заискивать дружбы царя, чѣмъ покойный императоръ. Бракъ царевича не могъ не нравиться Карлу, ибо онъ самъ былъ женатъ на родной сестрѣ царевны и находился поэтому въ самыхъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ къ царской семьѣ. Кромѣ того, по отпаденіи Англіи отъ коалиціи, союзъ съ Россіей пріобрѣлъ бóльшій вѣсъ въ глазахъ Карла; поэтому еще во время пребыванія Урбиха во Франкфуртѣ была назначена конференція между русскимъ посломъ и рейхсгофратомъ Консбрухомъ для установленія тѣснаго союза между Австріей и Россіей. Въ то же время Карлъ обратился къ общему родственнику, герцогу Вольфенбюттельскому, съ просьбой о посредничествѣ.

Антонъ-Ульрихъ охотно принялъ на себя порученіе императора и воспользовался своимъ свиданіемъ съ царемъ во время бракосочетанія въ Торгау, чтобы похлопотать о сближеніи своихъ могущественныхъ родственниковъ. До насъ дошелъ официіальный отвѣтъ рус-

[1]) Рел. Урбиха отъ 9-го декабря 1711 года въ Моск. Архивѣ.

скаго правительства, данный герцогу въ Торгау 10-го октября стараго стиля, на его предложенія [1]). Третья статья этого отвѣта касается сближенія между русскимъ дворомъ и Австріей: „Что касается до возстановленія добраго согласія съ императорскимъ дворомъ, то его царское величество, съ своей стороны, никогда не давалъ повода къ недоразумѣніямъ, какъ это дѣлалъ императорскій дворъ. Такъ, напримѣръ, въ прошлую турецкую войну императорское правительство, заключивъ Карловицкій миръ, совершенно пожертвовало интересами царя и даже не хотѣло дать времени царскому посланнику написать домой и вытребовать себѣ новыя инструкціи. И во многихъ другихъ случаяхъ императорскій дворъ явно обнаруживалъ свое нерасположеніе. Если же теперь цесарское правительство желаетъ впредь отказаться отъ такой политики, и напротивъ того, дать царю существенныя доказательства своего расположенія, то царь, съ своей стороны, этому радъ и охотно будетъ содержать съ императоромъ искреннюю дружбу. Царевичъ, по случаю необходимыхъ приготовленій къ походу слѣдующаго года, не можетъ отправиться теперь къ новому императору, чтобы познакомиться съ нимъ, какъ съ своимъ новымъ зятемъ, но совершитъ эту поѣздку въ другое, болѣе удобное время". Въ теченіе 1712 года Карлъ VI, вѣроятно, повторилъ свою просьбу о посредничествѣ, ибо Антонъ-Ульрихъ рѣшился воспользоваться пріѣздомъ царя въ Карльсбадъ, чтобы снова разыграть роль примирителя между императорскими дворами, и избралъ для этой цѣли своимъ дипломатическимъ агентомъ Лейбница.

Лейбницъ, узнавъ отъ Шлейница, что царь приглашаетъ его въ Карльсбадъ, извѣстилъ объ этомъ 23-го октября Антона-Ульриха и сообщилъ ему при этомъ, что намѣренъ продолжать путь изъ Карльсбада на Вѣну. Онъ просилъ дать ему рекомендательныя письма къ обоимъ императорамъ и предлагалъ герцогу свои услуги при Вѣнскомъ дворѣ, гдѣ въ это время не было особаго Вольфенбюттельскаго повѣреннаго, ибо баронъ Имгофъ находился еще въ Испаніи при императрицѣ. Вѣроятно, въ отвѣтъ на это письмо, Антонъ-Ульрихъ, лично увидѣвшись съ Лейбницемъ, сообщилъ ему о просьбѣ Карла VI и предложилъ принять на себя въ Карльсбадѣ роль дипломатическаго посредника между императорскими дворами. Переговоривъ съ герцогомъ, Лейбницъ написалъ для себя инструкцію согласно съ происхо-

---

[1]) Antwort auf die von des Herzogs von Wolfenbüttel Durchl. übergebenen Puncte, въ Вольфенбюттельскомъ архивѣ.

ленными между ними разговорами. По этой инструкціи герцогъ поручалъ ему заявить въ Карльсбадѣ о желаніи Карла и предложить царю свои услуги при Вѣнскомъ дворѣ. „Такъ какъ для всѣхъ, и особенно для царя, важно, чтобы миръ съ Франціей не былъ слишкомъ скоро заключенъ“ (nicht praecipitirt werde), то герцогъ совѣтовалъ царю отвлечь Амстердамскихъ капиталистовъ отъ Англичанъ обѣщаніемъ разныхъ торговыхъ выгодъ и склонить ихъ въ пользу войны. Карлу же VI герцогъ совѣтовалъ черезъ Лейбница послать въ имперію какое-нибудь способное и вліятельное лице (ein teutscher Fürst von Capacität und Autorität), чтобы личными переговорами склонить самыхъ могущественныхъ имперскихъ князей и съ ихъ помощью побудить сеймъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Подъ этою инструкціей Лейбница написано рукою герцога: „Я нахожу, что все это согласно съ моими намѣреніями, и желаю, чтобы вы имѣли успѣхъ у обоихъ императоровъ“.

Вмѣстѣ съ этою запискою Лейбницъ представилъ герцогу проектъ письма къ императору Карлу, которое должно было служить ему рекомендаціей и кредитивомъ. Изъ письма видно, что Антонъ-Ульрихъ еще во Франкфуртѣ говорилъ своему зятю о Лейбницѣ и о его способностяхъ къ ученой и публичной дѣятельности и просилъ назначить его членомъ рейхсгофрата, что̀ было ему обѣщано еще прежними австрійскими министрами Кенигсекомъ и Стратманомъ. Карлъ принялъ тогда просьбу своего тестя благосклонно. Напоминая объ этомъ императору, герцогъ пишетъ, что поручилъ Лейбницу изложить въ Вѣнѣ „нѣкоторыя мысли его объ общественныхъ и имперскихъ дѣлахъ“. Затѣмъ, обращаясь къ вопросу о русскомъ союзѣ, Антонъ-Ульрихъ сообщаетъ своему зятю, что Лейбницъ приглашенъ самимъ царемъ въ Карльсбадъ; что онъ пользуется уваженіемъ царя; а потому онъ поручилъ ему узнать о намѣреніяхъ царя относительно сближенія Россіи съ Австріей, и если возможно, объ условіяхъ союза, и донести обо всемъ въ Вѣнѣ императору.

Герцогъ снабдилъ Лейбница подобнымъ же письмомъ къ Петру. Это письмо, какъ кажется, написано самимъ герцогомъ, такъ какъ черновой нѣтъ въ бумагахъ Лейбница. Самое же письмо сохранилось въ Московскомъ архивѣ: „Я рекомендовалъ вашему царскому величеству въ Торгау тайнаго совѣтника Лейбница и съ удовольствіемъ узналъ, что ваше величество намѣрены воспользоваться его услугами. Такъ какъ онъ теперь будетъ имѣть честь представиться вашему царскому величеству, то я далъ ему это письмо и поручилъ ему увѣ-

рить ваше царское величество въ моей постоянной и совершенной преданности и готовности служить вамъ; и такъ какъ онъ очень свѣдущъ, не только въ наукахъ, но и въ современныхъ политическихъ дѣлахъ, то и въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть полезенъ вашему величеству, тѣмъ болѣе, что изъ Карльсбада онъ отправится къ цесарскому двору. Поэтому ему можно было бы дать къ оному двору какое-нибудь тайное порученіе. И такъ какъ онъ имѣетъ передать вамъ нѣчто особенное по этому дѣлу отъ моего имени, то я прошу ваше величество выслушать его лично и также черезъ вашихъ министровъ".

Это письмо помѣчено 25-мъ октября. Переговоры съ герцогомъ задержали Лейбница въ Вольфенбюттелѣ на цѣлый мѣсяцъ. Между тѣмъ русскій дворъ переѣхалъ въ Карльсбадъ. Царь думалъ остаться тамъ недѣли три, а потомъ отправиться въ Теплицъ. Брюсъ, который принималъ искреннее участіе въ планахъ Лейбница, сталъ опасаться, что онъ опоздаетъ въ Карльсбадъ, и 24-го октября написалъ ему новое письмо, чтобы поторопить его къ выѣзду. Брюсъ сообщаетъ ему въ этомъ письмѣ, что передалъ царю содержаніе его послѣдней записки, и что Петръ приказалъ написать ему и пригласить въ Карльсбадъ, „такъ какъ его величество желаетъ лично съ вами поговорить". Брюсъ пишетъ далѣе, что недостатокъ времени не позволилъ ему въ Грейфсвальдѣ самому писать, и онъ просилъ объ этомъ Шлейница. Теперь же онъ проситъ Лейбница ѣхать прямо въ Теплицъ, куда царь отправится въ теченіи 14 дней съ тѣмъ, чтобъ оттуда переѣхать въ Дрезденъ. Относительно новаго лейб-медика, котораго предлагалъ, Брюсъ сообщилъ ему желаніе царя, чтобы Лейбницъ привезъ его съ собою въ Теплицъ, гдѣ царь будетъ имѣть возможность лично видѣть его и говорить съ нимъ.

Лейбницъ выѣхалъ въ Карльсбадъ, вѣроятно, еще до полученія этого письма. 29-го октября, съ дороги изъ Галле, онъ сообщаетъ Шлейницу, что не могъ дольше его ждать, потому что боялся опоздать на свиданіе съ царемъ. Лейбницъ пріѣхалъ въ Карлсбадъ въ первыхъ числахъ ноября новаго стиля и еще засталъ тамъ царя. Петръ рѣшился продлить свое пребываніе въ Карльсбадѣ на нѣсколько дней, такъ какъ быстрый переѣздъ, тотчасъ по окончаніи лѣченія, въ предшествовавшемъ году вредно отозвался на его здоровьѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній также и о второмъ свиданіи Лейбница съ царемъ, объ его разговорахъ съ министрами, и о впечатлѣніяхъ, которыя произвели на него лица, составлявшія

тогдашній Русскій дворъ. Въ перепискѣ Лейбница едва ли и найдутся когда-нибудь подробныя свѣдѣнія объ этомъ. Свиданіе съ царемъ было для Лейбница политическою тайной, и онъ говоритъ о немъ вскользь даже въ письмахъ къ герцогу Вольфенбюттельскому и къ курфирстинѣ Софіи. Мы знаемъ только о результатахъ его поѣздки въ Карльсбадъ. Онъ преслѣдовалъ тамъ двоякія цѣли, политическія и научныя. Относительно первыхъ мы имѣемъ интересный документъ, сохранившійся въ Московскомъ архивѣ [1]). Это записка, поданная Лейбницемъ царю, о дипломатическомъ порученіи, которое онъ имѣлъ отъ герцога Вольфенбюттельскаго:

„Его величество Римскій императоръ и Испанскій король просилъ въ собственноручномъ письмѣ его свѣтлость герцога Брауншвейго-Вольфенбюттельскаго приложить свои старанія (officia) для установленія полнаго согласія съ его величествомъ царемъ въ слѣдующихъ словахъ: „Я полагаюсь на расположеніе вашей свѣтлости, что вы постараетесь установить самое тѣсное соглашеніе между царемъ и мною, къ чему я совершенно склоненъ, и охотно сдѣлаю все, отъ меня зависящее. И всего пріятнѣе было бы для меня, еслибъ это согласіе было установлено только стараніями вашей свѣтлости безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Такъ какъ герцогъ не предвидитъ возможности въ скоромъ времени лично видѣться съ царскимъ величествомъ, а по важности и опасности современныхъ обстоятельствъ не хочетъ отсрочить свое посредничество, то онъ въ тайнѣ поручилъ мнѣ сдѣлать здѣсь обо всемъ секретное представленіе.

„Такимъ образомъ отъ усмотрѣнія его царскаго величества зависитъ, пожелаетъ ли его величество высказаться на столько откровенно, чтобы можно было надѣяться на установленіе между обоими государями искренняго и совершеннаго довѣрія и соглашенія безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ.

„На самомъ дѣлѣ оба монарха имѣютъ общій интересъ, и только нужно, чтобъ они согласились между собою. Статьи, о которыхъ нужно условиться, относятся, вопервыхъ, къ тому, чего его величество желаетъ, вовторыхъ, къ тому, что̀ онъ предлагаетъ in desideratis et oblatis. Желанія могутъ заключаться въ вопросахъ этикета и въ реальныхъ требованіяхъ. Что̀ требуется относительно этикета, и въ чемъ заключаются затрудненія, — объ этомъ я просилъ бы меня увѣдомить.

[1]) На оборотѣ его обозначено: Предложеніе тайнаго совѣтника Лейбница, переведено въ Карльсбадѣ 27-го октября (стараго стиля) 1712 года.

Реальныя требованія могутъ относиться или къ настоящему, или къ будущему. Въ настоящемъ его царское величество, вѣроятно, потребуетъ отъ его римско-императорскаго величества и имперіи, для отвращенія опасности, грозящей отъ Шведовъ, того, что возможно безъ нарушенія Вестфальскаго и другихъ трактатовъ, заключенныхъ между императоромъ и Швеціей, особенно же Альтранштадтскаго, о чемъ можетъ воспослѣдовать болѣе подробное объясненіе. Относительно будущаго его царское величество могъ бы высказать, желаетъ ли онъ заключить постоянный союзъ съ императоромъ, и на какихъ условіяхъ.

„По установленіи этихъ и другихъ возможныхъ требованій со стороны царя, пришлось бы перейдти къ предложеніямъ его царскаго величества, которыя также могутъ относиться къ настоящему и будущему. Въ настоящемъ преимущественно важно то, на сколько сѣверные высокіе союзники, и особенно его царское величество, готовы содѣйствовать къ отвращенію опрометчиваго мира съ Франціей и съ домомъ Бурбоновъ, въ чемъ обѣ стороны очень заинтересованы. По мнѣнію его свѣтлости герцога Вольфенбюттельскаго, можно было бы достигнуть многаго въ этомъ дѣлѣ, еслибъ его царское величество предложилъ Голландіи, и особенно городу Амстердаму (который имѣетъ большое вліяніе, а теперь, повидимому, охладѣлъ къ войнѣ), различныя выгодныя условія относительно торговли; а затѣмъ, еслибъ его царское величество согласился оказать императору, имперіи и всѣмъ высокимъ союзникамъ значительную помощь противъ дома Бурбоновъ. Относительно будущаго предложенія его царскаго величества можно имѣть въ виду установленіе и гарантію честнаго мира и постояннаго спокойствія въ Европѣ или въ цѣломъ христіанствѣ и необходимые для этого договоры. Кромѣ того, могло бы быть сдѣлано предложеніе относительно Лифляндіи и другихъ частныхъ вопросовъ“.

Въ концѣ своей записки Лейбницъ проситъ царя или его министровъ высказаться какъ можно опредѣленнѣе и откровеннѣе, для того, чтобы Римскій императоръ убѣдился въ искренности русскаго правительства и безъ всякихъ отлагательствъ, съ своей стороны, высказалъ, на сколько возможно, свои намѣренія для избѣжанія всякихъ столкновеній и недоразумѣній.

Русское правительство имѣло въ то время въ Вѣнѣ двухъ дипломатовъ, и естественно, не могло посвятить постороннее лице, не находившееся на русской службѣ, въ свои виды и намѣренія. Поэтому на записку Лейбница послѣдовалъ отвѣтъ въ общихъ выраженіяхъ,

слѣдующаго смысла [1]: „Его царское величество съ удовольствіемъ узналъ о склонности его римско-императорскаго величества къ болѣе тѣсному сближенію и очень благодаренъ его свѣтлости герцогу за его доброе посредничество. Его царское величество, съ своей стороны, всегда изъявлялъ свою готовность къ тому, и поэтому, тотчасъ по вступленіи на престолъ новаго императора, сдѣлалъ ему разныя предложенія и потомъ нерѣдко ихъ повторялъ; и еще недавно отправилъ онъ своего каммергера и генералъ-адъютанта Нарышкина съ собственноручнымъ письмомъ къ императору, который отвѣтилъ, что пришлетъ къ царю графа Вильчека и дастъ ему надлежащія инструкціи. (Но графъ Вильчекъ привезъ съ собою только общія увѣренія въ дружбѣ и добрыхъ намѣреніяхъ императора и заявилъ, что ему приказано, — если ему будутъ сдѣланы какія-либо предложенія, отправить ихъ въ Вѣну на разсмотрѣніе. Вслѣдствіе этого, ему былъ доставленъ проектъ соглашенія, и его царское величество ожидаетъ теперь отвѣта отъ императорскаго двора) [2]. Поэтому его царскому величеству будетъ особенно пріятно, если его свѣтлость (герцогъ) приложитъ стараніе, чтобъ этотъ отвѣтъ послѣдовалъ какъ можно скорѣе, и осуществилось дѣло, клонящееся къ взаимной пользѣ и выгодѣ“.

Этимъ отвѣтомъ дѣло не кончилось. Лейбницъ послѣдовалъ за царемъ въ Теплицъ и Дрезденъ и нѣсколько разъ имѣлъ съ нимъ и съ русскими министрами разговоръ о политическихъ дѣлахъ. Но отчетъ, посланный имъ къ герцогу о своемъ дипломатическомъ порученіи, весьма кратокъ и неполонъ. „Изъ приложеннаго письма его царскаго величества къ вашей свѣтлости, а также изъ приложенной копіи съ отвѣта, даннаго мнѣ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, ваша свѣтлость изволите усмотрѣть, что царь принялъ милостиво мой докладъ отъ имени вашей свѣтлости и считаетъ себя обязаннымъ ей. Въ устномъ разговорѣ онъ коснулся разныхъ частностей и изъявилъ желаніе, чтобы съ Шведами было поступлено согласно съ имперскими законами. Я сказалъ на это, что королямъ Датскому и Польскому, какъ членамъ имперіи, слѣдуетъ домогаться этого закон-

[1]) Этотъ отвѣтъ сохранился въ Московскомъ архивѣ въ двухъ черновыхъ, на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ. На оборотѣ нѣмецкой сказано: «данной въ Дрезденѣ 12 Н.», а на оборотѣ русской: «Резолюція 13 Н.» Нѣмецкій отвѣтъ напечатанъ у Поссельта, стр. 225, очень небрежно, какъ и все остальное. Такъ, напримѣръ, Поссельтъ напечаталъ безъ оговорки и то мѣсто черновой, которое было вычеркнуто.

[2]) Мѣсто, обозначенное скобками, вычеркнуто въ черновой.

нымъ путемъ у императора и имперіи. О Лифляндіи онъ не упоминалъ, и кажется, что если бы Швеція согласилась на миръ и справедливыя уступки, то онъ возвратилъ бы эту область. При царскомъ дворѣ очень опасаются, что миръ съ Франціей состоится, не смотря на противодѣйствіе императора, и предвидятъ, что въ этомъ случаѣ и сѣверныя дѣла покончатся миромъ. Я дѣйствовалъ такъ осторожно, что всѣ думали, что я говорилъ только о своихъ собственныхъ дѣлахъ и научныхъ предметахъ. Впрочемъ доношу, что г. Матвѣевъ замѣнилъ въ Вѣнѣ барона Урбиха и въ настоящее время собирается въ путь къ императорскому двору; но онъ тамъ не останется, а черезъ нѣсколько времени будетъ переведенъ въ Польшу. Баронъ Урбихъ, какъ говорятъ, просилъ объ отставкѣ и получилъ ее, но я надѣюсь, что отставка послѣдуетъ не безъ пенсіи".

Старый герцогъ, который, какъ видно, не слишкомъ интересовался дѣломъ, о которомъ Лейбницъ хлопоталъ отъ его имени, отвѣтилъ ему слѣдующимъ образомъ: „На письмо ваше съ царскимъ отвѣтомъ [1]) относительно Вѣнскаго союза я долженъ былъ бы, конечно, раньше отвѣтить, но моя болѣзнь и тысяча другихъ препятствій были причиной этого замедленія. Все теперь зависитъ отъ Вѣны, но тамъ, вѣроятно, встрѣтятся затрудненія, такъ какъ Москвѣ грозитъ нападеніе отъ Турокъ. Дѣла вездѣ идутъ страннымъ образомъ; въ „Октавіи" я не могу сочинить такихъ чудесъ [2]). Желаю, чтобы путешествіе въ Вѣну было бы также успѣшно, какъ и поѣздка къ царю".

Если Лейбницъ могъ быть не доволенъ исходомъ своего дипломатическаго порученія, то онъ былъ вполнѣ вознагражденъ успѣхомъ своимъ въ другихъ отношеніяхъ. Мы не знаемъ, какой отвѣтъ былъ ему данъ на его предложеніе объ устройствѣ въ Россіи ученой коллегіи, академіи, университетовъ и школъ; въ приказѣ о принятіи Лейбница въ русскую службу сказано только, что царь намѣренъ воспользоваться его услугами и ученостью для приведенія наукъ и искусствъ въ Русскомъ государствѣ въ „вящій цвѣтъ". Но царь, по-

---

[1]) Царскій отвѣтъ, о которомъ упоминаетъ Антонъ-Ульрихъ, былъ отправленъ къ нему изъ Дрездена 12-го ноября стараго стиля; царь извѣщаетъ герцога, что получилъ отъ Лейбница герцогское письмо и выслушалъ устный докладъ его. Онъ благодаритъ герцога за его доброе расположеніе и заботливость о царскихъ интересахъ; въ прочемъ же ссылается на письменный отвѣтъ, данный Лейбницу и приведенный нами въ текстѣ.

[2]) «Es siehet aller Ohrten wunderlich aus. In der Octavia (безконечный романъ герцога) kan ich es so seltsamb nicht beschreiben».

видимому, былъ въ это время болѣе занятъ вопросомъ о преобразованіи администраціи и суда въ Россіи, и потому поручилъ Лейбницу, черезъ графа Головкина, представить свои соображенія и проекты относительно судоустройства и законодательства въ Россіи. Въ вознагражденіе за возложенный на него трудъ онъ былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ тайнаго юстицъ-совѣтника и съ жалованьемъ по 1.000 талеровъ въ годъ. Жалованье считалось ему съ 1711 года, и въ Карльсбадѣ ему было выдано 500 дукатовъ за истекшій годъ. Секретарь царя по иностраннымъ дѣламъ Остерманъ получилъ приказъ объ изготовленіи „патента". Извѣщая объ этомъ Лейбница, 29-го октября стараго стиля, онъ предложилъ ему самому написать черновую, „такъ какъ я очень желалъ бы, чтобы патентъ былъ составленъ къ удовольствію вашего высокоблагородія; затѣмъ я уже позабочусь, чтобъ онъ былъ изготовленъ въ надлежащей формѣ". Въ Московскомъ архивѣ находится черновой проектъ патента на нѣмецкомъ языкѣ. Почеркъ, которымъ онъ писанъ, похожъ на руку Лейбница, и поэтому мы можемъ предположить, что Лейбницъ воспользовался предложеніемъ Остермана, и дѣйствительно, самъ составилъ проектъ указа. Во всякомъ случаѣ любопытно сличить черновую съ самимъ указомъ. При сличеніи оказывается, что нѣкоторыя выраженія въ черновой перечеркнуты, и что Лейбницу было обѣщано указомъ не все, чего онъ желалъ. Такъ, въ черновой вычеркнуто мѣсто: „при чемъ мы ему всемилостивѣйше поручаемъ представлять полезныя соображенія относительно улучшенія суда и введенія хорошихъ законовъ". Затѣмъ вычеркнуто обѣщаніе: „снабжать его изъ нашего государства полезными свѣдѣніями и обращать особенное вниманіе на его предложенія и совѣты". Наконецъ вычеркнуты слова черновой: „Жалованье считать ему съ прошлаго года (то-есть, со времени свиданія въ Торгау) и выплатить его теперь за истекшій годъ, а впредь выплачивать всегда до окончанія года". 1-го ноября стараго стиля Петръ подписалъ слѣдующій приказъ о принятіи Лейбница въ русскую службу [1]):

„Мы, Петръ Первый, Царь и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая и пр. и пр.

„Изобрѣли мы за благо всемилостивѣйше курфирстскаго и княжаго Брауншвигъ-Люнебургскаго тайнаго-юстицъ-рата Готфрида-Вилгелма фонъ-Лейбница, за его намъ выхваленныя и отъ насъ изобрѣтенныя изрядныя достоинства и искусства такожде въ наши тайныя юстицъ-

[1]) Подлинный указъ на русскомъ языкѣ хранится въ Ганноверской библіотекѣ.

раты определить и учредить, чтобъ намъ, понеже мы извѣстни, что онъ ко умноженію математическихъ и иныхъ искусствъ и произыскиванію Гисторей и къприращенію наукъ много вспомощи можетъ. его ко имѣющему нашему намѣренію, чтобъ науки и искусства въ нашемъ государствѣ вящій цвѣтъ произошли, употребить. И мы для вышепомянутаго его чина нашего тайнаго юстицъ-рата годовое жалованье по тысячи ефимковъ албертусовъ) ему опредѣлить изволили. которыя ему отъ насъ ежегодно исправно заплачени быть имѣютъ, и кчему мы надлежащіе указы дать изволимъ, а его служба начинается снижеписаннаго числа: во увереніе того сіе за нашимъ собственнымъ рукоподписаніемъ и государственною печатью нашею дано въ Карлсбаде 1 ноября 1712 году".

Какъ Лейбницъ былъ доволенъ этимъ назначеніемъ и возложеннымъ на него порученіемъ представлять свои соображенія насчетъ русскаго законодательства, видно изъ его письма къ курфирстинѣ Софьѣ, написаннаго по обыкновенію въ шуточномъ тонѣ. Онъ извѣщаетъ курфирстиню изъ Карльсбада, куда онъ уѣхалъ безъ вѣдома Ганноверскаго двора, что царь желаетъ, чтобъ онъ сопровождалъ его въ Теплицъ, и что онъ отправится туда вмѣстѣ съ каммергеромъ Нарышкинымъ, возвратившимся изъ посольства въ Вѣну. Сообщивъ потомъ курфирстинѣ о порученіи царя, Лейбницъ объявляетъ въ шутку: „Вамъ покажется страннымъ, что мнѣ прійдется быть въ извѣстномъ смыслѣ русскимъ Солономъ, хотя и издалека, такъ какъ, по моему мнѣнію, самые краткіе законы, какъ, напримѣръ, десять заповѣдей или двѣнадцать таблицъ древняго Рима лучше всѣхъ другихъ законовъ, и такъ какъ на этотъ предметъ съ самыхъ раннихъ поръ были обращены мои размышленія, то порученіе царя меня нисколько не затруднитъ; мнѣ впрочемъ и не нужно будетъ особенно спѣшить".

Шутка на счетъ Солона дошла также до герцога Антона-Ульриха и вызвала съ его стороны слѣдующее письмо: „Я удивляюсь вашему успѣху и радуюсь, что въ вашемъ лицѣ появился на свѣтъ новый Солонъ, который впрочемъ долженъ будетъ исполнять свою роль очень осторожно, если не хочетъ сдѣлаться также новымъ Андреемъ, который вмѣсто 300 червонцевъ получилъ въ награду крестъ". Имѣя въ виду, что Лейбницъ собирался въ Вѣну, куда онъ также имѣлъ порученіе отъ герцога, Антонъ-Ульрихъ продолжаетъ: „Если вы, какъ я предполагаю, будете продолжать путь, то поручаю вамъ все, о чемъ мы условились. Прибавить къ этому мнѣ нечего, развѣ только я попрошу васъ похлопотать, чтобы профессоръ Ганеманъ отправ-

лющійся въ Вѣну, для блага университета болѣе не возвращался оттуда. Поручаю вамъ также, какъ ревностному лютеранину, хлопотать о построеніи церкви (католической) въ Брауншвейгѣ. Лучше всего было бы выхлопотать черезъ патера Тённемана, духовника императора, чтобы ко мнѣ былъ присланъ запросъ, въ какомъ положеніи находится постройка, и поступаютъ ли еще назначенныя для нея деньги" [1].

На этотъ намекъ герцога, чтобы вмѣсто участи Солона Лейбница не постигла участь апостола Андрея, онъ отвѣтилъ: „Мнѣ пріятно, что я позабавилъ вашу свѣтлость моимъ „русскимъ Солономъ". Но русскій Солонъ не нуждается въ мудрости греческаго и можетъ обойдтись съ меньшимъ запасомъ ея. Андреевскій крестъ доставилъ бы мнѣ большое удовольствіе, если бы былъ усыпанъ алмазами. Такихъ крестовъ въ Ганноверѣ не даютъ, а даютъ ихъ только у царя; впрочемъ, мнѣ было пріятно получить 500 червонцевъ".

Забавляя своихъ свѣтлѣйшихъ покровителей шуткою на счетъ Солона Лейбницъ однако серіозно смотрѣлъ на свою новую обязанность и хотѣлъ оправдать довѣріе царя. Но онъ ничего не могъ сдѣлать безъ необходимаго матеріала и безъ помощниковъ, которые знали бы русскій языкъ. Еще въ Карльсбадѣ онъ подалъ черезъ Брюса списокъ того, что̀ считалъ нужнымъ для своихъ работъ. Онъ просилъ доставить ему: 1) списокъ вышедшихъ въ Россіи книгъ; 2) извѣстія о греческихъ и русскихъ рукописяхъ, находящихся въ русскихъ монастыряхъ и другихъ мѣстахъ; 3) списокъ ученыхъ какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, находящихся въ царской службѣ или вообще въ Россіи; 4) извѣстіе о Японцѣ, пригнанномъ бурею къ Сибирскому берегу; 5) извѣстіе о тѣхъ людяхъ, которые изъ Сибири отправились на сѣверъ и наконецъ прибыли будто бы въ теплыя страны; 6) образчики языковъ въ Россіи и сосѣднихъ странахъ, состоящіе въ Молитвѣ Господней, Символѣ вѣры и десяти заповѣдяхъ, съ русскимъ подстрочнымъ переводомъ, а также съ краткимъ словаремъ нѣкоторыхъ существительныхъ, глаголовъ и числительныхъ; 7) русскій словарь; 8) славянскую грамматику; 9) древнія историческія сочиненія на русскомъ языкѣ [2]; 10) книгу, называемую Патерикомъ; 11) русскую Библію новаго изданія, особенно Новый Завѣтъ; 12) божественную литургію на рус-

---

[1]) Антонъ-Ульрихъ, принявшій католичество, заботился о распространеніи католицизма и построеніи католическихъ церквей въ герцогствѣ и для этого нуждался въ поддержкѣ императора.

[2]) У Поссельта напечатано по ошибкѣ вмѣсто alte, древніе, — alle.

скомъ языкѣ; 13) рускій катихизисъ. Лейбницъ, какъ мы видѣли уже, усердно хлопоталъ о томъ, чтобъ ему прислали изъ Россіи Патерикъ, лѣтописи и богослужебныя книги. Для того, чтобъ и на этотъ разъ не обмануться въ своихъ надеждахъ, онъ рѣшился написать къ человѣку, который стоялъ во главѣ руской церкви и скорѣе всѣхъ другихъ могъ исполнить его желаніе, къ блюстителю патріаршаго престола, Стефану Яворскому:

„Зная, что ваша ученость не уступаетъ вашему высокому положенію въ Рускомъ государствѣ и желая по приказанію вашего великаго государя заняться не только вопросомъ о распространеніи свѣтлѣйшихъ наукъ въ Россіи, но и исторіей и древностями рускими, я рѣшился прибѣгнуть къ вашей помощи и надѣюсь узнать отъ васъ, гдѣ находятся у васъ изданные или рукописные памятники, проливающіе свѣтъ на вашу древнѣйшую исторію. Мнѣ говорили объ одной изъ самыхъ старинныхъ книгъ вашихъ, называемой Патерикомъ и касающейся древней церковной исторіи рускаго народа. Не сомнѣваюсь также, чтобы въ рускихъ монастыряхъ не нашлось многихъ замѣчательныхъ рукописей греческихъ отцевъ церкви и другихъ литературныхъ произведеній, мало извѣстныхъ въ нашей части Европы, изданіе которыхъ послужило бы не менѣе къ вашей славѣ, чѣмъ къ общественной пользѣ. Я желалъ бы имѣть списокъ существующихъ у васъ книгъ какъ печатанныхъ, такъ и рукописныхъ, но еще больше я дорожу тѣмъ, чтобы познакомиться съ живыми библіотеками, то-есть, съ людьми извѣстными ученостью между вашимъ народомъ или въ вашемъ государствѣ“. Затѣмъ Лейбницъ обращается къ Яворскому съ просьбою доставить ему образчики языковъ и объясняетъ, что это можетъ одинаково послужить къ изслѣдованію о происхожденіи народа и къ распространенію христіанской вѣры.

Лейбницъ обратился къ митрополиту Рязанскому, вѣроятно, по совѣту Брюса. По его же совѣту, онъ написалъ въ Москву къ Англичанину Фергусону, „профессору математики“, о которомъ Гюйссенъ упоминалъ въ своемъ письмѣ 1703 года. Лейбницъ обратился къ нему съ тою же просьбою выслать ему списокъ печатанныхъ въ Россіи книгъ съ обозначеніемъ того, находятся ли онѣ въ продажѣ, или какимъ способомъ можно ихъ достать, а также списокъ ученыхъ людей рускаго и иностраннаго происхожденія. Ту же просьбу, наконецъ, Лейбницъ повторяетъ въ письмѣ къ графу Головкину младшему, рускому послу въ Берлинѣ, съ которымъ онъ не успѣлъ проститься передъ его отъѣздомъ изъ Дрездена. Лейбницъ благодаритъ его за оказанное

ему покровительство и просить походатайствовать за него предъ митрополитомъ Рязанскимъ. Въ этомъ письмѣ къ Головкину, а также въ письмѣ къ Брюсу отъ 22-го ноября, Лейбницъ говоритъ о своемъ желаніи составить для Русскихъ общую энциклопедію наукъ: „Мнѣ извѣстно желаніе его величества, чтобы необходимыя свѣдѣнія были переведены на русскій языкъ, и я ручаюсь, что если бы у меня было лицо способное переводить, и если бы мнѣ доставили другія нужныя для этого пособія, то я составилъ бы общую энциклопедію или „квинтессенцію" наукъ на русскомъ языкѣ, которая во многихъ отношеніяхъ превосходила бы все, что въ этомъ родѣ существуетъ на другихъ языкахъ".

Письма Лейбница къ Стефану Яворскому и къ Головкину были написаны имъ изъ Дрездена, куда онъ переѣхалъ изъ Теплица вмѣстѣ съ русскимъ дворомъ. Въ Дрезденѣ Лейбницъ простился съ царемъ, который отправлялся на сѣверъ, чтобы принять мѣры для продолженія Шведской войны. Лейбницъ же отправился въ Вѣну. Вскорѣ по пріѣздѣ туда онъ рѣшился написать письмо прямо къ Петру, чтобы черезъ его содѣйствіе обезпечить исполненіе просьбы, высказанной имъ въ письмахъ къ Стефану Яворскому и Головкину. Въ это время по Европѣ стали распространяться слухи о новомъ разрывѣ между Турціей и Россіей и о предстоящей между ними войнѣ. Имѣя въ виду эти слухи, Лейбницъ въ письмѣ къ царю подробно касается способа веденія войны съ Турками. Основываясь на мнѣніи знакомаго ему австрійскаго генерала, опытнаго въ войнѣ съ Турками, Лейбницъ совѣтуетъ царю занять какъ можно раньше укрѣпленный лагерь на Днѣстрѣ и выжидать тамъ нападенія Турокъ; если же пришлось бы выступить въ поле, то ограждать войско *подвижнымъ рогаточнымъ тыномъ*, или таборомъ, такъ какъ опытъ не разъ доказывалъ, что баталіоны европейскихъ войскъ разставлены не довольно глубоко и потому часто не выдерживаютъ напора густыхъ массъ, которыми Турки, по обычаю, бросаются въ атаку.

Стараясь о томъ, чтобы получить изъ Россіи различные матеріалы для своихъ ученыхъ изслѣдованій, Лейбницъ, съ другой стороны, постоянно носился съ планомъ отправить въ Россію людей, которые могли бы на мѣстѣ производить наблюденія и обогащать ими науку. Съ этою цѣлью Лейбницъ воспользовался смертью царскаго лейбмедика Донелли, и еще въ январѣ 1712 года просилъ позволенія рекомендовать на его мѣсто другаго. Въ Карльсбадѣ онъ возобновилъ свое предложеніе и указалъ на извѣстнаго въ свое время Цюрихскаго уче-

наго Шейхцера. Предложеніе Лейбница было принято благосклонно, и гофмедику Арескину было поручено вступить въ переговоры съ Шейхцеромъ о принятіи его въ русскую службу.

Шейхцеръ былъ медикомъ, но какъ нерѣдко бывало въ то время, наравнѣ съ медициною занимался математикой и естественными науками. Въ Цюрихѣ онъ даже занималъ мѣсто профессора математики. Онъ былъ авторомъ многихъ извѣстныхъ сочиненій [1], но не смотря на это, находился въ довольно затруднительномъ положеніи. Двадцать лѣтъ служилъ онъ профессоромъ безъ жалованья, въ ожиданіи вакантнаго мѣста. Но когда наконецъ открылось давно ожидаемое мѣсто, и умерло лице, жалованье котораго должно было перейдти къ нему, его надежды были обмануты. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ искать мѣста внѣ предѣловъ своего отечества [2]. Поэтому можно было ожидать, что предложеніе занять мѣсто придворнаго медика въ Россіи будетъ принято имъ съ радостью, но страхъ и недовѣріе, которые питали многіе иностранцы передъ переселеніемъ въ Россію, кажется, взяли верхъ у Шейхцера; онъ сталъ колебаться, придумывалъ разныя требованія, и дѣло затянулось. Въ январѣ 1713 года Лейбницъ сообщаетъ изъ Вѣны Арескину и посланнику въ Берлинѣ Головкину, что Шейхцеръ готовъ переселиться въ Россію, но ставитъ три условія: 1) чтобы руское правительство отнеслось официально къ Цюрихскому магистрату съ просьбой отпустить Шейхцера на службу русскую; чтобъ ему были высланы деньги на дорогу, и наконецъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ былъ принятъ въ русскую службу его братъ, который также былъ медикомъ и математикомъ. Лейбницъ опасался, что главнымъ препятствіемъ будетъ послѣднее требованіе, и потому убѣждалъ Аре-

[1]) Главнымъ сочиненіемъ его было энциклопедическое описаніе Швейцаріи въ естественно-историческомъ отношеніи; первый томъ озаглавленъ: Historia Naturalis, 2-й — Poicheologia Helvetica, 3-й — Orographia, 4-й, 5-й и 6-й — Oreographia, 7-й — Hydrographia, 8-й — Eluviones, 9-й и 10-й — Aquae minerales, 11-й — Balnea frigida, 12-й — Venti meteori, 13-й и 14-й — Минералогія. Томы отъ 15-го до 25-го содержали Ботанику, 25-й — De vinis Helveticis, 26-й — Зоологію, 27-й — Орнитологію, 28-й — Ихтіологію, 29-й — Энтомологію. Всѣ эти томы, были написаны до 1712 года. О продолженіи своего труда Шейхцеръ писалъ Лейбницу: Sequentur tomi de *Helvetica* indole, sanitate, morbis» и т. д.

[2]) Письмо Бернулли къ Лейбницу, въ которомъ говорится объ этомъ, написано въ февралѣ 1714 года; но изъ отвѣта Лейбница и изъ письма Шейхцера слѣдуетъ заключить, что это случилось раньше, ибо въ письмѣ отъ 20-го марта 1713 года, Шейхцеръ говоритъ о жалованьи, которое назначилъ ему Цюрихскій магистратъ.

скина, что братъ Шейхцера также замѣчательный медикъ и математикъ и можетъ быть полезенъ въ Россіи. „Правду сказать“,—пишетъ Лейбницъ Арескину,—„мнѣ самому приходило въ голову, что было бы хорошо пригласить и младшаго Шейхцера, который будетъ довольствоваться меньшимъ вознагражденіемъ, но я объ этомъ ничего не писалъ его старшему брату“. Но Лейбницъ ошибся. Въ маѣ пришелъ отвѣтъ Арескина Шейхцеру. Русское правительство соглашалось пригласить также и младшаго Шейхцера, но слышать не хотѣло о ходатайствѣ передъ Цюрихскимъ магистратомъ о такъ-называемыхъ litterae petitoriae. „Никто“—писалъ Арескинъ—„ничего подобнаго отъ русскаго правительства не требовалъ“. Въ деньгахъ на подъемъ Шейхцеру было отказано, жалованье же ему должно было считаться со дня выѣзда изъ Цюриха. Изъ письма Арескина къ Шейхцеру видно, что кромѣ вышеприведенныхъ условій, Цюрихскій медикъ требовалъ еще, чтобъ ему выдавалась особенная сумма на содержаніе прислуги и лошадей. Арескинъ отвѣчалъ, что прислугу и лошадей въ Россіи всякій содержитъ на свой счетъ. Письмо Арескина заставило Шейхцера колебаться и медлить. Только 1-го ноября 1713 года онъ рѣшился отвѣтить Арескину. Онъ ссылается на приближеніе зимы, которая заставляетъ его отсрочить свой выѣздъ; проситъ снова грамоты къ Цюрихской республикѣ и годоваго жалованья на подъемъ—pro sumptibus itineris; пишетъ, кромѣ того, что въ Россіи, какъ онъ слышалъ отъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ, отпускаются посламъ и придворнымъ чинамъ (aulicis) ежедневно или по недѣлямъ съѣстные припасы—portiones rerum ad victum necessarium. Пока Шейхцеръ ждалъ отвѣта изъ Россіи, его колебанія и опасенія еще болѣе усилились. 27-го января 1714 года онъ пишетъ Лейбницу, что получилъ письмо отъ своего друга Шерарда, англійскаго консула въ Смирнѣ, который предупреждаетъ его, что царь не отпускаетъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ къ нему на службу, и потому совѣтуетъ ему заключить особенное условіе о свободномъ выѣздѣ. Въ заключеніе Шейхцеръ проситъ Лейбница подумать о другомъ для него мѣстѣ, преимущественно въ Венеціи. Вслѣдъ за этимъ Лейбницъ получилъ отъ Шейхцера письмо съ новыми жалобами. Шейхцеръ, который самъ такъ долго замедлилъ отвѣтомъ, сѣтуетъ теперь на Арескина и Брюса, что они не отвѣчаютъ на его письмо. „Ихъ молчаніе заставляетъ его сомнѣваться въ успѣхѣ его дѣла“.

Лейбницъ, который уже болѣе года не получалъ ни какихъ вѣстей изъ Россіи и не имѣлъ отвѣта на свои письма къ Арескину и

Арескину отъ 24-го января 1713 года, былъ очень раздраженъ замедленіемъ дѣла, возбужденнаго его посредничествомъ. Только въ февралѣ 1714 года онъ получилъ отъ Шейхцера копію съ письма Арескина и отвѣтъ Шейхцера отъ 1-го ноября. Поэтому онъ всю вину замедленія приписывалъ Арескину и Брюсу. 16-го января 1714 года онъ счелъ нужнымъ отправить черезъ секретаря при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, Ланчинскаго, письмо къ русскому двору и напомнить о Шейхцерѣ. „Мнѣ было бы трудно“ — заключаетъ онъ это письмо — „найдти въ Европѣ, согласно съ намѣреніемъ его царскаго величества, человѣка болѣе способнаго служить его величеству въ его путешествіяхъ и въ то же время содѣйствовать цѣлямъ этого великаго государя — разрабатывать науку въ его обширной имперіи и производить прекрасныя наблюденія надъ природой страны“. Но прежде еще, чѣмъ было написано это письмо Лейбница, состоялось оффиціальное приглашеніе обоихъ братьевъ Шейхцеровъ. Арескинъ далъ имъ знать объ этомъ письмомъ отъ 18-го декабря 1713 года. Какимъ образомъ было улажено затрудненіе относительно подъемныхъ и кормовыхъ денегъ, мы не знаемъ, ибо между бумагами Лейбница нѣтъ копіи съ этого письма Арескина. Но Шейхцеръ отказался отъ приглашенія въ Россію. Отказъ свой онъ объяснилъ Лейбницу слѣдующимъ образомъ: „Я уже приготовился къ отъѣзду, уже воображалъ себя въ Россіи, леталъ изъ одной провинціи въ другую, производя на дѣвственной почвѣ наблюденія надъ новыми растеніями и минералами. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Моему отъѣзду противились семейство, жена (alma thori socia), родители, друзья, родственники; я не обращалъ никакого вниманія на все это. Божественное Провидѣніе и официальное приглашеніе были для меня крѣпкимъ оплотомъ. Но магистратъ не далъ мнѣ отпуска. Онъ увеличилъ мое жалованье: правда, оно не равняется тому, что̀ предлагаетъ мнѣ царь, но оно выше обычнаго въ здѣшней республикѣ. Мнѣ назначено 100 гульденовъ жалованья и 10 модій хлѣба съ соотвѣтствующимъ количествомъ вина“.

Лейбницъ былъ чрезвычайно недоволенъ такою развязкою продолжительныхъ переговоровъ. Въ нѣсколькихъ письмахъ къ своимъ швейцарскимъ корреспондентамъ Бернулли и Бурге, онъ жалуется на Цюрихскій магистратъ, который поступилъ очень дурно, что не отпустилъ Шейхцера на нѣсколько лѣтъ въ Россію. „Это было бы почетно для республики, выгодно для самаго Шейхцера и чрезвычайно полезно для интересовъ науки, ибо Шейхцеръ нашелъ бы въ Россіи

не воздѣланную почву для своихъ наблюденій". Но и самому [illegible]деру вскорѣ пришлось жалѣть о томъ, что его поѣздка въ Россію не состоялась. Оказалось, что онъ не только нашелъ бы тамъ лучшее вознагражденіе за свои труды и болѣе обширное и новое поприще для своихъ изслѣдованій, но и меньше стѣсненій при своихъ изслѣдованіяхъ отъ узкаго духа религіозной нетерпимости. „Въ Россіи"—пишетъ онъ Лейбницу въ маѣ 1714 года—„я, можетъ-быть, не встрѣтилъ бы столько препятствій въ дѣлѣ разработки науки, какъ въ моемъ отечествѣ. Здѣсь мнѣ постоянно приходится ратовать за достоинство и примѣненіе математической науки. На дняхъ еще я долженъ былъ вынести жаркую стычку съ главнымъ пасторомъ нашимъ, докторомъ Готтингеромъ, извѣстнымъ вамъ по письмамъ. Я желалъ бы, чтобы основательность и достоинство этого защитника божественной науки равнялись его горячности".

Послѣ этого отступленія возвратимся къ Лейбницу и его пребыванію въ Вѣнѣ. Наше вниманіе особенно привлекаетъ къ себѣ переписка его съ герцогомъ Антономъ-Ульрихомъ за первые мѣсяцы 1713 года.

Письма Антона-Ульриха къ Лейбницу очень интересны. Онѣ показываютъ, какую живость ума и веселость сохранилъ этотъ старецъ, которому было въ то время почти 80 лѣтъ. Замѣчательны, кромѣ того, непритворное добродушіе и простота въ отношеніяхъ его къ Лейбницу, свойства, которыя рѣдко можно было встрѣтить у чванныхъ и сдержанныхъ князей Германіи, никогда не упускавшихъ изъ виду придворнаго этикета. Герцогъ о всемъ болтаетъ съ Лейбницемъ, какъ съ старымъ другомъ: даетъ ему разныя порученія къ Вѣнскому двору, министрамъ, іезуитамъ, пишетъ о политикѣ, о своей внучкѣ Софіи-Шарлоттѣ и о царѣ, о своихъ заботахъ по распространенію католицизма и о безконечномъ своемъ романѣ „Октавія". Много острится герцогъ надъ нейтральнымъ обсерваціоннымъ корпусомъ противъ Шведовъ въ Гольштиніи, „который формировался съ такою тайною, что Шведамъ были извѣстны всѣ подробности". Достается также дипломатическому конгрессу въ Брауншвейгѣ, куда собрались уполномоченные Австріи, Россіи, Пруссіи, Ганновера, Вольфенбюттеля и др., чтобы принять мѣры для нейтрализаціи сѣверной Германіи относительно войны между Швеціей и сѣверными союзниками. Конгрессъ продолжался очень долго, но не приводилъ ни къ чему. „Здѣшняя конференція"—пишетъ герцогъ Лейбницу—„похожа на голубятню: одинъ посланникъ влетаетъ, другой улетаетъ, и доброму графу Шенборну [1])

[1]) Шенборнъ былъ уполномоченнымъ императора и предсѣдателемъ конгресса.

никакъ не удается собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ". Въ другой разъ герцогъ пишетъ: „Здѣшняя конференція все еще продолжается. Ее слѣдовало бы прозвать конференціей газетчиковъ, ибо она постоянно видоизмѣняетъ свои постановленія сообразно съ газетными извѣстіями". Антонъ-Ульрихъ, какъ мы видѣли, строилъ у себя съ помощью императора и Вѣнскихъ іезуитовъ католическую церковь. Добродушно поддразнивалъ онъ Лейбница, поручая ему сообщить патеру Теленманну, что „постройка церкви идетъ успѣшно, что въ ней уже служатъ обѣдню, и что она всегда полна лютеранами". Но однажды пристрастіе Антона-Ульриха къ католицизму было живо задѣто нѣсколькими лютеранскими мальчиками. Стража не хотѣла впустить ихъ въ церковь. Тогда они сказали: „Отчего же намъ нельзя войдти; вѣдь тамъ поютъ тѣ же гимны, какіе и мы, христіане, поемъ"; „изъ чего"— сердито прибавляетъ герцогъ—„слѣдуетъ, что католики не христіане".

Лейбницъ отвѣтилъ ему на это слѣдующимъ анекдотомъ: „Во время моего пребыванія въ Тріентѣ, мой хозяинъ, показывая мнѣ нѣкоторыя старинныя римскія статуи, сказалъ по итальянски: «Эти древнія статуи сдѣланы въ то время, когда императоры были еще лютеранами». Подъ императорами онъ разумѣлъ Калигулу, Нерона и пр., а слово *lutерano* было для него хуже, чѣмъ язычникъ".

Однажды Лейбницъ сообщилъ герцогу, что онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ принцемъ Евгеніемъ у графа фонъ-Шлика, котораго назначали въ преемники графу Вратиславу, оберъ-гофканцлеру Богеміи. Принцъ Савойскій за обѣдомъ нападалъ на іезуитовъ за уступки, которыя они дѣлали въ Китаѣ культу Конфуція. Лейбницъ защищалъ ихъ; „Принцъ"— прибавляетъ Лейбницъ—„говоритъ несравненно лучше о богословіи, чѣмъ я о военномъ искусствѣ, оттого, что онъ въ юности занимался науками, а я никогда не былъ на войнѣ".

Антонъ-Ульрихъ отвѣтилъ ему по этому поводу слѣдующее: „Что касается до Конфуція, то я его также вклеилъ въ Октавію, гдѣ онъ содѣйствуетъ увеличенію *конфузіи* [1]). Съ этимъ сочиненіемъ постигла меня такая судьба, какъ-будто въ меня перешелъ духъ автора «Амадиса». Вмѣсто шести томовъ «Октавія» будетъ заключать въ себѣ больше, чѣмъ двадцать, ибо я все пишу и никакъ не могу свести концовъ съ концами. Самая удивительная странность въ этомъ сочиненіи будетъ состоять въ томъ, что его авторъ 80-лѣтній куртизанъ, которому слѣдовало бы забыть искусство описывать любовныя исторіи".

---

[1]) «Wo er die Confusionen hilf immer vermehren».

Свиданіе герцога Антона-Ульриха съ царемъ, который весною 1713 года пріѣзжалъ въ Ганноверъ и Вольфенбюттель, снова возбудило вопросъ о союзѣ между Россіей и Австріей. Шведы были не опасны; войско ихъ, подъ предводительствомъ графа Стенбока, выступило изъ Помераніи въ Шлезвигъ и было осаждено въ крѣпости Теннингенѣ. Царь могъ безопасно заняться отнятіемъ у Шведовъ Помераніи, но для этого ему было нужно согласіе императора. Тотчасъ послѣ свиданія съ Петромъ герцогъ писалъ Лейбницу: „Такъ какъ шведскія дѣла еще разъ очень измѣнились, и поэтому, вѣроятно, вновь возникнетъ прежняя мысль о союзѣ, ибо его царское величество ясно обнаружилъ свое желаніе на этотъ счетъ, то предоставляю вамъ рѣшить, не найдете ли вы нужнымъ снова возбудить этотъ вопросъ въ разговорѣ съ императоромъ и узнать, нельзя ли теперь осуществить это полезное дѣло“.

Въ письмѣ отъ 3-го апрѣля герцогъ высказался еще опредѣленнѣе: „Царь обнаружилъ большую склонность къ союзу съ Австріей. Если бы этотъ несчастный миръ не былъ такъ близокъ, и еслибъ императоръ согласился взять въ помощь десять или двадцать тысячъ Московскаго войска, то можетъ-быть, на Рейнѣ еще можно было чего-нибудь достигнуть. Царь поручилъ мнѣ сдѣлать въ Вѣнѣ это предложеніе черезъ своего Солона, и вы можете воспользоваться этимъ по вашему усмотрѣнію“.

Мы не имѣли подъ рукою дальнѣйшей переписки между герцогомъ и Лейбницемъ и потому не знаемъ, какимъ образомъ послѣдній передалъ императору Карлу о готовности царя помочь ему войскомъ. По вѣроятно, вслѣдствіе сообщеній Антона-Ульриха, Лейбницъ возвратился къ своему любимому проекту о союзѣ между императоромъ и сѣверными союзниками, по которому послѣдніе должны были помочь императору своими войсками на Рейнѣ и принудить Францію къ миру; императоръ же, по жалобѣ Саксоніи и Даніи, долженъ былъ начать на сеймѣ дѣло противъ Швеціи и приговорить ее къ лишенію нѣмецкихъ провинцій. Въ маѣ Лейбницъ составилъ объ этомъ записку и представилъ ее русскимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и Ганноверѣ Матвѣеву и Шлейницу. Къ сожалѣнію, этой записки не оказалось между бумагами Лейбница. Съ Матвѣевымъ переговоры происходили устно. Лейбницъ успѣлъ въ короткое время стать въ довольно хорошія отношенія къ Матвѣеву [1]). Изъ одного письма Лейбница мы узна-

[1]) Къ этому времени относится стихотвореніе Лейбница къ Матвѣевой, которое мы привели въ I главѣ.

емъ, что Матвѣевъ приглашалъ его къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ знакомыми дипломатами графомъ Вакербартомъ, посланникомъ короля Августа, барономъ Вейбургомъ, посланникомъ Даніи, голландскимъ посланникомъ и пр. О переговорахъ съ Матвѣевымъ мы знаемъ только по краткой запискѣ посланника, которую онъ написалъ Лейбницу, возвращая ему его статью. Матвѣевъ уже совершенно усвоилъ себѣ изысканно-вѣжливый языкъ тогдашняго общества, особенно дипломатическаго: „Я вполнѣ цѣню честь“,—писалъ онъ Лейбницу,—„оказаннаго мнѣ вами довѣрія и постараюсь по силамъ оправдать его при теперешнемъ случаѣ“.

Больше узнаемъ мы изъ переговоровъ съ Шлейницемъ, которые происходили письменно. Шлейницъ горячо благодарилъ Лейбница за его письмо и выразилъ полное согласіе съ его планами. Онъ сообщилъ письмо Лейбница польскому посланнику графу Ностицу и Гольстену, датскому резиденту, которые сдѣлали изъ него извлеченіе и отправили къ своимъ дворамъ. Болѣе недовѣрчиво отнесся къ проекту Лейбница Ганноверскій министръ Бернсдорфъ, потому что курфирстъ держался въ это время нейтральной политики. Бернсдорфъ одобрилъ самый планъ, но сталъ указывать на затрудненія при его исполненіи, на медленность и непостоянство, съ которыми ведутся дѣла на сеймѣ, на отдаленность договаривающихся державъ и несогласія между ними. Съ своей стороны, Шлейницъ сдѣлалъ только одно возраженіе. По его мнѣнію, Саксоніи и Даніи нельзя было начать на сеймѣ дѣло противъ Швеціи, такъ какъ эти державы были заинтересованною въ дѣлѣ стороною, и слѣдовательно, истцами въ процессѣ. „А гдѣ найти въ имперіи другія державы“,—спрашивалъ Шлейницъ,—„которыя имѣли бы достаточно авторитета и могущества, чтобы взяться за это щекотливое дѣло (um der Katze die Schellen anzuhängen)“. Другое затрудненіе могла представить Пруссія, новый король которой Фридрихъ-Вильгельмъ I, какъ писалъ Шлейницъ, „исключительно заботился о томъ, чтобы всѣхъ своихъ мужиковъ сдѣлать солдатами“. Но не смотря на эти затрудненія, Шлейницъ называлъ записку Лейбница un coup de maitre и обѣщалъ, въ ожиданіи отвѣта отъ Саксоніи и Даніи, повліять на Бернсдорфа, чтобы потомъ тотчасъ, смотря по обстоятельствамъ, принять всѣ нужныя мѣры для осуществленія „такого важнаго дѣла“. Не смотря, однако, на возраженія Шлейница, Лейбницъ считалъ необходимымъ, чтобы дѣло на сеймѣ было начато посланниками Даніи и Саксоніи. „Надежда“,—писалъ онъ Шлейницу,—„что найдутся другія державы, которыя взялись бы за дѣло, несбыточна. Воз-

раженіе, что будто бы короли Даніи и Саксоніи не могутъ начать иска, потому что они составляютъ заинтересованную сторону въ процессѣ, неосновательно, ибо въ каждомъ дѣлѣ и въ каждой жалобѣ истецъ составляетъ одну изъ сторонъ". По мнѣнію Лейбница, было бы не трудно получить большинство на сеймѣ. Католики всѣ враждебно относятся къ Шведамъ, да и значительная часть протестантскихъ чиновъ раздѣляетъ это чувство. Но если дѣлать дѣло въ половину, то результатъ выйдетъ плохой. Императоръ имѣетъ самыя лучшія намѣренія. „Я имѣлъ" — пишетъ Лейбницъ — „нѣсколько случаевъ въ этомъ убѣдиться вполнѣ, но его недостаточно поддерживаютъ".

Между тѣмъ Лейбницъ въ Вѣнѣ продолжалъ хлопотать о томъ, чтобы побудить правительство императора къ принятію рѣшительныхъ мѣръ противъ Швеціи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ набросанный имъ проектъ циркуляра, который, по его совѣту, Матвѣевъ долженъ былъ разослать тремъ канцлерамъ Вѣнскаго правительства, то-есть, имперскому вице-канцлеру графу Зейлерну, придворному канцлеру графу Зинцендорфу и канцлеру Чешской короны графу фонъ-Шлику. Въ этомъ циркулярѣ Лейбницъ обращалъ вниманіе императорскаго правительства на явныя и тайныя мѣры Франціи и Англіи въ пользу Швеціи и на опасность, которой подверглась бы имперія, особенно же наслѣдственныя земли императора, въ томъ случаѣ, если бы война съ Швеціей возгорѣлась съ новою силою. Въ письмѣ, при которомъ онъ посылалъ свой проектъ циркуляра, и которое, вѣроятно, предназначалось кому-нибудь изъ членовъ русскаго посольства, Лейбницъ совѣтовалъ убѣдить Матвѣева, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, обратился къ графу Шлику, такъ какъ подвѣдомственныя ему земли подвергались особенной опасности въ случаѣ Шведской войны. Лейбницъ совѣтовалъ напомнить Шлику, какъ пострадала Силезія во время похода Карла XII въ Саксонію, который пополнилъ въ Силезіи свои войска и магазины; какъ въ то время опасались за Богемію, и какъ протестантскіе жители Силезіи расположены въ пользу Карла.

Такъ какъ переговори между Лейбницемъ, Матвѣевымъ и членами Вѣнскаго правительства были устные, то мы не можемъ познакомиться ближе съ дипломатическою дѣятельностью Лейбница въ Вѣнѣ. Только по случайно сохранившейся черновой запискѣ мы узнаемъ о ней. Хлопоты его объ австро-русскомъ союзѣ противъ Швеціи и Франціи не имѣли успѣха. Изъ его писемъ можно заключить, что императоръ былъ не прочь отъ этого союза, надѣясь, можетъ-быть, усиленіемъ военныхъ дѣйствій противъ Франціи на Рейнѣ спасти Барцелону, гдѣ

все еще находилась императрица, и такимъ образомъ посредствомъ Барцелоны сохранить за собою хоть часть Испанскаго королевства. Но его совѣтники и министры, слѣдуя обычной австрійской политикѣ, всегда осторожной и консервативной, боялись усложнить и безъ того затруднительное положеніе Австріи новымъ замѣшательствомъ на сѣверѣ. Но не одна осторожность австрійскихъ министровъ была причиною того, что союзъ между Австріей и Россіей не состоялся; столько же препятствовала ему и прусская политика, которая во время Сѣверной войны отличалась особенною нерѣшительностью и постоянными колебаніями. Любопытныя свѣдѣнія объ этомъ можно почерпнуть изъ письма Шлейница къ Лейбницу изъ Пирмонта. Хотя, какъ кажется, къ тому времени, когда оно писано, еще не послѣдовало отвѣта Саксоніи и Даніи на проектъ Лейбница, Шлейницъ, по прежнему, считалъ этотъ проектъ самымъ лучшимъ средствомъ покончить со Швеціей. „Нужно подорвать эту державу въ корнѣ",—писалъ онъ Лейбницу,—„то-есть, довести Францію до такого состоянія, чтобъ она не могла ей помочь". Но главнымъ препятствіемъ дружнаго дѣйствія Россіи, Даніи и Саксоніи въ союзѣ съ Австріей противъ Франціи, являлась теперь Пруссія, которая сблизилась съ Гольштиніей, переглядывалась съ Швеціей и даже думала о войнѣ съ Даніей. „Я въ краткихъ словахъ объясню вамъ, въ чемъ теперь дѣло",—пишетъ Шлейницъ. „Послѣ того, какъ Прусскій король объявилъ курфирсту Ганноверскому, что онъ не состоитъ ни въ какихъ обязательствахъ относительно Франціи, и далъ ему въ этомъ дѣлѣ крѣпкія увѣренія, онъ недавно сталъ открыто сноситься съ нимъ насчетъ своего союза съ администраторомъ Гольштиніи. Ильгенъ даже прямо объявилъ Ганноверскому послу въ Берлинѣ, по приказанію своего государя, что послѣдній согласился бы начать войну съ Даніей, если бы курфирстъ обѣщалъ присоединить нѣсколько батальйоновъ къ прусскимъ войскамъ. Курфирстъ велѣлъ отвѣтить на эти предложенія, что онъ не прочь, съ своей стороны, содѣйствовать дипломатическимъ путемъ тому, чтобы Данія возвратила гольштинскія земли, но что онъ не совѣтуетъ королю вступать въ войну съ Даніей, такъ какъ эта война, по его мнѣнію, не согласна ни съ интересами императора и имперіи, ни съ его собственными".

Мы имѣемъ еще одно письмо Лейбница къ Шлейницу, которое, впрочемъ, не объясняетъ дальнѣйшаго хода переговоровъ. Такъ какъ Саксонія и Данія не рѣшились на болѣе дѣятельныя мѣры противъ Франціи, и каждая изъ этихъ державъ преслѣдовала только ближай-

нія свои цѣли, то переписка съ Шлейницемъ утратила для Лейбница главный свой интересъ, и кажется, на время прекратилась.

Между тѣмъ прошелъ цѣлый годъ со времени свиданія въ Карльсбадѣ, и Лейбницъ все еще не получалъ изъ Россіи ни отвѣта на свои письма, ни дальнѣйшихъ инструкцій. 6-го октября онъ рѣшился обратиться къ царю съ новымъ письмомъ, которое онъ отправилъ черезъ Матвѣева. Въ началѣ письма Лейбницъ очень искусно, какъ-будто мимоходомъ, намекаетъ царю на то, что онъ могъ бы быть ему очень полезенъ въ дипломатическомъ отношеніи вслѣдствіе расположенія къ нему императора: „Я полагаю, что примѣръ вашего величества не мало къ тому содѣйствовалъ, что и императоръ выказывалъ мнѣ большую благосклонность, часто принималъ меня кромѣ обыкновенныхъ аудіенцій и съ удовольствіемъ слушалъ то, что я съ благодарностью и истиною сообщалъ о вашемъ величествѣ". Потомъ Лейбницъ резюмируетъ тѣ совѣты, которые онъ давалъ, и тѣ работы, къ которымъ готовъ приступить, если ему дадутъ на то средства. Упоминая о томъ, что Головкинъ предлагалъ ему заняться вопросомъ о законодательствѣ въ Россіи, и что самъ царь говорилъ графу Шенборну объ этомъ порученіи, Лейбницъ пишетъ, что онъ для этой цѣли нѣсколько познакомился съ мудрымъ уложеніемъ славной памяти царя Алексѣя и сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія сообразно съ измѣнившимися къ лучшему обстоятельствами. Впрочемъ, если Лейбницъ и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній къ Уложенію, то онѣ должно быть были незначительны, ибо болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого, онъ пишетъ къ Бурге [1]): „Я еще не успѣлъ заняться русскими законами; другіе занимаются этимъ предметомъ, но я, можетъ-быть, когда-нибудь пересмотрю то, что они сдѣлали. Я сомнѣваюсь, чтобы царю нужны были юристы, и мнѣ кажется, что онъ скорѣе желаетъ обойдтись безъ нихъ изъ опасенія ввести вмѣстѣ съ ними кляузничество (les chicanes). Очень трудно удержаться въ срединѣ между судебнымъ кляузничествомъ, которое господствуетъ въ нашемъ судопроизводствѣ, и насильственнымъ произволомъ турецкаго визиря или паши".

Въ числѣ извѣстныхъ намъ совѣтовъ Лейбница дѣлать наблюденія за уклоненіями магнитной стрѣлки, изслѣдовать соединеніе Азіи съ Америкою, связать Европу съ Китаемъ не только торговыми сношеніями, но и обмѣномъ ремеслъ и искусствъ, собрать лингвистическій и этнографическій матеріалъ, мы встрѣчаемъ одинъ новый: „Се-

[1]) Leibn. Op. Om. Dut. II, P. I, p. 328. Dec. 1714.

брать памятники исторіи восточной церкви, сочиненія святыхъ отцевъ и постановленія соборовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ вселенскіе соборы, признаваемые Русскими, признаются также въ Европѣ до втораго Никейскаго собора, постановленія котораго были въ свое время не приняты Карломъ Великимъ".

Играть дипломатическую роль было всегда задушевнымъ желаніемъ Лейбница. Его не удовлетворяли частныя дипломатическія порученія, которыя отъ времени до времени выпадали на его долю; онъ желалъ болѣе обширной, болѣе постоянной дѣятельности на поприщѣ дипломатіи. Его пребываніе въ Вѣнѣ казалось ему особенно удобнымъ для осуществленія этого желанія. Хотя Раштадтскій миръ окончательно уничтожилъ надежды Лейбница на сліяніе антибурбонской и антишведской коалицій, но Шведская война все еще продолжалась, и болѣе тѣсный союзъ между императоромъ, Россіей и будущимъ королемъ Англіи казался ему очень желательнымъ. Лейбницъ могъ считать себя живымъ представителемъ этого союза. Почти сорокъ лѣтъ жилъ онъ при Ганноверскомъ дворѣ, близко зналъ тамъ людей и обстоятельства; теперь онъ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ при Вѣнскомъ дворѣ, пользовался полною довѣренностію императора Карла, а наконецъ порученіе къ царю въ Карльсбадѣ давало ему нѣкоторое право на довѣріе Петра и могло казаться первымъ шагомъ къ болѣе серіозной дипломатической дѣятельности. Въ Вѣнѣ Лейбницъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно вращался въ дипломатической сферѣ, сближался съ дипломатами, давалъ имъ совѣты, служилъ между ними посредникомъ. О сношеніяхъ его съ Матвѣевымъ свидѣтельствуетъ между прочимъ письмо къ нему Ланчинскаго, секретаря при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, отъ 18-го іюля 1714 года. Ланчинскій извѣщаетъ въ немъ Лейбница, къ которому относится съ большимъ почтеніемъ, что получилъ его письмо въ половинѣ девятаго часа и съ удовольствіемъ и поспѣшностью исполнитъ его порученіе, до 12-ти часовъ отправится къ Матвѣеву и безъ замедленія дастъ отчетъ объ отвѣтѣ Матвѣева относительно извѣстнаго дѣла. Но Матвѣевъ, хотя, какъ мы говорили, сошелся съ Лейбницемъ и очень хорошо принималъ его у себя въ домѣ, однако не удовлетворялъ его страсти къ дипломатической дѣятельности. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ Шафирову Лейбницъ жалуется, что Матвѣевъ не давалъ ему возможности, оказывать русскому правительству такія услуги, какія онъ былъ въ состояніи оказать, и что онъ не пользовался его вліяніемъ при Вѣнскомъ дворѣ такъ, какъ это сдѣлалъ бы Урбихъ.

Между тѣмъ за границею давно уже ходилъ слухъ, что Матвѣева переведутъ въ Варшаву или отзовутъ въ Россію. Кто будетъ назначенъ его преемникомъ — было неизвѣстно. Въ маѣ 1714 года Матвѣевъ неожиданно ночью выѣхалъ изъ Вѣны. Разнесся слухъ, что дипломатическими дѣлами въ его отсутствіи будетъ завѣдывать нѣкто Фрибилли изъ Люттиха, рекомендованный Матвѣевымъ. Это обстоятельство оживило надежды Лейбница на дипломатическую дѣятельность и внушило ему мысль обратиться съ письмомъ къ вице-канцлеру Шафирову, чтобы черезъ его посредство получить офиціальное дипломатическое порученіе въ Вѣнѣ отъ русскаго правительства. Шафировъ въ это время находился въ Константинополѣ для переговоровъ съ Турками. Лейбницъ не былъ ему лично извѣстенъ, но могъ расчитывать, что Шафировъ знаетъ его по донесеніямъ Урбиха; кромѣ того, онъ посылалъ свое письмо черезъ князя Прозоровскаго, съ которымъ давно былъ знакомъ, и на рекомендацію котораго могъ надѣятся. Въ своемъ письмѣ Лейбницъ напоминаетъ, что онъ своимъ посредничествомъ положилъ основаніе къ сближенію между русскимъ и ганноверскимъ правительствами и къ отправленію въ Ганноверъ князя Куракина, сообщаетъ о своихъ свиданіяхъ съ царемъ въ Торгау и Карльсбадѣ и о данныхъ ему порученіяхъ, и описываетъ свое привилегированное положеніе при Вѣнскомъ дворѣ. Чтобъ убѣдить Шафирова въ довѣріи, которымъ онъ пользуется съ разныхъ сторонъ, Лейбницъ извѣщаетъ его, что на дняхъ получилъ подробное письмо отъ Софіи Ганноверской, наслѣдницы англійскаго престола, и передаетъ ему различныя новости объ англійскихъ дѣлахъ [1]).

Далѣе Лейбницъ говоритъ о солидарности интересовъ царя, императора и курфирста Ганноверскаго, будущаго короля Англіи, „со всѣми, съ кѣмъ онъ связанъ своею службой“ [2]), и выражаетъ надежду, что по возвращеніи Шафирова въ Петербургъ онъ будетъ имѣть возможность съ большею пользою служить царю, ибо будетъ въ состояніи лучше объяснить свои взгляды чрезъ посредство Шафирова, знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ.

---

[1]) Объ этомъ письмѣ и англійскихъ дѣлахъ см. «Лейбницъ и его вѣкъ», стр. 562.

[2]) «Stehe doch beständig in dem Gedanken, dass keine hohe Potenzen zu find. u. dero wahre Angelegenheiten besser verbunden als S. Gr. Cz. M. mit dem Röm. Reich und dessen hohen Oberhaupt und in dem Reich mit dem Churf. zu Hannover als einem durch die Rechte bestimmten Erbfolger von Grosbritanien also zwischen 3 Potentaten, denen allen dreyn ich mit Diensten verwand zu seyn die Ehre habe».

Около того же времени Лейбницъ написалъ письмо къ царю съ просьбою поручить ему дипломатическія сношенія въ Вѣнѣ въ случаѣ окончательнаго отзыва Матвѣева, но не отправилъ этого письма. вѣроятно потому, что Матвѣевъ скоро возвратился на свой постъ. Только въ январѣ слѣдующаго года, уже возвратившись въ Ганноверъ, Лейбницъ отправилъ письмо къ царю, измѣнивъ въ немъ то мѣсто, гдѣ онъ просилъ себѣ дипломатическаго порученія въ Вѣнѣ. Со времени его принятія въ русскую службу и назначенія ему жалованья прошло теперь уже болѣе двухъ лѣтъ, и Лейбницу съ тѣхъ поръ не только еще ни разу не выплатили жалованья, но даже не отвѣтили ни на одно изъ его писемъ. Лейбницъ не зналъ, что дѣлать; не получая никакихъ свѣдѣній изъ Россіи, онъ не могъ заняться ни однимъ изъ порученій царя, какъ относительно законодательныхъ вопросовъ, такъ и относительно развитія научной и учебной части. Лейбницъ могъ думать, что его письма къ царю, отправленныя черезъ русское посольство въ Вѣнѣ, не дошли до своего назначенія, вслѣдствіе чей-либо неаккуратности или недоброжелательства. Поэтому онъ былъ очень радъ, когда узналъ по возвращеніи своемъ въ Ганноверъ, что въ Петербургѣ находится, въ качествѣ ганноверскаго уполномоченнаго, секретарь посольства Веберъ [1]). Лейбницъ зналъ этого Вебера и рѣшился воспользоваться его присутствіемъ въ Петербургѣ. Передѣлавъ свое Вѣнское письмо къ Петру, онъ отправилъ его къ Веберу и попросилъ его лично передать письмо царю. Лейбницъ заказалъ для царя счетную машину, съ помощью которой можно было не только рѣшать задачи по четыремъ правиламъ ариѳметики, но даже извлекать квадратные и кубическіе корни. Еще въ свою бытность въ Парижѣ, Лейбницъ изобрѣлъ эту машину, или вѣрнѣе, усовершенствовалъ изобрѣтенную прежде Паскалемъ; но у него не было тогда достаточныхъ средствъ, чтобы послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ довести дѣло до окончанія. Машина дѣлалась у одного механика въ Цейцѣ; работа требовала большой тщательности и подвигалась медленно. Поэтому Лейбницъ посылалъ царю пока другой подарокъ европейской науки—извлеченіе изъ описанія двора Аттилы, сдѣланнаго Прискомъ [2]). Мы уже видѣли, что Лейбницъ причислялъ

[1]) Веберъ сдѣлался потомъ извѣстенъ, какъ авторъ важнаго для Петровскаго времени сочиненія: «Das veränderte Russland».

[2]) Прискъ, риторъ и историкъ, жившій при Ѳеодосіѣ II, написалъ сочиненіе о войнахъ Аттилы и Византійскую исторію. Отъ этихъ сочиненій до насъ дошелъ только отрывокъ, въ которомъ Прискъ описалъ посольство къ Аттилѣ. Этотъ отрывокъ въ первый разъ былъ напечатанъ въ 1603 г.

Гунновъ къ славянскому племени, и потому считалъ описаніе двора Аттилы особенно любопытнымъ для царя. „Я заказалъ" — пишетъ Лейбницъ царю „ — съ немалымъ иждивеніемъ вещь, которая можетъ послужить когда-нибудь вашему величеству великолѣпнымъ подаркомъ для Китайскаго хана или Персидскаго шаха, или для какого-нибудь другаго важнаго государя, не столько по драгоцѣнности матеріала, сколько по искусной отдѣлкѣ ея и полезному употребленію. Весь Готторпскій глобусъ не можетъ выдержать сравненія съ нею. Между тѣмъ я занимаюсь исторіей скиѳскихъ народовъ, подвластныхъ вашему величеству, и убѣдился, что Гунны говорили на сарматскомъ или славянскомъ языкѣ и составляютъ одно племя не съ Венграми, какъ многіе думаютъ, а съ славянскими народами. Царь Гунновъ, великій Аттила, властвовалъ отъ Каспійскаго моря до Балтійскаго, какъ теперь ваше величество. Въ одной древней греческой книгѣ я нашелъ донесеніе о посольствѣ, отправленномъ къ Аттилѣ однимъ изъ греческихъ императоровъ. Это донесеніе написано самимъ секретаремъ посольства, и изъ него видно, что Аттила былъ умный и умѣренный государь, пощадившій жизнь даже тѣхъ, кто хотѣлъ извести его тайнымъ убійствомъ. Я хочу перевести для вашего величества это донесеніе, въ которомъ можно найти много подробностей о могуществѣ, о дворѣ и подвигахъ Аттилы, доселѣ неизвѣстныхъ, и чтобы дать нѣкоторое о нихъ понятіе присылаю прилагаемое извлеченіе". Въ заключеніе Лейбницъ повторяетъ свою обычную просьбу сообщить ему, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ, и дать ему возможность содѣйствовать благимъ намѣреніямъ царя въ дѣлѣ развитія цивилизаціи" [1]).

У Лейбница было еще одно желаніе, на которое онъ рѣшился только намекнуть въ письмѣ къ царю. Въ письмѣ же къ Веберу онъ подробнѣе изложилъ свою просьбу, чтобъ ему выплатили жалованье за два года. Онъ просилъ Вебера, чтобы тотъ выбралъ удобную минуту для передачи царю его „меморіала", когда царь бываетъ въ хорошемъ расположеніи духа и не окруженъ большою свитою: „Можетъ-быть, его величество дастъ благопріятный отвѣтъ и сдѣлаетъ распоряженіе выплатить если не всю сумму, то часть ея, а можетъ-быть, и всю.

[1]) Современный переводъ этого письма находится въ Госуд. Арх. Кабинетъ П. В. II, № 24, и напечатанъ г. Пекарскимъ въ IV т. *Записокъ Акад. Наукъ*. Самое же извлеченіе изъ Приска, присланное Лейбницемъ, по увѣренію г. Пекарскаго, въ Кабинетныхъ Дѣлахъ не отыскано. Въ статьѣ г. Пекарскаго письмо ошибочно помѣчено 22-мъ января 1725 года.

было бы, хорошо если бы его величество соизволилъ поговорить съ тѣмъ, кто управляетъ его финансами. Въ 1712 году это былъ какой-то любимецъ царя, русскій баринъ [1]), который выказывалъ мнѣ большое расположеніе, и въ Дрезденѣ очень быстро для меня все сдѣлалъ. Выплаченная мнѣ тогда сумма должна быть показана въ большой книгѣ или реестрѣ, куда вписываются всѣ платежи". Лейбницъ проситъ Вебера, нельзя ли все такъ устроить, чтобъ ему впредь не нужно было безпокоить каждый разъ царя, а можно было прямо обращаться въ казначейство. Затѣмъ Лейбницъ спрашиваетъ, возвратился ли Шафировъ въ Петербургъ, былъ ли Урбихъ у царя и какой имѣлъ успѣхъ, будетъ ли смѣненъ Матвѣевъ, и наконецъ, кто состоитъ при царѣ тайнымъ секретаремъ по нѣмецкой перепискѣ, тотъ ли самый, кто находился при немъ въ Карльсбадѣ (то-есть, Остерманъ)? „Онъ говорилъ тогда, что хочетъ выйдти въ отставку".

Хотя Лейбницъ и писалъ Веберу, что предпочелъ на этотъ разъ не обращаться ни къ кому другому, „такъ какъ нѣкоторые могли бы болѣе повредить дѣлу, чѣмъ содѣйствовать ему", но въ его бумагахъ находятся черновыя письма къ Головкину и Шафирову, отъ того же числа и по тому же дѣлу. Можетъ-быть, Лейбницъ раздумалъ, и не смотря на письмо къ Веберу, рѣшился написать къ канцлеру и вицеканцлеру для подкрѣпленія своей просьбы.

Отвѣтъ Вебера — отъ 28-го февраля. Онъ такъ интересенъ, что мы помѣщаемъ его цѣликомъ:

„Уважаемое письмо вашего превосходительства отъ 22-го января я получилъ на этой недѣлѣ, и стараясь исполнить ваши порученія, искалъ случая передать царю письмо къ нему вашего превосходительства и интересное приложеніе, что̀ и сдѣлалъ вчера утромъ. Царь, передавъ ихъ своему переводчику, спросилъ меня, гдѣ вы теперь находитесь, что̀ дѣлаете, гдѣ пребывали до сихъ поръ, остаетесь ли въ Ганноверѣ и проч. Я отвѣчалъ на эти вопросы, на сколько могъ, и желалъ продолжать этотъ разговоръ, но онъ былъ прерванъ прибытіемъ нѣсколькихъ генераловъ, и поэтому я не могъ достигнуть своей цѣли. Случаи, когда можно поговорить съ его величествомъ наединѣ, чрезвычайно рѣдки. Съ царемъ можно говорить или на пиршествахъ, или во время аудіенцій, при которыхъ присутствуютъ министры. Мнѣ кажется, что если бы ваше превосходительство написали нѣсколько строкъ великому канцлеру графу Головкину насчетъ не выплачен-

[1]) Лейбницъ, какъ видно изъ отвѣта Вебера, имѣетъ въ виду Шереметева.

наго жалованья, а я, потомъ, по мѣрѣ силъ моихъ, поддержалъ бы эту просьбу, то это былъ бы самый вѣрный и легкій путь, такъ какъ въ такого рода дѣлахъ всегда обращаются къ графу. Я постараюсь незамѣтнымъ образомъ развѣдать, какъ понравились царю переданныя вещи, что онъ о нихъ сказалъ, и пр.

„Здѣсь все готовится къ серіозному походу; армія въ 40.000 человѣкъ стягивается къ Ригѣ. Князь Голицынъ въ Финляндіи получилъ приказаніе предпринять что-нибудь рѣшительное въ Вестботніи. Онъ стоитъ ужъ у Торнео, хотя его армія чувствуетъ сильный недостатокъ въ припасахъ. Супруга покойнаго царя Ивана съ ея тремя царевнами, изъ которыхъ старшая была за мужемъ за герцогомъ Курляндскимъ, ожидаются здѣсь черезъ два или три дня. Матвѣевъ переходитъ въ Варшаву, но еще неизвѣстно, кто его замѣнитъ. Урбихъ здѣсь не былъ, и я не слыхалъ, что онъ долженъ пріѣхать; мнѣ однако говорили въ канцеляріи, что онъ отъ времени до времени сюда пишетъ. Вицеканцлеръ Шафировъ возвратился сюда, къ радости двора и всѣхъ иностранныхъ пословъ. Онъ оказалъ здѣшнему государству большія услуги. Генералъ Шереметьевъ также возвратился изъ Украйны. Тайный секретарь Остерманъ, съ которымъ ваше превосходительство познакомились въ Карльсбадѣ, здѣсь, и остается въ здѣшней службѣ. Здѣсь ходятъ слухи, что царь собирается слѣдующею весною совершить путешествіе въ Карльсбадъ, такъ какъ тамошнія воды оказали ему прежде, какъ и потомъ царевичу, большую пользу".

Вслѣдъ за тѣмъ пришло другое письмо Вебера отъ 26-го апрѣля. Веберъ сообщалъ Лейбницу, что морскіе офицеры получили приказаніе отправиться въ Кронштадтъ. „Работы по сооруженію флота идутъ безостановочно; онъ будетъ состоять изъ 30-ти военныхъ кораблей и къ половинѣ мая будетъ готовъ къ отплытію. Какъ кажется, генералъ-фельдмаршалъ Шереметьевъ получитъ начальство надъ сухопутною арміей, а князь Меншиковъ останется при царѣ". Далѣе Веберъ сообщалъ чрезвычайно важную новость: „Царь твердо рѣшился устроить коллегіи: военную, морскую, торговли, юстиціи, финансовъ, и для каждой изъ нихъ назначить предсѣдателя. Генералъ Вейде и нѣкоторые другіе русскіе офицеры, находившіеся въ плѣну въ Швеціи со времени Нарвскаго дѣла и познакомившіеся съ устройствомъ Шведскаго государства, руководятъ его величествомъ при учрежденіи этихъ коллегій, которыя должны быть устроены по шведскому образцу". Изъ этого видно, что учрежденіе коллегій было окончательно рѣшено царемъ еще раннею весною 1715 года, и что уже съ тѣхъ поръ главное

участіе въ этомъ дѣлѣ принадлежало генералу Вейде, которому потомъ, въ августѣ, было поручено „достать иностранныхъ ученыхъ и въ правостяхъ искусныхъ людей для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ“ [1]. Конецъ письма Вебера заключаетъ въ себѣ разныя извѣстія: „Король Августъ даровалъ имѣніямъ Сапѣги, которыя купилъ князь Меншиковъ въ Польшѣ, льготы на вѣчныя времена (Immuniteten) изъ дружбы къ князю. Выписанный изъ Голландіи шутбинахтъ (контръ-адмиралъ) Трессель умеръ, и здѣсь очень огорчены потерей этого опытнаго моряка. Умеръ также генералъ фонъ-Бушъ, двоюродный братъ Ганноверскаго тайнаго совѣтника фонъ-Буша, и царь потерялъ въ немъ хорошаго генерала. Секретарь князя Меншикова Авраамъ Веселовскій отправляется въ Вѣну въ качествѣ резидента: ему доставилъ это мѣсто вицеканцлеръ, его близкій родственникъ; онъ уѣзжаетъ отсюда на этой недѣлѣ; между тѣмъ къ Матвѣеву отправленъ курьеръ съ приказомъ оставаться пока въ Вѣнѣ или даже возвратиться туда въ случаѣ выѣзда. Въ теченіе этой священной недѣли Русскіе держатся чрезвычайно строгаго поста; они не питаются ничѣмъ, кромѣ воды, хлѣба и чеснока; за то завтра въ полночь начнется самое веселое ихъ время, которое продолжается 14 дней. 13-го апрѣля ледъ прошелъ къ великой радости двора, и началось водяное сообщеніе. Слѣдствіе, наконецъ, приведено къ концу, и 17-го совершилось наказаніе преступниковъ. Вицегубернаторъ Петербургскій Корсаковъ, за свои страшные обманы, наказанъ кнутомъ; имущество его конфисковано, а самъ онъ сосланъ въ Сибирь. Сенатору князю Волконскому и сенатору Опухтину сожжены языки за ихъ ужасныя клятвопреступленія: все ихъ имущество также конфисковано, а они сосланы. Двое другихъ начальниковъ приговорены къ галерамъ, и имъ отрѣзаны носы, а остальные подверглись наказанію батожьемъ (eine Art von Spiessruthen); нѣкоторые же наказаны только тяжелыми денежными пенями и лишеніемъ должностей“.

О дѣлахъ Лейбница въ этомъ письмѣ нѣтъ ни слова. Итакъ, Лейбницъ и черезъ Вебера не достигъ желаемаго результата, не добился распоряженія о выдачѣ ему жалованья. Можетъ-быть, въ громадной массѣ бумагъ Лейбница въ Ганноверской библіотекѣ со временемъ найдется еще нѣсколько писемъ Вебера; но ни въ какомъ случаѣ онѣ не будутъ заключать въ себѣ болѣе благопріятныхъ для Лейбница извѣстій. Иначе онъ не послѣдовалъ бы совѣту Вебера и не

[1]) См. *Соловьевъ*, Ист. Россіи. Т. XVI, стр. 186.

обратился бы, 10-го мая 1715 года, прямо къ канцлеру Головкину съ просьбою сдѣлать распоряженіе о выдачѣ ему денегъ [1]). Онъ не ограничился этою мѣрой и въ то же время хлопоталъ о своемъ жалованьи черезъ Шлейница. Въ реляціи Шлейница къ своему двору отъ 19-го февраля (2-го марта новаго стиля) есть приписка, въ которой русскій посолъ при брауншвейгскихъ дворахъ передаетъ просьбу Лейбница и подкрѣпляетъ ее своимъ ходатайствомъ [2]). Точно также въ письмѣ своемъ къ Лейбницу отъ 15-го мая Шлейницъ сообщаетъ ему: „Я писалъ съ сегодня отправленнымъ курьеромъ графу Головкину и барону Шафирову о выдачѣ вашего жалованья. Шафирову я писалъ, чтобы познакомить его съ вашею личностію и вашими заслугами, въ такихъ выраженіяхъ, которыя внушены мнѣ моею дружбой и моимъ уваженіемъ къ вамъ“.

Возобновившаяся въ 1715 году переписка между Шлейницемъ и Лейбницемъ шла довольно вяло и касалась преимущественно современныхъ политическихъ вопросовъ, предстоявшей войны между Турціей и Венеціей, возвращенія Карла XII и политики Пруссіи. Разрывъ между султаномъ и Венеціей грозилъ вовлечь въ войну и Австрію, а въ этомъ случаѣ союзъ съ Россіей, отъ котораго императоръ такъ долго отказывался, получилъ бы для него чрезвычайно важный интересъ. Вотъ почему Шлейницъ писалъ въ январѣ 1715 года слѣдующее: „Матвѣевъ навѣрное теперь сильно поднялъ тонъ (est sur ses grands chevaux). Царь, вѣроятно, будетъ теперь ждать предложеній отъ императорскаго двора, не дѣлая никакихъ съ своей стороны; онъ достаточно заискивалъ расположеніе императора; Вѣнскій же дворъ только и зналъ, что ухаживать за королемъ Шведскимъ. Король, впрочемъ, плохо отвѣчаетъ на эти любезности, и даже не хотѣлъ согласиться, чтобъ его свита и войска, возвращающіяся изъ Бендеръ, содержались на австрійскій счетъ; но императоръ непремѣнно хочетъ, противъ воли короля и не смотря на его отказъ, истратить 200.000 гульденовъ, ибо говорятъ, что столько будетъ стоить проходъ Шведовъ чрезъ императорскія владѣнія. Шведскій король, какъ говорятъ, объявилъ, что не хочетъ послать уполномоченнаго на Брауншвейгскій конгрессъ; тогда останется только одно средство, чтобъ императоръ, Англія, Пруссія и имперскіе князья, заинтересованные въ спокойствіи округовъ Верхней и Нижней Саксоніи, согласились съ сѣверными

[1]) Въ бумагахъ Лейбница сохранились двѣ черновыя этого письма, нѣсколько различныя по выраженіямъ.

[2]) Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ. Ганноверскія Дѣла. Донесенія Шлейница.

союзниками насчетъ условій мира, сообразныхъ съ теперешнимъ положеніемъ Шведскаго короля, и осуществили ихъ противъ его воли; но я не вижу никакого основанія разчитывать на такой исходъ дѣла, пока императорскій дворъ будетъ упорствовать въ томъ, чтобы склонить Шведскаго короля къ миру любезностью и лестью. Это только избалуетъ его и сдѣлаетъ его болѣе упрямымъ; впрочемъ, можетъ-быть, такой политики держатся съ нимъ, чтобъ угодить Франціи".

Лейбницъ, какъ кажется, былъ не совсѣмъ согласенъ съ политическими взглядами Шлейница. Онъ также жалѣлъ, что Шведскій король не присылалъ своего уполномоченнаго на Брауншвейгскій конгрессъ, но потому что видѣлъ въ этомъ единственное для него средство сохранить при заключеніи мира большую часть потерянныхъ провинцій какъ въ Германіи, такъ и на Балтійскомъ морѣ. Впрочемъ, такъ какъ этотъ взглядъ Лейбница высказанъ въ одномъ письмѣ его къ графу Бонневалю, вліятельному любимцу Евгенія Савойскаго [1]), то трудно рѣшить, выражалъ ли Лейбницъ свое собственное желаніе, или же только входилъ въ виды австрійской политики. Въ письмѣ этомъ Лейбницъ говоритъ „о новой грозѣ, собирающейся на Рейнѣ, которая если разразится, то произведетъ большія смуты въ имперіи. Шведы, съ помощью Франціи, формируютъ значительный отрядъ войска. (въ княжествѣ Цвейбрюкенскомъ, принадлежавшемъ Карлу XII). Они льстятъ себя надеждою, что Гессенцы присоединятся къ нимъ: тогда могла бы составиться армія достаточно сильная, чтобы проникнуть черезъ Вестфалію и Нижнюю Саксонію и приблизиться къ Ольденбургу и Бремену [2]). Отъ этого можетъ произойдти довольно серіозная опасность, такъ что Бранденбургъ, Мюнстеръ и Брауншвейгскіе князья, съ помощью саксонскихъ войскъ, уже двинутыхъ въ Турингію, можетъ-быть, будутъ принуждены сформировать армію противъ Шведовъ и даже призвать на помощь Генеральные Штаты на основаніи извѣстныхъ договоровъ. Можно опасаться, что Шведскій король совершенно себя погубитъ, доводя дѣло до крайности, и тогда никакія силы Франціи не будутъ въ состояніи отнять у царя то, что онъ можетъ еще занять въ самой Швеціи. Между тѣмъ, если бы король захотѣлъ признать Брауншвейгскій конгрессъ, составленный по настоянію его императорскаго величества, онъ могъ бы не только сохранить то.

[1]) О Бонневалѣ и его отношеніяхъ къ Лейбницу см. «Лейбницъ и его вѣкъ», стр. 558.

[2]) Княжество Бременское принадлежало въ то время Швеціи, но было захвачено Даніей и Ганноверомъ.

что ему еще остается въ имперіи, но и возвратить все остальное дипломатическими средствами и тогда обратить всѣ свои силы противъ царя, чтобъ отнять у него Финляндію и Ливонію".

Съ другой стороны, Лейбница не менѣе безпокоила Пруссія. Колеблющаяся политика этой державы во время Сѣверной войны постоянно давала поводъ опасаться, что она наконецъ рѣшительно перейдетъ на одну изъ сторонъ и подастъ поводъ къ неожиданнымъ столкновеніямъ. Друзья Швеціи не теряли надеждъ, что имъ удастся привлечь Пруссію на свою сторону. Въ февралѣ 1715 года пріѣздъ Ландграфа Гессенскаго, родственника Карла XII, въ Берлинъ внушилъ Лейбницу, какъ и многимъ другимъ, страхъ, что Пруссія сблизится съ друзьями Швеціи. Въ маѣ въ Пруссію пріѣхалъ маркизъ де-Кроасси, французскій дипломатъ, чтобы своимъ посредничествомъ примирить воюющія стороны, конечно, въ интересахъ Швеціи. Правда, онъ объявилъ, какъ писалъ Шлейницъ Лейбницу, что французскій король предлагаетъ свое посредничество только съ согласія и содѣйствія императора, и что если императоръ выскажется противъ этого, то король откажется отъ своихъ предложеній и предоставитъ одному императору привести къ концу Сѣверную войну. „Fistula dulce canit", прибавилъ Шлейницъ. Но если Лейбницъ въ интересахъ мира не желалъ сближенія Пруссіи съ Швеціей, то его по той же причинѣ очень безпокоилъ договоръ между Пруссіей и Россіей. Въ маѣ 1715 года онъ узналъ, что по секретному параграфу этого договора Пруссія не только должна была удержать до заключенія мира шведскую крѣпость Штетинъ, но и всю Померанію между Одеромъ и Пеной, и что царь гарантируетъ королю занятіе этой области, если бы кто-нибудь захотѣлъ вытѣснить его оттуда. „Такъ какъ царь наконецъ подписалъ этотъ договоръ",—пишетъ Лейбницъ Бонвалю,—„то, какъ я узналъ, по первому требованію Пруссіи, царь двинетъ въ Померанію войска, которыя онъ держитъ на готовѣ въ Курляндіи, и вотъ, значитъ, Русскіе снова будутъ призваны въ предѣлы имперіи, если не найдется средства отвратить эту новую бурю".

Ходатайства Шлейница остались столь же безуспѣшными, какъ и хлопоты Вебера. Лейбницъ между тѣмъ не переставалъ заботиться объ интересахъ русскаго просвѣщенія. Въ сентябрѣ 1715 года онъ извѣщаетъ Шлейница, что продается отличная библіотека, стоившая, можетъ-быть, болѣе 50.000 талеровъ, и которую, вѣроятно, можно было бы купить за четвертую часть ея стоимости. „Такъ какъ его ве-

личество намѣренъ составить значительную библіотеку, хорошо снабженную по всѣмъ предметамъ", то Лейбницъ совѣтуетъ Шлейницу обратить вниманіе на предлагаемую библіотеку: „Купивъ ее, царь могъ бы положить основаніе библіотекѣ, достойной такого великаго государя. По моему мнѣнію, царю слѣдовало бы имѣть библіотеку, которая не уступала бы ни одной европейской, тѣмъ болѣе, что эта библіотека была бы единственною въ его странѣ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, въ Вѣнѣ и Парижѣ, въ Лондонѣ и Римѣ, то, чего недостаетъ въ библіотекѣ государя, можетъ быть пополнено съ помощію большаго числа другихъ публичныхъ и частныхъ библіотекъ".

Шлейницъ отвѣтилъ на это Лейбницу, что такъ какъ царь собирается выйдти въ море изъ Ревеля вмѣстѣ съ русскимъ флотомъ, то онъ, безъ сомнѣнія, будетъ присутствовать при военныхъ дѣлахъ въ Помераніи и призоветъ его (Шлейница) къ себѣ: „Графъ Головкинъ и баронъ Шафировъ будутъ находиться при его величествѣ, и тогда представится удобный случай не только похлопотать о выдачѣ невыплаченнаго жалованья, но и посовѣтовать (insinuer) министрамъ и царю пріобрѣсти библіотеку. „Вы можете разсчитывать на меня какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніяхъ",—писалъ Шлейницъ,—„и вы, безъ сомнѣнія, одобрите, что по этой причинѣ я теперь не пишу министрамъ, ибо, на сколько я знаю ходъ нашихъ дѣлъ, это не имѣло бы ни малѣйшихъ послѣдствій. Но мы такимъ образомъ выиграемъ время, если вы между тѣмъ постараетесь въ точности узнать число и свойство книгъ въ библіотекѣ, то-есть, достать подробный каталогъ".

Еще до полученія этого письма отъ Шлейница Лейбницъ извѣстилъ его, что онъ будетъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ состояніи сообщить подробности о предлагаемой библіотекѣ, такъ какъ его знакомый, черезъ котораго онъ имѣетъ свѣдѣнія объ ней, уѣхалъ. „Но между тѣмъ", писалъ онъ, „можно бы было составить общій планъ для пріобрѣтенія библіотеки для царя, ибо это одно изъ самыхъ важныхъ и необходимыхъ орудій для развитія наукъ. Царь могъ бы назначить ежегодную сумму для покупки книгъ на аукціонахъ и у книгопродавцевъ, кромѣ покупки цѣлыхъ библіотекъ для ускоренія дѣла. Я полагаю, что я въ этомъ дѣлѣ могъ бы быть полезенъ его величеству".

Въ томъ же году Лейбницъ возобновилъ свою переписку съ Гюйсеномъ, которая прекратилась или потому, что письма Лейбница не доходили до Гюйсена, или же потому, что послѣдній не отвѣчалъ на

нихъ. Изъ этой переписки сохранились только два письма Лейбница: первое, отъ 12-го іюля, не представляетъ особеннаго интереса; второе же очень оригинально по своему содержанію.

Супруга царевича Алексѣя скончалась 22-го октября (стараго стиля) 1715 года. Вѣсть о ея кончинѣ вызвала при многихъ маленькихъ нѣмецкихъ дворахъ не столько сожалѣніе, сколько разнообразныя надежды. Родственный союзъ съ будущимъ Русскимъ царемъ былъ такъ заманчивъ, что число заботливыхъ отцовъ и честолюбивыхъ матерей, надѣявшихся при этомъ случаѣ выгодно пристроить одну изъ своихъ взрослыхъ принцессъ, было, вѣроятно, не малое. Но еще болѣе, можетъ-быть, въ этомъ дѣлѣ были заинтересованы разные придворные прожектеры и скучающіе дипломаты, для которыхъ возможность устроить выгодный бракъ была счастливымъ случаемъ, обѣщавшимъ и дипломатическую извѣстность, и блестящую карьеру. Зашевелились поэтому въ разныхъ мѣстахъ дипломаты, завязалась переписка, начались переговоры о новой женитьбѣ царевича. Объ одной изъ такихъ попытокъ мы узнаемъ изъ письма Лейбница къ Гюйссену, написаннаго 24-го декабря 1715 года, слѣдовательно, не болѣе какъ черезъ недѣлю послѣ смерти царевны. Къ кому въ этомъ случаѣ было удобнѣе обратиться, какъ не къ Лейбницу, который находился въ сношеніяхъ съ русскимъ дворомъ. Лейбницъ же, съ своей стороны, считалъ всего болѣе удобнымъ обратиться къ Гюйссену, который принималъ нѣкоторое участіе въ первомъ сватовствѣ царевича, и какъ прежній воспитатель его, могъ сохранить нѣкоторое вліяніе на него. Къ сожалѣнію, по письму Лейбница нельзя догадаться, о какой принцессѣ идетъ рѣчь, и какой дворъ такъ поспѣшно вздумалъ воспользоваться вдовствомъ царевича [1]).

„Я не люблю“ — пишетъ Лейбницъ — „надоѣдать тѣмъ, кого уважаю, но надѣюсь, что вы не посѣтуете на меня за то, что я по просьбѣ одного высокопоставленнаго лица (personne distinguée) не могу не спросить вашего мнѣнія объ одномъ важномъ дѣлѣ, которое въ извѣстномъ отношеніи васъ касается (est de votre ressort). Смерть такой достойной принцессы, какъ супруга царевича, тронула всѣхъ, кто умѣетъ цѣнить добродѣтель, украшенную высокимъ саномъ. Но разумѣется, что въ возрастѣ царевича, какъ бы глубоко онъ ни чувствовалъ своей потери, нельзя подражать горлицамъ, и что онъ будетъ поставленъ въ необходимость жениться во второй разъ для

[1]) Письмо Лейбница въ его Op. Om., ed. Dut., V, стр. 542.

упроченія своего рода (ob firmamenta domus). Объ этомъ подумали при извѣстномъ дворѣ, гдѣ есть протестантская принцесса, красивая, умная, богатая наслѣдница, черезъ которую можно было бы сдѣлаться членомъ могущественнаго союза. Одно лицо, принадлежащее къ этому двору, пожелало, чтобъ я разслѣдовалъ почву, и мнѣ казалось, что я не могу найдти лучшаго для этого способа, какъ обратиться къ вамъ. Я предоставляю на ваше усмотрѣніе завести объ этомъ рѣчь и дѣйствовать, какъ вы найдете то удобнымъ. Но я прошу васъ отвѣтить такъ, чтобы мы знали, какъ намъ поступить. Не знаю, приняты ли ужъ у васъ какія-либо другія мѣры на этотъ счетъ. Извѣстное лицо не позволило мнѣ высказаться яснѣе. Но какъ скоро мы узнаемъ, что доступъ не закрытъ для переговоровъ, и что дальнѣйшія объясненія будутъ приняты съ удовольствіемъ, я буду имѣть честь сообщить вамъ дальнѣйшія подробности, не сомнѣваясь, что въ этомъ случаѣ вы съ удовольствіемъ пріймете участіе въ такомъ подходящемъ дѣлѣ (affaire si convenable): я полагаю, что вамъ будутъ очень обязаны съ той и другой стороны, и по крайней мѣрѣ, могу увѣрить васъ въ томъ относительно той стороны, отъ имени которой я говорю".

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какой отвѣтъ получилъ Лейбницъ отъ Гюйссена. Но что Гюйссенъ писалъ ему, видно изъ письма Лейбница къ французскому ученому аббату Биньону, въ которомъ упоминается о письмѣ Гюйссена [1]). Мы тѣмъ болѣе жалѣемъ объ утратѣ отвѣта Гюйссена, что за исключеніемъ писемъ Вебера, это было бы единственное письмо, полученное Лейбницемъ изъ Россіи со времени Карльсбадскаго свиданія. Три съ половиною года прошло съ тѣхъ поръ; ни одна просьба Лейбница не была исполнена, и надежды его, что Карльсбадскія знакомства будутъ имѣть какой-нибудь практическій результатъ, вѣроятно, очень ослабѣли. Вдругъ эти надежды оживились. Лейбницъ узналъ навѣрное, что царь собирается лѣтомъ 1716 года побывать на водахъ въ Германіи. Уже въ мартѣ Лейбницъ зналъ объ этомъ и торопилъ своего друга Тейбнера [2]), которому было поручено наблюденіе за изготовленіемъ счетной машины. Такъ какъ трудно было найдти хорошаго мастера для машины, то окончаніе ея

[1]) Письмо Лейбница къ Биньону въ Op. Om., ed. Dut. V, стр. 565. Между бумагами Гюйссена, хранящимися въ библіотекѣ Имп. Академія Наукъ, находится нѣсколько писемъ Гюйссена къ Биньону.

[2]) Переписка Лейбница съ Тейбнеромъ напечатана филологомъ Нобб въ Лейпцигѣ въ 1846 и 1847 годахъ: Ducentesima Natalicia Leibnitzii.

подвигалось медленно. Механикъ, у котораго она находилась въ работѣ, обѣщалъ, что къ лѣту будетъ готова только часть ея. Лейбницъ настаивалъ, чтобъ она была вполнѣ окончена, такъ какъ онъ ожидалъ пріѣзда короля Англійскаго и царя, и такъ какъ для него было чрезвычайно важно „представить имъ что-нибудь оконченное“.

Для Лейбница было чрезвычайно удобно, что царь на этотъ разъ выбралъ для своего лѣченія не Карльсбадъ, а Пирмонтъ, такъ какъ Пирмонтъ находится не далеко отъ Ганновера. 23-го мая стараго стиля Петръ высадился въ Гарбургѣ, а на другой день поѣхалъ въ Герренгаузенъ, гдѣ его ожидали внукъ Георга I и Ганноверскіе министры. 26-го онъ выѣхалъ въ Пирмонтъ, гдѣ пользовался водами до 15-го іюня. На возвратномъ пути онъ провелъ опять два дня въ Герренгаузенѣ и 17-го выѣхалъ оттуда въ Мекленбургъ [1]. Лейбницъ провелъ съ царемъ недѣлю въ Пирмонтѣ и потомъ находился при немъ въ Герренгаузенѣ. Во всѣхъ своихъ письмахъ отъ этого времени онъ упоминаетъ о царѣ, и всѣ они исполнены благоговѣнія къ великому государю. Гамбургскому сенатору Видау Лейбницъ пишетъ: „Царь казался очень веселъ, и воды сдѣлали ему большую пользу“. Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ [2]): „Я былъ пораженъ не только человѣчностью этого замѣчательнаго государя, но и его знаніемъ дѣла и вѣрнымъ сужденіемъ“. „Чѣмъ ближе я узнаю характеръ царя, тѣмъ болѣе предъ нимъ благоговѣю [3])“,—пишетъ Лейбницъ Бернулли. А въ письмѣ его къ Бурге мы читаемъ: „Я не могу довольно надивиться живости и уму этого великаго государя. Онъ со всѣхъ сторонъ собираетъ около себя свѣдущихъ людей, и когда онъ съ ними говоритъ, они совершенно поражены: съ такимъ пониманіемъ ихъ дѣла онъ ведетъ съ ними рѣчь (tant il leur parle à propos). Онъ освѣдомляется о всѣхъ механическихъ искусствахъ; но главный его интересъ сосредоточивается на всемъ, что̀ относится къ мореплаванію, и поэтому онъ любитъ также астрономію и географію. Я надѣюсь, что черезъ него мы узнаемъ, соединена ли Азія съ Америкой“. Изъ этого видно, какихъ предметовъ главнымъ образомъ касался Петръ въ своемъ разговорѣ съ Лейбницемъ, и можно предположить, что здѣсь у царя со-

[1]) О путешествіи царя см. *Baemeister*, Beiträge zur Gesch. Peters d. Gr. Riga, 1774, ч. II.

[2]) Miratus sum in tanto Principe non tantum humanitatem, sed et notitiam rerum et judicium acre.

[3]) Et quanto magis hujus Principis indolem prospicio, tanto eam magis admiror. См. Commercium Philosophicum Leibn. et Bern. 1745, стр. 396.

зрѣла мысль посредствомъ особенной экспедиціи изслѣдовать географическую связь между Азіатскимъ и Американскимъ материками, которая была приведена въ исполненіе нѣсколько лѣтъ спустя.

Къ сожалѣнію, Лейбницъ, сколько намъ по крайней мѣрѣ извѣстно, не оставилъ намъ никакихъ подробностей о пребываніи царя въ Пирмонтѣ и о своемъ свиданіи съ нимъ, какъ и о свиданіяхъ въ Торгау и Карльсбадѣ. Вслѣдствіе ли осторожности, или по недостатку времени, онъ въ своихъ письмахъ не сообщаетъ даже своего разговора съ царемъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Тейбнеру изъ Ганновера отъ 26-го іюня новаго стиля, онъ говоритъ только: „Вчера я говорилъ съ Русскимъ царемъ и обѣщалъ ему машину. Поэтому нужно стараться, чтобъ я могъ исполнить обѣщаніе". Только одну интересную подробность о жизни царя въ Пирмонтѣ находимъ мы въ письмѣ Лейбница къ Бернулли: „Когда царь рѣшился пить воды (acidulas Sauerbrunnen), онъ велѣлъ пустить себѣ кровь; то же самое сдѣлали и другія лица его свиты, которыя имѣли то же намѣреніе, въ томъ числѣ и русскій священникъ, находившійся при царѣ. Кровь этого священника была хуже всѣхъ — блѣдная и густая. Когда кончилось лѣченіе, царь, такъ какъ очень любознателенъ (ingeniosus), захотѣлъ подвергнуть опыту вліяніе водъ и велѣлъ во второй разъ пустить священнику кровь. Кровь оказалась самая чистая, отличнаго цвѣта, такого свойства, какъ она бываетъ у самаго здороваго человѣка. Я самъ присутствовалъ, когда ее принесли. Царь былъ въ восхищеніи — и былъ правъ, ибо невозможно приписать такую значительную перемѣну въ столь короткое время одной діэтѣ". Въ Ганноверѣ ходитъ преданіе, что Петръ страдалъ въ то время онѣмѣніемъ или ревматизмомъ въ рукѣ, вслѣдствіе чего онъ не могъ цѣлить ружьемъ, и что Лейбницъ придумалъ для него особый снарядъ, съ помощью котораго царь могъ держать ружье и вѣрно направить его на цѣль. Снарядъ этотъ хранится въ Ганноверской библіотекѣ.

Вслѣдствіе краткости писемъ Лейбница, мы не знаемъ, было ли ему въ Пирмонтѣ заплачено жалованье за истекшіе три года, были ли ему даны какія-либо новыя порученія, и какія обѣщанія были ему сдѣланы относительно высылки изъ Россіи матеріаловъ для его филологическихъ и юридическихъ трудовъ. Но мы знаемъ, что онъ въ Пирмонтѣ возобновилъ тѣ предложенія и совѣты, на которыхъ онъ настаивалъ въ теченіе стольких лѣтъ. На этотъ разъ онъ дѣйствовалъ черезъ Шафирова, съ которымъ могъ объясняться безъ переводчика. 11-го іюня новаго стиля онъ подалъ Шафирову записку

въ формѣ письма [1]), въ которомъ, упомянувъ о своихъ дипломатическихъ услугахъ и изслѣдованіяхъ по славянскимъ древностямъ, о своемъ намѣреніи заняться вопросомъ объ улучшеніи русскаго судопроизводства, устройствомъ учебной части и средствами избѣгнуть злоупотребленій въ европейскихъ школахъ и университетахъ, онъ проситъ сдѣлать надлежащія распоряженія и дать ему возможность сноситься впредь болѣе правильнымъ образомъ съ русскимъ дворомъ и быть полезнымъ своими представленіями и письмами. Въ особенномъ приложеніи онъ указываетъ по пунктамъ, какимъ способомъ царь могъ бы съ великою славою содѣйствовать цивилизаціи и развитію различныхъ наукъ: 1) въ древней исторіи и этнографіи—собраніемъ лингвистическаго матеріала; 2) распространеніемъ христіанства посредствомъ миссіонеровъ; 3) содѣйствовать къ улучшенію мореплаванія посредствомъ наблюденій надъ склоненіями магнитной стрѣлки, для чего нужно было бы снестись особенно съ Англіей; 4) къ развитію астрономіи—астрономическими наблюденіями; 5) къ разъясненію географіи—изслѣдованіемъ вопроса о соединеніи Азіи съ Америкой; 6) къ развитію естественныхъ наукъ—собраніями всѣхъ растеній, животныхъ и ископаемыхъ, которыя встрѣчаются не только въ Россіи, но и въ сосѣднихъ съ нею странахъ, особенно на востокѣ, 7) наконецъ къ улученію всѣхъ вообще наукъ и искусствъ—переводомъ на русскій языкъ краткаго изложенія всѣхъ наукъ и основательными описаніями всякихъ ремеслъ и промысловъ.

Ко времени пребыванія въ Пирмонтѣ мы относимъ, по разнымъ причинамъ, еще три записки Лейбница, не обозначенныя имъ хронологически. Первая изъ этихъ записокъ касается наблюденій надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки. Лейбницъ доказываетъ въ ней важность этихъ наблюденій для мореплаванія, подобно тому, какъ въ запискѣ, отправленной къ Брюсу въ Грейфевальдъ. Время подачи этой записки легко опредѣлить, и мы удивляемся, какъ первый издатель ея могъ отнести ее къ 1712 году, не смотря на то, что курфирстъ Ганноверскій называется въ ней королемъ Англіи. Лейбницъ говоритъ въ своей запискѣ: „Такъ какъ недавно англійскій парламентъ сдѣлалъ постановленіе относительно опредѣленія меридіановъ, то было бы, можетъ-быть, полезно войдти по этому вопросу въ сношенія съ королемъ Англіи, и если бы это было согласно съ намѣреніями его вели-

[1]) У *Поссельта*, Peter d. Gr. und Leibniz, стр. 271,—письмо невѣрно обозначено 22-мъ іюня *стараго стиля;* слѣдуетъ читать 22-го іюня новаго стиля.

чества царя, то эти сношенія можно бы было завязать черезъ меня съ помощью статсекретаря Стангопа, который, вѣроятно, прибудетъ съ его королевскимъ величествомъ". Такъ какъ во время пребыванія Лейбница въ Пирмонтѣ ожидали пріѣзда изъ Англіи Георга I, то приведенная записка, безъ всякаго сомнѣнія, была подана царю въ Пирмонтѣ или Ганноверѣ въ іюнѣ 1716 года.

Другую пространную записку, начинающуюся словами: „Nachdem S. Gr. Cz. M. mir allgn. aufgetragen" и заключающую въ себѣ подробный планъ для устройства учебной части, мы относимъ къ этому же времени по двумъ причинамъ: вопервыхъ, Лейбницъ говоритъ въ началѣ записки о представленномъ имъ описаніи двора Аттилы; слѣдовательно, она была составлена послѣ отправленія письма отъ 22-го января 1715 года; послѣ же этого письма и до свиданія въ Пирмонтѣ Лейбницъ, сколько намъ извѣстно, не обращался ни къ царю, ни къ русскимъ министрамъ ни съ какими письмами; вовторыхъ, Лейбницъ въ письмѣ къ Шафирову обѣщаетъ представить свои соображенія относительно того, какъ избѣгнуть злоупотребленій, вкравшихся въ европейскіе университеты, и такъ какъ въ упомянутой запискѣ онъ подробно касается этого вопроса, то и слѣдуетъ заключить, что она была составлена для исполненія обѣщанія, высказаннаго въ письмѣ къ Шафирову. Лейбницъ для развитія просвѣщенія считалъ необходимыми три средства: 1) пріобрѣтеніе всѣхъ нужныхъ пособій, 2) обученіе тому, что̀ уже достигнуто въ разныхъ наукахъ, и 3) дальнѣйшее развитіе этихъ наукъ. Подъ пособіями онъ разумѣлъ библіотеку, музей и то, что̀ онъ называетъ theatrum naturae et artis. Подробно исчисляетъ онъ то, что̀ необходимо для полной библіотеки, и ссылается на примѣръ короля Португальскаго, который также собираетъ значительную библіотеку, такъ какъ въ его странѣ былъ недостатокъ въ иностранныхъ книгахъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ музею съ его разнообразными отдѣленіями и такъ-называемому „зрѣлищу природы и искусства". Къ послѣднему онъ относитъ ботаническіе и зоологическіе сады, акваріи, анатомическій театръ, обсерваторію, лабораторію и то, что̀ въ наше время было бы названо промышленнымъ и сельско-хозяйственнымъ музеемъ.

Замѣчанія Лейбница объ устройствѣ школьной части заслуживаютъ особеннаго вниманія и могутъ служить интереснымъ дополненіемъ къ тому, что̀ извѣстно о его педагогическихъ взглядахъ. Лейбницъ, какъ мы указали въ первой части нашего сочиненія, не сочувствовалъ тогдашней педагогіи, которая главнымъ образомъ имѣла въ виду фор-

мальное воспитаніе и ставила въ школѣ латинскій языкъ на степень живаго языка. Лейбницъ, какъ представитель въ своемъ отечествѣ современнаго европейскаго духа, постоянно настаивалъ на большемъ сближеніи теоріи съ жизнью, на практическомъ примѣненіи результатовъ науки. Онъ требовалъ этого не только отъ университетской науки, но считалъ нужнымъ уже въ школѣ дать нѣкоторое мѣсто тому, что мы называемъ практическимъ элементомъ, и кромѣ того, обратить больше вниманія на физическое воспитаніе. Съ этой точки зрѣнія нужно разсматривать краткія замѣчанія Лейбница, которыя имѣли въ виду не подробную программу школьнаго обученія, а лишь общій планъ его. Лейбницъ считалъ необходимымъ устроить троякія заведенія сообразно возрасту учащихся: школы для дѣтей, университеты для юношества и академіи для взрослыхъ людей, самостоятельно разработывающихъ науку. Школа, по его мнѣнію, должна имѣть три цѣли: нравственное воспитаніе, обученіе языкамъ и обученіе художествамъ (Künste). Подъ послѣднимъ словомъ Лейбницъ понималъ науки въ противоположность языкамъ и физическое воспитаніе. Въ первомъ отношеніи школа должна развивать въ дѣтяхъ религіозность, доброту, послушаніе, честность и т. д. Относительно обученія языкамъ Лейбницъ совѣтуетъ держаться слѣдующей системы: тѣ дѣти, которыя предназначаются для какого-нибудь ремесла, могутъ ограничиться однимъ русскимъ языкомъ; тѣ, которыя готовятся къ торговлѣ, должны кромѣ того изучать латинскій и нѣмецкій языки; дѣтямъ, которыя должны получить высшее образованіе, слѣдуетъ кромѣ того заниматься греческимъ, а также французскимъ или италіанскимъ языками. Мальчики, предназначаемые для духовнаго званія, должны кромѣ того учиться еврейскому языку; наконецъ тѣ, которые готовятся къ ученому званію и къ занятію высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ должностей, должны отлично знать греческій языкъ и нѣсколько упражняться въ арабскомъ. Послѣдній языкъ Лейбницъ, вѣроятно, считалъ необходимымъ для Русскихъ ради ихъ сношеній съ востокомъ. Между предметами, служащими къ достиженію третьей цѣли, Лейбницъ называетъ катихизисъ, основанія логики, музыки, ариѳметику, рисованіе, ручныя работы, какъ напримѣръ, токарное искусство и рѣзьбу, геометрію, главныя основанія хозяйства, фехтованіе и верховую ѣзду, смотря по свойствамъ и наклонностямъ каждаго. Дѣти, готовящіяся къ ремесленнымъ и торговымъ занятіямъ, должны оставаться въ школахъ до 12-ти или 14-лѣтняго возраста, остальныя до 18-лѣтняго.

По окончаніи курса въ школѣ, молодыхъ людей, предназначаемыхъ въ военную службу, слѣдуетъ посылать въ гарнизоны и гавани для изученія ихъ специальности, а тѣхъ, которые готовятся къ гражданской службѣ, опредѣлять въ университеты или дворянскіе лицеи (Ritteracademieen). Чтобъ избѣгнуть злоупотребленій, которыя вкрались въ нѣмецкіе университеты, Лейбницъ считаетъ необходимымъ, чтобы молодые люди не пользовались неограниченною свободой, а были бы размѣщены по коллегіямъ или бурсамъ и жили тамъ подъ присмотромъ наставниковъ. Въ университетахъ каждый студентъ, не смотря на различіе факультетовъ, долженъ посвятить нѣкоторое время общему образованію, преимущественно съ цѣлью развить умъ и краснорѣчіе. Но такъ какъ ничто въ такой степени не содѣйствуетъ развитію ума, какъ математика, то каждый студентъ долженъ слушать нѣсколько времени лекціи математики и механики. Кромѣ того, Лейбницъ считалъ необходимымъ, чтобы въ каждомъ университетѣ былъ профессоръ сельскаго хозяйства. Разбирая затѣмъ отдѣльные факультеты, Лейбницъ совѣтуетъ, чтобы студентовъ богословскаго факультета особенно приспособляли къ миссіонерству и поэтому не только развивали въ нихъ терпѣніе и постоянство, но и упражняли нѣсколько въ математикѣ, медицинѣ и хирургіи, съ помощію которыхъ они могли бы пріобрѣсти вліяніе и популярность у дикихъ народовъ. Юристы должны еще въ университетѣ практически изучать свой предметъ; а тѣмъ, которые готовятся къ высшимъ должностямъ государственной службы, слѣдуетъ, кромѣ того, изучать государственное право и всеобщую исторію, особенно исторію новѣйшихъ временъ. Наконецъ, относительно тѣхъ, которые выходятъ учителями и профессорами, Лейбницъ замѣчаетъ, что ихъ не слѣдуетъ держать, какъ въ Германіи, въ бѣдности и пренебреженіи; но профессоровъ поставить наравнѣ съ высшими чиновниками въ главныхъ городахъ и при дворѣ, а учителей уравнять во всемъ съ высшими чиновниками въ провинціи. Школы Лейбницъ совѣтовалъ устроить, если возможно, при монастыряхъ, университеты же въ главныхъ городахъ, какъ Москва, Кіевъ, Астрахань, и т. д. Замѣчательно, что Лейбницъ перечисляя города, въ которыхъ слѣдовало учредить университеты, всегда называетъ Астрахань. Намъ кажется, что выборъ Астрахани для университета въ восточной полосѣ Россіи удачнѣе, чѣмъ въ послѣдствіи дѣйствительно состоявшійся выборъ Казани. Вліяніе Казани на сибирскій край и поддержка, извлекаемая оттуда Казанскимъ университетомъ, очень незначительны, тогда какъ университетъ въ Астра-

хани достигъ бы гораздо скорѣе высокаго процвѣтанія, ибо притягивалъ бы къ себѣ умственныя силы не только приволжскаго, но и всего кавказскаго края и сдѣлался бы истиннымъ разсадникомъ русскаго просвѣщенія на востокѣ.

По поводу третьяго пункта—развитія наукъ, Лейбницъ говоритъ, что для этого необходимо, вопервыхъ, собрать то, что̀ ужь извѣстно, и вовторыхъ, изслѣдовать то, что̀ неизвѣстно. То, что̀ извѣстно, или ужь изложено въ сочиненіяхъ, или еще не записано. Прежде всего, нужно бы было собрать то, что̀ ужь изложено въ сочиненіяхъ. Для этого необходимо составить словари, системы и руководства. Словари могутъ быть составляемы по алфавиту или систематически. Словарей существуетъ очень много, но еще недостаетъ самыхъ важныхъ, говоритъ Лейбницъ, особенно техническихъ словарей. Лейбницъ предпочитаетъ алфавитнымъ словарямъ систематическіе; онъ называетъ ихъ indices reales, такъ какъ въ нихъ предметъ изложенъ въ большей связи, напримѣръ, исторія хронологически, географія по государствамъ. Для большаго удобства, говоритъ онъ, къ нимъ могутъ быть приложены алфавитные указатели. Къ этимъ энциклопедическимъ словарямъ Лейбницъ причисляетъ исторію наукъ съ біографическими указаніями о жизни тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали къ развитію наукъ, и полную библіографію каждой науки, такъ-называемую Bibliotheca classica. Подъ системами Лейбницъ разумѣетъ полное изложеніе каждой науки, сводъ всего, что̀ сказано о ней въ хорошихъ книгахъ. Такіе своды, по его мнѣнію, тѣмъ болѣе необходимы, что съ каждымъ годомъ растетъ количество вновь выходящихъ книгъ, и при этомъ, вслѣдствіе склонности людей къ новизнѣ, плохія книги часто вытѣсняютъ хорошія, такъ что много полезныхъ свѣдѣній теряется и пропадаетъ въ густой чащѣ безчисленныхъ книгъ. Руководства Лейбницъ раздѣляетъ на три разряда по размѣрамъ: на самыя полныя, среднія и сокращенныя. Полнаго руководства по всѣмъ наукамъ со всѣми нужными указаніями, рисунками и пр., говоритъ онъ, еще не существуетъ; но оно могло бы быть результатомъ совокупныхъ трудовъ какой-нибудь хорошо устроенной академіи. Опыты энциклопедическихъ руководствъ средняго размѣра существуютъ: напримѣръ, энциклопедія, изданная Кеперманомъ, или энциклопедія Альстедія, которая еще лучше; но Альстедій писалъ въ то время, когда люди еще не достигли большихъ успѣховъ, и его энциклопедія устарѣла. Затѣмъ, Лейбницъ совѣтуетъ приступить къ тому, чтобы привести въ извѣстность и записать тѣ свѣдѣнія, которыя

разбросанно существуютъ у разныхъ промышленниковъ. Подобно тому, какъ много прекрасныхъ изобрѣтеній, сдѣланныхъ Греками и Римлянами, для насъ потеряны, потому что не были во время записаны, напримѣръ, употребленіе многихъ растеній и лѣчебныхъ средствъ; такъ и въ наше время много полезныхъ свѣдѣній, распространенныхъ между крестьянами, ремесленниками, охотниками, рыбаками, купцами и пр., пропадаетъ почти даромъ, вслѣдствіе того, что они извѣстны только небольшому числу людей. Въ этомъ отношеніи каждый народъ долженъ былъ бы начать съ себя, и уже теперь въ Россіи можно было бы приступить къ собранію тѣхъ практическихъ свѣдѣній, которыя можно найдти какъ въ ея предѣлахъ, такъ и у сосѣднихъ съ нею дикихъ народовъ. У послѣднихъ, напримѣръ, часто встрѣчаются чрезвычайно полезныя лѣчебныя средства, которыя можно было бы заимствовать у нихъ посредствомъ миссіонеровъ. Наконецъ, слѣдовало бы приступить къ изслѣдованію и описанію мало извѣстныхъ произведеній необъятной Россіи, для чего можно было бы съ пользой употребить учителей въ школахъ, которыя предполагается открыть. Между новыми открытіями, которыя можно сдѣлать въ Россіи, Лейбницъ снова упоминаетъ о наблюденіяхъ надъ магнитомъ и о соединеніи Азіи съ Америкою.

Ко времени же составленія изложенной записки, мы относимъ, наконецъ, и знаменитое письмо Лейбница къ Петру о коллегіяхъ [1]. Мы называемъ его знаменитымъ потому, что оно подало поводъ думать, что Лейбницъ первый внушилъ Петру мысль дать высшей администраціи Россіи коллегіальное устройство. Письмо это написано на имя царя, но безъ означенія числа и мѣста. Подлинникъ, написанный, впрочемъ, не рукою Лейбница и не подписанный имъ, находится въ Россіи и хранится въ Московскомъ архивѣ, изъ чего можно заключить, что это письмо дѣйствительно было вручено Петру. Черновой мы не нашли въ Ганноверѣ между бумагами Лейбница. Мы относимъ это письмо ко времени пребыванія царя въ Пирмонтѣ по слѣдующимъ причинамъ: въ предшествовавшихъ своихъ письмахъ Лейбницъ нигдѣ не упоминаетъ о томъ, что онъ писалъ царю о коллегіяхъ; изъ выраженія «überreiche diese Blätter» можно заключить, что записка была подана въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился царь, и даже отсутствіе обозначенія времени и мѣста можетъ служить подтвержденіемъ нашего предположенія, такъ какъ во всѣхъ письмахъ, отпра-

---

[1] Posselt, Leibn. und Pet. d. Gr., стр. [illegible]

вленныхъ къ царю изъ-за границы. Лейбницъ тщательно обозначалъ время и мѣсто отправленія. Мы представляемъ себѣ дѣло такъ: Узнавъ отъ Вебера и потомъ, можетъ-быть, въ самомъ Пирмонтѣ отъ придворныхъ, что царь рѣшился устроить коллегіи, Лейбницъ поспѣшилъ убѣдить Петра, что въ числѣ прочихъ коллегій необходимо учредить и особую коллегію для народнаго просвѣщенія, описалъ устройство этой коллегіи и вызвался составить планъ для устройства остальныхъ.

Если наше предположеніе вѣрно, и письмо дѣйствительно было подано въ 1716, а не въ 1712 году, какъ полагалъ его издатель Поссельтъ, то всѣ толки о вліяніи Лейбница на устройство администраціи и законодательства въ Россіи должны быть отвергнуты, и надежды, что со временемъ найдутся другія записки Лейбница, которыя еще яснѣе докажутъ это вліяніе, должны считаться несбыточными [1]. Не Лейбницъ первый заговорилъ о коллегіяхъ. Мысль о ихъ устройствѣ давно укоренилась въ умѣ великаго преобразователя Россіи, и давно уже были составлены инструкціи для приведенія въ исполненіе этой мысли и для пріисканія годныхъ людей, когда Лейбницъ подалъ свою записку. Итакъ, мнѣніе, что Лейбницъ имѣлъ какое бы то ни было вліяніе на устройство коллегій, нужно отнести къ области такихъ же вымысловъ, какъ и темное преданіе, приписывающее знаменитому философу табель о рангахъ въ Россіи.

Предположеніе, что „Лейбницъ имѣлъ гораздо большее вліяніе на Петровское законодательство, чѣмъ можно судить по немногимъ его сохранившимся проектамъ и представленіямъ“, поддерживалось тѣмъ, что между бумагами Лейбница, хранящимися въ отдѣльномъ, прекрасно переплетенномъ томѣ въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ находятся три пространныя записки: „Мысли объ устройствѣ финансовой части“, „Инструкція для конфискаціонной канцеляріи въ Россіи“ и „Проектъ о сборѣ поголовныхъ денегъ“, которыя до сихъ поръ приписывались Лейбницу. Всѣ онѣ свидѣтельствуютъ о близкомъ знакомствѣ автора съ положеніемъ финансовъ въ Россіи и объ опытности его въ самомъ дѣлопроизводствѣ этого вѣдомства. Послѣдняя изъ нихъ послужила основаніемъ обнародованнаго въ 1730 году высочайшаго указа: инструкція канцеляріи конфискаціи, помѣщеннаго въ VIII томѣ Полнаго Собранія Законовъ. Первыя двѣ записки были напечатаны г. Поссельтомъ въ его изданіи „бумагъ Лейбница, хранящихся въ Московскомъ архивѣ“ съ измененіемъ, что

[1]) Ср. *Поссельтъ*, стр. 211.

онѣ были отправлены Лейбницемъ къ царю черезъ руское посольство въ 1714 году. Нельзя не удивляться, какимъ образомъ издатель ихъ могъ, ни мало не усумнясь, приписать ихъ Лейбницу, когда авторъ ихъ, и особенно первой, обнаруживаетъ такое знаніе руской администраціи и финансовъ, какое Лейбницъ, живя за границей, никакъ не могъ пріобрѣсти. Кромѣ того, въ „мысляхъ о финансахъ" говорится о каммерколлегіи, какъ о существующемъ учрежденіи, а извѣстно, что коллегіи были открыты уже послѣ смерти Лейбница. Наконецъ, въ этой запискѣ постоянно встрѣчается слово *allhier* и однажды даже выраженіе *bei meinem employ*, изъ чего прямо слѣдуетъ, что авторъ не только писалъ, но и служилъ въ Россіи.

По устраненіи этихъ записокъ остается одна, въ которой Лейбницъ вышелъ изъ предѣловъ обыкновеннаго своего предмета — вопроса о развитіи просвѣщенія въ Россіи, и коснулся общихъ государственныхъ дѣлъ: это вышеупомянутая записка о коллегіяхъ. Но если мы должны отнести ее къ болѣе позднему времени, чѣмъ полагали прежде, и такимъ образомъ уменьшить ея значеніе, то нельзя не выразить сожалѣнія о томъ, что высказанная въ ней главная мысль, о необходимости устроить особенную коллегію для завѣдыванія народнымъ просвѣщеніемъ, не нашла себѣ осуществленія, и что интересы этой важной отрасли народной и государственной жизни не были тогда же поручены особому вѣдомству. Познакомимся теперь съ содержаніемъ записки, подавшей поводъ къ нашему отступленію.

„Богъ, какъ зиждитель всякаго порядка, управляетъ всѣмъ своею невидимою десницею мудро и законно. Боги этого міра, представляющіе образчикъ Божьяго могущества, должны устроить свое правленіе по образу небесной державы, если хотятъ за свои большіе труды наслаждаться процвѣтаніемъ своего государства. Ваше царское величество, какъ кажется, совершенно убѣждени въ справедливости этихъ словъ; ибо ваше похвальное рвеніе дать вашимъ областямъ хорошее устройство извѣстно всему свѣту, и Европа съ изумленіемъ взираетъ на плоды этого великаго подвига. Это зрѣлище вдохновляетъ многія сердца и вселяетъ въ нихъ желаніе содѣйствовать всѣмъ, что̀ они считаютъ полезнымъ для такого святаго дѣла. Я откровенно признаюсь, что нахожусь въ числѣ тѣхъ, которые исполнены рвенія способствовати по своимъ силамъ къ благоденствію вашей царской державы. Поэтому я надѣюсь, что это всеподданнѣйшее предложеніе, заключающееся въ моей запискѣ, будетъ принято вашимъ величествомъ сообразно съ вашею милостью, извѣстною всему свѣту, не какъ смѣлое, достойное

наказанія предпріятіе, а какъ выраженіе моего желанія видѣть государство вашего царскаго величества въ цвѣтущемъ состояніи. Въ этой надеждѣ подаю эти листы съ глубочайшимъ почтеніемъ и полнѣйшимъ уваженіемъ, всеподданнѣйше желая, чтобы Господь съ своей выси благословилъ великія намѣренія вашего царскаго величества и еще долго сохранилъ вашу священную особу въ здоровьи и бодрости для благоденствія вашей державы".

Послѣ этого вступленія Лейбницъ переходитъ прямо къ вопросу о коллегіяхъ: „Опытъ достаточно показалъ, что государство можно привести въ цвѣтущее состояніе только посредствомъ учрежденія хорошихъ коллегій, ибо какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ и въ великой государственной машинѣ одна коллегія должна приводить въ движеніе другую, и если все устроено съ точною соразмѣрностью и гармоніей, то стрѣлка жизни непремѣнно будетъ показывать странѣ счастливые часы. Но какъ по различію часовъ, одни требуютъ бо́льшаго, другіе меньшаго количества колесъ, такъ бываютъ различны и государства, а потому никакъ нельзя установить для всѣхъ опредѣленнаго числа коллегій.

„Въ державѣ вашего царскаго величества можно было бы для начала довольствоваться слѣдующими девятью коллегіями, какъ главными колесами въ государственной машинѣ: 1) штатсколлегія, 2) военная коллегія, 3) финансовая коллегія, 4) полицейская коллегія, 5) юстицъ-коллегія, 6) коммерцъ-коллегія, 7) коллегія для религіозныхъ дѣлъ, 8) ревизіонная коллегія и 9) ученая коллегія" [1]).

„Каждая изъ этихъ коллегій требуетъ особеннаго описанія относительно того, какія лица необходимы для коллегіи, въ чемъ должна заключаться ихъ обязанность, и какую пользу окажетъ коллегія вашему величеству и вашей державѣ".

[1]) Для сравненія мы перечислимъ коллегіи, дѣйствительно учрежденныя при Петрѣ: 1) коллегія чужестранныхъ дѣлъ, 2) каммеръ-коллегія или казенныхъ сборовъ, 3) юстицъ-коллегія, 4) ревизіонъ-коллегія — счетъ всѣхъ государственныхъ расходовъ и приходовъ, 5) военная коллегія, 6) адмиралтейская, 7) коммерцъ-коллегія, 8) штатсконторъ — вѣдѣніе всѣхъ государственныхъ расходовъ, 9) бергъ- и мануфактуръ-коллегія. Сюда можно бы было причислить, какъ десятую коллегію, святѣйшій синодъ. Изъ сличенія оказывается, что противъ списка, представленнаго Лейбницемъ, были устроены три лишнія коллегіи: бергъ- и мануфактуръ-коллегія, отъ военной коллегіи отдѣлена особенная коллегія для вѣдѣнія морскими дѣлами, а отъ финансовой — штатсконторъ для вѣдѣнія государственными расходами. За то не были учреждены полицейская коллегія, и о чемъ особенно слѣдуетъ сожалѣть, коллегія народнаго просвѣщенія.

„Я хочу описать теперь по этой методѣ только послѣднюю, то-есть, ученую коллегію. Если это описаніе заслужитъ всемилостивѣйшаго одобренія вашего величества, я готовъ потомъ составить инструкцію для устройства остальныхъ коллегій, исключая штатсъ- и военной коллегіи. Что касается до свойствъ тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть членами ученой коллегіи, то онѣ должны знать свой предметъ основательно, а не поверхностно. Полуневѣжды (Stümper) не могутъ принести пользы странѣ. Каждый изъ членовъ — архитекторъ, медикъ, химикъ, механикъ, историкъ и пр., всѣ они должны знать свое дѣло въ такомъ совершенствѣ, какое только возможно въ ихъ время. Обязанности ихъ должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) изложить свою науку по лучшей методѣ и постоянно развивать ее, чтобъ извлекать изъ нея новыя свѣдѣнія; 2) слѣдить за тѣмъ, чтобы воспитаніе дѣтей было основательно и полно; 3) подвергать экзамену тѣхъ, которые годны для путешествія за границу, и указывать вашему величеству, къ чему каждый болѣе способенъ. Польза, которую принесетъ такая коллегія, будетъ слѣдующая: 1) невѣжество мало по малу исчезнетъ въ странѣ; 2) въ извѣстныхъ случаяхъ можно будетъ испрашивать совѣта ученой коллегіи; 3) собраніе такихъ замѣчательныхъ людей будетъ привлекать иностранцевъ; 4) посланные за границу юноши возвратятся съ большою пользою, что послужитъ къ уменьшенію расходовъ вашего величества; 5) ваше величество будете со временемъ имѣть изъ вашего собственнаго народа и по всѣмъ предметамъ такихъ же отличныхъ ученыхъ, и даже лучшихъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ".

Лейбницъ, коснувшись устройства ученой коллегіи, которую онъ представлялъ себѣ въ родѣ академіи съ административною властью и главнымъ надзоромъ за народнымъ просвѣщеніемъ, переходитъ затѣмъ къ устройству университета [1]. Для хорошаго обученія и воспитанія юношества необходимо устроить университетъ. Для этого нужно: 1) большое зданіе, въ которомъ профессора или преподаватели могли бы удобно помѣщаться; 2) хорошая библіотека и 3) типографія. Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ предметовъ, входящихъ въ университетское преподаваніе, по слѣдующей системѣ: „Преподаваніе юношеству заключается въ познаваніи Творца и твореній. Для истиннаго познаванія ихъ необходимо откровеніе Божіе въ Священномъ Писаніи. Отсюда: 1) богословіе, заключающееся не въ безполезныхъ спорахъ и преніяхъ

[1]) Сообразно съ значеніемъ этого слова въ XVII вѣкѣ, Akadémie у Лейбница большею частію обозначаетъ университетъ; академію же въ русскомъ смыслѣ этого слова онъ называетъ Societät der Wissenschaften.

о внѣшнихъ обрядахъ, но въ искренней любви къ Богу и къ ближнему. Творенія могутъ бить чисто духовныя, духовно-тѣлесныя и тѣлесныя; первыя изучаетъ — 2) пневматика. Духовно-тѣлесныя творенія или человѣка можно изучать двоякимъ образомъ, съ точки зрѣнія своего *я* и другихъ людей. Въ себѣ я могу изучать душу и тѣло. Душа проявляется главнымъ образомъ въ двухъ силахъ, въ умѣ и волѣ. Что такое умъ, какіе его недостатки, какъ ихъ исправлять, какъ изслѣдовать истину и передавать ее другимъ, этому учитъ 3) логика. Какъ исправлять волю и ея дурныя наклонности, этому учитъ 4) этика. Познавать свое тѣло и средства для его сохраненія учитъ 5) медицина. Что касается до другихъ людей, то они могутъ быть умершіе и живые. Знакомство съ умершими и съ тѣмъ, что они были въ жизни, составляетъ предметъ, 6) исторіи. Знакомство съ живущими, чтобы воздавать каждому свое и вести себя благоразумно относительно ихъ составляетъ предметъ 7) естественнаго и политическаго права. Тѣлесныя творенія могутъ быть или надо мною — съ ними знакомитъ 8) астрономія, — или же около меня. Ими занимаются: 9) географія, 10) архитектура, напримѣръ, строеніями, кораблями, крѣпостями; для ихъ, измѣренія необходимы: 11) геометрія; основаніе же геометріи, составляетъ ариѳметика, а для того, чтобы пользоваться всѣми удобствами на сушѣ и на водѣ, необходима 12) механика. На землѣ, въ водѣ и въ воздухѣ водятся разныя творенія; ихъ свойства показываетъ 13) физика, а составныя части показываетъ 14) химія. Для того, чтобы человѣкъ не утомился отъ постояннаго труда ему необходима для отдыха 15) музыка; а если человѣкъ желаетъ передать другимъ то, чему онъ выучился, ему нужны 16) языки. Такое громадное предпріятіе, безъ сомнѣнія, потребуетъ большихъ расходовъ. Но какъ найдти источники для нихъ, не уменьшая доходовъ вашего величества, и не обременяя вашихъ подданныхъ, я готовъ указать, если будетъ на то воля вашего величества. Если бы ваше величество соизволили поручить это дѣло опытному и благоразумному директору, то можно было бы надѣяться, что при благословеніи Божіемъ въ нѣсколько лѣтъ окажется такая польза, какую невозможно здѣсь и описать*.

Если желаніе Лейбница видѣть въ числѣ коллегій, которымъ имѣлось въ виду вручить управленіе новой Россіей, также особенную коллегію для завѣдыванія народнымъ просвѣщеніемъ и не исполнилось, то однако, совѣты его въ этомъ отношеніи не остались безъ плодовъ, и можно съ увѣренностію предположить, что Пирмонтское свиданіе не осталсь безъ вліянія на рѣшеніе Петра учредить

еще въ свое царствованіе академію наукъ въ Петербургѣ. Любопытно, что именно въ Пирмонтѣ Лейбницъ познакомился съ человѣкомъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался главнымъ двигателемъ въ дѣлѣ основанія академіи,—съ Блументростомъ. Эго видно изъ письма Лейбница къ Арескину отъ 3-го августа, въ которомъ онъ упоминаетъ, что Блументростъ, намѣреваясь отправиться во Францію, просилъ у него рекомендательныхъ писемъ. По тону этого письма можно заключить, что Лейбницъ вообще остался доволенъ своимъ пребываніемъ въ Пирмонтѣ. Онъ выражаетъ Арескину свою благодарность и сообщаетъ ему, что собирается помѣстить въ Лейпцигскихъ Acta Eruditorum, знаменитомъ тогдашнемъ журналѣ, письмо, въ которомъ укажетъ на услуги, оказанныя Арескинымъ обществу подъ покровительствомъ великаго царя. Далѣе Лейбницъ проситъ въ этомъ письмѣ Арескина передать царю, что его счетная машина быстро подвигается, и рекомендуетъ искуснаго гравера медалей, который могъ бы выбить для царя такую замѣчательную медаль, какой никогда не видали въ Европѣ.

Это же письмо можетъ служить доказательствомъ тому, съ какимъ вниманіемъ и съ какою любознательностію царь слѣдилъ за всѣми изобрѣтеніями, особенно механическими. Лейбницъ упоминаетъ о томъ, что царь посылалъ не только въ Регенсбургъ къ Агриколѣ, но и въ Мерзебургъ, для свѣдѣній о машинѣ, которую ея изобрѣтатель Орфиреусъ выдавалъ за perpetuum mobile. Лейбницъ пишетъ по этому поводу, что онъ знакомъ съ Орфиреусомъ и видѣлъ его машину, которая въ его присутствіи безостановочно дѣйствовала два часа. „Я не могъ дольше оставаться“,—продолжаетъ онъ,—„потому что пріѣхалъ туда вмѣстѣ съ однимъ изъ придворныхъ герцога Цейцскаго. Теперь машина не дѣйствуетъ, потому что изобрѣтателю дѣлали придирки и требовали отъ него денегъ подъ предлогомъ налога на машину. Я совѣтовалъ ему пустить ее въ ходъ на нѣсколько недѣль и принять такія мѣры, чтобъ ея дѣйствіе было достаточно удостовѣрено; я думаю, что послѣ этого нѣсколько государей могли бы сложиться (какъ желаетъ изобрѣтатель), чтобы доставить ему вознагражденіе, достойное его изобрѣтенія. Ибо хотя это изобрѣтеніе и не было бы тѣмъ вѣчнымъ механическимъ движеніемъ, о которомъ такъ много говорятъ, но оно могло бы принести большую пользу, если бы выдержало испытаніе въ теченіе нѣсколькихъ недѣль“.

Въ заключеніе я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о судьбѣ тѣхъ трехъ предпріятій, объ осуществленіи которыхъ Лейбницъ такъ много хлопоталъ въ своихъ сношеніяхъ съ Царемъ: о розысканіи границъ между Азіей и Америкой, учрежденіи въ Россіи ученой коллегіи и устройствѣ наблюденій надъ уклоненіемъ магнитной стрѣлки.

Раньше всего приведены были въ исполненіе первыя два желанія Лейбница. Еще самъ Петръ Великій предъ концомъ жизни успѣлъ начертать инструкцію для экспедиціи, которая должна была отправиться на окраины Сибири, и уставъ Академіи Наукъ. Вопросъ о возможности проѣхать моремъ вдоль береговъ Сибири и слѣдовательно вопросъ о границахъ между Азіей и Америкой фактически давно уже былъ рѣшенъ предпріимчивыми Сибирскими промышленниками и казаками. Лѣтомъ 1648 года партія промышленниковъ подъ предводительствомъ Федота Алексѣева и въ сопровожденіи казаковъ Семена Дежнева и Герасима Анкудинова отправилась на 7 судахъ изъ устьевъ рѣки Колымы, чтобы отыскать устье рѣки Анадыри, о которой они слышали отъ Чукчей. Благодаря рѣдкой случайности, проѣздъ вдоль берега на востокъ отъ Колымы не былъ загруженъ льдинами, и тремъ изъ судовъ, которыми управляли Дежневъ, Анкудиновъ и Алексѣевъ, удалось обогнуть сѣверо-восточную оконечность Сибири и добраться до Чукоцкаго носа. Тамъ судно Анкудинова разбилось, судно Алексѣева было унесено на югъ, и только одному Дежневу удалось послѣ того, какъ и его судно разбилось, выбраться на берегъ, и наконецъ, съ 25 спутниками достигнуть Анадыри, гдѣ онъ основалъ Зимовье — Анадырскій Острогъ. Свѣдѣніе объ этомъ путешествіи Дежнева сохранилось въ Якутскомъ архивѣ, откуда его извлекъ академикъ Миллеръ во время своей ученой поѣздки по Сибири въ 1736 году [1].

Но такъ какъ путь, по которому удалось пробраться Дежневу, былъ слишкомъ опасенъ, то объ немъ современемъ забыли и сообщеніе между Якутскомъ и Анадырскою областью поддерживалось только сухимъ путемъ. Между тѣмъ по Сибири стали ходить слухи о большой землѣ, отдѣленной моремъ отъ сибирскаго материка. Поводомъ къ этимъ слухамъ служили отчасти острова на сѣверъ отъ Святаго Носа, которые иногда удавалось видѣть издали сибирскимъ промышленникамъ, частью разсказы Чукчей о сѣверной Америкѣ. Русское

[1] См. Sammlung Russischer Geschichte III B. Petersb. 1758.

правительство въ Сибири не разъ обращало вниманіе на эти слухи и предпринимало различныя мѣры, чтобы получить достовѣрныя свѣдѣнія о невѣдомой странѣ. Въ 1711 году Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ, по приказанію „Царскаго Величества“, поручилъ Якутскому воеводѣ Траурнихту послать людей для розысканія „острова или земли близъ устьевъ рѣки Колымы“. Вслѣдствіе этого изъ Якутска было снаряжено нѣсколько экспедицій, которыя впрочемъ не привели ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Одной только партіи, отправленной подъ предводительствомъ казака Вагина и Пермякова, удалось добраться до безлюднаго острова, который она обошла въ теченіи 9 дней. Но на возвратномъ пути Вагинъ и Пермяковъ были убиты своими спутниками, которые боялись, что ихъ подвергнутъ новымъ трудамъ и лишеніямъ и только во время уголовнаго слѣдствія убійцы дали упомянутыя показанія объ открытомъ ими островѣ.

Между тѣмъ Камчатскіе казаки и промышленники открыли нѣкоторые изъ Курильскихъ острововъ. Въ Якутскъ стали приходить новые слухи о невѣдомой землѣ. Такъ въ 1711 году казакъ Петръ Ильинъ, посланный къ устьямъ Анадыри и Чукодкому Носу для собиранія дани, показалъ что Чукчи разказывали ему о большой землѣ, жители которой прокалываютъ себѣ щеки костями моржей. Ильинъ самъ видѣлъ въ плѣну у Чукчей 10 такихъ людей. Ему говорили, что лѣтомъ можно доѣхать моремъ на байдарахъ до земли тѣхъ людей въ продолженіи одного дня.

Неудовлетворенный свѣдѣніями, получаемыми изъ Сибири, Петръ Великій сталъ думать объ отправленіи экспедиціи прямо изъ Петербурга. Въ 1719 году онъ послалъ двухъ геодезистовъ въ Камчатку и на Курильскіе острова, куда по слухамъ ѣздили Японцы для добыванія металла. Затѣмъ въ послѣдній годъ своей жизни Петръ рѣшился отправить въ Сибирь экспедицію съ чисто ученой цѣлью для опредѣленія границъ между Азіей и Америкой, о чемъ такъ часто въ своихъ запискахъ упоминалъ Лейбницъ, и о чемъ уже послѣ смерти Лейбница хлопотала Парижская Академія [1]. Инструкція для экспедиціи была написана царемъ 23-го декабря 1724 года и заключалось въ слѣдующемъ:

1) Надлежитъ на Камчаткѣ или въ другомъ мѣстѣ сдѣлать 1 или 2 бота съ палубами.

---

[1] О «желаніи Парижской и иныхъ Академій» упоминаетъ указъ сената отъ 13-го сентября 1732 года.

2) На оныхъ ботахъ возлѣ земли, которая идетъ на Нордъ и по чаянію, понеже оной конца не знаютъ, кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, гдѣ оная сошлась съ Америкой и чтобъ доѣхать до какого города Европейскихъ владѣній или ежели увидять какой корабль Европейскій провѣдать отъ него, какъ оной кюстъ называютъ и взять на письмѣ и самимъ побывать на берегу и взять подлинную вѣдомость и поставя на карту пріѣзжать сюда.

Начальство надъ экспедиціей было, какъ извѣстно, поручено Ютландскому уроженцу Берингу, который 5-го февраля 1725 выѣхалъ изъ Петербурга въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ. Приготовленія къ экспедиціи, постройка кораблей и пр. потребовали болѣе 3-хъ лѣтъ, и только лѣтомъ 1728 года экспедиція Беринга вышла изъ устья рѣки Камчатки чтобы отправиться на сѣверъ. Берингъ достигъ 67° 18′ с. ш. и убѣдился, что береговая линія Сибири на 66° поворачиваетъ на западъ. Онъ заключилъ изъ этого, что здѣсь должна быть сѣверо-восточная оконечность Азіатскаго материка, и опасаясь наступившей осени, возвратился въ Камчатку на зимовье. Такимъ образомъ Берингъ разрѣшилъ первую часть своей задачи — опредѣлилъ границы Азіи: въ слѣдующемъ за тѣмъ году онъ приступилъ къ разрѣшенію второй части и отправился отыскивать ту невѣдомую землю на востокѣ или сѣверѣ отъ Сибири, которую принимали за Америку. Но противные вѣтры не допустили его до Американскаго материка.

Вопросъ о разстояніи Америки отъ Азіи не скоро еще былъ рѣшенъ точнымъ образомъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ Беринга первое русское судно, плывшее подъ начальствомъ казака Крупышева, было случайно снесено бурею къ берегамъ Америки. Между тѣмъ въ 1732 г. въ Петербургѣ было рѣшено снарядить новую экспедицію подъ начальствомъ Беринга для точнаго опредѣленія береговъ Америки. Приготовленія на этотъ разъ потребовали еще больше времени и только 4-го іюня 1741 года Берингъ въ третій разъ вышелъ въ море изъ Камчатки, чтобы отыскать Америку. На этотъ разъ Берингу удалось достигнуть Америки и опредѣлить въ нѣсколькихъ мѣстахъ географическое положеніе материка и различныхъ острововъ. Но предпріимчивый морякъ и его спутники дорого поплатились за свою славу. Ихъ настигла ненастная и суровая осень, цынга лишила самого Беринга и большую часть экипажа всякихъ силъ, наконецъ, буря разбила ихъ корабль у береговъ одного пустыннаго острова, на которомъ

имъ пришлось зимовать среди страшныхъ лишеній, и гдѣ Берингъ умеръ отъ изнеможенія.

Немногіе уцѣлѣвшіе спутники Беринга привезли съ собою вѣсть объ изобиліи пушнаго звѣря на островѣ, названномъ по имени Беринга. Промышленники пустились отыскивать его, мало по малу открыли рядъ другихъ острововъ и добрались, наконецъ, до Американскаго материка, гдѣ въ 1781 году образовалось общество для торговли мѣховыми товарами. Но отъ всего этого мало обогащалась географическая наука. Вопросъ о разстояніи между Америкою и Азіей былъ разрѣшенъ болѣе точнымъ и научнымъ образомъ только экспедиціями, отправленными въ началѣ нашего вѣка: экспедиціей Крузенштерна въ 1803 году и экспедиціей, снаряженной въ 1815 году на свой счетъ графомъ Румянцевымъ и состоявшей подъ начальствомъ Коцебу.

Другое желаніе Лейбница, учрежденіе ученой коллегіи въ Россіи также осуществлено было еще Петромъ Великимъ. Но учрежденная въ Петербургѣ Академія мало соотвѣтствовала планамъ Лейбница. Онъ имѣлъ въ виду не простое собраніе ученыхъ, а учрежденіе съ обширнымъ кругомъ практической дѣятельности и большими полномочіями. До XVII вѣка умственная дѣятельность въ Европѣ была исключительно поглощаема богословіемъ и гуманизмомъ: центрами этой дѣятельности были университеты. Но въ XVII вѣкѣ математическія науки сдѣлали изумительные успѣхи, естественныя науки начали разработываться посредствомъ болѣе серіозныхъ пріемовъ и были сдѣланы первыя попытки примѣнить результаты этихъ наукъ къ практической жизни и ввести ихъ въ кругъ общаго образованія.

Лейбницъ, одинъ изъ первыхъ математиковъ своего вѣка, живо чувствовалъ необходимость не только дальнѣйшаго развитія математическихъ и естественныхъ наукъ, но и примѣненія ихъ къ ремесламъ, къ мануфактурной дѣятельности и вообще къ улучшенію народнаго благосостоянія. Этой цѣли, по его мнѣнію, должны были по преимуществу служить Академіи. Академіи поэтому должны были быть снабжены большими полномочіями. Онѣ не только должны были руководить народнымъ образованіемъ, но изыскивать способы къ обогащенію и улучшенію благосостоянія страны, отправлять ученыя экспедиціи, производить наблюденія и опыты въ обширныхъ размѣрахъ, разводить библіотеки, зоологическіе и ботаническіе сады, устроивать музеи художественныхъ произведеній, моделей для всякихъ орудій, техническихъ искусствъ и промышленности, обучать ремесленниковъ, заботиться о народномъ здравіи и проч. Лейбницъ полагалъ, что въ

Россіи для такой Академіи откроется особенно благотворное поприще, такъ какъ все пришлось бы заводить вновь и потому можно бы было успѣшнѣе заботиться о тѣсной связи и взаимодѣйствіи теоретической науки и практическихъ свѣдѣній.

Учрежденная же въ дѣйствительности Академія Наукъ въ Петербургѣ была снабжена очень скудными средствами и полномочіями. Но еще болѣе повредило успѣшному ея развитію то, что завѣдываніе ею было поручено, вопреки совѣтамъ Лейбница, не высокому сановнику, облеченному значительною властью, но лейбъ-медику царя — лицу завлекщему, который въ свою очередь передалъ всѣ дѣла по Академіи своему библіотекарю и секретарю, человѣку безъ ученаго образованія и научныхъ стремленій, мелочному и самолюбивому интригану. Лейбницъ желалъ учрежденія „*Коллегіи народнаго просвѣщенія и общественнаго благосостоянія*“, которая могла бы занять почетное мѣсто на ряду съ другими учрежденными Петромъ правительственными коллегіями. Петербургская же Академія была только подражаніемъ Парижской и Берлинской Академіямъ „соціететомъ персонъ, которыя для произведенія наукъ другъ друга вспомогать имѣютъ“. Основатели Академіи руководствовались мыслію, „что надлежитъ смотрѣть на состояніе здѣшняго государства“ и хорошо понимали, что такая Академія, какъ, напримѣръ, Берлинская не могла соотвѣтствовать потребностямъ страны, въ которой не было ни университета, ни гимназіи. Новое учрежденіе поэтому, по мысли основателей, должна была служить тремъ цѣлямъ, соединить въ себѣ тройкое назначеніе: Академіи, университета и гимназіи. Академики должны были въ одно и то же время „науки производить и совершать“, читать лекціи и готовить учителей для гимназіи. Эта въ своемъ основаніи совершенно несправедливая мысль была одной изъ главныхъ причинъ, почему Петровское учрежденіе долго не приносило той пользы, которую можно было отъ него ожидать. Названіе и понятіе Академіи постоянно затмѣвали педагогическое ея назначеніе, и извѣстно какая жалкая участь постигла тѣхъ „младыхъ людей“, которые были отправляемы въ Петербургъ для слушанія лекцій Академиковъ.

Третье желаніе Лейбница, устройство въ Россіи наблюденій надъ уклоненіемъ магнитной стрѣлки осуществилось только въ нашемъ вѣкѣ, благодаря настояніямъ другаго всеобъемлющаго генія — Александра Гумбольдта. Уклоненіе магнитной стрѣлки отъ линіи меридіана давно замѣченное въ Китаѣ, сдѣлалось извѣстнымъ въ Европѣ вслѣдъ за введеніемъ компаса, и уже въ XV вѣкѣ отмѣчалось на

нѣкоторыхъ картахъ. Колумбъ, которому во время его путешествія въ Америку удалось найти линію, гдѣ это уклоненіе прекращалось, то-есть, гдѣ магнитный меридіанъ совпадалъ съ географическимъ, первый возымѣлъ мысль, что уклоненіемъ стрѣлки можно воспользоваться для опредѣленія столь важной для мореплавателей восточной долготы. Въ теченіи слѣдующихъ затѣмъ вѣковъ, увеличилось количество наблюденій надъ уклоненіемъ стрѣлки и были сдѣланы первыя попытки привести ихъ въ систему. Въ то самое время, когда Лейбницъ указывалъ Петру Великому на важность этихъ наблюденій, Англичанинъ Галлей совершилъ свои знаменитыя три путешествія (1698—1699—1702), столь важныя для науки о магнетизмѣ, и составилъ первую обширную карту магнитныхъ уклоненій. Это были первыя экспедиціи, снаряженныя на счетъ правительства и предпріятія съ чисто научною, отвлеченною цѣлью. Въ XVIII вѣкѣ были открыты еще различныя другія явленія относительно магнитной стрѣлки, вслѣдствіе чего наблюденія надъ нею усложнились и получили еще болѣе важный научный интересъ. Особенно подвинулась наука о земномъ магнетизмѣ въ началѣ XIX вѣка, благодаря изслѣдованіямъ Гумбольдта; повсюду она стала возбуждать живой интересъ, который проявлялся въ многочисленныхъ и разнообразныхъ наблюденіяхъ. И Россія также начала тогда доставлять свой вкладъ въ науку о магнетизмѣ: важные результаты были добыты во время плаванія Крузенштерна (1803—1806), Коцебу (1815—18, 1823—26), адмирала Литке (1826—29) и наблюденіями Купфера во время его путешествія къ Елбрусу (1829). Но эти свѣдѣнія были отрывочны и не систематичны. Наконецъ, въ 1829 году Гумбольдтъ предложилъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ устроить постоянныя станціи для магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій въ различныхъ климатическихъ поясахъ Европейской и Азіятской Россіи и центральную обсерваторію въ Петербургѣ.

Академія приняла это предложеніе и поручила исполненіе его академику Купферу, который горячо принялся за дѣло. Купферу удалось заинтересовать министра финансовъ Канкрина и тогдашняго начальника штаба горныхъ инженеровъ Чевкина. При помощи этихъ лицъ Купферъ устроилъ магнетическія станціи въ Екатеринбургѣ, Барнаулѣ, Нерчинскѣ. Такая же станція была устроена въ Пекинѣ въ старинномъ православномъ монастырѣ. Академія Наукъ устроила съ своей стороны магнетическую обсерваторію въ Петербургѣ. Наконецъ, по ходатайству Канкрина, въ этомъ дѣлѣ приняло участіе ми-

нистерство народнаго просвѣщенія. Новыя станціи для наблюденій надъ магнитной стрѣлкой были устроены въ Казани, Тифлисѣ, Николаевѣ, Гельсингфорсѣ; Сѣверо-Американская компанія выстроила станцію на островѣ Ситхѣ. Купферъ предпринялъ путешествіе въ Сибирь, чтобы все устроить и дать надлежащія руководства лицамъ, которымъ было поручено наблюденіе.

Подъ дѣятельнымъ руководствомъ Купфера дѣло пошло такъ успѣшно, что Гумбольдтъ еще въ 30-хъ годахъ могъ обратиться къ герцогу Суссексу, президенту королевской Академіи въ Лондонѣ, и ссылаясь на примѣръ Россіи, убѣждать Англійское правительство устроить станціи для постоянныхъ магнитныхъ наблюденій въ своихъ отдаленныхъ колоніяхъ. Англійское правительство приняло предложеніе и нашло нужнымъ войти въ соглашеніе съ Русскимъ для того, чтобы установить общія правила для магнитныхъ станцій разбросанныхъ по всему земному шару. Академикъ Купферъ былъ отправленъ правительствомъ на магнетическій конгрессъ въ Гёттингенѣ, гдѣ жилъ знаменитый Гауссъ, открывшій въ 1833 году новый методъ для наблюденій и куда пріѣхали со стороны Англіи ученые Сабинъ и Лойдъ [1]. Такимъ образомъ, наконецъ, исполнилось желаніе Лейбница, который еще въ 1716 году, когда царь находился въ Пирмонтѣ, совѣтовалъ ему воспользоваться пріѣздомъ въ Ганноверъ Англійскаго короля Георга, для того чтобы съ согласія обоихъ правительствъ, владѣнія которыхъ тянулись вокругъ всего земнаго шара, были устроены въ надлежащихъ мѣстахъ и по общему плану наблюденія надъ магнетизмомъ.

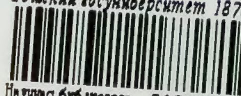
Эти краткія указанія могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что долголѣтнія заботы Лейбница объ успѣхахъ науки и образованія въ Россіи не остались безплодными, и что знаменитому европейскому философу и ученому принадлежитъ также почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія.

[1] См. Humboldt: Kosmos B. IV p. 48 и слѣд., Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches von Baer und Helmersen. IX B. 1845. и Bulletin scientifique de l'Academie. T. VII.

СОДЕРЖАНІЕ

ОПЕЧАТКИ.

					Вмѣсто:	Читай:
Стран.	1	стр.	3	сн.	тѣмъ	чѣмъ
„	5	„	16	св.	1694	1695
„	11	„	1	сн.	стр. 184	(совсѣмъ уничтожить)
„	32	„	9	сн.	Скатарусъ	Спатарусъ
„	40	„	2	сн.	стр. 122	(совсѣмъ уничтожить)
„	64	„	5	св.	сохранены	опасны
„	79	„	4	сн.	курфирстинѣ	курфирсту
„	90	„	5	сн.	IIIa	t Va
„	173	„	4	св.	6-го окт.	26-го окт.



ЦѢНА 1 Р.

Сочиненія того же автора:

Борьба за Польскій Престолъ въ 1733 году. М. 1862.

Очеркъ Развитія Исторической Науки. М. 1866.

Лейбницъ и Его Вѣкъ Т. I. Спб. 1868.

Виллигизъ Архіепископъ Майнцскій. Историческій Очеркъ. М. 1869.